Н. П. ОГАНОВСКИЙ.

ОЧЕРКИ
ПО
экономической географии
С. С. С. Р.

(в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам).

Издание 2-е переработанное и обновленное.

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ"
Москва—1924

Главлит № 19274 Тираж 1500

Типография „Новая Деревня". Москва, 2-я Рыбинская, 3.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Больше трех лет прошло со времени окончания гражданской войны. В великой стране рабочих и крестьян царит ничем не нарушаемый гражданский мир. Диктатура пролетариата оказалась в состоянии установить такой полный, обеспечивающий нормальный ход хозяйственного строительства, внутренний порядок, о каком и не мечтают капиталистические страны.

Но революция не только создала предпосылки хозяйственного строительства, она создала и интерес к нему. Только с того момента, как пролетариат завоевал свое отечество, это отечество завоевало свой пролетариат. Хозяйственное строительство, ставшее в центре общественных интересов пролетариата, притом как практическая задача наших дней, неизбежно вызывает обостренный интерес к хозяйству, взятому в его конкретных, определяемых природными условиями, формах, следовательно, интерес к экономической географии нашей страны.

Этот интерес (к экономической географии) очень велик, потребность—у нашей пролетарской интеллигенции прежде всего — в серьезной книге по экономической географии нашего Союза очень острая, и, следовательно, попытка такую книгу дать отвечает вполне назревшей потребности.

Настоящее второе издание книги проф. Н. П. Огановского значительно пополнено и переработано по сравнению с первым. О первом издании мы в свое время писали: „Необходимо приветствовать попытку проф. Н. П. Огановского дать „Очерки по экономической географии РСФСР в связи с мировым хозяйством по новейшим статистическим материалам", как значится в заголовке. Вышедшая 1-я часть посвящена сельскому хозяйству.

На 15 печатных листах автор после вводных глав о предмете и задачах экономической географии, о мировом хозяйстве и народном хозяйстве России, рассматривает природные условия, население, колонизацию и переселение, землевладение и землепользование, общий ход с.-х. эволюции, земледелие, скотоводство, второстепенные с.-х. промыслы, внешнюю торговлю и, наконец, внутреннюю торговлю сел.-хоз. продуктами. Изложение концентрированное, но не сухое. Богатый, заканчивающийся 1921 годом, интересно и умело подобранный статистический материал, и в то же время нет излишнего нагромождения цифр".

В настоящем издании отсутствуют главы о внутренней и внешней торговле, но добавлены главы о лесном хозяйстве и, что необходимо особо поставить в заслугу автору, об окраинах СССР: о Туркестане, о Закавказской федерации и о Дальнем Востоке. Большинство прежних глав значительно расширены и пополнены свежим цифровым материалом, заканчивающимся 1923 г.

За протекший между появлением первого и второго издания год выявился начавшийся повсеместно лишь в истекшем 1923 г. под'ем

сельского хозяйства, казавшийся очень многим невозможным в виду громадных размеров опустошений за период 1914—1922 гг. Уничтожившая все крепостнические путы революция разбудила однако такие колоссальные творческие силы, что первый же, вслед за голодом 1922 г., год дал громадный под'ем сельского хозяйства. Настоящее второе издание отражает уже и этот под'ем в противоположность безотрадной картине все ускоряющегося падения сельского хозяйства, развернутой в первом издании.

Автор книги, проф. Н. П. Огановский, как справедливо было отмечено еще в предисловии издательства НКЗ „Новая Деревня" к первому изданию, не марксист. Поэтому перед пролетарским читателем этой книги будет стоять задача использовать громадный, интересный и важный, даваемый книгой, материал, не усваивая немарксистского, т.-е. непролетарского подхода к этому материалу. Эта задача облегчается тем, что в книге проф. Огановского — и это ее положительная сторона — на первый план выступает ее богатое фактическое содержание, описание нашей действительности. Проф. Огановский ставит себе задачей не полемику и даже не обоснование своих теоретических взглядов, а изложение предмета. Этот характер книги еще усилен в настоящем втором издании по сравнению с первым.

Но, разумеется, это обстоятельство лишь облегчает указанную выше задачу, но отнюдь не разрешает ее. Не имея возможности подвергнуть критическому рассмотрению с этой точки зрения (со стороны выявления непролетарского подхода к предмету) все богатое содержание книги, мы остановимся лишь на наиболее существенном пункте.

Ярче всего непролетарский подход к предмету проявляется у проф. Огановского в своеобразном весьма характерном дальтонизме *): в полном неумении видеть классы капиталистического общества наряду с ясным различением классов феодального общества. Крестьянство для проф. Огановского это—однородная трудовая масса.

Социальный корень этого представления совершенно определенный. Тенденция развития капитализма превращает капиталистическую буржуазию во все более безнадежное меньшинство. Победить в борьбе с крепостничеством крестьянская буржуазия (кулачество) может, лишь опираясь на массы, добившись выступления этих масс в общем строю с нею, больше того—под ее командой. Отсюда усиленное подчеркивание общности, отрицание всяких различий внутри крестьянства. В противоположность нетрудовым, не участвующим в производстве получателям ренты, крепостникам, крестьянская буржуазия усиленно подчеркивает свой трудовой характер, в противоположность феодальному презрению к труду—свою буржуазную связь с производством, в противоположность феодальному прожиганию жизни—свою хозяйственную деятельность. Иллюзии основной мелкобуржуазной массы крестьянства оказываются на руку интересам его буржуазного меньшинства.

Поэтому, независимо от суб'ективных намерений идеолога, такого рода представление (о крестьянстве как об однородной массе) делает такого идеолога выразителем иллюзий крестьянской мелкой буржуазии и интересов крестьянской буржуазии. В своей книге, как мы писали в нашем отзыве на первое издание ее, проф. Огановский развертывает „одно из любимейших положений наших народников—неудержимо, с не-

*) Цветовая слепота, неспособность различать известные цвета (напр., красный и синий или зеленый и желтый)..

умолимостью закона природы совершавшееся и до революции вытеснение нетрудового некрестьянского землевладения трудовым крестьянским". Это отождествление трудового и крестьянского, скрадывающее классовое расслоение самого крестьянства, является одной из неизбежно возникающих предреволюционных иллюзий мелкой буржуазии, иллюзий, сплачивающих всю крестьянскую массу в борьбе с феодальным землевладением и потому играющих и революционную роль и являющихся в то же время орудием обмана крестьянской бедноты и средних слоев крестьянства в руках крестьянской буржуазии (кулачества), орудием гегемонии крестьянской буржуазии над всей деревней, иллюзий, играющих вследствие этого и контр-революционную роль.

На стр. 79 проф. Огановский выдвигает это народническое положение в следующих выражениях: „В итоге двух указанных процессов—мобилизации земель и аренды, из 101,7 милл. десятин частновладельческих земель, бывших у них в момент реформы, в руках владельцев нетрудового типа (курсив автора—*Л. К*) осталось не более 49,1 милл. десятин; большая половина—52,6 милл. дес. перешла к крестьянам трудового типа (курсив мой—*Л. К.*) еще до революции. Революция только закончила идущий более медленным темпом процесс эволюции. Из всех категорий землевладения в России на первый план выступило окончательно трудовое крестьянство, обладавшее всего:

Надельным фондом	в 138,7 милл.	дес.
Купчим.	» 27,0 »	»
Арендным	» 35,0 »	»
Итого. .	201,4 милл.	дес.

На предыдущей странице (78-й) читаем: 1) „Дворянское землевладение после реформы подвергалось процессу беспрерывного, все возрастающего уничтожения... 2) За счет дворянского развивается в начале крупнобуржуазное купеческое землевладение, которое после 70-х годов вытесняется крестьянским... 3) Среди крестьян сначала преобладали более богатые единоличные, затем они уступили место трудовым крестьянам, покупающим обществами и товариществами. Наконец, измельчали и единоличные покупки. Итак, дворяне уступают свое место купцам, купцы—крестьянам, крупные собственники крестьяне—более мелким". „Средний размер единоличного крестьянского владения упал с 45 дес. в 1887 г. до 26 дес. в 1905 г.".

Предоставим, однако, слово для возражения самому проф. Огановскому. Дворянское землевладение, действительно, „подвергалось процессу беспрерывно все возрастающего уничтожения". Однако, (заметим в скобках, так как об этом проф. Огановский не упоминает) этот процесс уничтожения не только выражал распад феодального землевладения, но и скрадывал частичное перерождение феодального дворянского землевладения в буржуазное дворянское же землевладение, след. рост нетрудового буржуазного землевладения.

Крупнобуржуазное купеческое землевладение, по заявлению проф. Огановского на стр. 76, „возрастает (курсив мой—*Л. К.*) в дореформенную эпоху, но в быстро убывающей прогрессии". На той же странице приведены и абсолютные размеры прироста в десятинах. Подтверждением могут служить и данные, приводимые проф. Огановским на стр. 74. В руках купцов находилось:

в 1877 г. по 49 губ. 12,2% всей частновладельч. земли.
» 1887 г. 46 » 13,4% » »
» 1905 г. 50 » 16,6% »

Итак, как доказано проф. Огановским на стр. 74 и 76, крупнобуржуазное купеческое землевладение возрастало абсолютно и относительно с 1887 по 1905 гг., повидимому, быстрее, чем с 1877 по 1887 гг. Тем самым опровергается его утверждение на стр. 78, будто с 70-х годов купеческое землевладение вытеснялось крестьянским. В действительности, и купеческое и крестьянское (и, добавим мы, буржуазное дворянское) землевладение вытесняли дворянское феодальное землевладение *); в этом вытеснении последнего относительно все возрастала роль крестьянства, и только. Частное крестьянское землевладение расширялось за счет дворянского (феодального), а не за счет купеческого, которое не сокращалось, а расширялось.

Но дадим слово проф. Огановскому по третьему пункту о том, что крупные собственники-крестьяне уступают место мелким. В доказательство этого положения, проф. Огановский приводит (на стр. 77) понижение среднего размера единоличного крестьянского владения с 45 дес. в 1887 году до 26 дес. в 1905 г. Каков же результат этого процесса вытеснения крупных собственников крестьян мелкими? Полустраницей раньше проф. Огановский сообщает эти результаты: в 1905 г. у крестьян единоличных владельцев с владениями до 50 дес. земли было 32,2% земли, у крестьян с владениями свыше 50 дес.—67,8%, т.-е. б о л ь ш е $^2/_3$ всей крестьянской частновладельческой земли; при этом у крестьян, владевших каждый свыше 1.000 десятин земли, находилось 17,6% земли. Проф. Огановский так резюмирует эти данные о крестьянском частном землевладении: „Мелким единоличным владельцам в 1905 г. принадлежала только третья часть всей площади, четвертая часть средним и более двух пятых (43%) крупным". Судя по этим данным проф. Огановского, успехи вытеснения крупных крестьян мелкими были не очень блестящи. К тому же, вообще, данные об уменьшении среднего размера землевладения еще не говорят о вытеснении крупных крестьян мелкими. Мы можем и в этом пункте сослаться на авторитетное разъяснение проф. Огановского (на стр. 66): «Нужно принять во внимание тот факт, что дроблению хозяйственных территорий не всегда соответствует дробление с.-х. капитала». Мы к этому присоединяемся целиком.

Еще хуже обстоит дело с вытеснением единоличных собственников крестьян трудовыми крестьянами, покупающими обществами и товариществами. Мы снова предоставим слово проф. Огановскому (стр. 72, но не рецензируемой книги, а изданной в 1917 г. брошюры „Аграрная эволюция в России после 1905 г."). Там находим: % земли, купленной крестьянами у Крестьянского Банка и через посредников его, составлял:

---

*) Что крестьянское землевладение вытесняло именно ф е о д а л ь н о е дворянское землевладение, но не буржуазное дворянское землевладение об этом говорит и следующее заявление самого проф. Огановского: «С 1911 г. крестьянские покупки земли стали падать, отчасти потому, что остались более крепкие частновладельческие поместья, не намеренные продавать своих земель, а желавшие вести на них крупное хозяйство».

	Единолично	Общест. и товариществами.
1906 г.	1,6	97,4
1907	1,8	98,2
1908	14,9	85,1
1909	41,0	59,0
1910	55,8	44,2
1911	60,9	39,1

Нечего сказать, вытеснение единоличного владения обществами и товариществами выступает как нельзя более рельефно.

Перейдем, однако, к результатам всех этих процессов. Как получил проф. Огановский 201,4 милл. дес. земли у крестьян «трудового типа»?

Во-первых, зачислив за крестьянами «трудового типа» всю надельную землю всех крестьян полностью, в том числе и надельную землю крестьян, владельцев латифундий в тысячи и десятки тысяч десятин. Насколько равномерно была распределена земля, видно из того, что половина всей надельной земли была в руках одной шестой части крестьянских дворов (см. П. Месяцев „Земельная и с.-х. политика в России", стр. 10).

Во-вторых, зачислив за „крестьянами трудового типа" всю арендованную крестьянами землю. Но с распределением арендованной земли дело обстояло еще хуже: от 50 до 84% всей арендуемой земли находилось в руках одной пятой крестьянских дворов (см. Месяцев, там же, стр. 10). В частности внутринадельная аренда перемещала значительные количества крестьянской земли в руки крестьян, отнюдь „не трудового типа".

В третьих, зачислив за крестьянами „трудового типа" всю купленную товариществами и обществами землю, все единоличные крестьянские владения, имевшие в 1905 г. не свыше 50 десят. и всю без исключения купленную крестьянами после 1905 года землю, независимо от размеров покупки.

Таким-то образом, в результате всех этих исчислений оказалось, что у крестьян „трудового типа" в пользовании 201,4 милл. дес. земли, у крестьян „нетрудового типа" 8,9 милл. дес. земли, т.-е. только 4% всей находившейся в руках крестьян земельной площади; у всех „владельцев нетрудового типа" (кроме казны) 56 милл. дес. Между тем, насколько можно судить по имеющимся данным, около половины наемных с.-х. рабочих были заняты в крестьянских хозяйствах, следовательно, крестьянские хозяйства „нетрудового типа" были по площади, надо полагать, немногим меньше прочих нетрудовых хозяйств.

Проф. Огановский знает (см. стр. 77), что „общий сословный термин „крестьяне" обнимает частных владельцев, совершенно различных категорий. Между ними встречаются и хозяева парцелл в ½ дес. и латифундий в тысячи и десятки тысяч десятин". И тем не менее всю надельную, всю арендованную, всю купленную крестьянскими обществами и товариществами и всю купленную после 1905 года в единоличное владение землю он зачисляет за крестьянами „трудового типа". Так, крестьянин, владелец латифундии, становится „трудовым типом", с тем ограничением, что земля, единолично купленная им до 1905 года, в его „трудовое" землевладение не зачисляется.

Если крестьянская буржуазия размалевана под „трудовой“ цвет, то купцы землевладельцы были чистые спекулянты землей, и ни в коей мере не владельцы фабрик хлеба, мяса и т. п. В подтверждение проф. Огановский приводит такую табличку. На 100 дес. купленной купцами земли приходилось проданной ими же:

в 1863 — 8 гг.	12,9	в 1881 — 86 гг. . . .	55,0
» 1869 — 74 »	25,0	» 1887 — 92 »	62,2
» 1875 — 80 »	44 0	» 1893 — 98 » . . .	84.2

Приведя эти цифры, проф. Огановский пишет: „Спекулятивный характер купеческих покупок совершенно ясен из этого сопоставления“. Действительно, эти цифры создают впечатление, что земля все быстрее проходит через руки купцов: в начале как будто продают ^{1} в своей земли, затем $^5/_6$. Если однако сопоставить количество ежегодно продаваемой купцами земли с общим количеством всего их (возраставшего) землевладения, а не только с купленной ими за год землей, то окажется, что купцы продавали ежегодно, примерно, одно и то же количество земли, составляющее примерно одни и те же несколько процентов (3—4—5%) их землевладения.

Покупка земли крестьянами естественно стала приобретать крупные размеры позже, чем покупка земли купцами, но это об'ясняется не особенностями „трудового“ типа, а тем, что накопление капитала у крестьян (разумеется, не у всех) началось в широких размерах лишь после 1861 года, в то время как купцы уже в 1861 г. были при капиталах. Для выделения крестьянской буржуазии требовалось время.

Н. П. Огановский не сельский хозяин-крестьянин, а профессор. Но это нисколько не мешает ему отразить в своей книге сдвиг крестьянской идеологии, который он прекрасно формулирует (на стр. 258) в следующих словах: „До революции фокусом, на котором сосредоточивалось общественное внимание, являлись земельные отношения. Для последующей эры XX века основной осью экономической политики должно стать развитие рыночных отношений“ (курсив автора).

В этом вся крестьянская философия нашей революции. Если для пролетариата новая экономическая политика есть лишь новая форма его пролетарской экономической политики, то для основной массы крестьянства, буржуазного и мелко-буржуазного, развитие рыночных отношений не средство к достижению иной общественной цели, а самая цель.

Если земля, как общекрестьянский лозунг,*) была не только орудием великого исторического обмана крестьянской бедноты в руках крестьянской буржуазии*), но и орудием революционного сплочения крестьянства в борьбе с помещичьим дворянством, в руках которого земля была основным средством угнетения и эксплоатации, то рынок в качестве общекрестьянского лозунга уже исключительно орудие исторического обмана крестьянской бедноты, а в известной мере и середняков, в руках крестьянской буржуазии.

---

*) В действительности дело было не в приобретении земли, а в уничтожении феодальной эксплоатации, закрепленной материально в дореволюционном землевладении (землеустройстве). Отсюда основная задача революционного землеустройства уничтожение той земельной географии, в которой материализовалась феодальная эксплоатация, и перераспределение земли на новый мелко-буржуазный лад вместо старого феодального.

Аграрная революция, покончившая со всеми остатками феодализма, расчищает дорогу под'ему производительных сил сельского, теперь сплошь крестьянского, хозяйства. Но для каждого отдельного крестьянского хозяйства этого условия еще недостаточно для его под'ема. Необходимым условием последнего является наличие достаточных средств с.-х. производства. Если до войны и революции большая часть крестьян не располагала достаточными для ведения хозяйства средствами, если до революции лишь для меньшей части крестьян производство продуктов сельского хозяйства на рынок было основным их занятием, то теперь крестьяне, располагающие достаточными средствами с.-х. производства, занимающиеся и могущие заниматься производством с.-х. продуктов на рынок, в качестве основного своего занятия, составляют еще меньшую долю всего крестьянства, чем раньше. Или, как говорит проф. Огановский (стр. 82), „получилась дальнейшая и весьма значительная подвижка вниз (курсив автора) крестьянских хозяйств, которые, как мы видели, захватили в свои руки почти весь земельный фонд России".

Развитие рыночных отношений само по себе ничего не может дать значительной части крестьянства, лишенной достаточных средств с.-х. производства. Пополнить этот недостаток могут отдельные крестьяне, но не вся масса бедного крестьянства. Эта масса заинтересована в рынке продовольственных продуктов не как продавец их, а как покупатель,— как продавец, она заинтересована в другом товаре—в рабочей силе.

Под'ем жизненного уровня крестьянской бедноты связан не столько с восстановлением сельского хозяйства, сколько с восстановлением промышленности, включая сюда и лесные и строительные работы. И крестьянская беднота кровно заинтересована в том, чтобы под'ем промышленности происходил, как под'ем промышленности, находящейся в руках пролетариата, ибо только в этом случае этот под'ем будет не только под'емом промышленности, но и под'емом пролетариата (в частности его, а значит и ее жизненного уровня). Словом, крестьянская беднота имеет все основания рассматривать себя, не как мелко-буржуазных товаропроизводителей, для которых главное—это развитие рыночных отношений, а как пролетариат, стать на точку зрения пролетариата.

Поэтому превосходная по своей концентрированности формулировка проф. Огановского о смене тяги к земле тягой к рынку есть классовая формула буржуазного крестьянства, формула, при помощи которой крестьянская буржуазия попытается стать гегемоном над всей крестьянской массой. Поскольку развитие производительных сил сельского хозяйства России будет в ближайшем будущем происходить, по всем видимостям (преимущественно) в рамках мелко-буржуазных и буржуазных хозяйственных форм, постольку и до тех пор эта формула, для этих слоев крестьянства, прогрессивна. Она реакционна, поскольку она пытается стать общекрестьянским лозунгом и, следовательно, орудием одурачивания крестьянской бедноты и мобилизации ее вокруг и под командой крестьянской буржуазии".

Необходимо к этому добавить, что смена лозунга „земля" лозунгом „рынок" не только отражает пережитый после революции сдвиг, она является и теоретическим отступлением народничества перед марксизмом. Вот что писал по поводу лозунга „земля" тов. Ленин: „Мы не смотрим так, что крестьяне имеют мало земли, и им надо земли побольше. Это ходячий взгляд. Мы говорим, что помещичье землевладение есть основа гнета, который душит крестьянство и делает его отсталым.

Долой крепостничество,—вот постановка вопроса с точки зрения революционной классовой борьбы, а не тех чиновников, которые рассуждают, сколько земли у них и по каким нормам ее нужно разверстать". Достаточно сопоставить с этими словами тов. Ленина два следующих заявления проф. Огановского, одно до революции и другое после нее, чтобы видеть, чьи воззрения выдержали проверку истории. Первое: „Перед ними лежит один выход — расширение своего землевладения и землепользования... (Малоземельным) остается одно из двух: либо победить „в борьбе за землю", либо погибнуть" (см. Аграрная эволюция в России после 1905 года". Москва. 1917 г., стр. 5 и 19), и второе: „Не в этой микроскопической прибавке заключался главный положительный эффект революции для крестьян" („Эк. геогр." Москва, 1-е изд. стр. 81, 1923 г.).

В настоящем (втором) издании проф. Огановский внес в свое разобранное выше народническое построение известные коррективы, которые разрушили первоначальную цельность и тем подчеркнули несостоятельность этого построения, но по существу мало меняют дело. В этих своих поправках проф. Огановский лишает крестьян звания „трудового типа" и заменяет его другим „трудового и полутрудового (мелко-капиталистического) типа". Итак, отождествлять трудовое и крестьянское нельзя, эти понятия не покрывают друг друга, таков смысл этой поправки. Но в то же время проф. Огановский не разрушает своего построения, а сохраняет его и попрежнему противопоставляет владельцев нетрудового типа крестьянам; тем самым он, хотя и не в столь явной форме, как раньше, утверждает, что крестьяне это—владельцы типа, противоположного нетрудовому, т.-е. трудового.

Но это-то представление и должно быть решительно отброшено пролетарским читателем, так как как раз теперь под оболочкой „трудового" крестьянина снова все чаще попадаются волки в овечьей шкуре, использовывающие нужду массы крестьянства крестьяне-кулаки. А борьба с кулачеством требует прежде всего безжалостного уничтожения монотонного серого покрова представлений о „трудовом" крестьянстве, скрадывающего его действительное нарастающее расслоение и уничтожающего различие между „трудом" эксплоатации и трудом на эксплоататора.

Л. Крицман.

Очерки по экономической географии СССР.

(Сравнительно с иностранными государствами).

Введение. Предмет и задачи настоящих очерков.

Экономическая география—дисциплина совсем молодая, начинающая формироваться только в XX веке. Поэтому, ни об'екты исследования этой дисциплины, ни самые методы их изучения не установлены с достаточной отчетливостью. В большинстве случаев курсы экономической географии дают лишь простое описание современных фактов хозяйственной жизни, не задаваясь целью выяснить их закономерную причино-зависимость. Нужно признать, что авторы этих курсов поступают вполне благоразумно и осторожно, ибо, во-1-х, об'екты изучения экономической географии слишком громадны и многосложны, во-2-х, методы хозяйственно-географического анализа настолько еще не установлены, что уловить основные законы развития изучаемых процессов в нашей науке представляется задачей, разрешение которой доступно лишь гениальному уму или большому многолетнему коллективному труду ряда научных работников.

Об'ектами изучения экономической географии являются:

1. Мировое хозяйство, как результат экономических взаимоотношений отдельных национальных хозяйств;

2. Народное хозяйство, как совокупность отдельных областных или районных хозяйств данной страны.

И мировое, и народное хозяйство, как целостные хозяйственные организмы, начинают складываться лишь с конца XIX столетия, с момента гигантского развития мирового транспорта, создавшего современную связанность стран и рынков между собою и в результате этой связанности—известное разделение труда между ними. Поэтому формы строения этих организмов, находящихся еще в зачаточном состоянии рыхлы, неустойчивы, постоянно модифицируются. Пережитая только-что война, которая произвела грандиозные перемещения в структуре мирового хозяйства, достаточно ясно показала, насколько трудно уловить закономерный ход его эволюции. В России к войне прибавилась рево-

люция, разрушившая не только старый политический строй, но в значительной степени и тот экономический базис, на котором этот строй держался—базис централизации экономической власти. Переход от централизма к федерализму, намеченный в государственном строении Российской Республики, не может не отразиться и на хозяйственной структуре нашей страны в ближайшем будущем.

С другой стороны и самые методы изучения мирового и народного хозяйства еще далеко не оформились. В основу экономической географии обычно кладется индуктивно-статистический метод, для которого в XX веке уже находится достаточное количество материалов в хозяйственной статистике стран, втянутых в мировой товарооборот. Но статистика все же не в состоянии уловить и оформить в количественных выражениях ряд элементов, необходимых для нашей дисциплины. К таким элементам принадлежат физико-географические и естественно-исторические условия, в которых происходит и от которых в весьма сильной степени зависит структура мирового и народного хозяйства, национально-бытовой уклад рас и племен, населяющих разные страны и области; наконец, политическая среда, в рамках которой происходит хозяйственная деятельность в различных государствах.

Между тем, чтобы понять и определить структуру мирового и народно-хозяйственного организма, экономист-географ обязан ввести в систему своего анализа и эти элементы. Таким образом, если основным методом хозяйственно-географического анализа должна явиться чистая индукция, то, во всяком случае, индуктивный метод приходится применять далеко не в одной статистической форме.

Предложенное нами сейчас определение об'ектов и методов исследования в экономической географии, как мы сказали, далеко не является общепризнанным.

К нашей точке зрения, отчасти, подходит Швиттау, который дает такое определение: „Экономическая география имеет задачей изучение современного состояния хозяйства народов земного шара, или мирового хозяйства как во всем его целом, так и по отдельным хозяйственно-географическим его районам. Отсюда основной задачей экономической географии является: 1)—построение мирового хозяйства, как одного целого (общая часть), 2)—установление взаимоотношений между отдельными хозяйственными районами, как его составными частями, и описание их (специальная часть). [1])

У Швиттау на первый план выдвигается анализ мирового хозяйства, как целого и хозяйственных районов, как составных его частей. По его мнению, „разрозненные и единичные данные (о хозяйственной жизни - Н. О.) могут иметь смысл и значение только тогда, когда они

[1]) См. Швиттау. „Экономическая география в общей системе экономических наук" Ленинград 1916 г. (Оттиск из Ж. М. Нар. Прос.)

об'единяются одной общей идеей" а именно-идеей мирового хозяйства. Иначе говоря, он сосредоточивает свое внимание не на описании отдельных элементов народного и мирового хозяйства, а на взаимоотношении этих элементов в мировом хозяйстве, и тем самым превращает экономическую географию из конкретной описательной дисциплины в номографическую науку, т. е. в науку, устанавливающую те или иные общие формулы, общие законы.

Еще дальше его идет из новейших русских авторов проф. Чаянов, полагающий, что основной задачей экономической географии является: „найти формулу, в которой происходит установление равновесия между плотностью населения, положением района в отношении рынка и его естественно-историческими особенностями". [1])

Таким образом, проф. Чаянов думает, что исследователи в экономической географии должны сосредоточить свое внимание на отыскании обобщающих формулировок закона взаимоотношений между естественно-историческими и экономическими явлениями в их географическом расположении.

Другие русские исследователи, наоборот, полагают, что экономическая география должна оставаться простой „идиографической" дисциплиной, описывающей конкретные факты мирового и народных хозяйств в пространстве. Так, проф. В. Э. Ден в своем труде говорит: „экономическая география ставит себе целью изучение современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни в их географическом распространении, а также тех физических и культурных условий, которые так или иначе влияют на каждую из этих отраслей".

Хозяйственная география является как бы дополнением к хозяйственной истории: последняя изучает хозяйственную жизнь в прошлом,— первая—в настоящем [2]). Однако, следует отметить, что и сам проф. Ден находит нужным сделать к своему определению два добавления: во-первых, он заявляет, что „экономическая география должна сосредоточить свое внимание не только на фактах, встречающихся в действительной жизни, но и на тех формах, в которые эти факты выливаются [3]): она должна выяснить, какие формы существуют в различных отраслях хозяйственной жизни, и нет ли в этом существовании известной закономерности". Во-вторых, в виду того, что хозяйственная жизнь находится в процессе постоянного изменения—„часто нельзя обойтись без того, чтобы дать экономической географии истори-

---

[1]) См. Труды Высшего Семинария с. х. экономии и политики Гос.-изд. Статья „Номографические элементы экономической географии".

[2]) Проф. В. Э. Ден. „Очерки по экономической географии". Часть I. „Сельское хозяйство", Ленинград 1908 г. стр. 4.

[3]) Напр., в области аграрных отношений, по его мнению, важно установить формы и размеры землевладения и хозяйства (трудовое, капиталистическое и т. д.) господствующие в данной стране.

ческую постановку. Если мы оторвем то, что есть, от того, что было, то нередко отрежем себе путь к пониманию".

Таким образом, сам проф. Ден не находит возможным ограничиться в экономической географии простым бессвязным, несистематизированным и не освещаемым историческим анализом изложением фактов современной хозяйственной жизни человечества. Он требует связанного логически изложения этих фактов в пространстве и во времени. Для настоящего момента это требование должно быть признано тем более обязательным, что анализ современного положения мирового и народного хозяйства представляет далеко не один теоретически-научный интерес: такой анализ является самой жгучей потребностью и для современных государственных и общественных деятелей не только на верхах, но и в низах, ибо каждый работник на ниве народной должен сейчас создавать те или иные хозяйственные планы, которые самым тесным образом переплетаются с экономической кон'юнктурой страны, а эта кон'юнктура, в свою очередь, неразрывными нитями связана с хозяйственными отношениями всего мира. Отсюда так широко распространившиеся, вошедшие, так сказать, в моду у нас за последнее время, попытки самого разнообразного районирования России, которые практикуются не только и не столько в кабинетах ученых, сколько в канцеляриях экономических ведомств и в бюро новых общественных и кооперативных организаций. Проблема районирования России стала самой необходимой рабочей проблемой для всех государственных и общественных органов, имеющих какую-либо связь с хозяйственными отношениями внутри России. В то же время для органов, прикосновенных к внешним экономическим отношениям нашей родины, стало настолько же обязательным тщательное изучение мирового хозяйства, переживающего сейчас период грандиозной перестройки. Научная и жизненная практическая работа над проблемами экономической географии самым тесным образом переплелись между собою и поэтому доступная для нас при настоящем состоянии этой дисциплины пространственная и временная систематизация фактов современной экономической действительности является обязательной.

В последнее время проф. Коган-Бернштейн в своих „Очерках экономической географии" (Москва. 1922 г.) дает совершенно новое определение этой дисциплины. Подобно тому, как в чистой географии, теперь выдвигается идея, так называемого, „ландшафта", т. е. изучения взаимных группировок людей, животных, растений, форм рельефа и т. п. на земле, так в экономической географии С. В. Коган-Бернштейн главным об'ектом изучения считает „экономический район". Экономическая география, по его мнению, должна изучать экономическую жизнь той или иной части земной поверхности в целом, во взаимодействии таких территорий (экономических районов) друг на друга. Короче говоря, „экономическая география есть наука об экономических районах

и их взаимодействии". (Очерки стр. 14) С. В. Коган-Бернштейн отрицательно относится к попыткам отыскания „законов" или общих причино-зависимостей в стиле Тюнена или А. Вебера, или даже нашего А. Н. Челинцева, старавшегося установить причинную связь между сельско-хозяйственными районами, которые он рассматривает, как стадии экономической эволюции—и плотностью земледельческого населения. Изучать такие причино-зависимости—по его мнению—не дело экономической географии. Следовательно, он отрицает за нашей дисциплиной номографический характер: он допускает номографический момент только при типизации экономических районов. Однако, во 1) для того, чтобы определить экономический тип данного района, надо установить его место в классификации районов, а это без обобщающих формулировок понятия мирового и народного хозяйства сделать нельзя; во 2)—он сам указывает, что правильное изучение экономического района, в противоположность изучению ландшафта в чистой географии, без анализа экономического взаимодействия одних районов на другие невозможно. А это взаимодействие и составляет сущность мирового и народного хозяйства. „Процесс взаимодействия экономических районов выливается при современных путях сообщения в форму географического разделения труда между ними". Это его собственные слова (стр. 16) Иначе говоря, хозяйственный тип того или другого района есть результат того или иного воздействия на него мирового и народного хозяйства. Наконец, он игнорирует тот факт, что почти каждое более или менее значительное государство есть в настоящее время комплекс разнородных экономических районов, и в дальнейшем изложении он (см. стр. 21—22) путает понятие района и государства, говоря о районах—государствах промышленных, аграрных, смешанного типа и т. д., хотя в каждом из таких государств можно найти районы специально промышленные и преимущественно аграрные.

Вот почему мы полагаем, что точка зрения С. В. Коган-Бернштейна не выдержана им самим, и экономическая география в настоящее время должна быть посвящена не столько, хотя бы, типической характеристике отдельных районов, из которых слагается национальное хозяйство более или менее значительных стран, сколько анализу экономического взаимодействия районов в народном хозяйстве и национальных хозяйств—в хозяйстве мировом.

Исходя из такого понимания, мы намечаем себе следующие основные задачи настоящих очерков.

Как видно из заглавия, очерки посвящаются географическому анализу хозяйственной жизни России по отдельным отраслям и сравнительно с положением мирового хозяйства. При этом анализе автор ставит своей задачей не только дать известную систематизацию фактов современной действительности, но и раскрыть некоторые исторические перспективы их, для каковой цели он намерен дать изложение факти-

ческого материала, относящегося к хозяйственной эволюции, происходящей на протяжении XX века. Таким образом, автор предполагает применить в настоящих очерках метод индуктивного историко-географического анализа. Первая часть посвящается сельскому и лесному хозяйству; характеристика других отраслей промышленности и транспорта будет затрагиваться лишь постольку, поскольку без них невозможно дать отчетливое представление о тех или иных явлениях в сельском хозяйстве. В основу изложения кладется предметное деление: каждый очерк посвящается особому вопросу или особой проблеме сельского хозяйства. В первой главе автор намерен выяснить сущность проблем мирового и народного хозяйства в их современной постановке; далее мы намерены дать краткое изложение физико-географической среды, в которой протекает хозяйственная жизнь в России; следующие очерки будут посвящены проблемам населения и колонизации; затем пойдут главы, относящиеся исключительно к земельным и сельскохозяйственным вопросам: о землевладении и землепользовании, землеустроительном деле, земледелии, скотоводстве; наконец, в последних главах автор касается второстепенных с.-хоз. промыслов (огородничества, садоводства и др.), охоты и рыболовства и в особой главе — лесного хозяйства. Насколько позволят материалы, автор намерен довести изложение фактов современности до 1922—23 г.

ГЛАВА I

Характеристика мирового хозяйства.

§ 1. Общие данные. Эволюция мирового хозяйства до войны.

Как вытекает из вышеизложенного, разрешение проблемы мирового хозяйства еще впереди. Здесь мы можем дать лишь краткое изложение ее сущности, поскольку это необходимо для дальнейших очерков.

Мировое хозяйство возникает на основе обмена между различными странами, связанными нитями преимущественно парового транспорта. Правда, и до появления парового транспорта, со времени глубокой древности происходил мировой товарообмен, но он, в большинстве случаев, не доходил до таких размеров, чтобы мог создавать ныне существующее разделение труда, когда каждая страна, связанная более или менее тесно с мировым хозяйством, стремится производить те продукты, которые ей наиболее выгодно поставлять на международный рынок. Поэтому, началом организации мирового хозяйства можно считать момент развития парового транспорта

Проф. Исаев отмечает три основные вида мирового обмена: 1) передвижение людей, 2) продуктов и товаров, 3) капиталов[1]). Хронологически эти три вида обмена возникают в том же последовательном порядке. Раньше всего начинается передвижение людей из густо-населенных стран Европы в редко населенные, лежащие за океаном. Эмиграция из Европы служит необходимой предпосылкой втягивания в мировое хозяйство и таких густо-населенных стран, как Индия и Китай, ибо европейские эмигранты являются тем организационным ферментом, без которого не может произойти перестроение народного хозяйства этих стран сообразно с требованиями мирового рынка.

На протяжении XIX столетия с 1815 до 1907 г. из Великобритании и Ирландии выселилось 17.600.000 эмигрантов. Большая часть их переселилась в Соединенные Штаты. С 1821 по 1900 гг. из 17,5 миллионов европейских эмигрантов в Соединенные Штаты 7,1 милл. явились из Великобритании. На втором месте стоит Германия, давшая за этот период 5,1 миллионов колонистов. Дальше волны эмиграции прокатываются на юг, захватывая Италию и на восток—в славянские области Австро-Венгрии, а с конца XIX века в Россию, откуда, согласно переписи 1910 г, оказалось 1.6 миллионов эмигрантов, родившихся вне Соединеных Штатов.

---

[1]) См. А. А. Исаев «Мировое Хозяйство». Ленинград, 1910 г. гл. II «Развитие мирового хозяйства».

Когда европейская колонизация заокеанских стран достигает известного уровня, между ними и Европой развивается обмен товарами и продуктами; одновременно усиливается товарообмен и между европейскими странами. Этот товарообмен, как мы сейчас сказали, находится в непосредственной связи с развитием парового транспорта. Длина жел.-дор. сети во всем мире составила:

в 1850 г.	38.600	километров.
„ 1880 г.	372.000	„
„ конце 1890-х годов	617.285	„
„ „ 1913 г.	1.104.217	„

Чем ближе к нашему времени, тем длина железных дорог в абсолютных числах возрастает все быстрее.

Но железнодорожный транспорт имеет большое значение для торговых сношений внутри отдельных стран, втянутых в мировое хозяйство. Непосредственной базой для развития внешней торговли является морской транспорт, т. к. морской фрахт (стоимость провоза) обходится гораздо дешевле, чем по железной дороге. Морские фрахты часто оплачиваются ниже $^1/_{360}$ коп. с пудо-версты, тогда как железнодорожные почти не опускаются ниже $^1/_{128}$ коп. с пудо-версты, т.-е. в 4 раза дороже. Также дешевы и речные фрахты, которые, например, в Германии ниже железнодорожных в 9 раз. Сравнительная легкость и дешевизна провоза грузов по морю еще до появления парового транспорта, выдвигают на первое место в мировом хозяйстве страны, лежащие на берегу океанов и больших морей с более или менее обширной береговой линией. Таковы были в древности—Греция, Рим, Карфаген, Финикия, в средние века—Испания, Португалия, Нидерланды, Франция, затем Англия и, наконец, Соединенные Штаты и Япония. Только Германия представляет, в этом отношении некоторое исключение: но во 1), она старательно использовала свою обширную систему речных путей, дополнив ее внутренними каналами, во 2), она все же остро чувствовала недостаток открытого выхода в океан, и в целях, которые она себе поставила во время мировой войны, стояло на первом месте завоевание берега в Атлантическом океане.

Рост парового транспорта на море и в реках виден из следующих цифр:

	1903 г.		Июль 1914 г.
	Число пароходов.	Вместимость (в тыс. тонн)	Вместимость пароходов свыше 100 тонн кажд. (в тыс. тон.)
Англия с колониями	16448	10839	21045
Соединен. Штаты	10150	4279	5368
Германия	1922	2257	5459
Япония	2139	1116	1708
Франция	1554	740	2319
Во всем мире	40060	24390	49090

За 11 лет Англия удвоила свой паровой флот, Германия увеличила его в $2^1/_2$ раза, Франция в 3 раза, а Япония и Соединен. Штаты до войны отставали от других стран.

Паровой транспорт и каналы ускорили провоз грузов по морю и сократили расстояния. Колумб плыл в Америку 70 дней, первый пароход „Саванна“ 26 дней, а современные пароходы совершают этот рейс в 5—$5^1/_2$ дней. Путь из Европы в Индию в XVII веке требовал 5—7 месяцев, теперь (из Лондона в Бомбей) 24—25 дней. Суэцкий канал сократил путь от Лондона до Иокагамы (в Японию) на 6645 километров ($24^1{}_2$%), от Гамбурга до Бомбея на 8899 километров (42,8%). Панамский канал уменьшил расстояние от Гамбурга до Сан-Франциско на 10.000 килом. (40%) и т. д.

Развитие парового транспорта чрезвычайно удешевило стоимость грузопровоза. Так фрахт на пшеницу из Одессы в Англию составлял в 1870 гг. 28 коп. с пуда, в 90-х гг.—8 коп., а перед войной—6 коп. Понижение стоимости провоза пшеницы из западных хлебородных штатов Америки в Англию по железным дорогам и морем с 1860 до 1890 г. достигло, в общей сложности, 44 коп. с пуда или 80% прежней стоимости. В результате удешевления перевозок в 4—5 раз, происходит прослеженная еще в 1880-х гг. де-Фовиллем нивеллировка цен, главным образом, на сельско-хозяйственные продукты. Де-Фовилль говорит: „Тенденция цен к нивеллировке наблюдается повсюду, где проникают современные средства сообщения; и если сравнивать в этом отношении настоящее с недавним прошлым, приходится констатировать большие различия“. Цены на пшеницу в хлебных штатах Америки, в Одессе и в Англии, которая была главным хлебным рынком мира, изменялись следующим образом:[1])

Годы.	Штат Миннезота (Амер.).	Англия.	Разница.	Годы.	Одесса.	Англия.	Разница
	(коп. золотом с пуда).						
1871—74 г. . .	57,0	131,0	74,0	1872 г. . . .	106,0	159,0	53,0
1875—78 » . .	56,7	111,8	55,1	1895 » . . .	66,1	81,2	15,1
1873—82 » . .	71,9	102,6	30,7	1896 » . . .	78,0	93,0	14,4
1883—86 » . .	50,1	81,1	31,0				
1887—98 » . .	57,2	72,4	15,2				
1891—99 » . .	48,4	67,0	18,0				

Разница цен между Америкой и Англией сократилась с 74 коп. за пуд до 15—18 коп., между Одессой и Англией—с 53 коп. до 14 коп. за 20 лет конца XIX века. Под влиянием усиленной распашки на западе Америки и на юге России и вовлечения в мировой оборот огромных количеств хлеба в этот период цены на зерно падали, но на местах производства—гораздо менее значительно, чем в промышленных центрах—центрах потребления хлеба. Понижение цен на хлеб на 67% в Англии способствовало развитию ее промышленности и создавало

[1]) См. К. Ц. Загорский: «Экономика транспорта».

быстрое увеличение городского потребляющего населения. А развитие индустрии и городов, потребляющих привозный хлеб, в XX веке создало обратное явление: рост мировых хлебных цен, которые поднялись с 1890 гг. до 1912 г. в России на 39%, в Соедин. Штатах на 32%, тогда как в Англии только на 29%, в Германии на 28%. Повышение цен в странах производящих хлеб, вызвало дальнейшее расширение посевов, а дальнейшая нивеллировка цен уменьшала их под'ем в потребляющих странах, где цены на продукты промышленности росли быстрее, чем на хлеб (в Англии на 43%), что, в свою очередь, способствовало развитию индустрии.

Таким образом, развитие парового транспорта и создаваемая им нивеллировка цен способствовали под'ему промышленности в странах индустриальных с преобладающим городским населением и расширению земледелия в странах, производящих хлеб в избытке, т. е. содействовали общему под'ему народного хозяйства во всем мире.

Параллельно с ростом промышленности и сельского хозяйства, возрастает и мировая торговля. В 1850-х гг. внешняя торговля главных стран составляла сумму около 8 миллиардов рублей, в 1880-х гг. - 29 миллиардов - около 60 миллиардов немецких марок, в XX столетии она росла таким образом: [1])

ГОДЫ.	(В миллиардах золотых немецких марок)							
	Общая сумма.	Доля участия отдельных стран в %%.						
		Великобритания.	Германия.	Соед. Штаты	Франция.	Голландия	Бельгия.	Россия
1904 г.	105,0	28,3	11,7	9,8	8,7	7,9	6,3	3,4
1906 г.	124,7	27,3	12,5	10,0	9,0	6,3	7,3	2,8
1908 г.	121,3	27,1	12,3	10,3	8,9	6,8	6,4	3,0
1910 г.	146,9	27,2	12,0	9,4	9,4	6,8	6,7	3,8
1912 г.	169,1	27,4	12,6	9,6	8,8	6,8	6,5	3,4

Развитие мирового товарообмена углубляет и дифференцирует народное хозяйство отдельных стран. Происходит международное разделение труда, при чем все страны, входящие в мировое хозяйство, делятся, прежде всего, на страны промышленные, страны-города, и сельско-хозяйственные страны-деревня. В Западной Европе типичный образец промышленной страны представляет Англия, поставляющая в свои огромные колонии фабричные товары и сократившая до минимума во второй половине XIX века свое сельско-хозяйственное производство. Вслед за ней идет Бельгия, затем Германия. Во всех этих странах развитие индустрии оставляет за собой сельско-хозяйственную эволюцию. Страны преимущественно земледельческие лежат либо на континенте Европы и

[1]) См. В. Э. Ден: «Положение России в мировом хозяйстве». Ленинград. 1922 г. Стр. 26—28.

Азии, где население их довольно густо, либо за океаном, где земельный простор дает возможность быстрого развития сельского хозяйства

Но в общем мировом масштабе эволюция индустрии происходит быстрее, чем сельско-хозяйственная. Так, например, мировое производство основных элементов тяжелой индустрии — топлива, чугуна и меди росло следующим образом.

	Производство каменного угля	Производство чугуна.	Производство меди.
	В миллион. тонн.		В тысяч тонн.
В 1850 г.	83	5	52
» 1875—80 г.г. . .	344	14	156
» 1911—12 г.г. . . .	1165	65	1019

В то же время, мировое производство зерновых продуктов с 1895 года до 1912 увеличилось всего лишь с 15 миллиардов пудов до 22 миллиардов [1]). Сельское хозяйство отстает от индустрии в силу того факта, что, кроме человеческого труда, земледельческая продукция зависит пока от роли природных факторов, воздействие человека на которые ограничено. Ограничен, например, запас удобных земель, доступных земледелию без предварительных мелиораций; поэтому посевные площади пшеницы выросли во всем мире за 1901—12 г.г. только с 47 милл десятин до 60 миллионов. Ограничено и естественное плодородие почвы. А современное промышленное производство зависит почти целиком от человека — его труда, разума и воли; во всяком случае, запасы природных благ, необходимых индустрии, неисчерпаемы еще в течение веков.

Более быстрый рост хозяйственной эволюции в промышленных странах повышает народный доход их населения. На одну душу обоего пола народного дохода приходилось (в 1913 г.):

В Англии	463 рубля.
„ Франции	355 „
„ Германии	292 „
„ России	101 „

Еще меньше, чем в России, народный доход в Индии и Китае. Накопляя, благодаря высокому доходу большие капиталы, которые уже не могут поместиться в предприятиях на их родине, промышленные страны начинают их экспортировать за границу. Англия вывезла за границу до 1915 года капитал около 40 миллиардов рублей, Германия 16 миллиард. Франция—15. Убыстренный рост доходов и накопление капитала, часть которых переливает через край, дает возможность промышленным странам эксплоатировать земледельческие, в особенности те, которые являются колониями индустриальных держав. Этой эксплоатации избегают лишь молодые заокеанские страны, в которых происходит одновременное поступательное развитие сельского хозяйства и индустрии. Типичный образец таких стран с двусторонней хозяйственной эволюцией представляют Соединенные Штаты, в которых народный доход является максимальным (в 1913 г. — 500 руб. на душу).

До войны, в XX веке мы наблюдаем во всех главных странах убыстренный рост промышленности, перебрасывающийся на континенте Ев-

[1]) См. Мукосеев «Повышение товарных цен».

ропы и Азии с запада на восток, где он захватил Россию, Японию, а в последнее время Индию и Китай. На американском континенте происходил экспорт промышленного капитала с севера на юг, из Соединенных Штатов в Южную Америку; Англия, Франция, Бельгия и Голландия экспортировали финансовый и промышленный капитал в свои колонии и на восток и т. д. „Экспорт капитала“,—говорит Гильфердинг,—„в особенности с той поры, когда он стал вывозиться в форме промышленного и финансового капитала, колоссально ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и столь же ускоряет вовлечение всего земного шара в сферу капитализма“ [1]). При этом, возникающие на экспортированный капитал предприятия отличаются своей величиной и технически совершенной конструкцией, благодаря чему, как бы ни была отсталой индустрия данной страны,—она сразу переносится в фазис современного крупно-капиталистического производства. Так было, например, в России и Японии.

Общий рост мирового хозяйства в начале XX века характеризуется такими цифрами:

За период 1900—1910 г. увеличились: [2])

Длина мировой железнодорожной сети.	на 27,5%
Вместимость торгового флота.	„ 44,3%
Внешняя торговля 12 крупнейших стран	„ 52,1%
Мировое производство меди	„ 75,9%
„ „ угля	„ 49,4%
„ „ чугуна.	„ 67,1%
Посевн. пл. пшеницы в главн. произв. странах . .	„ 28,7%
Мировые запасы золота	„ 20-25%

Отсюда следует, что в XX веке в мировом хозяйстве торговый флот растет быстрее железнодорожной сети, а индустрия—быстрее сельского хозяйства.

§ 2. Разделение народно-хозяйственного труда между странами.

Из предыдущего изложения видно, что развитие мирового хозяйства порождает разделение труда между странами. Каждая страна специализируется на определенных, наиболее выгодных для нее отраслях народного хозяйства. Все страны, по своему хозяйственному типу, могут быть разделены на а) промышленные, б) сельско-хозяйственные, в) смешанные—аграрно-индустриальные, где сельское хозяйство и промышленность находятся более или менее в равновесии и развиваются параллельно.

Сельско-хозяйственные страны по видам производимых преимущественно продуктов могут быть, в свою очередь, разделены на группы: из этих групп наиболее важны группы земледельческие и скотоводческие, на которые делятся страны умеренного климата и на тропические и субтропические, поставляющие для мирового хозяйства чай, кофе, рис, тростниковый сахар, пряности и техническое сырье—хлопок, каучук, ценные породы дерева и т. п. Все эти деления,

---

[1]) Гильфердинг: «Финансовый капитал».
[2]) В. Я. Мукосеев «Повышение товарн. цен». Ленинград, 1914 г.

однако, носят временный характер, ибо хозяйственный тип каждой страны меняется в зависимости от изменения основных факторов, влияющих на хозяйственную жизнь. Такими факторами для стран сельскохозяйственного типа являются, прежде всего, рост и густота населения, заставляющие переходить от экстенсивного скотоводства к земледелию, а для всех вообще стран, втянутых в мировое хозяйство—усиление в них индустриализма, под влиянием возрастания капиталов в промышленных странах и перетекания их в страны сельско-хозяйственные. Главнейшие из чисто промышленных стран находятся на западе и в центре Европы: они названы выше. (Англия, Германия, Бельгия). Смешанными аграрно-индустриальными в Европе могут считаться три страны старой латинской культуры — Франция, Италия и Испания, где климат и почва способствуют развитию земледелия, а сравнительно богатые недра—промышленности. Аграрно-индустриальными являются также страны севера Европы: Голландия, Дания, Швеция, Норвегия и маленькая Швейцария в центре. Но самый яркий образец страны двустороннего хозяйственного типа—Соединенные Штаты Америки, где огромные естественные богатства: обилие земель, лесов и ископаемых — дали возможность не только избегнуть европейской эксплоатации до войны, но и занять после войны доминирующее положение в мировом хозяйстве Это — очевидное доказательство того факта, что двустороннее хозяйственное развитие дает много преимуществ той стране, в которой оно возможно. А оно более всего возможно по природным условиям, после Соединенных Штатов — в России, страдающей только недостатками береговой линии.

Япония, употребляющая в XX веке гигантские усилия, стремясь превратиться в аграрно-индустриальную страну, все-же, по главным занятиям своего населения, должна быть причислена к группе преимущественно земледельческих стран. Еще более земледельческими странами являются три великие державы, занимающие территорию центра, юга и востока материка Евр-азии: Россия, Индия, Китай, в которых до войны было сосредоточено около 900 миллионов—почти $^3/_5$ всего населения земного шара. В Европе к земледельческим могут быть причислены большинство стран Балканского полуострова — Болгария, Сербия, Греция, Румыния и лежащие к северу от них Венгрия и Галиция. В Азии, кроме Индии и Китая — Турция, Мессопотамия, в Африке — Египет, в Америке — Канада, Бразилия и ряд мелких республик.

Страны, где на первое место выдвигается скотоводство, лежат: в Америке—Аргентина, Урагвай, в Африке — Южно-Африканский союз (Оранжевая республика, Трансвааль), затем Австралия и Новая Зеландия. Это — страны молодой с.-х. культуры. В Азии же сохраняют скотоводческий характер страны, имевшие некогда весьма большое значение в мировой истории: Монголия, Аравия и наши Киргизские степи.

Тропические и субтропические земледельческие страны одновременно являются странами специальных культур, занявших видное место в мировом хозяйстве с конца XIX века. Так, Бразилия стала главным поставщиком кофе и вывоз его оттуда вырос с 2 миллионов мешков (по 60 килограмм) в 1860 г. до 8,7 миллионов мешков в 1890 гг. и до 10—15 миллионов мешков в 1907—11 гг. Главной „монокультурой“ в мировом товарообороте является хлопок, центр производства которого—13 южных штатов великой Американской республики, где сосредоточивалось 54,1% мирового производства (в 1909—13 г. 28,3 миллионов квинталов

из общего количества в 52,1 милл. кв.) [1]). Следующий по размерам хлопководства район на юге Китая (9,6 милл. квинталов — 18,4%), третий — Египет (3,1 милл. — 6%), четвертый—наш Туркестан и Закавказье — (1,3 милл. квинт — 2,5%).

Китай, Ост-Индия и Цейлон монополизировали чайную культуру. Экспорт чая из Индии и Цейлона увеличился с 20 милл. фунтов в 1870-х гг. до 600 милл. в 1910 г. индийский чай, по мировому значению, далеко обогнал китайский.

Мировое производство тростникового сахара достигло в 1913—14 г. 9,8 милл. тонн, сконцентрировавшись на островах Кубе, Яве, Гавайских и в Британской Индии. В этих 4-х районах производилось 6,7 милл. тонн. Производство тростникового сахара утроилось в течение 30 лет.

Наконец, в ряду тропических монокультур приобретают все большее значение—какао и каучук. Экспорт какао вырос с 82 тыс. тонн в 1900 г. до 216 тыс. в 1912 г., сконцентрировавшись в некоторых районах Южной Америки и Африки: каучук монополизировался на Малайских островах и в Голландской Индии, где под каучуковыми плантациями оказалось 3 милл. акров на 3,3 милл. — во всем мире. Мировое производство плантационного каучука дошло с 500 тонн в 1906 г. до 304.800 тонн в 1920 году. Благодаря развитию автомобильного дела каучуковые плантации в последнее время разростались быстрее всех остальных видов тропических растений.

Таково, в общих чертах, деление стран по хозяйственным типам во всем мире. Оно, до известной степени, совпадает с определенным географическим положением их. Так, чисто индустриальные страны расположены на западе и в центре Европы,—там где наиболее изрезана береговая линия, и откуда удобен путь во все концы мира; старые аграрно-индустриальные страны в Европе занимают северные и южные окраины; принадлежащая к тому же типу Северо-Американская республика Соед. Штатов опоясывает весь континент с востока на запад. Далее, земледельческие страны, начинаясь небольшими оазисами в центре и на юго-востоке Европы и на севере Африки, охватывают затем сплошным массивом восточную Европу и почти всю Азию; только в центральных степях и пустынях последней сохраняется древнее скотоводческое хозяйство. Скотоводство доминирует также в пустынях Австралии и в Южно-Американских степях. Наконец, на берегах Индийского океана и на экваториальных островах Тихого и Атлантического океанов, мы встречаем страны, специализировавшиеся за последнее время на доходных монокультурах тропиков и субтропиков. В общем итоге перед войной в 1913—14 гг. пространство и население в более значительных странах мира распределялось по хозяйственным типам следующим образом:

	Пространство		Население	
	милл. кв. в.	в %%	милл. жит.	в %%
В 4-х индустриальных странах (с Австрией).	0,9	1,2	146,8	9,7
В 8 смешанных (аграрно-индустриальных).	10,6	13,7	215,1	14,3
В 19 земледельческих (с районами тропических монокультур)	41,7	53,9	1103,8	73,3
В 8 скотоводческих	24,2	31,2	40,8	2,7

[1]) 1 квинтал = 6,1 пуда.

Таким образом, самая малая по пространству—группа индустриальных стран, территория которых составляет всего 1,2% мировой; самая малая по населению—группа скотоводческих стран. Самая же большая и по населению и по пространству—группа земледельческих стран, пространство которой достигает 53,9% мирового, а население 73,3%. Впрочем, мы не могли выделить из территории этой группы пустынь американского севера, европейских тундр и лесотундр и других районов, где земледелие невозможно или очень затруднено.

Вообще доступная земледелию территория на земном шаре вовсе не так велика и в значительной мере уже использована. В 1909—13 гг. под посевом 8-ми главных культур (пшеницы, ржи, овса, ячменя, кукурузы, риса, картофеля и сахарной свеклы) было во всем мире 356 милл. гектаров, или кругло 320 милл. дес., что составляет только 3,1 мил. кв. верст, т.-е. не более $^1/_{14}$ всего пространства земледельческих государств. Тем не менее английский ученый Крукс, в своем труде: „The wheat Problem“ (пшеничная проблема) доказывает, что территория, пригодная для главного продовольственного хлеба мирового населения—пшеницы (которой питается 670 мил. чел.) в 1931 году будет исчерпана начисто и после этого времени наступит пшеничный голод. [1]) Остается другой выход: не расширение посевной площади, а под'ем урожаев пшеницы. Но этот выход возможен лишь при интенсификации земледелия Интенсификация, как мы докажем дальше, возможна лишь при развитом внутреннем рынке, который создается ростом индустрии и городского населения. Но индустриализация земледельческих стран, которая уже происходит, превратит их либо в промышленные по преимуществу, как Германию, либо чаще—в смешанные аграрно-индустриального типа

Разделение труда и специализация стран в мировом хозяйстве зависят от целого ряда факторов:

1) Физико-географических (географическое положение, береговая линия, рельеф, почва, климат, наличие ископаемых благ и проч.). Эти факторы неизменны.

2) Другие факторы: пути сообщения, густота населения, его этнографический и профессиональный состав, культурность, богатство и пр. меняются более или менее быстро и создают в конечном счете трансформацию народно-хозяйственного типа каждой отдельной страны. Поэтому приведенное выше разделение труда между странами есть явление преходящее и надо ожидать, например, что главные земледельческие страны—Россия, Индия и Китай в несколько ближайших десятилетий превратятся в смешанные аграрно-индустриальные, а скотоводческие страны—в земледельческие и т. д. Эти перемещения, несомненно, могут передвинуть и центр тяжести мирового хозяйства, уже перешедший после мировой войны от чисто промышленной страны Англии в страну двустороннего аграрно-индустриального типа—Соединенные Штаты Северной Америки.

---

[1]) Хотя положение Крукса о быстром истощении запасов пшеничных земель и подвергается сомнению, но все же на примере Соединенных Штатов мы наблюдаем факт быстрого относительного сокращения нетронутых прерий, особенно пригодных для пшеницы и необходимость, на ряду с пшеницей сеять на «мягких» старо-пахотных землях—кукурузу и кормовые травы, т.-е. интенсифицировать, до известной степени, систему земледелия.

§ 3. Экономическая эволюция и борьба главных стран до войны.

Мы уже говорили, что равенства в мировом хозяйстве не существует: одне страны властвуют над другими, отчасти непосредственно, захватывая политически отсталые племена и народы и превращая их в свои колонии, отчасти посредством—экономической борьбы за господство на мировом рынке. Как в хозяйственном типе отдельных стран, так и в политическом и экономическом соотношении борющихся в мировом хозяйстве государственных формаций — постоянства нет: на протяжении столетий то одна, то другая страна выдвигается на первое место; затем постепенно ослабевая в борьбе, уступает первенство другой, более богатой по естественным рессурсам, с лучшей техникой и более энергичным народом. Так, в древнем мире изнеженную Грецию сменил железный Рим; ослабев, он уступил свое место варварам, затем — Испании, Франции и, наконец, Англии, захватившей во всех концах мира богатейшие колонии.

С тех пор, как мировое хозяйство получило широкую и прочную базу в виде парового транспорта, колесо истории стало оборачиваться быстрее и смена „хозяев" мирового рынка ускоряется до нескольких десятилетий. В конце XIX и начале XX века первенство у англичан оспаривает быстро индустриализовавшаяся Германия, вовлекшая весь мир в великую войну, фактической победительницей в которой неожиданно оказалась далекая заокеанская республика Соединенных Штатов. После русско-японской войны на Дальнем Востоке Азии начинает быстро индустриализоваться и превращаться в мировую державу Япония, которая вступает в конкуренцию с Америкой. Таким образом, в XX веке на авансцене мирового хозяйства фигурируют находящиеся в непрестанной экономической и политической борьбе друг с другом 4 государства, два из которых (Англия и Германия) принадлежат к промышленному типу, одно—аграрно-индустриальное (Соединенные Штаты) и одно аграрное с усиленным развитием индустриализма. (Япония). После войны с Англией вступает в экономическую конкуренцию индустриально-аграрная Франция. Рамки борьбы раздвинулись, и ее ареной стали не только Ближний и Средний Восток и Африка, но и Дальний Восток, в котором главное место занимает территория Китая, а затем острова Тихого океана.

Конечный результат этой борьбы зависит от степени экономической эволюции каждой из борющихся стран. Основные элементы этой эволюции в области производства — не столько сельское хозяйство, сколько индустрия, затем транспорт и особенно внешняя торговля. До мировой войны развитие главнейших отраслей индустрии в конкурирующих странах происходило следующим образом:

	Добыча каменного и бурого угля (миллионов тонн).			Выплавка чугуна (миллионов тонн).			Число веретен в текстильн. промышлен. (в миллионах)		
	1897 г.	1913 г.	Рост в % %	1897 г	1913 г	Рост в % %	1895 г.	192 г.	Рост в % %
Англия	205,4	291,8	42,5	8,9	10,1	+ 16,9	45,3	56.4	+ 24,5
Германия	120,4	277,0	130,8	6,9	18,1	+162,3	6,1	9,4	+ 55,8
Соед. Штаты	197,6	435.8	120,5	9,8	31,5	+221,4	15,8	36,1	+128,0
Япония	—	—	—	—	—	+ —	0,5	3 8	+660,0

Это—главнейшие отрасли тяжелой и легкой индустрии. Судя по ним и абсолютно и относительно самый быстрый рост промышленности в этот период мы наблюдаем в Соед. Штатах; на втором месте стоит Германия; в Англии же прирост был невелик, и Соедин. Штаты успели ее обогнать по абсолютной добыче каменного угля, по выплавке чугуна и только по числу веретен в текстильной индустрии, которой особенно славилась Англия, Соед. Штаты еще не успели сравняться с ней. Япония которая еще только начала развивать свою фабрично-заводскую индустрию, имеет в недрах очень мало каменного угля и металлов. Главнейшая отрасль японской индустрии—хлопчато-бумажная, которая развилась относительно быстрее всех остальных, но абсолютно даже в 1921 г. в Японии все же число веретен в $2^1/_2$ раза менее, чем в Германии, в 9 раз менее, чем в Соедин. Штатах и в 14 раз менее Англии. Несколько больше значение Японии в мировой торговле, хотя и здесь она значительно отставала от остальных первостепенных держав[1]).

	Увеличение внешней торговли в процентах с 1891 по 1910 г. (принимая 1891 года за 100).				Абсолютные размеры внешней торговли в миллионах тонн
	Ввоз		Вывоз		В 1912 г.
	1891	1910	1891	1910	
Япония	100	400	100	333	2407
Германия	100	205	100	207	21257
Соед. Штат	100	178	100	177	16202
Англия	100	143	100	152	27409

Хотя в процентном отношении быстрота темпа увеличения японской внешней торговли в 3—5 раз превышает остальные, но абсолютно в 1912 г. размеры ее в 7—11 раз меньше. До войны первенство во внешней торговле сохранялось за Англией, но ее соперница в Европе Германия быстро ее догоняла. На третьем месте стояли Соедин. Штаты. которые в то же время опережали все остальные страны мира по росту своей тяжелой индустрии, чем и подготовляли себе во время последней войны первенство на арене мирового хозяйства.

До этой войны американцы, однако, стояли в стороне от борьбы, разгоравшейся в Западной Европе на почве соперничества Германии, опережавшей, как мы видели во всех отношениях старую владычицу морей—Англию.

„Германия не только изумительно быстро развивала свои производительные силы за последние 30—40 лет, но и вытесняла Англию с целого ряда внешних рынков. Только политическая связь с Англией весьма обширных колониальных территорий служила преградой для дальнейшего расширения мирового значения Германии“.[2]) Доля участия

[1]) В. Я. Мукосеев. Повышение товарных цен

[2]) С. А. Фалькнер. „Строение и конъюнктура мирового хозяйства“. М 1920 г.

самой Англии в мировой торговле систематически падает (без колонии с 18% в 1904 г. до 16, 2% в 1912 г.), а Германия, наоборот, растет (с 11,7% до 12,6%). Германия заполонила в торговом отношении почти всю Европу, вытеснив Англию с рынка Австро-Венгрии, России, северных стран—Швеции, Норвегии, Дании, Балканских государств и затем с ближнего Востока. Даже само английское население в конце XIX и начале XX века стало предпочитать немецкие товары английским и попытка остановить поток немецких товаров клеймом „Made in Germany" послужила, наоборот, для них лучшей рекомендацией. На почве мировой конкуренции капиталисты двух промышленных стран об'единяются в союзы-синдикаты и тресты, стремящиеся захватить в свои руки возможно большую часть товара, обращающегося на мировом рынке или в данной стране. Для того, чтобы устранить конкуренцию и повысить свою прибыль, обединенные капиталистические организации добиваются ограждения рынка своей страны или ее колоний таможенными стенами. Первая страна, вступившая на путь агрессивной таможенной политики Германия с 1870-х годов, после Франко-Прусской войны, так повлиявшей на развитие германской индустрии; одновременно с ней создает оградительную систему таможенных пошлин Австро-Венгрия, а затем, по необходимости, вступает на тот же путь Франция (1881), Соединенные Штаты (1883), Россия и др. страны С тех пор во всем мире, кроме Англии, по несколько раз перестраиваются таможенные тарифы и с каждым разом размеры пошлин повышаются все более и более. Развивается, все усиливаясь таможенная война—предтеча мировой войны.

§ 4. Перемены в мировом хозяйстве за время и после войны.

Война 1914—18 гг. создала в мировом хозяйстве крупнейшие пертурбации, результаты которых раскроются вполне лишь в ближайшие десятилетия. Поэтому, в настоящем изложении мы ограничимся лишь суммарной характеристикой перемен, происшедших в количественных соотношениях важнейших элементов мирового хозяйства.

Но мы не коснемся здесь населения и сельского хозяйства, т. к. им будет уделено особое внимание в следующих главах параллельно с характеристикой эволюции того и другого в России.

Артерии мирового хозяйства—пути сообщения и паровой транспорт, несмотря на большие потери, в особенности, в тоннаже морских судов, в общем даже расширились. Больше всего железных дорог проведено в Соед.-Штатах, где в 1913 г. имелось 413 тыс. километров против 348 тыс. килом. во всей Западной Европе. С тех пор и до 1921 г. длина жел.-дор. линий в Соед.-Штатах увеличилась немного: всего до 421,5 тыс. кил., но валовой доход поднялся с 3181 мил. долларов в 1913 г. до 6205 милл. долл. в 1920 г. По отдельным странам света длина жел. дорог выросла (в тыс. километров):

	1913 г.	1920 г.
Америка	570,1	611,7
Европа.	347,4	372,7
Азия.	103,0	117,7
Африка	44,3	51,9
Австралия	35,4	38,1
Весь земной шар	1100,2	1192 1

В годы войны темп прироста сети сократился примерно вдвое против мирного времени.[1]). Но торговый флот значительно вырос.

СТРАНЫ:	Тоннаж паровых и моторных судов из железа и стали[2]) (мил. тонн).			Тоннаж всего коммерческого флота от 100 тонн и выше[3]) (в мил. тонн).		
	В июне 1914 г.	В июне 1922 г.	Разница в %	1914 г.	1920 г.	1921 г.
Великобритания (с колониями)	20,3	21,3	+ 5	21,0	20,6	22,1
Великобритания (без колоний)	—	—	—	19,0[4])	18,3[4])	19,0[4])
Соедин.-Штаты (без речного флота)	1,8	12,5	+580	5,4	16,0	17,0
Япония	1,6	3,3	+102	1,7	3,0	—
Франция	1,9	3,0	+ 72	2,0	3,2	3,4
Германия	5,1	1,8	— 65	5,5	0,6	0,7
Италия	1,4	2,6	+ 82	1,7	2,2	—
Нидерланды	1,5	2,6	+ 78	1,5	1,8	—
Норвегия	1,9	2,0	+ 21	2,5	2,2	2,6
Испания	0,9	1,2	+ 34	—	—	—
Швеция	1,0	1,0	—	1,1	1,1	—
Дания	0,7	0,9	+ 23	—	—	—
Греция	0,8	0·6	— 20	—	—	—
Прочие страны	3,5	3,3	— 3	—	—	15,9
ВСЕГО	42,5	56,8	+33.6	49,1	57,0	62,0

Как видно из таблицы, торговый флот вырос особенно сильно в Соедин.-Штатах, (в 6 раз); Англия во время войны до 1920 г. несколько его сократила, но к 1921 г. даже наверстала потерянное с лихвой. Япония удвоила, Франция, Италия – увеличили его на $^3/_4$. Словом—страны-победительницы, а также нейтральные увеличили, и весьма значительно, грузоподъемность своего флота, при чем в этом увеличении Соедин.-Штаты обогнали все остальные государства. Но с середины 1920 г. и вплоть до 1921 г. наступает мировой хозяйственный кризис, вызвавший сокращение товарообмена, а вместе с ним и падение морских фрахтов, уменьшившихся в 3 –5 раз. Этот кризис вызвал сокращение судостроения, которое, опять-таки, наиболее сильно отразилось на Соедин.-Штатах.

В постройке находилось 30-го июня тыс. брутто-тонн:

	в 1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
В Великобритании и колон.	2 871	3.847	3.788	1 969
В Соед.-Штатах	3 874	2.106	718	151
Во всем мире	8.018	7.721	6.199	3.235

[1]) Проф. Н. А. Оппенгейм „Жел. дороги земного шара в XX столетии".
[2]) Проф. И. М. Кулишер: „Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны и состояние его к началу 1923 г."
[3]) Проф. М. П. Боголепов: „Европа во власти кризисов."
[4]) С речным флотом.

В 1919 г. Соед. Штаты превосходили по судостроению Великобританию с колониями на 1 миллион тонн; в 1922 г. наоборот, Великобритания обогнала Соедин.-Штаты на 1818 мил. тонн. Но, во всяком случае, техническая возможность судостроения в Соедин.-Штатах—сейчас первая в мире и, при благоприятных условиях, флот заокеанской республики может легко обогнать все остальные, тогда как до войны морской грузооборот ее происходил преимущественно на английских судах.

Флоты Великобритании и Соедин. Штатов в настоящее время близки друг к другу по размерам и в сумме (только железные и стальные суда) и составляют около 60 % всего мирового флота. Отсюда ясно, что эти две державы становятся естественными соперницами в борьбе за первенство в мировом хозяйстве. Германия потеряла свыше 80% своего флота, Австро-Венгрия (до 1920 г.)—свыше 30%, Греция—20%, тоннаж парового флота в России, достигавший в 1914 г. 1054 тыс. тонн, в 1920 г. сократился до 534 тыс. тонн., т. е. вдвое. Следовательно, в этом отношении Россию постигла та же участь, как и побежденные государства.

Итак, в результате мировой войны на первое место по своему паровому флоту выдвинулись после Великобритании—Соедин. Штаты, а вслед за ними Япония, на четвертом месте Франция; Германия сошла с мировой авансцены. Эти выводы всецело подтверждаются данными о мировой торговле.

Но проследить изменения в мировой торговле довольно затруднительно, ибо она выражена обычно в денежной оценке, а ценность денег в разных странах изменилась за период 1913—1922 г. чрезвычайно значительно: в то время, как в Северной Америке, в Англии и в нейтральных странах в 1922 г. понижение валюты было не более 10%, в Германии к концу 1922 г. оно достигло 99%, а теперь (февраль 1924 г.) германская марка обесценена в 1 ½ миллиарда раз, при чем ценность денег колебалась очень сильно во времени: то падая (к 1920 г.), то вновь подымаясь (после кризиса 1920—21 г.г.) в странах Антанты. Поэтому, для правильной оценки размеров внешней торговли, необходимо, либо сопоставить ее по весу, либо—еще лучше—по довоенной оценке, которая одна может дать правильные соотношения. По весу мы имеем в сборнике „Мировое Хозяйство“ следующую таблицу, приведенную в сокращенном виде:

Изменение внешней торговли важнейших стран по весу в %%, принимая 1913 г. за 100.

А) Экспорт.

	1913 г. в сред. за четв. года.	1919 г. первая четверть.	1919 г. четверт. четверть.	1920 г. первая четверть.	третья четверть.	1921 г. первая четверть.	Вторая четверть.
Англия	100	48,9	52,4	54,8	41,6	32,5	8,9
Соед. Штаты .	100	87.3	114,6	109,0	191,4	—	—
Франция . . .	100	9,11	17,2	43,1	66,4	67,0	67,5
Бельгия . . .	100	4,9	36,0	4,1	57,8	63,6	100,5
Аргентина . .	100	34,4	91,0	109 7	79,6	—	—
Канада . . .	100	108,5	141,0	103,8	124,6	—	—
Япония	100	58,9	82,4	70,2	57.2	—	—
Бразилия . . .	100	159,0	141,9	128,3	152,0	—	—
Всего по 20 странам .	100	44.1	60,4	59,4	75,9	—	—
	1	2	3	4	5	6	7

Б) Импорт.

	1	2	3	4	5	6	7
Англия . .	100	57,7	81,5	71,5	92.9	60.0	68,0
Соед. Штаты .	100	103,7	138,9	150 4	193,9	—	—
Франция .	100	60,5	70,3	93,9	126,9	82,3	62,8
Бельгия .	100	3,6	24,1	22,2	35,2	51,1	50,1
Аргентина .	100	19,5	41,5	41,5	41,5	—	—
Канада .	100	89,9.	92,9	71,6	126,3	—	—
Япония .	100	129,1	166,0	161,2	99,2	—	—
Бразилия .	100	43,3	15,4	16,1	58,7	48,3	44,1
Всего по 20 странам .	100	46,9	66,2	65,9	85,4	—	—

По весу, Соединен Штаты к концу 1920 г. почти удвоили свой внешний товарооборот, тогда как Англия сократила его больше, чем на половину. В ценах 1913 г. товарооборот Англии составил (в млл. фунт. стерлингов):

	1913 г.	1920 г
Ввоз	769	678
Вывоз	635	471
Общая сумма . . .	1404	1149
Баланс . . .	—134	- 207

Общая сумма внешней торговли Англии за 7 лет сократилась по паритету на 30%, а пассивность баланса выросла почти на половину. В то же время внешняя торговля Соед. Штатов возрастает не только относительно, но и по абсолютным размерам начинает превышать английскую.

По весу в млл. тонн:

	Вывоз.				Ввоз.			
	1913 г. ср. за 1 четв. года.	1919 г. первая четв.	1920 г. первая четверть.	1920 г. третья четверть.	1913 г. ср. за 1 четв. года.	1919 г. первая четв.	1920 г. первая четверть.	1920 г. третья четверть
Англия	23,6	11,5	12,9	9,8	13,9	8,0	9,9	12,9
Соед. Штаты . .	1,2	10,5	13,1	23,0	5,0	5,2	8,0	9,7

Вывоз из Соединен Штатов в конце 1920 г. уже почти втрое превышает по весу английский. Но ввоз в Соединен. Штаты растет далеко не так быстро. В то время, как английский торговый баланс становится все более и более пассивным, американский, — приобретает небывалую дотоле активность. Превышение вывоза над ввозом с 1915 г. по 1920 г. достигло 18230 милл. долларов.

В силу этого Соедин. Штаты, вытесняя Англию из Азии, Америки и Европы, накапливают громадные золотые запасы. Соедин. Штаты—бывшие должниками Европы, выкупают за время войны на 4,5 миллиарда долларов своих бумаг, выдают Европе займы свыше 12,5 миллиардов долл. и сосредоточивают у себя золотых запасов около 500 милл. фунтов стерлингов (только в госуд. банке), против 128 мил. фун. стерлингов в Англии. Импорт золота за 1914 г.—21 г. достиг 2313 милл. дол. Соедин. Штаты резко сокращают ввоз товаров к себе из Европы, заменяя его привозом сырья из Азии, Австралии и Южной Америки и в то же время увеличивают свой привоз в Европу, превращаясь из страны, вывозившей преимущественно сельско-хозяйственные продукты в страну, экспортирующую промышленные товары.

После 1920 г., однако, гегемония Соед. Штатов на мировом рынке становится не столь резкой. Помимо того, что Англия и Франция снова расширяют внешний товарооборот, начинает оправляться Германия, представлявшая, благодаря низкой валюте, и вследствие необычайной дешевизны своих товаров, серьезную конкуренцию Соед. Штатам.

Оборот Германии, составлявший в золотых марках в 1921 г. 6,4 миллиарда против 21,4 миллиардов в 1913 г., в 1922 г. достиг 10,4 миллиардов золотом. Германия конкурировала с Соедин. Штатами преимущественно в Европе, возобновляя старые связи с Англией. Другая соперница Соед. Штатов на Дальнем Востоке Япония, сократившая в 1921 г. свой товарооборот до 2,9 миллиардов (с 4,3 миллиардов в 1920 г.), в 1922 г. подняла его до 3,5 миллиардов. Внешний грузооборот Франции в 1922 г. уже превзошел довоенный (с 20,9 миллиардов до 22,2 мил.)

В силу чрезмерно возросшего производства, слабой покупательной силы европейского населения и возобновившейся конкуренции Англии, Германии, Франции, и Японии, внешняя торговля Соедин. Штатов, взбухшая до неимоверной цифры—$13^1/_5$ миллиардов долларов в 1920 г., падает до 6,9 миллиардов в 1921 г. и 6,7 миллиардов за 10 месяцев в 1922 г. Таким образом, главные европейские государства и Япония, повидимому, не намерены сдать своих позиций в мировом хозяйстве без серьезного сопротивления. Но в конечном итоге, все зависит от хозяйственной мощи конкурирующих государств.

С 1913 г. по 1922 г. размеры основных отраслей промышленного производства изменились следующим образом:

А. Запасы железной руды.

	Милл. тонн.	% к общемир. итогу.
На территории Германии до войны . .	2.556	25,5
» » » после войны	726	7,6
» » Франции до войны . .	3.489	34,9
» » » после войны	5.319	53,1
В Великобритании и Ирландии	1.015	10,1

Б. Производство чугуна.

(Тыс. тонн).

	Великобр. и Ирланд.	Германия.	Франция.	Соед. Штаты.	
1913 г.	10.425	14.309	5.207	31.462	
1917 »	9.487	13.142	1.735	39.239	
1920 »	8.136	6.001	3.434	37.369	
1921 »	2.652	—	3.363	16.888	
1922 »	4.980	—	5.126	27	
Месячное производство стали.					Япония.
1913 »	659	—	396	2.651	101
1921 »	307	—	255	1.692	63
1922 » январь .	333	—	315	1.618	77
1922 » декабрь .	555	—	415	2.835	134

В. Добыча каменного угля.

(Миллионов тонн).

		Германия.					
	Великобрит.	В старых границах.	В нов. гран.	В нов. гран. (бурого угля).	Франция.	Соед. Штаты.	Япония.
1913 г. . . .	292	190	170	87	40	517	21
1917 » . . .	252	167	154	86	28	591	26
1920 » . . .	233	—	131	112	24	586	29
1921 » . . .	166	—	131	123	28	448	32
1922 » . .	256	—	130	137	31	432	—

Г. Потребление хлопка.

(В тыс. кип)

	С 1 сент. 1912 г до 31 авг. 1913 г.	С 1 авг. 1920 г. до 31 июля 1921 г	С 1 авг 1921 г. до 31 июля 1922 г.
Великобритания	3 825	1.826	2.864
Франция	987	568	1.035
Германия	1.702	849	1.194
Индия	1.699	1.840	2.314
Япония	1.585	1.872	2.372
Соед. Штаты	5.500	4.860	5.896
ВСЕГО . . .	20.400	15.078	21 150

Приведенные цифры по основным отраслям индустрии показывают, что: 1) Германия потеряла $^3/_4$ прежних запасов железной руды—этого основного базиса тяжелой индустрии, и поэтому, сокращение выплавки чугуна втрое есть явление не случайное, а длительного порядка. Принимая в соображение, что также плохо обстоит у нее дело с углем, помимо занятия Рура, надо отсюда сделать вывод, что, при пышнейшей территории, Германия должна быть вычеркнута из списка мировых держав; 2) что во всех остальных странах с первоклассной индустрией особенно сильное падение ее наблюдалось в момент кризиса 1921 г. Но от этого кризиса быстрее всех оправились Соединенные

Штаты, превысившие по производству стали довоенные цифры а по каменному углю и чугуну давшие близкие к ним итоги. Во всех указанных видах производства по абсолютным цифрам Соедин. Штаты далеко опередили все остальные государства, но и остальные европейские страны и Япония также выходят в 1922 г. из состояния кризиса. Это указывает на общее улучшение экономической конъюнктуры в мировом хозяйстве; [1]) 3) наблюдается процесс индустриализации колониальных аграрных стран. На последней таблице мы видим, что в Индии количество переработанного хлопка увеличилось, сравнительно с довоенным, на 35%; увеличилось сильно и производство джута. Добыча каменного угля в этой стране также возросла с 16,5 милл. тонн до 22,6 милл. тонн.; производство чугуна и стали, очень незначительное до войны возросло в $1^1/_2$ и 3 раза. В Китае число веретен в хлопчато-бумажной промышленности поднялось с 642 тыс. в 1915 г. до 2838 тыс. в 1921 г. В конце 1921 г. в Китае в постройке было 48 прядильных фабрик с 818 тыс. веретен. [2]) Сильно сократился ввоз в Индию английских фабрикатов, и, наоборот, увеличился экспорт сырья. В общем Индия, Китай, а за ними и ряд менее крупных аграрных стран проявили определенную тенденцию к индустриализации и к самостоятельной роли во внешней торговле. За последние годы индустрия этих стран переживает некоторый кризис, но он лишь на время приостанавливает ее эволюцию. В капиталистических странах западной Европы и в Америке снова усиливается накопление капиталов, ищущих высокой прибыли в отсталых колониальных странах и эти капиталы, несомненно, создадут в них в ближайшем будущем новой промышленный расцвет.

В итоге следует отметить, что война и ее последствия, производя большие сдвиги и перемещения роли отдельных стран в мировом хозяйстве, в то же время углубили контраст между благосостоянием целых наций, обогатив одни и приведя к экономическому упадку другие. Этот контраст вреден для систематического поступательного развития мирового хозяйства. Проф. М. Боголепов по этому поводу правильно замечает: „В современных условиях даже теоретически невозможно построить схему самодовлеющего народного хозяйства, схему изолированного государства, т. к. подобная схема должна вычеркнуть один из основных первов народно-хозяйственного организма. И если бедные экономическими рессурсами страны во многом зависят от богатых стран, то с другой стороны, и богатые страны, т. е. с избытком производительных сил в пределах своих внутренних территорий, равным образом, нуждаются в странах, обладающих об'ективными условиями для применения этих сил. Безработица в передовых промышленных странах является прямым результатом невозможности полного приобщения к мировому рынку бедных стран: поэтому победа над бедностью делается общей задачей, стоящей как перед бедными, так и перед богатыми странами.[3]). Обеднение центральной и восточной Европы, обнаружившееся в результате войны, явилось одной из самых важных причин кризиса 1920—21 гг., наиболее ярко выявившегося в странах, разбогатевших от войны, как Соедин. Штаты и Япония, или сравнительно от нее мало пострадавших,

---

[1]) С мая 1923 г. снова, однако начинается перебой, доказывающий, что экономический под'ем последнего времени и пока—довольно неустойчив.

[2]) См. Е. Варга: „Кризис мирового капиталистического хозяйства".

[3]) Проф. М. И. Боголепов: „Европа во власти кризиса 1920—22 г." 1922 г. Ленинград. Стр. 115.

как Англия. Если бы средняя и восточная Европа обладала большими покупательными средствами—этого кризиса могло и не случиться, т. к. тогда усиленный спрос на сельско—хозяйственные продукты и товары, произведенные заокеанскими странами и Великобританией, поглотил бы их избытки и относительного перепроизводства в них не могло получиться.

С другой стороны, индустриализация старых аграрных стран на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и вообще тот подъем производительных сил в их народном хозяйстве, начало которого стало после войны довольно отчетливо проявляться—не могут ни в коем случае явиться препятствием для эволюции мирового хозяйства.

Пример Германии, которая, при своей индустриализации, одновременно усиливала до войны товарообмен с Англией, доказывает, что общие размеры мирового рынка не сокращаются, а р а с ш и р я ю т с я с индустриализацией и обогащением населения аграрных стран. Наоборот, одновременный поступательный ход в с е х стран, втянутых в мировое хозяйство, есть наиболее верный и быстрый способ для скорой эволюции как всего мирового хозяйства, так и отдельных национальных хозяйств, как его звеньев. Ибо только таким путем создается необходимое для общей хозяйственной эволюции м и р о в о е р а в н о в е с и е.

В ы в о д ы. Все изложенное выше сводится к следующим выводам:

1) Мировое хозяйство представляет из себя совокупность народных хозяйств стран, связанных между собою обменом, как людей, так равно и продуктов своего производства и финансовых капиталов.

2) Мировой обмен создает разделение труда между странами, стремящимися производить те продукты или товары, которые находят себе наиболее выгодный сбыт на международном рынке. Одни страны специализируются, в зависимости от естественных и экономических условий, на промышленном производстве, другие—на сельско-хозяйственном, третьи представляют картину двусторонней поступательной эволюции, как промышленности, так и сельского хозяйства. Сельско-хозяйственные страны, в свою очередь, могут быть разделены на преимущественно земледельческие, скотоводческие и тропические, производящие продукты специальных культур, недоступных странам с умеренным климатом.

3) Но такая система специализации не носит устойчивого характера; так как эволюция индустрии происходит быстрее сельско-хозяйственной, и промышленные страны накопляют большие капиталы, перетекающие в более бедные сельско-хозяйственные страны и в колонии—то в XX веке, накануне войны, наблюдается во всем мире убыстренное развитие индустрии.

4) Это развитие порождает мировую конкуренцию между промышленными странами, приводит к об'единению капиталистов этих стран в синдикаты и тресты и создает сначала таможенную борьбу, а затем и мировую войну за господство на всемирном рынке.

5) Мировая война способствует перемещению центра тяжести мирового хозяйства из дифференцированных в хозяйственном отношении государств Европы в страну двухсторонней системы экономической эволюции—в Соединенные Штаты Америки.

6) Двусторонний тип хозяйственной эволюции, поскольку он возможен по природным и экономическим условиям, является наиболее выгодным для сельско-хозяйственных стран, в частности, для России: иначе эти страны подвергаются усиленной эксплоатации со стороны государств с сильно развитой капиталистической индустрией.

В последние годы мы наблюдаем, что великие земледельческие страны Востока—Индия и Китай, также как и Россия до войны, выказывают довольно заметную тенденцию к индустриализации.

Эта тенденция, способствуя под'ему производительных сил в этих странах, в то же время должна не препятствовать, а содействовать общему развитию мирового хозяйства.

Если бы Россия могла в ближайшие годы развить одновременно свою сельско-хозяйственную продукцию и развернуть широко промышленную эволюцию в районах пригодных для этого,—она бы с одной стороны могла легко занять, по крайней мере, прежнее место в мировом хозяйстве, как поставщица сельско-хозяйственного сырья, с другой избежала бы экономического закабаления ее капиталистами промышленных стран; с третьей—несомненно способствовала бы скорейшему восстановлению равновесия в мировом хозяйстве.

Поэтому ближайшее будущее России в сильнейшей степени зависит от правильного разрешения проблемы организации ее народного хозяйства, находящегося после пережитых событий в процессе радикального переустройства. К рассмотрению этой проблемы мы переходим сейчас.

ГЛАВА II.

Народное хозяйство России и проблема районирования.

§ 1. Народное хозяйство России.

В противоположность американскому, народное хозяйство России страдает излишней односторонностью—так же, как и хозяйство некоторых стран Западной Европы. Но если западно-европейские страны отличались до войны гипертрофией своей промышленной эволюции, то у нас, наоборот, по крайней мере во вторую половину XIX века, при слабом развитии промышленности и городской жизни центр тяжести хозяйственных отношений продолжает лежать в деревне. За период с 1860 до 1897 г. г. сельское население увеличилось абсолютно вчетверо против городского (первое на 34,6 милл. душ, второе—на 8,2 милл.). По расчетам С. Н. Прокоповича[1]) доход от сельского хозяйства (включая лесоводство и рыболовство) в 1900 г. равнялся 3611,2 миллиона руб., а от добывающей и обрабатывающей промышленности—всего 1402,2 милл. руб. Отсюда видно, что наша страна по своему типу принадлежит к категории сельско-хозяйственных.

Однако, нельзя сказать, чтобы во 2-ю половину XIX века этот основной промысел населения России развивался очень быстро. В то время, как в указанные 40 лет число сельских жителей увеличилось на 52%, площадь пашни возросла только на 38%, а рост скотоводства, относительно которого мало-мальски достоверных сведений не имеется, повидимому заметно отставал от земледелия. По расчету того же Прокоповича, народный доход от скотоводства в 1900 г. равнялся всего лишь 831,5 милл. руб., в то время, как от земледелия (включая садоводство и огородничество)—2103,7 мил. руб. т.-е. в $2^1/_2$ раза более. Отсюда следует,

---

[1]) См. «Опыт исчисления народного дохода по 50 губ. Европ. России».

что Россия является не только сельско-хозяйственной страной, но и сельское хозяйство в ней шло по пути одностороннего развития экстенсивного, преимущественно зернового. земледелия, которое, вдобавок, отставало от роста сельского населения, что и породило у нас исключительное по своей силе и остроте аграрное перенаселение и оскудение деревни к началу XX века.

Таким образом, наша страна по типу своего хозяйственного развития относится к группе сельско-хозяйственных, а в этой группе к категории—земледельческих. Но этот хозяйственный тип нельзя считать одинаково распространенным на всем обширном пространстве Российского государства. С того исторического момента, когда началось „сползание" населения из старинных центральных областей Московской Руси на юг и восток—происходит процесс деления Европейской России на нечерноземную полосу—с более развитой промышленностью и черноземную с исключительным преобладанием чисто земледельческих промыслов. По переписи 1897 г. в Московской губ., напр., лиц, живших сельским хозяйством, оказалось всего 28% в Ленинградской—25%, Владимирской—58%. Наоборот, в черноземной полосе мы имеем в Курской губ. 83% земледельцев, в Полтавской—87%, Самарской—86%. Сверх того в нечерноземной полосе большинство сельских жителей занимается кроме земледелия кустарными и отхожими промыслами, и в их хозяйственном бюджете доходы от сельского хозяйства играют зачастую второстепенную роль. Различие хозяйственных типов нечерноземной и черноземной полос видны из сопоставления следующих цифровых данных:

	Нечерноземная полоса.	Черноземная полоса.
Процент городского населения к сельскому в 1916 г.	25,1	16,1
Процент пашни и усадьбы ко всей площади . .	12	18
Процент леса	51	16
Десятин посева в 1913 г. (в милл.)	20,1	57,8
Избытки и недостатки (+ и —) главных хлебов в 1909—13 г. г.	—130	+767
Сумма фабрично-заводского производства в 1908 г. (в милл. руб.)	2297	1357

Следует еще отметить, что с конца XIX столетия в черноземной области—Донской и Екатеринославской губ.—образуется район горнозаводской промышленности (в Донецком бас.), представляющий остров развитой индустрии в безбрежном море сельско-хозяйственных промыслов степных областей юга. Если исключить 400 милл. руб. горно-заводского производства этого района, на всю остальную промышленность черноземной полосы придется только 950 милл.—в $2\frac{1}{2}$ раза меньше, чем в нечерноземной.

Таким образом, различие хозяйственных типов обоих полос обрисовывается указанными цифрами с достаточной резкостью: нечерноземная полоса—более городская, промышленная, торговая, с мало развитым земледелием, которое не покрывает всей продовольственной потребности

местного населения (недостаток—130 милл. пуд.), черноземная—за исключением горнозаводского района—главным образом,—деревенская, земледельческая, с избытком хлеба (767 мил. пуд.), который она сбывает не только в нечерноземные области, но и за границу Отсюда ясно, что в результате различия хозяйственных типов обоих полос между ними возникает товарообмен: промышленный север обменивает свои фабрикаты на недостающий ему хлеб, привозимый из земледельческого юга.

Это—широтное деление, зависящее в значительной степени от природных особенностей обоих полос, усложняется долготным, проявляющимся с особой силой в сельско-хозяйственных отношениях.

Сельско-хозяйственная эволюция зависит от двух основных факторов; от неподвижных или мало-изменчивых во времени физико-географических и естественно-исторических условий и от постоянно меняющегося воздействия на природу деятельности человека. Воздействие человека на природу меняется вследствие изменения числа людей и их потребностей, по отношению к одной и той же площади. Увеличивается на одной и той же площади количество людей, растет спрос на продукты почвы данной площади—должна возрасти и ее производительность. Короче говоря, производительность сельского хозяйства в данном районе зависит, кроме природных, от двух основных факторов—плотности сельского населения и размеров рынка сбыта этих продуктов.

Оба эти фактора в России, в общем, растут по направлению с востока на запад и от южных и северных окраин к центральным областям. Отсюда происходит в этом направлении смена систем сельского хозяйства.

В 1901—10 г. г пропорция полевых культур и урожай в Европейской России представляли такую картину:

	На 100 дес. посева приходится.		Урожай хлебов с 1 десятины.	На 100 дес. посева сельского населения.
	Зерновых хлебов.	Корнепл. корм. трав, масличн., бобовых.		
Западно-русские области . .	84,4	15,7	52,8	176
Центральные	89,1	10,9	45,5	156
Восточные, южные и северные окраины	96,5	3,5	42,1	98

Мы видим из этих цифр, что по направлению с востока на запад и от юга и севера к центру растет плотность сельского населения по отношению к земледельческой площади, увеличивается урожайность и, усиливается пропорция интенсивных культур в посевной площади, т.-е. системы полеводства интенсифицируются. Однако, эта интенсификация проявляется в сравнительно слабой степени, особенно, в центральных областях; в этих областях плотность населения сравнительно с окраинами, вырастает на 59%, тогда как урожайность всего на 8%. В 1890-х годах центрально-земледельческие области переживали наиболее жесто-

ким сельско-хозяйственный кризис, в них сильнее всего сказывалось последствие крестьянского малоземелья, т.-е. аграрного перенаселения: поэтому, при сохранении в большинстве губерний старого зернового трехполья, при слишком большой перепаханности полей мы видим там сравнительно с более редко населенными окраинами лишь очень слабый подъем земледельческой продукции.

Не велик он и в западных областях: при повышении плотности населения сравнительно с центром на 13% урожай поднимается здесь на 16%, т.-е., немногим сильнее, чем уплотнение населения. Но колебания урожаев здесь значительно слабее, системы полеводства все же интенсивнее, и можно смело сказать, что наш запад уже вышел из состояния аграрного кризиса, который не изжит вполне в центральных областях и который накануне войны еще не надвигался на юго-восток. В юго-восточных областях с их относительным земельным простором тогда приобрело широкий размах производство зерновых культур для сбыта на рынок русский и мировой. Здесь на душу сельского населения приходилось 42 пуда сбора хлебов, тогда как в центральных областях только 26 пудов—цифра еле достаточная для покрытия нормальных потребностей в продовольствии и корме скоту. Отсюда мы видим, что эти области больше всех остальных направляют на рынок свои избытки зерна (в 1909—13 г. г. 501 мил. пуд.).

Итак, хотя, в общем, к началу XX века Россия оставалась страной преимущественно натурально-потребительного земледельческого хозяйства, в ней уже тогда можно было заметить довольно отчетливую хозяйственную дифференциацию между различными областями и районами. Эта дифференциация зависит как от постоянных природных факторов, так и от переменчивой хозяйственной деятельности человека.

Приспособляясь к природным факторам, русское население в нечерноземной полосе переходит в значительной степени к промышленности, черноземной—специализируется на земледелии. В зависимости от переменного фактора—роста и уплотнения населения, а также влияния рынка, происходит эволюция систем сельского хозяйства по направлению с востока на запад. Эта эволюция станет еще заметнее, если мы примем в расчет не только Европейскую Россию, но и Азиатскую—в частности—Сибирь, где мы имеем до сих пор обширные области, находящиеся еще на уровне до земледельческого, звероловного и пастушеского хозяйства. В России, в ее довоенных границах, мы можем проследить живую историю почти всех этих типов аграрной эволюции, начиная с указанного сейчас доземледельческого фазиса на крайнем севере и юго-востоке и кончая интенсивным плодосменным севооборотом в отделенных сейчас от нас польских и прибалтийских провинциях. Это разнообразие хозяйственных типов углублялось и усиливалось с конца XIX века развитием сети железных дорог и возрастанием торговых связей с Западной Европой.

В XX веке Россия вступает в эпоху индустриализации и роста рыночных отношений. Население городов на территории РСФСР увеличивается с 11,3 мил. душ в 1897 г до 21,6 мил. в 1917 г., т.-е. за 20 лет возрастает на 91%—по $4^1/_2$% в год при общем среднем годичном приросте населения в $1^1/_2$%. Следовательно, города растут втрое быстрее деревни. Народный доход от промышленности, торговли и транспорта за 1900—13 г. г. поднимается с 3 миллиардов до $5^1/_2$ миллиардов. В силу этого относительное значение сельского хозяйства в народно-хозяйственном бюджете падает, хотя сельско-хозяйственный доход населения

возрастает с 3,6 миллиардов до 6,3 миллиардов. В процентном отношении доли этих двух основных отраслей народного хозяйства меняются следующим образом:

	% народного дохода.	
	в 1900 г.	в 1913 г.
От сельского х-ва, лесов и рыболовства . . .	54,9	49,7
От промышленности, торговли и транспорта .	45,1	50,3

Произошла, следовательно, перегруппировка народного дохода в сторону промышленности, относительное значение которой увеличилось на 12%.

Еще быстрее возростали торговые отношения и обмен как внутри России, так и за границей.

За пятилетие 1909—13 г. г. весь грузооборот главных хлебов по железным дорогам и водным путям составил 1.376 мил. пуд. ежегодно.

За границу вывозилось в этот период в среднем 592 милл. пуд. Перед войной внутренний хлебный рынок обгонял внешний. Но зато очень заметно сравнительно с внутренним грузооборотом вырос экспорт за границу продуктов интенсивного земледелия: семян масличных на 119%, льна на 95%, продуктов скотоводства—масла на 140%, яиц на 80%. Следовательно, заграничный экспорт и внутренний рынок стимулировали интенсификацию нашего сельского хозяйства внутри России, а также способствовали развитию экстенсивного земледелия на окраинах-в Новороссии, на юго-востоке и в Сибири. Таким образом, влияние быстро развивавшихся рыночных отношений на сельское хозяйство России сказалось различным образом на центральных и окраинных областях, что не могло не отразиться в виде дальнейшей дифференциации и специализации отдельных областей и районов.

Области и районы России так же, как и отдельные страны в системе мирового хозяйства, начинают специализироваться на производстве тех продуктов, культивирование которых наиболее выгодно им по природным условиям и экономической обстановке. Эта специализация идет различными путями в районах нечерноземной и черноземной полосы. В нечерноземной полосе—в Прионежском крае закрепляется, пошатнувшаяся было в начале XX века, старинная культура льна, благодаря усиленному развитию клеверосеяния; в центрально промышленной области усиленно эволюционирует скотоводство в связи с травосеянием, и в пригородных районах увеличивается продажа молока, на полях увеличивается посев картофеля; северо-восток еще не выработал к этому времени своего типа сельского хозяйства, но все предпосылки говорят за то, что и здесь, как во всей нечерноземной полосе, большую роль в будущем станет играть молочное скотоводство в связи с развитем маслоделия и сыроварения. На западе черноземной полосы—на Украине начинает утверждаться плодосменный севооборот со свекловицей и др. корнеплодами и масличными, а в скотоводстве особенно заметно разведение свиней лучших пород. Земледельческий центр, который, как мы уже говорили, еще не изжил сельско-хозяйственного кризиса 90-х г. г., эволюционирует, хотя слабо, в сторону развития некоторых технических растений, в частности, конопли и подсолнухов. На юго-востоке и в Сибири поднимаются целинные степи и идет безудержная распашка—расцвет экстенсивного зернового земледелия, нанесшего тяжелые удары господствовавшему там раньше мясомолочному скотоводству. Так, каждый район начинает при-

обретать свою хозяйственную физиономию. Этого не могли не отметить исследователи-специалисты; и с конца 1900-х г начинает в их среде приобретать все более важное значение проблема районирования России.

Проблема районирования.

Конечно, эта проблема возникала не раз и раньше. Как справедливо замечает Б. Н. Книпович, у нас, и силу огромного разнообразия естественных и экономических условий на обширном пространстве России, вопрос о районировании встал уже давно с гораздо большей остротой, чем в Западной Европе, почему и разработан раньше и гораздо обстоятельнее. „Начиная с XIX столетия не прекращаются попытки разделения России на более или менее однородные в хозяйственном отношении части [1]). Первая серьезная попытка районирования принадлежит акад. И. Арсеньеву, который в 1838 г. в „Начертании статистики Российского государства" разделил Европейскую Россию на 10 пространств по физико-географическим признакам—климату, почве, высоте над уровнем моря и речным системам. Следующая попытка Сабурова, сделанная в 1858 г. принимает в соображение кроме естественно-исторических признаков и хозяйственные: здесь впервые отчетливо намечается экономическая граница черноземной и нечерноземной полос. Сабуров устанавливает 8 областей. В 1871 г. Семенов в очерке „Населенность Европейской России в зависимости от причин, обусловливающих распределение населения империи" делит Европейскую Россию, Финляндию, Польшу и Кавказ на 14 районов, кладя в основу своего деления естественно-исторические и экономические признаки. Это деление, с некоторыми изменениями, держалось в правительственной статистике до самого последнего времени.

В дальнейшем, попытки районирования учащаются и вместе с тем теряют по большей части свой универсальный характер: вместо установления районов по совокупности естественно-исторических и экономических признаков, делаются попытки дать специальные: а)—естественно-исторические районы—у Винера 1908 г., Скворцова 1910 г., Крубера 1908 г. и современные—проф. А. Г. Дояренко в 1920 г., Броунова (климатологические), проф. Прасолова (почвенные); б) сельскохозяйственные районы—А. И. Васильчикова (1876 г.), А. С. Ермолова (1878 г.), А. Ф. Фортунатова (1896 г.) и, наконец, проф. А. Н. Челинцева, который, начиная с 1910 г., повторяет, постепенно совершенствуя свой метод, попытки построения сельско-хозяйственных районов на основе избранных, точно учитываемых статистикой количественных признаков, характеризующих уровень организации сельского хозяйства в каждом районе; в) торгово-промышленные районы—Д. И. Менделеева (1893 г.), м-ва торговли и промышленности (под редакцией Семенова-Тяньшаньского, 1911 г.), и хлебо-торговые районы П. М. Ляшенко (1912 г.). Дробные хлебо-торговые районы были установлены по всей России в 1916—17 г. г. работами статистических органов на основании переписи 1916 г., но результаты их до сих пор не опубликованы.

Кроме перечисленных попыток районирования по трем группам признаков—естественно-исторических, сельско-хозяйственных и торгово-

[1]) См. Б. Н. Книпович. «К методологии районирования». 1922 г.

промышленных, в русской литературе имеется множество опытов районирования по одному какому-либо признаку, большей частью для специальных практических заданий, напр., по одной какой-либо культуре (ржаные районы, пшеничные, свекловичные и т. д.), по признаку национальности (этнографические), по какой-либо отрасли промышленности и т. д.

Устанавливая классификацию способов районирования, Б. Н. Книпович делит ее прежде всего на две группы: первая—попытки установления о б щ и х народно-хозяйственных районов, в которых охватывается все народное хозяйство в целом, и с п е ц и а л ь н ы х. Специальное районирование, в свою очередь, делится прежде всего на основные группы, перечисленные выше (естествен.-историч., сел.-хоз. и т. д.), каждая из этих групп может быть подразделена на подгруппы. Например: сельскохозяйственное районирование может раздробиться на установление земледельческих и скотоводческих районов; в подгруппе земледельческих районов некоторые авторы намечают специальные районы зерновых культур, технических растений. Наконец, последняя ступень районирования по одной какой-либо культуре—ржаные, льняные и т. д. районы. Таким образом, мы имеем в специальном районировании лестницу из 4 ступеней, каждая из которых сужает количество и об'ем признаков, кладущихся в основу деления России на районы. Но во всех этих разнообразных попытках лежит один общий метод, устанавливаемый самим понятием района. „Районом, по определению проф. Фортунатова,-следует называть точно обозначенную на карте часть земной поверхности, отличающуюся от других частей какими-либо признаками".

Многие, однако, и весьма основательно, возражают против возможности установить точные границы районов, ибо ни экономические, ни, тем более, природные признаки не имеют точных границ. Так, и почва, и климат меняются постепенно; то же можно сказать, в сущности, и относительно экономических признаков. Вообще, признаки, характеризующие данный район, наиболее отчетливо сказываются в его центре; по мере перехода от центра к периферии, они становятся все расплывчатее и незаметно переходят в другие. Но для практических целей приходится, однако, устанавливать точные, преимущественно административные, границы районов.

Безусловно верно, однако, второе определение проф. А. Ф. Фортунатова относительно методов установления районов: районы устанавливаются по сходству одного или нескольких признаков внутри его территории и по отличию этих признаков в соседних территориях. Напр., по признаку почвы—районы черноземные, суглинистые, песчаные и т. д. по преобладанию той или иной отрасли сельского хозяйства—земледельческие, скотоводческие, охотничьи, рыболовные и т. д.

Как видно из вышеизложенного, районы могут быть установлены по одному признаку, либо нескольким—монистические и плюралистические. Монистическое районирование по одному признаку имеет узкопрактическое значение. Но для нас важно второе—плюралистическое районирование по совокупности признаков. В этом последнем Б. Н. Книпович устанавливает три основные ступени.

I. Первая ступень—метод первичных измерителей по отдельным признакам предпосылкам.

II. Когда намечен ряд отдельных признаков, их выносят на таблицы или карты и путем сопоставления устанавливают районы с большей или

меньшей точностью. Этот метод случаен, ибо 1) всех признаков обнять невозможно, 2) одни признаки совпадают, другие нет. Тогда, по мере усовершенствования метода районирования, исследователи начинают нащупывать такие признаки, которые являются показательными для целой группы явлений: напр., в естественно-исторической сфере мы имеем такой признак—показатель в растительной ассоциации данного района, которая является неизменной совокупностью почвенных, климатических и биологических условий данного района. В сельско-хозяйственной области это будут признаки, характеризующие степень интенсивности земледелия и скотоводства в данном районе и т. д. Таким образом, вторая ступень—метод групповых измерителей—признаков индексов.

III. В России метод групповых измерителей, в наиболее совершенной форме, применен проф. А. Н. Челинцевым в одной из его последних работ „Состояние и развитие русского сельского хозяйства“.(Харьков 1918). Постепенно развивая и усовершенствуя методы районирования, отыскивая наиболее точные показатели степени интенсивности сельского хозяйства, проф. Челинцев, в конце концов, остановился на 5 признаках-индексах, позволяющих статистически точно установить ступень интенсивности, на которой находится данный район.

Эти признаки следующие:

1) Направление крупно-рогатого скотоводства, определяемое процентом рогатого молодняка больше 1 года к коровам. Возрастание молодняка указывает на интенсивное мясное направление крупно-рогатого молодняка; уменьшение его и относительное возрастание числа дойных коров—на более интенсивное молочное направление.

2) Размерами свиноводства (отношение свиней к крупно-рогатому скоту). Чем больше % свиней, тем интенсивнее в данном районе направление скотоводства, ибо скороспело-мясное скотоводство в виде свиней служит, до известной степени, показателем интенсивности.

3) Размерами овцеводства (отношение числа овец к крупнорогатому скоту), это—показатель противоположного значения: чем больше % овец, тем экстенсивнее скотоводческое направление данного района, хотя некоторые уклонения здесь зависят от наличия лугов и пастбищ.

4) Степенью внедрения в полевое хозяйство незерновых культур—кормовых трав, которые являются достаточно хорошим показателем земледельческого прогресса.

5) % корнеплодов в посеве. Корнеплоды—наиболее трудоемкие растения, также характеризующие степень интенсификации района. Кроме того в местностях с наиболее развитой культурой льна и конопли, границы проводились, считаясь с процентом этих культур.

Процентные отношения всех 5-ти признаков Челинцев привел к одному знаменателю, установив им балловую оценку в обратном отношении к степени интенсивности.

Один балл у него соответствует высшей степени интенсивности, два—средней и три - низшей. По всем 5-ти признакам, таким образом, наивысшая степень интенсивности обозначалась баллом 5, а максимальная степень экстенсивности—баллом 15. В результате и получилась следующая цифровая характеристика интенсивности с. х. районов в нечерноземной и черноземной полосах по направлению с запада на восток.

	Баллы общей интенсивности	% крупно-рог. молодняка не старше 1 года к коровам.	% свиней к крупно-рогат. скоту.	% овец к круп. рогат. скоту.	% кормовых трав.	% корнеплодов.
Нечерноземная полоса.						
Новгородско-Псковский	7,0	12,8	14,5	59,8	19,3	18,7
	7,5	30,2	109,2	150,7	3,2	9,2
	8,4	15,9	14,8	86,2	5,3	7,4
Подмосковный	8,8	24,4	37,2	185,0	3,6	10,2
Северный	10,8	25,5	3,7	76,2	0,7	4,6
Вятско-Пермский	11,1	35,5	28,2	152,9	1,7	2,4
Черноземная полоса.						
Юго-западный. . . .	6,4	30,2	—	63,9	2,5	7,7
Вост. Украина	7,9	29,7	75,9	121,9	2,6	4,8
Украина+Земл. центр. .	9,6	27,8	60,5	262,7	1,6	5,1
Новороссийск	11,6	61,1	50,1	148,8	1,7	1,5
	12,7	29,9	36,9	291,8	0,3	2,4
Заволжье	13,2	76,5	37,2	185,0	0,2	1,0
Оренбург. Уральск . . .	14,0	48,6	33,0	191,2	0,3	1,5

Чем западнее район, тем ближе балл его интенсивности к цифре 5, выражающей максимум интенсификации, и наоборот. По каждому из 5-ти признаков такой строгой правильности нет, но все-же в общем, по направлению от запада к востоку [illegible] молодняка и овец повышается, а [illegible] свиней, трав и корнеплодов понижается.

Таким образом, этот метод нахождения признаков-индексов, проведенный впервые А. Н. Челинцевым исключительно на основе одних статистических данных, оказался в значительной степени правильным. При отыскании его проф. Челинцев проделал сложную работу, взяв за единицу территории—уезд и сгруппировав сначала до 500 уездов Европейской России по 14 признакам, образовал сперва до 200 мелких районов. Затем он соединил их в более крупные 42 подрайона, и, наконец, эти подрайоны сгруппировал в 13 перечисленных выше организационно-производственных районов. К сожалению, мы не можем в настоящей работе воспользоваться его методом, так как для этого пришлось бы вести районирование в по уездном масштабе, что потребовало бы огромного труда, недоступного не только одному, но и нескольким десяткам работников.

Нашей задачей, как было указано во введении, является изучение не только географического расположения по районам признаков, характеризующих состояние сельского хозяйства в данной местности.

но и его эволюцию по районам на протяжении, по крайней мере, XX столетия. Выполнить такую задачу возможно сейчас лишь в погубернском масштабе, при чем, для того, чтобы во 1-ых наиболее легко, без сложных пересчетов произвести сопоставление старых довоенных губерний с современными, во 2-ых, чтобы использовать официальный цифровой материал до революционной эпохи,—нам пришлось остановиться на старых так называемых „Семеновских" районах, составленных В. Н. Семеновым-Тяньшаньским, применявшихся в прежней официальной статистике. Эти районы сравнительно мало (по территории) отличаются от Челинцевских и, во всяком случае, отчетливо характеризуют историко-географическое расположение сельско-хозяйственной эволюции, по направлению с запада на восток в нечерноземной и черноземной полосах отдельно.

Границы областей и районов СССР приняты нами по следующему плану, которого мы будем придерживаться всюду в дальнейшем изложении.

В основу положено деление губерний на 10 районов в Европейской России и на 6 областей в Азиатской, а именно:

Европейская Россия.

Черноземная полоса.

1) Юго-западный и Малороссийский районы.

По прежнему администр. делению.	По новому администр. делению.
Киевская.	Киевская.
Подольская.	Подольская.
Волынская.	Волынская.
Харьковская.	Харьковская.
Черниговская.	Черниговская.
Полтавская,	Полтавская.
	Кременчугская.
	+ 4 уезда Гомельской губ. б. Черниговской губ.: Новозыбковский, Стародубский, Мглинский и Суражский.
	+ Старобельский Донец. губ., б. Харьковской.
	+ Балтский Одесской губ., б. Подольской,—Александрийский уезд Кременчугской губ., б. Херсонской.

2) Центрально-Земледельческий район.

Курская.	Курская.
Орловская.	Орловская.
Тульская.	Брянская.
Тамбовская.	Тульская.
Воронежская.	Рязанская.
Рязанская.	Тамбовская.
	Воронежская.
	— Жиздринский уезд, Брянской губ., б. Калужской губ.

3) Средне-Волжский район.

Симбирская.	Симбирская.
Саратовская.	Саратовская.
Пензенская.	Коммуна немцев Поволжья.
Казанская.	Пензенская.
Нижегородская.	Татреспублика.
Уфимская.	Марийская.
	Чувашская обл.
	Нижегородская.
	Уфимская.
	Башкирская.

\+ Царицинский уезд Царицинской губ., б. Саратовской.

— Часть Елабужского, Ярапского у., Вятской губ., входящих в состав Марийской и Чувашской обл. и Татреспублики.

— Часть Башкирской республики, выделившейся из Шадринского у. Екатеринбургской губ. и Красноуфимского уезда, Пермской губ., Верхне-Уральского и Троицкого у.у. Челябинской губ., Орский и Оренбургский у. у. Оренбургской губ., часть Бугульминского у., входящего в Татреспублику, б. Самарской губ.

— Новоузенский у., входящий теперь в Саратовскую губ., б. Самарской губ.

4) Новороссийский район.

Херсонская.	Николаевская.
Таврическая.	Одесская.
Екатеринославская.	Екатеринославская.
Обл. Войска Донского	Донецкая.
	Александровская.
	Обл. Войска Донского.
	Крым.

\+ Александрийский у. Кременчугской губ., б. Херсонской.

— Балтийский у. Одесской губ., б. Подольской губ.

\+ Старобельский у. Донецкой губ., б. Харьковской губ.

\+ Часть Обл. Войска Донского, отошед. к Царицинской губ.

5) Нижне-Волжский район.

Самарская.	Самарская.
Астраханская.	Царицынская.
	Астраханская.
	Букеевская.

\+ Новоузенский уезд Саратовской губ., б. Самарской губ.

— Царицынский уезд Царицынской губ., б. Саратовской губ.

\+ Бугульминский кантон, ныне Татреспублика, б. Самарской губ.

— Часть Обл. Войска Донского, входящей в состав Царицынской губ.

Нечерноземная полоса.

6) Белорусский район.

Могилевская.	Гомельская.
Минская.	Белорусская С. С. Р.
Витебская.	Витебская.
Смоленская.	Смоленская.
	— 4 уезда Гомельской губ.— Новозыбковский, Стародубский, Суражский и Мглинский, б. Черниговской губ.

7) Приозерный район.

Ленинградская.	Ленинградская.
Псковская.	Псковская.
Олонецкая.	Олонецкая.
Новгородская.	Карельская тр. Коммуна
	Новгородская.
	Череповецкая.
	+ 1 уезд Вологодской губ.

8) Центрально-Промышленный район.

Владимирская.	Владимирская.
Московская.	Иваново-Вознесенская.
Калужская.	Московская.
Тверская.	Калужская.
Ярославская.	Тверская.
Костромская.	Ярославская.
	Рыбинская.
	Костромская.
	1 уезд Брянской губ.

9) Северный район.

Архангельская.	Архангельская.
Вологодская.	Мурманская.
	С.-Двинская.
	Вологодская.
	Зырянская.
	1 уезд Вологодской.

10) Приуральский район.

Вятская.	Вятская.
Пермская.	Вотская.
	Пермская.
	Екатеринбургская.
	2 уезда Татреспублики.
	2 уезда Башкирской респ.

Азиатская Россия.

1) Северный Кавказ.

Кубанская.	Кубано-Черноморская.
Ставропольская.	Ставропольская.
Терская.	Терская.
	Горская.

2) Сибирь.

Тобольская.	Тюменьская.
Томская.	Омская.
Енисейская.	Томская.
Иркутская.	Ново-Николаевская.
Якутская.	Алтайская.
	Енисейская.
	Иркутская.
	Якутская.
	+ Курганский у. Челябинской губ., б. Тобольской губ.
	— Омский у. Омской губ., б. Акмолинской губ

3) Степной край.

Акмолинская.	Акмолинская.
Семипалатинская.	Семипалатинская.
Оренбургская.	Оренбурго-Тургайская.
Тургайская.	Челябинская.
Уральская.	Уральская.
	Актюбинская.
	+ Омский уезд Омской губ., б. Акмолинской губ. Башреспублики б. Орского и Оренбургского у. у., Верхнеуральского и Троицкого, б. Оренбургской губ.
	— Букеевская.

Последние области Азиатской России: 4 — Закавказье, 5 — Туркестан, 6 — Дальний Восток.

Перечисленные 10 районов Европейской России могут быть соединены в 6 областей, опять-таки, с запада на восток. 3 — в нечерноземной полосе — северо-запад, промышленный центр, северо — восток. 3 — в черноземной: юго-запад, земледельческий центр, юго-восток. Наконец, соединяя попарно черноземные и нечерноземные области соответствующих долгот, мы получаем три областных группы: запад, центр, восток. Так как аграрная эволюция, историко — географический анализ которой составляет главную цель нашей работы, двигается по направлению с востока на запад, а „рассеяние“ населения происходит с запада на восток, то наша тройственная группировка районов позволит нам, когда это необходимо, выяснить то в самых общих грубых чертах, то в более сложных и тонких деталях основные черты процессов современной аграрной эволюции в России,

Третья ступень — отыскивание, так называемых, „фокусных признаков“, т. е. таких, в которых, как в фокусе, отражается вся совокупность явлений хозяйственной жизни в целом или отдельных ее отраслей. Так например, перевозки по железным дорогам, гужевым и водным путям дают нам яркую картину народного хозяйства в целом; каждая станция ж. д., по образному выражению проф. А. И. Чупрова, представляет собою, как бы экономическую обсерваторию. Таким же фокусным признаком является также учет народного дохода в целом.

Первая часть нашего труда посвящается, главным образом, сельскому хозяйству и поэтому оба фокусных признака в этой части неприложимы в широком масштабе. В данный момент их было бы трудно приложить еще и потому, что до сих пор не опубликована сводная и доста-

точно детальная (по губерниям и по районам) статистика перевозок по жел. дорогам и водным путям за новейший период после революции. Мы надеемся, что они выйдут в свет в ближайшем времени. С другой стороны, национальной доход наш до сих пор также не подвергался более или менее обстоятельному учету, за исключением суммарной попытки С. Н. Прокоповича выпустившего в 1918 г. брошюру „Опыт исчисления народного дохода по 50-ти губерниям Европейской России в 1900—13 гг". В настоящее время учет национального дохода, хотя и приблизительный, произведен ЦСУ и некоторыми другими учреждениями. Поэтому применение метода признаков—фокусов мы откладываем до второй части нашего труда, которая будет посвящена анализу промышленности, торговли, транспорта и народному доходу в его целом. В первой же части мы используем указанные данные лишь для характеристики торговли сельско-хозяйственными продуктами.

К этим трем ступеням следует прибавить четвертую: именно отыскивание таких фокусных признаков, которые бы давали одновременно характеристику не только хозяйственных явлений, но и естественно-исторических условий, этнографического момента, путей сообщения естественных (водных) и искусственных (железнодорожных) и т. д.

Попытку такого, так сказать, четвертого измерения районов в самое последнее время дал председатель районной секции Госплана проф. И. Г. Александров, который ввел в свою систему районирования, кроме комплекса вышеуказанных естественно-исторических, с.-х. и торгово-промышленных признаков, еще два новых: формы поселений и бассейны рек, а также пути сообщения. Подходит он и к третьему признаку, имеющему, по его мнению, весьма важное значение для построения автономных областей Российской Федерации, именно к национальному признаку. Не следует забывать, что в данный момент происходит перестроение России на федеративных началах, и этот признак играет важное значение при установлении тех или иных границ автономных областей. Вот почему, по его мнению, экономический признак должен быть выявлен в такой форме, чтобы он не шел вразрез с развитем того или иного районов в хозяйственном отношении с одной стороны и не мешал проявлению и развитию национально — бытовых особенностей — с другой. [1])

Руководимой проф. И. Г. Александровым районной секции Госплана пришлось отыскивать свой метод и реализовать его в виде предварительной схемы районов. При этом Госплан раздвинул шире, чем обыкновенно, рамки природной характеристики районов, принял в расчет, кроме климата и почвы, гидрографию и орографию страны, распределение грунтовых вод и морскую береговую линию. Особое внимание обращено на бассейны крупных рек, морей и озер, ибо эти бассейны с одной стороны служили и продолжают служить формирующим моментом в ходе заселения и развития культуры, с другой, при больших размерах они играют роль крупных путей сообщения и с ними связаны различные формы использования водной энергии: мелиорация, лесное хозяйство, водоснабжение и пр. Изучая экономическую структуру района, участники Госплана обращали главное внимание не на отыскание тех или иных статистических признаков, как всеобъемлющих критериев: по мнению проф. Александрова этих критериев найти нельзя. Они задались иной задачей — „выделить в виде района некоторую своеобразную экономически законченную (но не замкнутую) территорию страны, которая, благодаря определен-

[1]) См. „Экономическое районирование России". Изд. Госплана. 1922 г.

ной комбинации из природных особенностей, капитальных ценностей (т. е. культурных накоплений прошлого времени) и населения с его бытом и подготовкой для производительной и вообще хозяйственной деятельности, представляла бы определенную потенцию для выполнения той или иной функции в общей хозяйственной динамике страны". [1])

В другом месте (См. брошюру, изданную под ред. проф. Г. М. Кржижановского „Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Госплана", выпуск 1, проф. Александров поясняет свою идею такой формулой: „Район—не замкнутая в экономическом отношении территория, а мощное звено в общей народно хозяйственной цепи".

Такое значение районов можно обосновать с двух точек зрения: с точки зрения разделения труда и с точки зрения необходимости комбинации процессов.

Разделение труда между районами предполагает их специализацию с одной стороны и с другой—хороший налаженный обмен между районами, так как иначе специализация теряет смысл, а район превращается в замкнутое натуральное хозяйство и выпадает из общей государственной связи. Мы наблюдаем здесь, следовательно, теснейшую зависимость между транспортом и разделением труда между районами". [2])

„Другие стороны вопроса связаны с комбинированием хозяйственных вопросов внутри района. Если можно доказать, что данные границы районов максимально поднимают работоспособность или, что то же, энергетику каждого из них, то такое доказательство вместе с тем покажет, что районирование проведено экономически правильно". (стр. 94—95 указанной брошюры).

Таким образом, тот метод районирования, который проф. Александров назвал энергетическим и который сводится к тому, что построение районов имеет своей конечной целью под'ем производительных сил всей страны, как целого, и отдельных районов, как составных частей этого целого, должен принять в расчет всю комбинацию условий для развития производительных сил как природных, так и зависящих от самодеятельности населения района и от работы государственных и местных органов власти. Для того, чтобы оценить условия хозяйственного под'ема данного района, надо знать, как складывалось его хозяйство.

„Конструировать хозяйственный район можно только в том случае, если будет выяснено, как он возник и сложился. Мы живем в период постоянных текущих перемен в экономической жизни. Под влиянием хотя бы одного такого фактора, как проведение железных дорог, целые области в несколько лет попадают из сферы натурального в сферу капиталистического хозяйства. Само собой понятно, что в такой период выявления оснований, характеристика района может происходить только путем известного углубления в его историю". Эта точка зрения - другого автора брошюры „Экономическое районирование России" проф. С. В. Коган-Бернштейна, которую он называет генетической; к ней подходил и проф. Челинцев. Районы, как стадии общей экономической эволюции страны—таково в двух словах содержание генетической точки зрения.

Итак, совершенно очевидно, что для планомерного развития производительных сил страны районирование должно строиться не только на по-

---

[1]) „Экономическое районирование России". Стр. 32.
[2]) Там же.

знании настоящего географического расположения отдельных элементов народного хозяйства, но и на знакомстве с характером эволюции этих элементов до сих пор и с главными условиями их развития в ближайшем будущем.

Выработанное Госпланом районирование кладется сейчас в основу хозяйственно административного переустройства всего СССР. В настоящее время оно принято центральными органами государства и начинает проводиться в жизнь. Конкретно вся нынешняя Россия делится на следующие 21 район.

А. Европейская Россия.

1) Северо-западная область	(Центр—Ленинград).
2) Северо-восточная »	(» Архангельск).
3) Западная »	(Белоруссия) (центр—Смоленск).
4) Центрально-промыш. область	(Центр Москва).
5) Ветлужско-Вятская »	(» Вятка).
6) Урал	(» Екатеринбург).
7) Юго-западная »	(» Киев).
8) Центрально-черноземн. »	(» Воронеж).
9) Средне-волжская »	(» Самара).
10) Юго-восточная »	(» Саратов).
11) Южная горно-промыш. »	(» Харьков).
12) Северный Кавказ	(» Владикавказ).
13) Закавказье	(» Тифлис).

Б. Азиатская Россия.

1) Западно-Сибирская область	(Центр—Омск).
2) Кузнецко-Алтайский район	(» Томск).
3) Енисейский »	(» Красноярск).
4) Ленско-Ангарский »	(» Иркутск).
5) Якутский »	(» Якутск).
6) Дальне-Восточная обл.	(» Владивосток).
7) Степная Киргизская область	(» Оренбург).
8) Туркестан	(» Ташкент).

В течение трех последних лет границы районов подвергались постоянному обсуждению, в процессе которого, в конце концов, выработалась окончательная схема административно-хозяйственного деления России. Согласно этой схеме, губернии будут упразднены и вместо них и уездов названные сейчас области будут поделены на округа, а округа непосредственно на волости более крупные, чем современные. Процесс планомерного переустройства России уже начался в некоторых областях: напр., на Украине он уже продвинулся довольно заметно вперед. С 1924 г. начинается реорганизация Урала.

Таковы вкратце главнейшие попытки районирования России. Несмотря на столетнюю давность, до сих пор, как видно из изложенного, научные и практические исследования проблемы районирования находятся еще в процессе исканий и далеко не закончены. Современная действительность заострила и осложнила эти искания рядом практических задач построения, на основе районирования, административно-хозяйственных областей России. Эти задачи необходимо разрешить теперь же, ибо вслед за периодом разрушения старых форм наша революция вступает в фазис созидания новых форм как политической, так, особенно—народно-хозяйственной жизни.

Старые формы народно-хозяйственной эволюции, как мы говорили, страдали односторонностью: в XIX веке, до вовлечения России в орбиту мирового хозяйства, у нас промышленность была развита очень слабо, сельское хозяйство шло по пути расширения экстенсивного зернового земледелия в ущерб скотоводству. В XX веке, когда связи России с мировым хозяйством расширились, мы наблюдали до войны убыстренное развитие индустрии и начало сельско-хозяйственной специализации районов как в земледелии, так и в животноводстве. Но индустриализация России страдала одним недостатком—излишним централизмом. Старая самодержавная власть из своих политических видов искусственно притягивала индустрию к северным столицам, тогда как население, в значительной степени, сползало к югу и выселялось на восток, где естественные условия давали полную возможность развития не только сельского хозяйства, но и индустрии в самых различных формах как „тяжелой" (металлургической), так и „легкой" (текстильной) и всякой другой. Источники технического топлива — каменный уголь, нефть, железо, хлопок и т. д. лежали на южных и восточных окраинах, а обрабатывающая это сырье промышленность—за тысячи верст от нее, в старых центрах. Теперь с падением самодержавия и отрезанностью нас от Балтийского моря должно произойти перемещение индустрии из центра к окраинам на юг и восток, и это рассеяние промышленности углубит и сельско-хозяйственную специализацию районов России, ибо индустриализация разовьет рыночность сельского хозяйства, а рыночность приведет к усиленному производству в каждом районе тех продуктов, культивирование которых наиболее выгодно по природным и экономическим условиям. Эта же специализация должна будет усилить и товарообмен между районами, которые превратятся в строго дифференцированные части единого народно-хозяйственного организма. Как формулировал сущность эволюции еще Спенсер в „Основных началах"— мы должны добиваться при построении народного хозяйства в России перехода от „бессвязной неопределенной разнородности к связной, определенной разнородности" углубляя и развивая все выгодные экономически-природные особенности районов и национально-бытовой уклад их населения.

ГЛАВА III.

Физико-географические области России.

§ 1. Значение природных факторов.

Природа оказывает огромное влияние на хозяйственную деятельность человека. Это влияние сказывается прежде всего в виде резкого ограничения сферы приложения человеческого труда к земле там, где необходимые для сельского хозяйства факторы находятся в минимуме. Можно установить определенное положение: хозяйственная деятельность человека в каждой данной области ограничивается находящимися в минимуме природными факторами.

В уже цитированной в предыдущей главе работе Б. Н. Книповича. (К методологии районирования), мы находим попытки сопоставления естественно-исторического и экономического районирования, иллюстрированные картами, из которых можно видеть, как близко авторы этих

попыток — натуралисты, агрономы и экономисты (профес. Броунов, Дояренко, Випер, Прасолов, Челинцев) подходят друг к другу. Сравнительный анализ всех этих попыток приводит Б. Н. Книповича к тому выводу, что природные факторы районирования главным образом— климат и почва являются первичными, экономические же — вторичными, до известной степени, производными от первых.

В недавно изданных „Очерках экономической географии" С. П. Коган-Бернштейна, автором довольно много места уделяется влиянию природных факторов на хозяйственную деятельность человека. Он указывает, например, что основные направления воздушных течений и барометрических давлений распределяются над земной поверхностью более или менее ясно выраженными поясами или зонами. Такой же зональности можно ожидать и в распределении осадков, при их зависимости от воздушных течений (стр. 29) Автор недостаточно отчетливо отмечает, что причиною зональности самих воздушных течений — служит неравномерное поясное распределение света и тепла на поверхности земного шара, неодинаково нагреваемого солнечными лучами. От зональности климата зависит, естественно, зональное распределение растительности на земном шаре, а затем и зональность почвенного покрова, т. к. образование почв происходит в тесной связи с составом растительности и количеством осадков. Растительные пояса на земном шаре расположены следующим образом: на экваторе—зона тропических лесов. шириной от 12 до 30 градусов; за ней к северу и югу идут либо травянистые степи, либо там, где осадков мало—пустыни и полупустыни. К этой зоне относятся прерии Сев. Америки, пампасы и льяносы Южн. Америки, наши южные степи, венгерские пушты, испанские дез'ертосы и т. д.[1]) Местами климат здесь более влажный—главным образом, в пределах Европы, но в Африке и Азии—от Сахары и Аравии до восточных оконечностей Центрально-Азиатского плоскогорья господствуют пустыни и полупустыни. Следующий пояс—переходный между степной и лесостепною зонами—американские саванны и наши лесостепи.

Четвертая зона—лесная с большим количеством осадков; пятая вблизи полярных кругов—тундровая и, наконец, вечные снега.

В таком же направлении идет и зональность почв: степным зонам соответствуют черноземные и каштановые почвы, пустыням — сероземы, лесным—светлые подзолистые почвы и т. д.

В зависимости от зональности естественно-исторических факторов, распределяется и плотность населения, телесные (соматические) признаки человека: цвет кожи, волос, его хозяйственно-бытовые особенности и т. д. Напр., на экваторе люди мало подвижны, ленивы, в умеренном климате— энергичны.

В зависимости от зональности находится, что вполне понятно, и распределение культурных растений: можно отметить северную ржано-ячменную и овсяную зону в лесах, пшеничную—степную, субтропическую,— хлопковую и рисовую, зону тропических культур и т. д. Комбинация естественно-исторических факторов и сельско-хозяйственной деятельности, дает в результате такие зоны:

1) Полярную — или необитаемую, или с весьма редким населением, занимающимся рыболовством, охотой, оленеводством.

---

[1]) См. Докучаев. «Наши степи прежде и теперь».

2) Зону северных лесов, также мало населенную, где на первом месте стоит лесное хозяйство, затем молочное скотоводство и на 3-ем месте земледелие. возделывание ячменя, овса, ржи.

3) Зону зерновых хлебов—умеренный пояс лесостепей и северных степей. Эту зону, идя с севера на юг, можно разбить на пояса—ячменный, ржано-овсянный и кукурузно-пшеничный. Здесь же культивируются садовые, огородные растения и домашний скот.

4) Субтропическую зону, которая делится: а) на субтропики средней влажности — Средиземно-морское побережье с культурой маслин и апельсинов, б) Субтропические пустыни—Сахару, Аравию с финиковыми пальмами—Египет, Туркестан с хлопком и в) на влажные субтропики—в Японии, Китае, на севере Индии, в южной части Соединенных Штатов, Бразилии, Аргентине, части Австралии и Новой Зеландии. Рис, сахарный тростник, хлопок, чай—здесь главные культуры. В России к влажным субтропикам относится Черноморское побережье Грузии, особенно в Батумской области.

5) Тропическую зону, делящуюся на а) внешнюю тропическую зону, где между временами года наблюдается довольно заметная разница и б) внутреннюю тропическую зону с высокой равномерной температурой и большим количеством осадков. Культурные растения первой—бананы, копра, хлопок, джут, перец, индиго; второй—кокосовая пальма, какао, каучуковое дерево и бесчисленное множество экзотических, преимущественно древесных, культур. Главные экспортные товары—перец, мускат, ваниль, копра и масло из кокосовых орехов.

Кроме климата, растительности и почвы, носящих зональный характер, на хозяйственную деятельность оказывают весьма большое влияние природные факторы, лежащие за пределами зональных влияний, а именно: географическое положение, близость к морю или удаленность от него, орография и гидрография и особенно — наличие в недрах полезных ископаемых.

Географическое положение в экономическом смысле—т.-е. пространство, отделяющее данный район от рынков сбыта его продуктов, несмотря на развитие усовершенствованных путей сообщения, до сих пор чрезвычайно сильно влияет на его хозяйственное развитие, Возьмем, например, наши Западно-Сибирские лесостепи и степи, которые могли бы, быть может, играть такую же большую роль в снабжении Западной Европы пшеницей, как и Соединенные Штаты Америки, если бы они не были удалены от ближайших портов 4—5-ю тыс. верст сухопутного пути. Мы уже указывали, что водный транспорт удешевляет провоз грузов в 4—5 раз сравнительно с железнодорожным. Поэтому второй фактор—„близость к морю и наличие удобных морских портов по прежнему является огромным преимуществом, точно так же, как наличие удобно расположенной и достаточно мощной сети различных путей, (Коган-Бернштейн, стр. 55).

Рельеф также важен для проведения железных дорог, ибо по равнине их гораздо легче проводить, чем по горным местностям. Но самое большое значение имеют в хозяйственной жизни страны полезные ископаемые, из которых главные, в данную эпоху—уголь, железо и нефть.

Мировые запасы угля расположены:

В Америке	5105,5	миллиардов тонн
» том числе: В Соедин. Штатах	3838,6	» »
В Канаде	1234,2	» »
» Азии	1279,6	» »
» Европе	784,2	» »
» том числе: В Германии (на прежн. территории)	423,4	» »
» Океании	170,4	» »
» Африке	57,8	» »

Мировые запасы железа в руде (миллионы тонн):

В Европе	
В том числе в Англии	4732,5
» Германии	1270,0
» Франции	1140,0
» Швеции	740,0
В Америке	5154,0
Соедин. Штаты	2305,0
Нью-Фаундленд	1961,0
Куба	857,0
Всемирные запасы	10192,0

Добыча нефти в 1914 г. достигала 3522 милл. пуд., из которых 2349 милл. приходилось на Соедин. Штаты и 550 милл. пуд. на Россию. Естественные богатства недр России еще не исследованы с такой полнотой, как в Европе и Америке. Позднейшие изыскания главных месторождений угля дают такие цифры запасов:

Донбасс	55	миллиардов тонн
Подмосковный бассейн	8	» »
На Урале около	1	миллиарда тонн
Кузнецкий бассейн	250	миллиардов тонн
Черемховский	150	» »

Всего около 500 миллиардов тонн, несчитая огромных залежей Якутской области и Туруханского края. Железной руды на юге России до 63 миллиардов пудов, на Урале — 25 миллиардов, в Сибири около 6-ти миллиардов—всего до 100 миллиардов пудов, или около 1500 миллионов тонн, кроме исследуемого сейчас, едва ли не первого в мире месторождения в Курской губернии (Курская аномалия).[1]) Отсюда, видно, что по количеству запасов полезных ископаемых, Россия занимает далеко не последнее место, но расположены они преимущественно на окраинах России, недавно, или мало еще заселенных, что задерживает их исследование и разработку.

Большее или меньшее количество полезных ископаемых очень сильно влияет на экономическую жизнь отдельных стран. Промышленность, как указал проф. Альфред Вебер, оседает ближе либо к источникам *топлива* (каменного угля, нефти и проч.), либо к источникам сырья (для тяжелой индустрии, главным образом железа), либо к месту *сбыта* готового продукта, в зависимости от того, какое значение имеет тот или другой фактор в себестоимости фабриката, производимого данной отраслью

[1]) См. Труды Госплана, кн. II-ая статья М. М. Пригоровского «Геологическая структура и полезные ископаемые России».

промышленности Кроме того промышленность часто притягивается районами с густым населением, т. к. здесь легче всего найти рабочие руки. В этом отношении наши Азиатские месторождения поставлены весьма плохо и их широкая разработка—дело более или менее отдаленного будущего. Но при построении районов по „энергетическому принципу" нельзя игнорировать присутствие этого фактора будущего развития производительных сил.

Таково значение основных природных факторов в хозяйственной деятельности человечества.

Природные факторы — постоянны, экономические же — изменчивы во времени. Природные факторы — это фундамент того здания народного хозяйства, которое воздвигает человек своей неустанной энергией в течение веков и тысячелетий; впрочем, пожалуй, это сравнение будет правильным лишь до того момента, пока человек не овладевает таинственной лабораторией природы. По мере развития человеческой техники и культуры, сами природные факторы начинают поддаваться воздействию человека в последовательном порядке: сначала фауна и флора—факторы производственные от почвы и климата, затем почва, естественные пути сообщения, водные источники, и наконец, хотя пока в весьма ограниченных пределах, самый основной и труднее всего поддающийся человеку фактор—климат. Поэтому, если природа направляет хозяйственную деятельность человека, который в начальных фазисах экономической истории должен приспособляться к ней, то по мере хозяйственной эволюции настает такой момент, когда человек сам начинает изменять, приспособляя для своей цели, те или иные природные факторы.

В Западной Европе человечество уже овладело целиком флорой и фауной и, в значительной степени, естественным плодородием почвы: поэтому и колебания климата, так убийственно отражающиеся на сельском хозяйстве России, там сейчас играют уже сравнительно незначительную роль. В начале XX века в Германии большие засухи, как и в России, были в 1891, 1901 и 1911 гг., но урожаи в эти годы понижались против средних не более, чем на 10%, тогда как в черноземной России, в иных губерниях они падали в 2,5 и более 10 раз. Интенсификация земледелия Германии вполне застраховала ее население от вредного влияния климатического фактора. Но в России сельское хозяйство, в подавляющем большинстве районов, находится еще в экстенсивном фазисе эволюции, и потому роль природных факторов у нас до сих пор является во многих случаях первенствующей—именно тем фундаментом, на основе которого формируются хозяйственные типы тех или иных районов. Поэтому мы должны, прежде чем перейти к характеристике хозяйственной деятельности населения России, дать краткий очерк физико-географических условий этой деятельности.

§ 2. Происхождение почвенно-ботанических зон России.

Из физико-географических факторов первенствующее значение у нас имеют почва, климат и, как результат взаимодействия обоих факторов—флора. Рельеф в виду преимущественно равнинного характера нашей территории, особой роли не играет. Значение рек, после появления железных дорог, отходит на второй план. Поэтому в основу районирования по физико-географическим признакам чаще всего кладется почва, как первичный фактор.

Почвенные области России представляют из себя зоны, изменяющиеся в широтном направлении—с севера на юг. Как уже указывалось, в почвенном отношении Европейская Россия, а также и Сибирь, прежде всего, делятся на две главных полосы: северную—нечерноземную и южную—черноземную. Эти полосы образовались в результате длинной геологической истории великой российской равнины. Основной причиной их появления послужил колоссальный ледник, который в послетретичную эпоху охватывал большую часть восточно-европейской равнины, простираясь на юг до северных пределов нынешней черноземной полосы и даже местами вклиниваясь в нее (на западе по среднему течению Днепра до Кременчуга, на востоке—по Дону до устья Медведицы). Этот ледник, толщина которого, как предполагают, достигала двух тысяч футов, постепенно подтаивая, подвигался на юг и в своем движении оказывал огромное влияние на рельеф страны и строение горных пород, образующих ее поверхность. Он сглаживал все горы и холмы, стирал, измельчал их каменистый остов и, увлекая обломки, постепенно оставлял их на своем пути в виде бугристых гряд, носящих название морен. Образование моренных гряд альпинисты-географы наблюдают и теперь в горных ледниках. Моренные насосы, которыми великий российский ледник покрывал поверхность северной России, представляют смесь глины и песку с валунами, и каменистым хрящем и галькой, одевающую более древние породы.

Ледник не стоял на одном месте; он то надвигался на юг, захватывая все большие пространства, то наступал на север, пока окончательное смягчение европейского климата не растопило его совсем. Постоянное таяние ледника в последний период создавало огромные массы воды, которые, протекая по моренным отложениям, постепенно размывали и стирали их в порошок, образуя песчано—глинистые насосы, перемешанные зачастую с хрящем и галькой и прикрытые кое-где валунами и грядами мелких холмов—остатками прежних морен (так называемый моренный ландшафт).

С ледниковых полей, благодаря разнице в температуре, дули постоянные ветры по направлению на юг. Эти ветры, по словам проф. Сибирцева, „были опускающиеся, нисходящие и потому динамически-нагревающиеся и вместе с тем—сухие“. Представим себе теперь, что великий ледник отступает и постепенно, начиная с юга, освобождает от ледяного покрова пустынные моренные пространства. Над влажными толщами валунных глин, щебней, песков и проч. пробегают в одном и том же направлении токи сухого и относительно теплого воздуха (фены): они быстро осушают поверхность и выдувают из моренных масс ледниковую пыль, отлагая ее дальше к югу [1]). Сдуваемая ветрами, ледниковая пыль оседала в южной половине Европейской России и здесь, смешиваясь с тонкими частицами песку и глины, образовала мелко-зернистые лессовые почвы, характерные не только для юга Европейской России, но и для туркестанских степей.

Когда ледник растаял, оставив после себя в северной половине России моренные песчано-глинистые, грубо-зернистые почвенные отложения, в южной—тонкие—лессовидные и, сверх того, ряд больших рек, текущих в меридиональном направлении с севера на юг,—на освобож-

[1]) Сибирцев. „Почвоведение“, вып.1, стр. 20. Цитировано по Анисимову „Экономическая география России“. Эта глава представляет преимущественно переизложение физико-географ. очерка Анисимова.

денной от льда и воды земле стала появляться растительность. Вначале, пока климат был суров, эта растительность на севере носила тундровый характер; по мере того, как атмосфера становилась теплее—на большей части северной половины не только России, а и всего Европейско-Азиатского материка,—так называемой Евр. Азии, появились дремучие леса. Эти леса тянулись с севера Франции, через Германию, Европейскую Россию и Сибирь вплоть до Охотско-Камчатского побережья. Одновременно на юге в степях стала развиваться травяная растительность. Развитие этих двух растительных формаций—лесной и травяной стояло в тесной связи с вышеуказанными почвенными образованиями. Лесная растительность не выносит почв, богатых минеральными солями. Почвы северной половины России были подготовлены в этом отношении благодаря ледничковым и атмосферным водам, которые размыли их и вышелочили соли, как здесь, так и в долинах южных рек; поэтому, и в настоящее время на юге леса ютятся преимущественно на размытых (выщелоченных) почвах речных долин, балок, оврагов. Почвы же южных степей, благодаря сухости и сравнительной теплоте степного климата сохранили большее количество минеральных солей, не препятствовавших развитию травяной растительности, покрывавшей степи роскошным ковром на протяжении десятков тысячелетий.

Остатки древесной и травяной растительности, сгнивая и перемешиваясь с неорганическими веществами материнских пород, создавали разнохарактерные почвенные образования. Древесные остатки разлагаются очень быстро, при полном окислении, что создает легко растворимые подвижные соединения с минеральными частями. Выщелачиваясь и растворяясь в воде, эти соединения оставляют после себя почти лишенный минеральных солей белесоватый порошок, так называемый, подзол, прикрытый сверху тонким слоем дернины. Отсюда название светлых северных почв—дерново-подзолистыми.

Южные почвы гораздо темнее. Органические остатки травы разлагаются значительно медленнее, вымывания их не происходит и продуктом этого неполного окисления является „гумус“—питательное вещество, окрашивающее почву в более или менее темный цвет. В зависимости от наличности большего или меньшего процента этого гумуса в почве мы имеем различные оттенки южных степных черноземов—чистый чернозем (черный), шоколадный, каштановый; смешиваясь с песком и глиной, черноземные почвы образуют суглинки и супеси.

Таково в общих чертах происхождение основных почвенно-ботанических зон как Европейской, так равно и Азиатской России. В настоящее время мы имеем довольно заметно разграниченные следующие зоны:

1) Тундровая.
2) Болотисто-таежная (северных лесов).
3) Южное полесье (полоса суходолов и смешанных лесов).
4) Лесостепная (переход от лесов к степи).
5) Северо-(черноземно) степная.
6) Южно-степная (пустыни).
7) Горные области.

Кроме этого широтного деления по почвенно-ботаническим признакам, следует указать еще на долготное климатологическое деление. Благодаря большей близости к западным частям почвенных зон теплого течения Гольфштрема, климат на западе более теплый и влажный, разница между температурой зимы и лета меньше.

Чем ближе к востоку, тем климат континентальнее, т.-е. холоднее и суше, разница температуры, по временам года, становится более резкой. В общем, климатические факторы совпадают с почвенно-ботаническими так же, как эти последние довольно близки к экономическим: и в результате Б. Н. Книпович имел право констатировать, что метеорологические районы проф. Броунова, установленные им в 1920 году, в значительной мере совпадают с сельско-хозяйственными районами проф. Челинцева и с естественно историческими районами проф. Прасолова и Дояренко.

Поэтому, принимая вышеизложенное почвенно-ботаническое деление России на зоны, как основное, даем краткую характеристику каждой из зон в естественно-историческом отношении.

Тундровая зона. Тундровая зона характеризуется, в сущности, отсутствием настоящих почв. Почвы, как видно из сказанного, создаются путем механического и химического соединения минеральных веществ с органическими остатками растительности. Но суровый климат тундровой зоны препятствовал образованию мало-мальски крупной растительности, кроме мхов, лишаев, низкорослой травы и двух-вершковых полярных кустарников: ивы, березы, кедра и других. Средняя годовая температура тундровой зоны, почти повсеместно—ниже нуля. Вегетационный период (весны и лета) продолжается 6—8 недель. Поэтому грубый, мало питательный для растений гумус окрашивает глинистые и суглинистые почвы лишь на глубину 3—5 сантиметров. В общем тундра представляет на огромных пространствах зыбкое болото, оттаивающее летом на глубину нескольких вершков и поросшее преимущественно мхами, среди которых растет масса морошки, клюквы и брусники. Из разновидностей мхов наиболее распространен белый мох—ягель, составляющий главную пищу северных оленей, являющихся, в свою очередь, основой бытия большинства северных инородцев. Но если растительный мир тундры чрезвычайно невзрачен, зато животный—в короткий летный период становится весьма богатым. Зимой в тундре остается немного зверей: песцы, пеструшки, белые медведи, и северные олени, да еще полярные куропатки—вот и все постоянное животное население тундры. Зато с весной сюда стремятся с юга несметные стаи птиц: гуси, утки, лебеди, гагары, крупные гаги с ценным пухом: хищные соколы, ястреба и другие. Из тайги прибегает множество зверей, лисиц, волков, горностаев, зайцев, ласок. На море появляются стада тюленей, моржей, котиков и китов; в реки для нереста (икрометания) устремляются несметные полчища рыб—ценных лососевых, красных пород, селедки, трески и других.

В Европейской России тундровая зона тонкой полосой обрамляет наш север, доходя, по большей части, лишь до полярного круга. В Сибири пояс тундр, под влиянием холодного ветра Ледовитого океана, расширяется и спускается в районах Обской и Тазовской губы до 64° северной широты; еще южнее он проходит на дальне-восточном побережьи, где его пределы достигают 60°. Впрочем, южные пределы тундровой зоны, как и всех остальных, не имеют ясно очерченных границ: понемногу, на болотистой равнине появляются сначала тощие кустарники и мелколесье, затем—рощи высокоствольных деревьев, переходящие еще далее в сплошную тайгу, составляющую второй, гораздо более мощный пояс, в особенности, в пределах Сибири.

Таежно-болотистая зона. В почвенном отношении таежно-болотистая зона характеризуется преобладанием дерново-подзолистых

формаций—светло окрашенных суглинков и супесков. Моренные наносы придают тайге довольно пересеченный характер: хребтовидные гряды, бугры и увалы перемежаются с котловинами и речными долинами. Число рек, болот, озер очень велико. Некогда великая тайга покрывала собой всю северную половину материка Евр.-Азии. Это был тот знаменитый Герцинский лес, о котором писал Юлий Цезарь и который, начинаясь от Франции, покрывал большую часть Германии и, огибая Венгрию, шел через всю нынешнюю Европейскую Россию и Сибирь вплоть до Камчатки. На западе Европы сплошные леса уничтожены человеком; в России, особенно в Сибири, они сохранились, хотя и здесь производимые населением лесные пожары сильно видоизменили состав древесной растительности. Наиболее распространенным видом является ель, обитающая повсюду, от Охотского моря до Восточной Пруссии. В Сибири, в северной части тайги, довольно часто встречаются кедровые и пихтовые рощи; в Европейской России их нет так же, как и лиственницы, растущей южнее. Зато здесь вслед за елью выступает сосна, любящая песчаные почвы. После пожаров на лесных гарях образуются бельники из белоствольных берез и осины.

Климат таежного пояса также суровый: средняя годовая температура колеблется между 0+3-х и только в южной части дает+4. Вегетационный период у северных пределов болот и тайги длится около 125 дней, в южной части—доходит до 150—160 дней. Земледелие здесь в общем возможно даже до 60°, но представляется неблагодарным и рискованным делом, благодаря плохим почвам, требующим сильного удобрения и весенним заморозкам, которые в северной части бывают иногда даже в первых числах июня (старого стиля). В западной части Европейской России таежно-болотистая зона спускается несколько южнее Ленинграда; затем, проходя вблизи Новгорода и Вологды, к востоку она доходит до параллели Нижнего-Новгорода; далее, захватывая северную часть Уфимской, проходит по южной границе Пермской губернии; в Сибири она расширяется на восток, охватывая большую часть Тобольской и Томской губ., почти всю восточную Сибирь и большую часть Приамурья. В общем, таежная зона Сибири—длиной до 7.000 верст и шириной от 1.000 до 3.000 тыс. верст.

Травы в тайге нет, за исключением отдельных полян. Поэтому скотоводство здесь затруднено, так же, как и земледелие. Убийственно для скота обилие «гнуса»—комаров, мошек, слепней, оводов и других кровососущих насекомых, не дающих покоя ни зверю ни человеку днем и ночью. Множество зверей ценных пород населяют тайгу: медведи, волки, лисицы, белки, рыси, россомахи, хорьки, куницы, соболя, лоси, косули, маралы, изюбры, а в Приамурьи—тигры, барсы и прочие. Птиц—более двухсот видов.

Зона смешанных лесов.

В западной половине Европейской России к таежной зоне примыкают довольно значительные области, покрытые смешанными лесами, в которых преобладают лиственные породы: Это—районы Белоруссии, части Литвы и Польши, севера Украины; средняя годовая температура здесь от+4°до+7°; разница между температурой января и июля всего 25—30°, нередко менее—до 22.1°. Теплое лето (средняя тем-ра июля+18—19 градусов) и длинный вегетационный период представляют весьма благоприятные условия для развития сельского хозяйства, которому способ-

ствуют также нормальное количество осадков—от 500 до 600 мил. Почвы разнообразны, представляя переход от дерново-подзолистых к черноземам. Болот довольно много—но это не моховые болота тайги, а преимущественно торфяники. Примесь лиственных пород к хвойным растет к югу: дуб, береза, липа, граб—главные их представители. К югу смешанные леса запада и хвойные востока продвигаются в переходную лесостепную зону, наиболее благоприятную, по своим физико-географическим свойствам, для сельского хозяйства.

Лесостепная зона.

Как установлено ботаниками, лесостепная зона создалась в результате стремления лесной растительности, по мере выщелачивания солей из почвы, продвинуться на территории степей. Между лесом и степью уже много тысячелетий ведется борьба, которая, в результате постепенного опреснения почвы, окончилась бы победой леса, если бы человек не истреблял лесного покрова там, где население наиболее сгущено, т.-е. как раз на границе лесных зон. Здесь мы встречаем наиболее тучный чернозем. В лесостепной зоне переплетаются верховья крупных рек с многочисленными притоками, прорывших себе долины и овраги. Обилие оврагов, в значительной степени, осушает почву. По долинам, оврагам, и балкам, как выражается проф. Краснов «формирует свою армию лес, затем уже отсюда выползает на ровную и целинную степь, в буквальном смысле надвигаясь на нее и пуская на нее свои отпрыски».

На открытых равнинах, в перемежку с дубовыми, ясеневыми, кленовыми рощами на западе России, сосновыми и березовыми «колками» в центральной и западной сибирской лесостепи, тянутся широкие луговины, поскольку они не распаханы человеком. Травяная растительность в лесостепи несколько отличается от чисто степной как своей густотой, так и видами трав, принадлежащих не только к степным злакам, но и характерным для лесных полян, двудольным растениям. Почвенный покров весьма разнообразен: по большей части он представляет смесь чистого чернозема с суглинками, супесками, дерново-подзолистыми почвами. Годовая температура на западе не выше+8—9 градусов, в центре +5—8 градусов, на востоке+4—5 градусов. Меняется и количество осадков: на западе—500 мил., в центре—400, на востоке—300—400. Лесостепная зона представляет из себя, на всем своем тысячеверстном протяжении с запада на восток, тонкий пояс шириной в 150—200 вер. в Европейской России и 100—150 вер. в западной Сибири, где она расширяется лишь в восточном углу по долинам верхнего течения Оби, доходя в нынешней Ново-Николаевской. губернии до 400 и более верст.

Зона северных черноземных степей.

Лесостепь незаметно переходит в черноземную степь, которая, начинаясь у нашей юго-западной границы неширокой полосой в 150—200 вер., постепенно расширяясь, доходит до Волги у Царицына, где она достигает максимальной ширины свыше 500 верст. Перейдя на левый берег Волги, она опять суживается до 200 верст и кольцом такой ширины охватывает южные отроги Уральского хребта; и далее, опять расширяясь, простирается на восток вплоть до предгорий Алтая. Климат степей—теплый: в западной части+7—10 градусов, в восточной+4—7: однако, годовая температура холоднее, хотя лето здесь почти такое же жар-

кое. Чем далее к востоку, тем разница между тем-рой лета и зимы резче, количество осадков меньше, вообще здесь повсюду годовое количество осадков меньше 400 миллиметров, летнее—почти нигде не превышает 150 м., а во многих местах даже менее 100. При том осадки распределяются по временам года далеко не равномерно: „нередко по целым месяцам не бывает дождей и в большинстве случаев, они выпадают в форме кратковременых, но сильных ливней. Дождевые воды при этом образуют мощные потоки, размывающие поля и заносящие их илом, но слабо увлажняющие почвы. Влажность почвы поэтому здесь сильно колеблется и нередко падает до того минимума, при котором наступает уже засуха". (Анисимов стр. 56). Особенность степного климата — постоянное господство восточных и юго-восточных ветров, летом приносящих жары и засуху, зимой сдувающих снег с полей в овраги.

Некогда здесь господствовали безбрежные ковыльные степи, теперь распаханные в западной части сплошь. Почвенный покров—черноземный. В северной части преобладает чистый чернозем, с более высоким содержанием гумуса, к югу он превращается в более светлый шоколадный с 4 гумуса, еще южнее тянутся, так назыв., каштановые суглинки. Лесов здесь почти нет, за исключением немногих речных долин. Вегетационный период длится от 180 до 250 дней: но слишком жаркие дни летом и заморозки ранней весной укорачивают время использования этого периода для сельского хозяйства. Однако, тепла для растений здесь вполне достаточно, так же как и естественного плодородия почвы; главный недостаток—отсутствие необходимой влаги в летние месяцы. Количество летней влаги заметно падает с севера на юг; на юге, благодаря этому недостатку, очень слабо развивается и травяная растительность, и здесь мы вступаем незаметно в зону пустынь.

Южно-степная зона (пустыни).

Пустынная зона захватывает, так называемую, Урало-Каспийскую низменность, начинающуюся в низовьях Волги и простирающуюся далее на восток и на юг в центральных областях Азии — на юге киргизских степей и в Туркестане. Эта великая пустыня площадью свыше 250 миллионов десятин останавливается лишь перед предгорьями южного Алтая и Тянь-Шаня. Вся эта область отличается крайней сухостью воздуха, малым количеством осадков и высокой температурой летних месяцев, при значительных морозах зимой. Годовая температура +7 — 10 градусов января—6—18 градусов, июля +24 град. Количество осадков 200—300 милл. летом всего лишь 50—100 м., а нередко и менее 50. Еще недавно (в геологическом смысле) пустынные области представляли из себя дно великого Арало-Каспийского морского бассейна. Поэтому и сейчас здесь господствуют песчаные, пропитанные солью почвы, скудная растительность которых не могла доставить достаточного количества гумуса. Из трав преобладают полынные, типчаковые, из редких древесных насаждений — саксаул, почти безлистное корявое дерево. Земледелие очень затруднительно, отчасти скотоводство в летнюю пору: весной степи покрываются травой, выгорающей начисто к июню месяцу; даже кочевники—киргизы перебираются отсюда на лето со своими стадами на север. Но во многих районах пустыни — на равнинах Туркестана встречается лесовая почва, которой не хватает только влаги, чтобы обнаружить изумительное плодородие. Там, где существует искусственное орошение — там масса тепла и богатые почвы дают возможность культивировать самые ценные

растения, как хлопок, рис, табак, фруктовые сады, бахчи с роскошными дынями и т. п. Вообще эта область — область „оазисного“ сельского хозяйства.

Горно-лесные области.

Средняя и южная часть Кавказа: Крым, Алтай, Саяны и ряд других горных областей, расположившихся преимущественно на окраинах России, в физико-географическом отношении значительно отличаются от всех остальных. Несмотря на большие климатические различия, происходящие от того, что горные области разбросаны в разных широтах, несмотря на разницу почв, они имеют нечто общее в своих ботанических формациях: во всякой почти горной местности России мы можем найти пояс степной растительности у подножья хребтов, более или менее густые леса, перемежающиеся иногда лугами по ущельям, покрывающие склоны гор и субальпийские и альпийские луга и пастбища на вершинах, варьирующие в зависимости от известной высоты. В южных областях, на Кавказе и Крыму самый обширный пояс лесов состоит из буковых, тисовых, дубовых, папортниковых и др. ценных пород с подлесками из лавровишни, родендрона и пр., на Урале, Алтае и в других сибирских горных областях преобладают хвойные деревья—лиственницы, ели, кедры, пихты—но везде главный растительный покров гор—лугово—лесной и везде климат, в общем, влажный, в нижних частях более теплый, в верхних—холодный. На самой южной окраине в Закавказьи и на Дальнем Востоке мы встречаем остатки лесов субтропической формации—высокоствольные, густолиственные, с непроницаемыми для света кронами, перепутанные лианами и колючими кустарниками с сильно развитыми подлесками, где вечно влажная почва покрыта только гнющими листьями. Эти леса—источники малярии: зато, когда они истреблены—на юге открываются безграничные возможности развития культурной—огородной и садовой флоры, соединяющей в себе представителей 4-х стран света, но особенно—японско-китайской в виде бамбуков, мандарина и чая. Это наши субтропики.

Такова краткая характеристика физико-географических зон России. Она показывает, насколько, несмотря на преобладающее однообразие равнинного рельефа, различны естественно-исторические п о с т о я н н ы е факторы хозяйственной деятельности человека у нас. Что это различие чрезвычайно сильно отражается не только на всей хозяйственной деятельности человека, но, прежде всего, не позволяет людям равномерно расселяться по великим равнинам, а заставляет их скучиваться в наиболее благоприятных для жизни естественных зонах—видно из нижеследующих данных о п л о т н о с т и населения. На одну квадратную версту приходилось душ обоего пола:

Название зоны.	В Евр. Росс. (данные 1897 г.).	В западной Сибири (1917 г.).
Тундры	0,3	0,02
Северная тайга	13,5	1,5
Смешанные леса	40,8	—
Лесостепи Запад.	59,4	7,4
» Вост	28,8	
Сев. степи	24,9	4,5
Горный Алтай	—	4,5
Южн. степи (пустыни). . . .	5,8	1,2
Всего в среднем . .	22,2	1,8

Эта чрезвычайно интересная таблица показывает, что в Европейской России и в Сибири население наиболее сгущается в средней лесостепной зоне, где естественно исторические условия наиболее хороши, и все более и более разрежается по направлению от средины на север и на юг. Разница между минимальной густотой населения (на севере 0,3 человека в Европейской России и 0,02 человека в Сибири) и максимальной в лесостепи (59,4 человек в Европейской России и 7,4 в Сибири) достигает почти 200—370 раз. Это—наилучшее доказателство могущественой роли природных факторов в хозяйственной жизни России.

ГЛАВА IV.

Население.

§ 1. Влияние плотности населения и рынка на сел. хоз.

Составляющие основную базу сельско-хозяйственного и отчасти промышленного производства природные факторы—климат, почва, рельеф—более или менее постоянны. Они изменяются заметно лишь на протяжении многих веков и тысячелетий. Наоборот, воздействие человека на природу—представляет чрезвычайно изменчивый фактор, в зависимости от: а) роста населения и изменения его плотности по отношению к данной, остающейся неизменной, территории, б) от соотношения между сельским и городским, или точнее, между сельско-хозяйственным и промышленным населением, которое также постоянно меняется.

От влияния этих двух факторов зависит как хозяйственный тип каждой данной страны, так и характер и темп ее экономической эволюции.

Первый фактор — общая плотность населения, однако, не всегда оказывает решающее влияние на хозяйственный тип данной, страны. Существуют страны с весьма высокой плотностью, как напр., Китай или Индия, в которых промышленность развита весьма слабо, и наоборот,—в сравнительно редко населенных молодых заокеанских странах—как Соединенные Штаты Америки и Австралии, мы видим чрезвычайно быстрое развитие индустриализма. Но уровень сельско-хозяйственной эволюции безусловно подвергается прямому воздействию обоих факторов. Проф. Маслов в своем труде „Теория развития народного хозяйства“ делает такой общий вывод: „сопоставляя плотность населения на всей поверхности земного шара с системой хозяйства в соответствующих пунктах, мы найдем, что независимо от культурного уровня населяющих землю народов, независимо от степени их экономического развития, данной плотности населения соответствует определенная система хозяйства“ (стр. 31). В густо-населенных—Китае или Индии, несмотря на культурную отсталость населения, система сельского хозяйства гораздо интенсивнее, чем в редко населенных Америке и Австралии, хотя культурное превосходство англо-саксонской расы, населяющей эти страны, несомненно. Германский ученый Шмоллер дает такую схематическую таблицу нормальной плотности населения при различных системах хозяйства (приводим ее в сокращенном виде):

Плотность населения на 1 кв километр.

	От	До
1. Охотничьи и рыбачьи народы в северных областях .	0,02	0,05
2. Тоже с прибавкой земледелия, как подсобного промысла	0,2	0,7
3. Кочевое пастушеское хозяйство	0,7	1,8
4. Переходное хозяйство (от кочевого к оседлому земледельческому)	3,4	0,9
5. Области экстенсивного переложного земледелия . .	—	8,9
6. Земледельческие области с трехпольным севооборотом	17,7	35
7. Земледельческие области с интенсивным земледелием и развитой промышленностью в средней Европе	70	106
8. Наилучшие земледельческие области Индии, Явы, Китая	—	177

Для дальнейшего изложения положения сельского хозяйства в России важно отметить, что предельной плотностью населения при паровой зерновой системе полеводства с трехпольным севооборотом, наиболее распространенной у нас, по этой таблице будет 35 чел. на кв. километр., или как считает проф. Милюков (см. очерки по Истории русской культуры)—40 чел. на кв. версту. Отсюда мы сделаем далее весьма существенные выводы.

Итак, плотность населения (в данном случае сельского) является одним из основных факторов, влияющих на развитие той или иной системы сельского хозяйства в данной стране или районе. Причина этого глубокого влияния очевидна: чем плотнее сельское население, тем больше ему необходимо получить средств существования с одной и той же площади земли, а увеличить количество средств существования, добываемых с единицы площади, можно только при помощи увеличения производительности земли, достигаемой интенсификацией систем сельского хозяйства. Но роль плотности местного сельского населения является превалирующей до тех пор, пока в данной стране или районе господствует натуральное хозяйство, т.-е. хозяйство, удовлетворяющее одни лишь насущные потребности самого производящего населения. Когда же на ряду с земледелием в данной стране или районе начинает развиваться промышленность, и нарастает городское население, предъявляющее также большой спрос на сельско-хозяйственные продукты—этот спрос, иначе говоря,—рынок, становится новым фактором, также сильно влияющим на систему хозяйства. Переход от паровой зерновой системы полеводства с трехпольным севооборотом к более интенсивным в странах с умеренным климатом, господствующим в областях европейской культуры и в России, невозможен без образования рынка: ибо продукты интенсивного земледелия: корнеплоды (свекла, картофель), масличные (лен, конопля, подсолнух) и прочие, так называемые, промышленные растения; равно как и продукты интенсивного скотоводства – специально откормленный скот, масло, птица, яйца, а также огородничества, садоводства и т. д. производятся, главным образом, не для собственного потребления, а на продажу. С другой стороны, средства производства интенсивного земледелия — усовершенствованные орудия, искусственное удобрение, улучшенные семена—земледелец также приобретает на рынке. Иначе говоря, интенсификация сельского хозяйства обусловливается развитием рыночных отношений. Интенсивное земледелие без развитого рынка мы встречаем только в жарких

субтропических и тропических странах—напр., в Китае и Индии, где исключительные климатические условия позволяют снимать по несколько жатв в год. В странах же умеренного климата, как в России и Западной Европе, если плотность сельского населения в данной стране начинает перерастать нормальную для данной системы хозяйства — при отсутствии рынка, эта страна вступает в полосу аграрного кризиса. Так и случилось с Россией, когда во второй половине XIX века плотность сельского населения, в большинстве земледельческих районов, превзошла вышеуказанный предел в 40 чел. на 1 кв. версту, а развитого рынка, т.-е. большого количества населения, не производящего, но потребляющего покупные сельско-хоз. продукты,—еще не было.

г) Соотношение основных категорий населения за границей и в России до мировой войны.

Отсюда видно, что, в конечном итоге, рынок, как фактор, влияющий на сельское хозяйство, представляет из себя, в сущности, то же население, отличное от сельско-хозяйственного лишь тем, что оно только потребляет, но не производит сел.-хоз. продукты, при том потребляет, в общем, продукты более высокого качества, хорошо их оплачивая, что и дает возможность земледельцу перейти к интенсивным системам хозяйства. В свою очередь, само земледельческое население начинает предъявлять спрос на продукты индустрии, производимые городским населением, и, таким образом, создается товарообмен внутри страны между сельским и городским населением. Этот товарообмен способствует гармоническому развитию обоих основных отраслей народного хозяйства,—промышленности и сельского хозяйства: поэтому, в странах с двусторонним развитием народного хозяйства, каковы Соединенные Штаты Америки, мы видим более или менее пропорциональное отношение между сельско-хозяйственным и промышленным населением. Страны с односторонним типом хозяйственной эволюции, отличаются, наоборот, перевесом либо того, либо другого вида населения.

К концу XIX столетия в главных странах европейской культуры соотношение между обоими категориями населения представлялось в следующем виде:

На 100 душ всего населения приходилось:

	Сельск.-хоз. населения.	Других категорий (промышленного, торгового и проч.).
Великобритания	12,4	87,6
Бельгия	21,1	78,9
Германия	31,9	68,1
Франция	41,8	58,2
Соед. Штаты	47,1	52,9
Италия	59,4	40,6
Россия	74,9	25,1
Венгрия	79,7	20,3

Как видим из таблицы, Великобритания, Бельгия и Германия, по составу своего населения, представляли из себя резко выраженный тип промышленных стран, где более $^2/_3$ населения оторвались от их земли, а Россия и Венгрия, наоборот, являлись типичными земледельческими странами, в которых сельско-хозяйственное насе-

ление достигало $^3/_4$ всего населения. Из стран переходного типа—Франции, Соединенных Штатов, Италии как мы уже указали, наиболее гармоническим соотношением обоих категорий населения отличаются Соединенные Штаты.

Однако, как мы уже говорили в первой главе, общая хозяйственная эволюция всех стран, начавшаяся со второй половины XIX века одновременно с развитием парового транспорта, выражается повсюду в более быстром росте индустрии, чем сельского хозяйства, что и отражается, естественно, убыстренным ростом городского и промышленного населения, сравнительно с сельским и земледельческим. Во вторую половину XIX века в главнейших странах Западной Европы и Америки рост городского и сельского населения выражается следующими цифрами:

Население в миллионах душ.

		Городское.	Сельское.	Всего
Англия (с Шотландией и Уельсом)	1871 г.	14,0	8,7	22,7
	1911 г.	23,2	7,9	36,1
Прирост или убыль в %		+101	—9	+59
Германия	1870 г.	14,8	23,2	41,0
	1905 г.	34,8	25,8	60,6
Прирост или убыль в %		+135	—1+1	+48
Франция	1872 г.	11,2	21,9	36,1
	1906 г.	16,6	22,7	39,3
Прирост или убыль в %		+47	—9	+9
Соединенные Штаты	1870 г.	8,1	29,5	37,6
	1910 г.	42,6	49,3	92,0
Прирост в проц.		+428	+67	+145

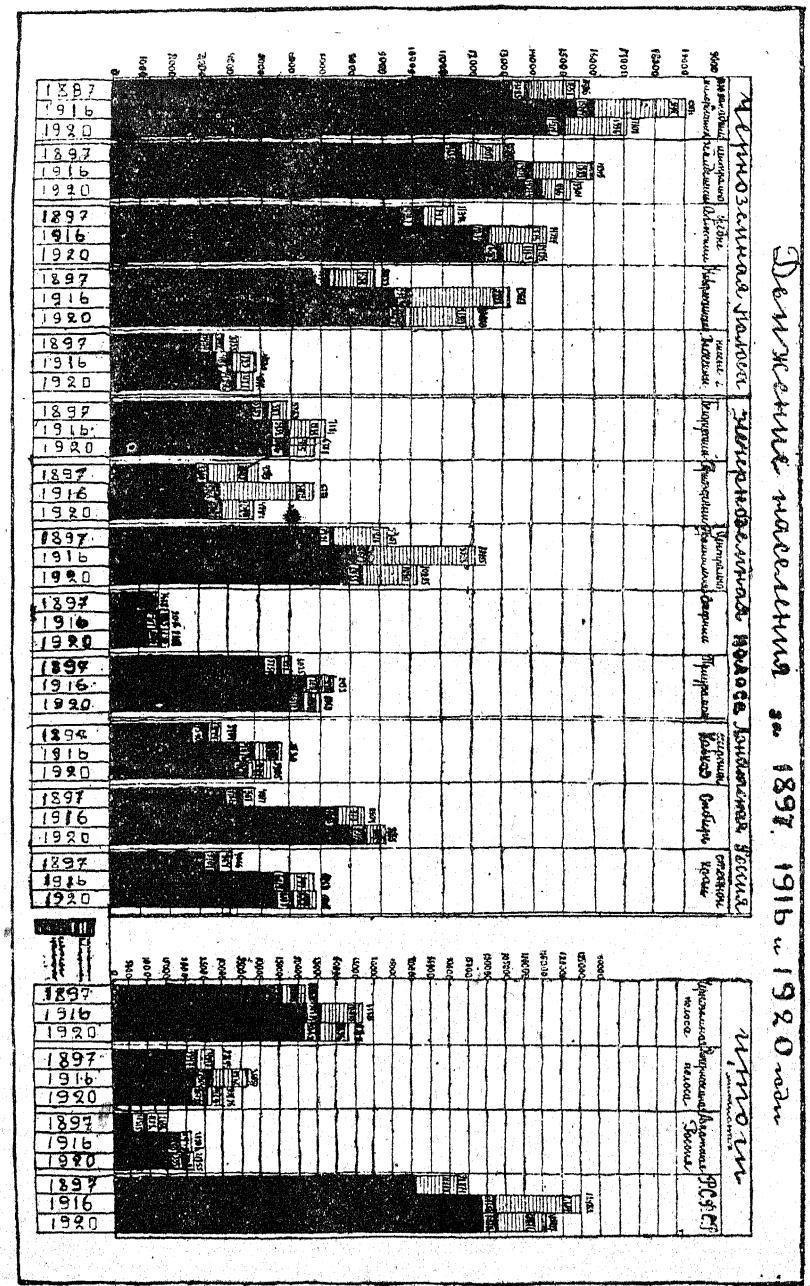
В Англии, Германии, Франции весь естественный прирост сельского населения — плюс 1 — 9% прежнего коренного населения деревни поглощен городом. Сельское население этих стран за последние 35—40 лет не увеличивалось, но сокращалось, а городское — в Англии и Германии выросло в 2 — $2^1/_2$ раза, во Франции же, отличающейся своим ничтожным естественным приростом, в $1^1/_2$ раза. В Соединенных Штатах Америки, благодаря огромному притоку эмигрантов из Европы, растет и городское и сельское население, но первое за сорок лет увеличивается в $5^1/_4$ раз, второе в $1^2/_3$ раза. Соединенные Штаты,—страна, в которой еще имеются запасы нетронутых девственных земель—они и давали, даже при экстенсивных системах земледелия, возможность возрастания земледельческого населения. Но эта возможность сокращалась с каждым десятилетием и в связи с этим, все увеличивался рост городского и падал, относительно, рост сельского населения. Так, за два предвоенных десятилетия в Соединенных Штатах в % увеличились:

	Площадь под фермами.	Сельское население.
За 1890—1900 годы	34,6	12,4
» 1900—1910 »	4 8	9,2

В силу этого, как увидим дальше, накануне войны, Соединенные Штаты стали сокращать свой экспорт зерна в Европу.

Развитие промышленного населения увеличивает не только рост внутреннего рынка, но и внешнего, так как промышленным странам, в которых подавляющее большинство населения не занимается сельским хозяйством, не хватает своего продовольствия и они ввозят к себе сельхоз. продукты из земледельческих стран Европы и из-за заокеанских,

где на просторе еще незанятых пространств быстро развивается экстенсивное земледелие. Что же в это время (во вторую половину XIX века и в начале XX) происходит с населением России?



По всей бывшей Российской империи (без Финляндии) в 1858—60 г.г. общее количество населения составляло 75 миллионов; в 1897 году оно дошло до 117,8 мил., увеличившись, таким образом, на 57% за 40 лет.

Городское и сельское население за этот период развивалось следующим образом (в миллионах душ).

	Городское.	Сельское.
В 1858—60 г.г.	8,0	67,0
» 1897 году	16,2	101,6
Прирост в %	+102	+52

В относительных величинах число горожан увеличивалось вдвое быстрее, чем сельских жителей. Но абсолютный размер городов был еще слишком мал—города являлись лишь маленькими пятнами на сером фоне деревенской России и поглощали всего лишь 10% нормального естественного прироста сельского населения. Поэтому за указанные 40 лет в абсолютных числах городское население у нас увеличилось всего на 8,2 милл., а сельское на 34,6 милл.—вчетверо больше.

Такого явления не было нигде в культурных странах Зап. Европы и Америки: это-то явление и породило аграрное перенаселение и аграрный кризис в России, разразившийся с такой силой, как нигде в мире. В начале XX века, до войны, однако, и у нас городское население начинает развиваться гораздо более быстрым темпом. К сожалению, точных сведений о численности городского и сельского населения накануне войны привести нельзя, и мы можем сопоставить цифры 1897 г. лишь с данными 1916 г.[1]) при чем это сопоставление приводим уже по внешней территории РСФСР.

Население в тыс. душ по территории РСФСР (за исключением Туркестана, Закавказья и Дальне-Восточной Республики).

	Городское.	Сельское.	Всего.
В 1897 г.	11,308	81,563	92,871
» 1916 г.	21,609	102,654	124,263
Прирост в %	+91	+26	+34

В общем, за указанные 20 лет население России растет быстрее, чем за предыдущие 40 лет: ежегодный прирост в XX веке 1,7%, в XIX (во 2-ую половину) всего 1,4%. Но особенно быстро выростает городское население, дающее ежегодно прирост в $4^1/_2$%, тогда как сельское всего 1,3% Стало быть городское население в XX веке растет в $3^1/_2$ раза быстрее сельского, тогда как в конце XIX века—всего в 2 раза. Отсюда ясно, что общее экономическое развитие стало приближаться к Западно-европейскому типу, хотя все же прибавка в 21 миллион земледельцев составила тяжелый груз для и без того перенаселенной деревни.

Сделаем теперь краткие выводы из всего вышеизложенного.

1) Население является по отношению к народному, в частности, к сельскому хозяйству, переменным фактором: изменяясь само, оно влияет на сельское хозяйство, направляя его в ту или иную сторону.

---

1) Городское население по данным 1916 г. взято из книги Лосицкого «Урожай 1917 г.» без поселений городского типа. Сельское—по сельско-хозяйственной переписи. В 1897 году в Туркестане было 5.212 тыс.; в нынешней Грузинской Республике 1.759 тыс., Азербейджанской 1.789 тыс., Армянской 1.617 тыс., Дальне-Восточной 900 тыс.

2) На сельское хозяйство влияют два основных фактора, связанных с населением: а) возрастание плотности сельско-хозяйственного населения, заставляющее его добывать все возрастающее количество средств существования с одной и той же площади, что приводит к эволюции систем хозяйств, б) увеличение городского и промышленного населения в данной стране или в других странах, которое приводит к созданию и развитию рыночных отношений как внешних, так и внутренних.

3) Без развития рыночных отношений в странах умеренного климата невозможен переход к интенсивным системам сельского хозяйства. Поэтому в России, во второй половине XIX века, вследствие сравнительно слабого роста городов и, следовательно, развития рынка, произошло аграрное перенаселение и разразился аграрный кризис. В других странах Европейской культуры рост городов поглощал все избыточное деревенское население. Но и в России, в XX веке, накануне войны мы наблюдаем также более быстрое возрастание числа горожан, что облегчает переход к интенсификации сельского хозяйства.

§ 2. Рост и уплотнение населения в России по районам.

Россия, по выражению историка проф. Ключевского — страна беспрерывной колонизации. С конца XVI века ее население, сгустившееся на территории Московской Руси, начинает понемногу сползать к югу и востоку и рассеиваться в безбрежных степях черноземной полосы, по мере их освобождения от кочевников татар. Сначала заселяются районы земледельческого центра, среднего Поволжья и Малороссии, представляющие первый пояс колонизации; со второй половины XVIII века — Новороссия и Низовое Поволжье, второй пояс, а со второй половины XIX века третий пояс — сначала северный Кавказ, потом Сибирь и Степной Край. С 1858 по 1907 год население этих поясов выросло следующим образом:

Население в миллионах:

Области:	1858 г.	1907 г.	Прирост в %.
Центра	12,7	20,9	64
1-го пояса колонизации	25,6	43,6	70
2-го » »	8,6	23,0	166
3-го » »	7,5	18,2	143

Отсюда видно, что население второго и третьего поясов колонизации, т.-е. юга и востока за эти 50 лет возрастало в 2—2 ½ раза быстрее, чем население старинного московского центра и первого пояса, т.-е. нечерноземной полосы и севера черноземной.

До 1880 г.г. переселенческое движение направляется преимущественно на юг; с этого времени оно перебрасывается на восток: Сибирь и Степной край колонизуются преимущественно в XX веке. Движение населения по районам в XX веке происходит по тем же основным направлениям — с севера на юг и с запада на восток.

Рост населения в процентах с 1897 по 1916 гг. на территории РСФСР.

Районы.	Городского.	Сельского.	Всего
В нечерноземной полосе			
Белорусский	109,3	12,7	22,4
Приозерный	87,2	12,2	36,4
Центр.-промышлен.	83,2	17,8	30,6
Северный	162,7	12,8	21,2
Приуральский	73,1	24,6	24,8
Всего в нечерноземной полосе	89,3	16,6	28,0
В черноземной полосе.			
Юго-западный и Малорусский	92	14,5	16,3
Центрально-земледельческий	51,5	21,1	23,9
Средне-Волжский	88,8	20,1	27,9
Нижне-Волжский	148,1	18,8	28,8
Новороссийский	100,4	38,2	49,7
Всего в черноземной полосе	88,2	21,8	29,2
Итого в Европейской России	88,7	20,1	28,8
Северный Кавказ	99,1	45,1	51,4
Сибирь	133,1	72,1	76,5
Степной край	108,5	62,3	66,3
Всего в Азиатской России	112,4	61,1	65,8
Итого по всей РСФСР	91,1	25,9	33,8

В нечерноземной полосе в общем прирост всего населения был почти одинаков с приростом населения в черноземной, но в первой полосе гораздо быстрее относительно росло население городов: его рост в $5^1/_2$ раз превышал прирост сельского населения. Абсолютно то и другое выросло на одинаковую величину; кругло на 4 милл. душ каждое. Следовательно, в нечерноземной полосе происходило заметное перетекание сельских жителей в города, куда ушла половина всего естественного прироста.

В черноземной полосе городское население росло одинаковым темпом с нечерноземной, а сельское население развивалось слабо лишь на Украине, т.-е. в западной части этой полосы, не только благодаря отходу в города, а, как увидим далее, и вследствие заметного переселения в Сибирь, а за последние годы перед войной,—даже за океан в Америку. Центрально-земледельческий район характеризуется весьма малым развитием городской жизни, т. к. близкая Москва оттягивает к себе приток городских эмигрантов. Вообще у нас, хотя в более слабой степени, чем в Западной Европе, наблюдается процесс концентрации городского населения в крупных городах. В Германии, например, население городов, имеющих до 5 тысяч жителей, за 1890—1905 г.г. выросло всего на 21%, а в городах свыше 100 тысяч оно увеличилось на 92%. В России рост крупных городов, приблизительно в $1^1/_2$—2 раза превосходил рост мелких.

Сельское население, в черноземной полосе, в большинстве районов росло сильнее, чем в нечерноземной, но особенно быстро оно увеличивалось в многоземельной Новороссии. Вообще в черноземной полосе мы наблюдаем определенный закономерный сдвиг преимущественно сель-

ского населения с запада на восток и на юг, и в то время, как все население Украины увеличилось всего на 16%, в Новороссии оно сразу выросло на 49%, т.-е. втрое больше.

Но еще быстрее росло городское и особенно сельское население на окраинных районах северного Кавказа, Сибири и Степного края. Здесь средний ежегодный прирост горожан достигал 5,4%, сельских жителей—3,0%, тот и другой—3,3%, т.-е. в два слишком раза превосходил нормальный естественный прирост. Нигде во всем мире, кроме Соединенных Штатов, где годичный прирост, как мы видим приближался, слегка превышая, к нашему азиатскому (3,6 % в год), мы не наблюдаем такого быстрого возрастания населения. Отсюда очевидно, что в XX веке наше колонизационное движение приобрело чрезвычайно широкие размеры. Эта колонизация принадлежала, однако, больше к типу деревенских: городское население менее, чем в два раза, опережало сельское, тогда как в нечерноземной полосе Европейской России—в $5^1/_2$ раз, в черноземной—в $4^1/_2$ раза.

Итак, возрастая в общем быстро, (на 1,6% ежегодно) население России в XX веке не оставалось на своих прежних местах, а выказывало заметные тенденции; в нечерноземной полосе—к передвижению из деревень в города, в черноземной—в города, на юг и особенно на восток в пределы Азиатской России.

Эти перемещения не остались без влияния на изменения в плотности населения.

На 1 кв. вер. душ обоего пола всего населения.

Районы	1897 г.	1916 г.
Нечерноземная полоса		
Белорусский	32,0	39,2
Приозерный	16,9	23,1
Цент. промышленный	34,6	46,5
Северный	1,5	1,9
Приуральский	14,2	17,6
Всего в нечерноземной полосе	12,3	15,8
Черноземная полоса.		
Украина	62,9	77,2
Цент.-земледельческий	49,0	60,7
Средне-Волжский	31,5	40,3
Новороссийский	28,1	42,0
Нижне-Волжский	11,0	14,2
Всего в черноземной полосе	34,3	44,3
Всего в Европейской России	21,2	27,3
Северный Кавказ	19,0	28,7
Сибирь	0,6	1,0
Степной край	2,3	3,8
Всего в Азиатской России	1,2	2,0
Итого в РСФСР	6,6	8,8

На этой таблице взято все население—городское и сельское по отношению ко всему пространству земли как удобной, так равно и неудобной для сельского хозяйства. Такой прием применяется обычно

в учебниках общей и экономической географии. Но он будет неправильным для определения относительной плотности сельского населения: эту плотность необходимо исчислять по отношению к территории пригодной для сельского хозяйства, следовательно, исключая из общей площади земли: 1) неудобные (болота, пески, овраги), 2) леса. Такой расчет можно было произвести только на основании данных о распределении угодий в Европейской России в 1887 году (позднейшие данные переписи 1917 года мало достоверны) и земледельческого населения по переписи 1897 года.

Плотность земледельческого населения (на 100 десятин удобной земли душ обоего пола).

	Районы:						
Нечерноземная полоса.	Приозерный.	Приуральский.	Цент.-промышлен.	Северный	Белорусский.	Всего нечерноземная полоса	
	19	23	29	34		28	
Черноземная полоса.	Нижне-Волжский.	Новороссийский.	Средне-Волжский.	Централ.-земледел.	Малороссийский.	Юго-Западный	Всего черноозем. полоса.
	19	28	42	48	56	69	38

В черноземной полосе картина возрастания плотности населения по направлению от востока к западу вполне отчетлива. Не так ясна она в нечерноземной полосе где наиболее редко населенным оказывается северо-западный—Приозерный район и слишком плотно (без лесов)—северный. Но за этими исключениями, указанная закономерность и здесь проявляется довольно ясно. Из приведенной таблицы видно, что в черноземной полосе к концу XIX века все районы, за исключением юго-восточных—Новороссии и Низового Поволжья, уже превзошли предел плотности, допустимый при господстве паровой зерновой системы земледелия с трехпольным севооборотом. Но и в Новороссии, как мы видели, к 1916 году сельское население увеличилось почти на 40%, т.-е. здесь к этому времени плотность населения уже также приблизилась к предельной цифре в 40 чел., а в западной и северной части этого района—превзошла ее. Что касается нечерноземной полосы, то земля тут плохого качества, пахотных угодий значительно меньше и, поэтому, хотя плотность нигде не дошла до предела в 40 чел., но тем не менее, как увидим дальше, с 1860 г. и здесь также наблюдается заметный кризис земледелия.

Что плотность земледельческого населения России является весьма значительной по отношению к удобной территории, можно видеть из следующего сопоставления.

Удобной земли (гектаров) на одного чел. землед. населения.

Новая Зеландия	(1906 г.)	91,0
Соединенные Штаты . . .	(1906 г.)	4,40
Великобритания	(1895 г.)	2,82
Дания	(1901 г.)	2,70
Россия (Европ.)	(1897 г.)	2,59
Германия	(1907 г.)	1,95
Франция	(1892 г.)	1,81
Бельгия	(1902 г.)	1,31

Таким образом, только в самых густо населенных странах Европейского континента к концу XX века плотность земледельческого населения превосходила таковую же в России, в Дании, Великобритании, не говоря уже о заокеанских странах, где для земледельческого хозяйства оказывается больший земельный простор, чем у нас. Отсюда становятся понятными и законными все заявления крестьян о малоземелии и требования прирезки им помещичьей земли, приведшие к аграрной революции.

Движение населения за границей и в России во время войны и революции.

Мировая война, а в России и гражданская, произвели большие изменения в движении населения всех стран, так или иначе прикосновенных к ней, изменения, направленные исключительно в сторону у б ы л и. Прежде всего, непосредственная убыль населения на полях сражений достигла цифры, превзошедшей все военные потери Европы и Соединенных Штатов Америки за предшествовавшие 100 слишком лет, которые с конца XVIII века вплоть до последней войны исчисляются в 5½—6 милл.

В последнюю войну, при общем числе мобилизованных до 70 миллионов человек (по Tardieu), потери достигли в тысячах убитых:

В Англии (с колониями)	946
Во Франции	1426
В Италии	497
» Бельгии	115
» Румынии	152
» Сербии	690
» Соедин.-Шт.	57
» Германии	1824
» Болгарии	70
» Австро-Венгрии (около)	1500
« России (убитых)	2500
« » (умерш. от ран)	1500
Всего	11284 [1]

[1]) Все цифры, кроме Австро-Венгрии и России, заимствованы у Кулишера «Обзор мирового хозяйства». Потери Австро-Венгрии у Деринга (см. «Войны и естествен. движение населения: России убитых—у В. Михайловского, умерших от ран—у П. Сорокина.

Следовательно, общая цифра убитых на войне достигает 11,3 миллиона взрослых мужчин—самого ценного рабочего населения. о эти потери составляют лишь, сравнительно, небольшую часть тех косвенных потерь, которые произошли вследствие сокращения естественного прироста, произведенного войной во всех странах, втянутых в нее. Эти потери исчисляются (в тысячах):

	Вследствие сокращения рождаемости.	Вследствие увеличения смертности (кроме умерш. на войне).	% всех потерь с военными к общему числу населения.
Всего в 10 главных государств. Европы.	20,350	5,301	8,8
В том числе: во Франции	1,500	440	8,4
в Великобритании.	850	200	4,0
» России.	8,300	2,200	9,6
» Германии	3,600	700	9,3
» Австро-Венгрии.	3,800	500	11,0
» Италии	1,400	280	6,4

Отсюда ясно, что из 6-ти главных стран, участников войны наи большие потери—прямые и косвенные—в населении испытали »-оссия и противники Антанты: Австро-Венгрия, Германия; меньше их—Франция,. еще меньше —Великобритания. После войны началось, как всегда бывало и раньше, быстрое возрождение населения в главных европейских странах, кроме России. На тысячу населения оказалось:

	Браков.		Рождений.		Смертей.		Превышение рождений над смертями.	
	1911	1920—21	1911	1920—21	1911	1920—21	1911	1920—21
Англия .	7,6	10,1	24,4	22,4	14,6	12,1	+ 9,8	+10,3
Франция.	7,8	15,2	18,7	21,3	19,6	17,1	— 0,9	+ 4,2
Бельгия .	7,9	14,0	23,7	21,6	15,2	13,5	+ 8,5	+ 8,1
Германия	7,8	14.5	28.6	26,1	17,3	14,8	+11,8	+11,3

Прежде всего, сравнительно с нормальным довоенным временем, выросла брачность. Во время войны уход мужского населения сокращает брачность, с окончанием ее население стремится наверстать потерянное. В результате роста брачности начинает увеличиваться рождаемость, которая хотя еще не доросла до довоенной, но значительно обогнала рождаемость во время войны.

Число рождений в тысячах:

	1911—13 г.г.	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	
Франция .	745	343	403	806	813	
Бельгия .	173	87	128	164	—	
Германия .	1916	940	1299	1599	1587	с 1919 г. без утраченных областей.

Что смертность за 1920—21 годы понизилась не только в сравнении с военным, но и с довоенным временем, видно из предыдущей таблицы.

В общем итоге по исчислениям Деринга в Европе, которая к концу 1913 года насчитывала 401 миллион человек, а к середине 1919 г. должна была насчитывать 424 миллиона, при нормальных условиях прироста оказалось фактически всего лишь—389 миллионов. Следовательно, непосредственная убыль составляет 15 миллионов; убыль плюс потери в естественном приросте—35 миллионов.

Косвенные потери России от мировой войны, вероятно, были более значительными от сокращения рождаемости, чем от повышенной смертности. Судя по данным Ленинграда и Москвы, смертность у нас в городах во время войны почти не превышала нормальную

На 1000 человек умирало:

	В Ленинграде.		В Москве.
1912—14 г.г.	21, 8	(1910—14 г.г.).	23, 1
1915 г.	22, 8	»	22, 1
1916 г.	23, 2	»	20, 2
1917 г.	25, 2	»	21, 2

И в деревнях не могла быть особенно высока смертность, так как во время мировой войны экономические условия жизни крестьянского населения были лучше, чем до войны. Но рождаемость в городах и деревнях, несомненно, упала.

На 1000 населения родилось:

	В Ленинграде.		В Москве.
В 1912—14 г.г.	26, 3	(1911—14 г.г.).	29, 2
1915 г.	22, 5	»	27, 0
1916 г.	19, 1	»	22, 9
1917 г.	16, 0	»	19, 6

Средний процент падения рождаемости за 1915—17 годы в Ленинграде—25%, в Москве—21%. В деревнях в виду огромного сокращения взятого на войну мужского населения этот процент был, возможно, еще выше.

Гражданская война произвела гораздо более значительные опустошения в населении России. Смертность резко повысилась, а рождаемость, наоборот, также сильно упала.

На 1000 душ населения:

	В Ленинграде.		В Москве.	
	Родилось.	Умерло.	Родилось.	Умерло.
В 1918 году	15,5	43,7	14,8	28,0
1919 г.	13,8	72,6	17,4	45,1
1920 г.	21,4	50,6	22,1	46,2

В деревне, несомненно, наблюдались точно такие же явления. На 1000 населения умирало:

Губернии:	1914 год.	1920 год.
Костромская	27,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	26,8	36,4
Пензенская	30,0	40,8

Рождаемость в деревнях должна была сильно упасть, вследствие ухудшения питания населения.

К сожалению, приходится констатировать крайнюю отрывочность и неточность данных по естественному приросту населения в России за последние годы. Тем более ценными являются отдельные монографические исследования, из которых мы позволяем себе остановиться на наиболее детальной работе по изучению рождаемости, смертности и брачности населения 3-х волостей Вятской губ. за 1912—21 годы. Это изучение, результаты которого опубликованы в „Вестнике Статистики" И. Бухманом, дает несколько чрезвычайно любопытных штрихов по демографии сельского населения за пережитый период. Выводы исследования таковы:

Рождаемость до войны, выражавшаяся в отношении к числу женщин 16—44 летнего возраста коэффициентом—21,1, за годы войны постепенно падала и в 1917 г. упала до 9,6, после чего начала подыматься, достигнув за 1921 г. 15,7. Смертность населения с первого года войны резко поднялась и обнаружила тенденцию держаться на относительно высоком уровне и лишь в 1921 году намечается перелом в сторону ее понижения. Если количество рождений и смертей в 1912 г. принять за 100, то следующие за ним годы выразятся такими рядами цифр.

Г о д ы.	Число рождений.	Число смертей.	Превышение рождаемости над смертностью.
1912	100	100	—
1914	115	85	+ 30
1915	89	132	— 43
1916	76	118	— 42
1917	60	112	— 52
1919	81	73	+ 8
1920	79	106	— 27
1921	84	70	+ 14

Особенно повысилась во время мировой войны детская смертность (мальчиков около 76%, девочек 70%, всех родившихся до 1 года, против 52% и 36% в 1912 г.), а в 1920 г.—смертность взрослых мужчин, особенно стариков (коэффициент смертности 1,7 для мужчин 20—49 лет и 4,1 свыше 50-ти лет, против 1,1 и 2,5 в 1912 г.)

В итоге получились такие перемены возрастного состава мужчин (в %% к итогу):

Возраст	в 1897 г.	в 1917 г	в 1920 г.
До 1 года.	4,3	1,4	3,8
От 1 года до 9-ти . .	28,0	23,6	27,2
От 10 до 19	21,1	22,6	24,3
» 20 » 39	22,9	29,3	19,0
» 40 » 59	16,7	16,9	17,4
» 60 и более.	7,0	6,2	8,3
Всего. . . .	100	100	100

Ясно усиление в 1920 г. отношения численности детей и стариков и сокращение наиболее работоспособных групп от 20 до 39 лет. На 100 жителей приходилось малолеток и стариков в 1912 г.—52, в 1920 г.—57.

Таковы основные штрихи, характеризующие влияние войны и революции на естественное движение населения России.

В общем итоге, благодаря, главным образом, влиянию гражданской войны, население России сократилось *больше*, чем население главных воевавших стран Западной Европы.

Население (в миллионах душ) [1]).

	1913 г.		1920 г.	
В Англии	46,4		46,9	
Франции	39,6		41,5	(с прис. провинциями
		(1919 г.)	36,8	(без них)
В Бельгии.	7,6		7,6	
В Германии.	67,8		60,9	(за вычетом отошедш. областей)
		(1919 г.)	65,5	(с ними)
В Австро-Венгрии (в старых границах) . .	52,7	(1919 г.)	49,8	
В Италии	35,6		36,1	
В России (территория СССР 1916 г. без Закавказья и ДВО . .	128,8		121,8	

Цифры, касающиеся России, относятся к наличному гражданскому населению; поэтому к ним необходимо добавить контингент армии, равнявшийся в 1916 г. 12—14 мил., в 1920 году—5,3 мил. Тогда получаются такие цифры всего населения на территории СССР.

---

[1]) Данные по иностранным государствам взяты из статьи Деринга и сборника статист. сведений о соврем. эконом. положении, изд. ЦСУ 1922 г. Данные, касающ. России, взяты по цифрам ЦСУ (ежегодным), к ним прибавлены сведения по Туркестану, Закавказью и Дальн. Вост по 55 бюдж. ЦСУ, при чем в первом периоде взяты цифры 1914 г. во втором—1916 г.

В 1916—17 году	140,8 [1])	
„ 1920 „	127,1	
Абсолютная убыль. . .	13,7 мил.	или 9,7%.

Впрочем, эту убыль надо несколько сократить, принимая в соображение, что за границей находится сейчас 2—2½ мил. эмигрантов из России. Но даже и при этом сокращении, наши потери в населении далеко опережают европейские. Как видно из приведенных цифр, абсолютная убыль населения произошла только во Франции (на 2,8 мил. или на 7%), в Германии (на 2,3 мил. или на 3,3%) и в Австро-Венгрии на 2,9 мил. или на 5,5%. Остальные страны дали прирост. Таким образом, первой по проценту потерь населения из крупных государств за истекшее пятилетие является Россия, за ней идет Франция, потом Австро-Венгрия и, наконец, Германия.

Но эти потери на Европейском континенте с лихвой возмещаются приростом населения в заокеанских странах и Японии.

Население заокеанских стран в мил. душ.

	1913 г.		1920 г.	
Соединенные Штаты. . . .	92,0		105,7	
Канада.	7,2	(1911 г.)	8,6	(1918 г.)
Аргентина	7,5		8,5	
Бразилия	24,3		30,6	
Австралия	6,6		7,2	
Япония	49,6	(1908 г.)	56,0	
Всего . .	187,4		216,6	

Таким образом, если абсолютная убыль главных воевавших стран Европы вместе с Россией (за вычетом русских эмигрантов) достигает за истекшее семилетие 19,2 мил., то в заокеанских странах европейской культуры и в Японии абсолютный прирост составил 29,2 мил. Таков общий баланс убыли и прибыли населения за время войны и революции, давший несомненный перевес в этом отношении молодым заокеанским странам.

Переходим к анализу движения населения России по отдельным крупнейшим областям, который мы можем продолжить до 1923 г.

---

[1]) Принимая меньшую цифру контингента армии в 1916 году=12 мил. По расчетам проф. Струмилина (см. доклад о трудовых рессурсах и перспективах России) общий итог всех потерь, понесенных Россией от войны и блокады равняется 21 милл. душ из 154 миллион., т.-е. 13,6%. Повидимому, впрочем, эта цифра обнимает и потери на естественном приросте населения. Особенно, по его расчетам, пострадал трудоспособный возраст (от 16 до 49 лет). Потеря населения в этом возрасте составляет к концу 1920 г.

	(в миллион. душ.)		
	М. п.	Ж. п.	Итого
по исчислению должно быть.	35,6	35,7	71,3
по переписи оказалось. . .	25,3	31,7	57,0
Убыль . .	10,3	4,0	14,3

Что составляет для мужчин рабоч. возр. 28%.

	Население									% %, прин. 1916 г. за 100.				% всего населения принятый в 1916 за 100,		Плотн. населен. на 1 кв. версту.	
	1916 г.			1920 г. *).			1923 г. *)			Сельского.		Городского.		Всего.		Все население.	
	Сельского.	Городского.	Итого.	Сельского.	Городского.	Итого.	Сельского.	Городского.	Итого.	1920	1923	1920	1923	1920	1923	1916	1923
Нечернозем. полоса.	34839	10864	45703	35436	7005	42441	37702	8247	45949	101,7	108,2	64,4	75,9	92,9	100,5	17,3	17,4
Черноозем. полоса .	29656	5444	35100	29471	3882	33353	29768	4160	33928	99,4	100,4	71,3	76,4	95,0	96,7	34,7	33,6
По Европ. России.	64495	16308	80803	64907	10887	75794	67470	12407	79877	100,6	104,6	66,8	76,1	93,8	98,8	22,1	21,8
Украина.	20026	6749	26775	20799	5001	25800	23267	5118	28385	103,8	116,1	74,1	75,8	96,3	106,0	68,2	72,3
Сибирь.	7176	1418	8594	8226	1089	9315	8151	1431	9582	114,6	113,6	76,8	100,9	108,4	111,5	0,9	1,1
Туркестан.	5191	1260	6451	3984	1071	5055	—	1036*)	—	—	—	—	—	—	—	5,0	—
Киргизия	4743	596	5339	4648	392	5040	3658	430	4088	98,0	77,1	65,7	72,2	94,4	81,1	2,7	2,2
Всего по СССР (без Туркест., Закавказья), Д. В. О.) . .	96440	25071	121511	98580	17369	115949	102546	19386	121932	102,2	106,3	69,3	77,3	95,4	100,3	8,3	8,3

*) Городское население—с поселениями городского типа.

Как видно из приведенных таблиц, наибольшие изменения в сторону сокращения произошли в составе городского населения. Так как городское население было сосредоточено в нечерноземной полосе, при этом, главным образом, в двух столичных районах (около 8 миллионов из 10,9 мил. городского населения всей нечерноземной полосы), то более всего число горожан упало именно здесь—с 10,9 мил. до 7,0 мил., или до 64,4% цифры 1916 года. Сельское население, наоборот, здесь немного поднялось в силу возврата городских рабочих в деревню; этот процесс продолжался и после 1920 г., когда к потоку рабочих, уходивших из городов, присоединился поток демобилизованных красноармейцев. Вот почему в нечерноземной полосе сейчас (в 1923 г.) больше сельского населения, чем было в 1916 г. После 1921 г., с началом нэпа, города восстанавливаются, но еще далеко не в полной мере: в 1923 г. число горожан—только $^3/_4$—75,6% довоенного.

В черноземной полосе городское население к 1920 г. сократилось в меньшей мере, чем в нечерноземной (28,7%); но зато и поднялось к 1923 г. на меньшую величину и теперь, как и в последней, составляет $^3/_4$ населения 1916 г. Колебания сельского населения здесь, в общем, незначительны: следует только отметить, что тогда, как до войны число деревенских жителей быстро наростало—теперь за 7 лет с 1916 г. до 1923 г. оно осталось без перемен; весь естественный прирост или погиб, или эмигрировал в другие местности.

На Украине—свои особенности. Число горожан, как и в черноземной полосе, сократилось на $^1/_4$, оставшись в период нэпа пока без изменения. Количество сельских жителей, наоборот, возросло, если доверять официальным цифрам, которые в этом случае довольны сомнительны. В Сибири и Киргизии следует отметить, что сельское население, под влиянием недорода и возвратного движения переселенцев, выросшее до 1920 г., после этого года стало убывать, в противоположность его возрастанию за последний период в Европейской России.

Всего по СССР за 7 лет с 1916 г. по 1923 г. городское население сократилось на 5,7 мил., а сельское прибавилось на 6,1 мил. Но если мы примем в соображение, что из вернувшихся в деревню демобилизованных солдат и красноармейцев 80%, т.-е. до 7—8 миллионов принадлежало к деревенским жителям, то нам станет ясно, что и число крестьян не прибавилось, а слегка убавилось за эти годы или осталось константным.

Плотность всего населения в нечерноземной полосе к 1923 г. слегка возросла, в черноземной, наоборот, убавилась, на Украине и в Сибири выросла; в общем, по СССР осталась без перемен.

Выводы.

Основные выводы настоящей главы вкратце сводятся к следующему.

1) Население является постоянно меняющимся фактором народно-хозяйственной эволюции.

2) До войны в культурном мире общее количество населения систематически увеличивалось во всех странах, но в главных странах Западной Европы и в Америке большая часть прироста падала на горожан. Количество сельских жителей в государствах старой европейской культуры сокращалось даже абсолютно. В результате мировой войны в Европе население убавилось, в заокеанских странах значительно возросло.

3) В России, хотя относительно, рост городов шел быстрее, чем сельского населения, но до начала XX века в абсолютных числах количество сельских жителей увеличивалось в 4 раза больше, чем городских. Это порождало в центральных и западных районах явления аграрного перенаселения и кризиса, так как, при слабом развитии рынка, крестьяне не могли интенсифицировать свое сельское хозяйство. В XX веке начался более усиленный рост городов у нас, и получилась; с одной стороны, некоторая возможность отлива в города, с другой—интенсификация земледелия.

4) Этот процесс был оборван войной и революцией, особенно последней, приведшей к натурализации хозяйства и к колоссальной убыли горожан. Сельское население убыло далеко не так заметно; с 1921 г. города СССР начинают возрождаться и за последние годы их население достигло 77 %—цифры 1916 г. Сельское население с этого года также численно увеличилось, но более под влиянием возврата в деревню демобилизованных, или вследствие естественного прироста, который поглотился событиями последних лет—гражданской войной и голодом 1921 года. Фактически, сельское население сейчас, повидимому, достигает цифры 1916 г.

ГЛАВА V.

Колонизация. Переселенческое движение в России.

§ 1. Факторы колонизации.

Изменения в численности и составе населения, изложенные в предыдущей главе, являются результатом не только естественного прироста или убыли населения, но и механического передвижения людей, которое происходит в двух направлениях: 1) из деревень в города, 2) из густо населенных стран и районов в редко населенные, но удобные для сельского хозяйства или обладающие большими запасами даровых благ природы. Передвижение из деревень в города в общих чертах было рассмотрено нами выше: более подробный анализ этого процесса не входит в нашу задачу, так как первая часть нашего курса посвящена преимущественно проблемам сельско-хозяйственной географии. Но колонизация редко населенных стран и районов, являющаяся одним из крупных факторов образования мирового и народного хозяйства, заслуживает более внимательного изучения.

Как видно из первой главы нашего труда, мировой обмен, являющийся основным фактором образования мирового хозяйства, проявляется, как указывает проф. Исаев, в трояком форме: а) передвижение людей, б) товаров и продуктов, в) капиталов. Эмиграция людей из Европы является исходным пунктом для развития мирового обмена, так как, переселившись в богатые природными благами, редко населенные страны, трудоспособные выходцы из Европы быстро создают под'ем естественных производительных сил новых стран и начинают выбрасывать на мировой рынок в больших количествах дешевые продукты. Но, спрашивается, каковы основные причины, побуждающие людей к передвижению в неведомые края, иногда на огромные расстояния?

Один из русских ученых, проф. П. Маслов, считает, что тенденция к рассеянию представляет из себя первичное свойство,

присущее не только людям, но и животным, и являющееся результатом стремления отыскать более обильные источники средств существования. „Все животные, и в том числе человек, по мере своего размножения, расселяются, захватывают для своего пользования все большую и большую территорию, потому что способность размножения безгранична, между тем, как средства существования, даваемые природой, ограничены. Во все периоды человеческого развития, при всех системах хозяйства мы можем констатировать стремление человечества к расселению, вытекающее из стремления к экстенсивному использованию территории" (Теория развития народного хозяйства. Стр. 35—36).

Основная причина этой общечеловеческой тенденции к расселению, по мнению проф. Маслова, лежит в законе или факте падения производительности человеческого труда при переходе от одной системы хозяйства к другой, более интенсивной. „Переход от экстенсивного земледельческого хозяйства к более и более интенсивному, при неизменной технике, сопровождается падением производительности труда. Человечество, только вследствие необходимости для сохранения размножающегося населения, переходит к более интенсивной обработке земли. Интенсификация земледельческого хозяйства, превращение его из кочевого в переложное, трехпольное и т. д. сопровождается таким же резким падением производительности труда, как при переходе от скотоводческого или охотничьего к земледельческому хозяйству". (Стр. 49). Наоборот, „чем экстенсивнее хозяйство, тем труд его производительнее".

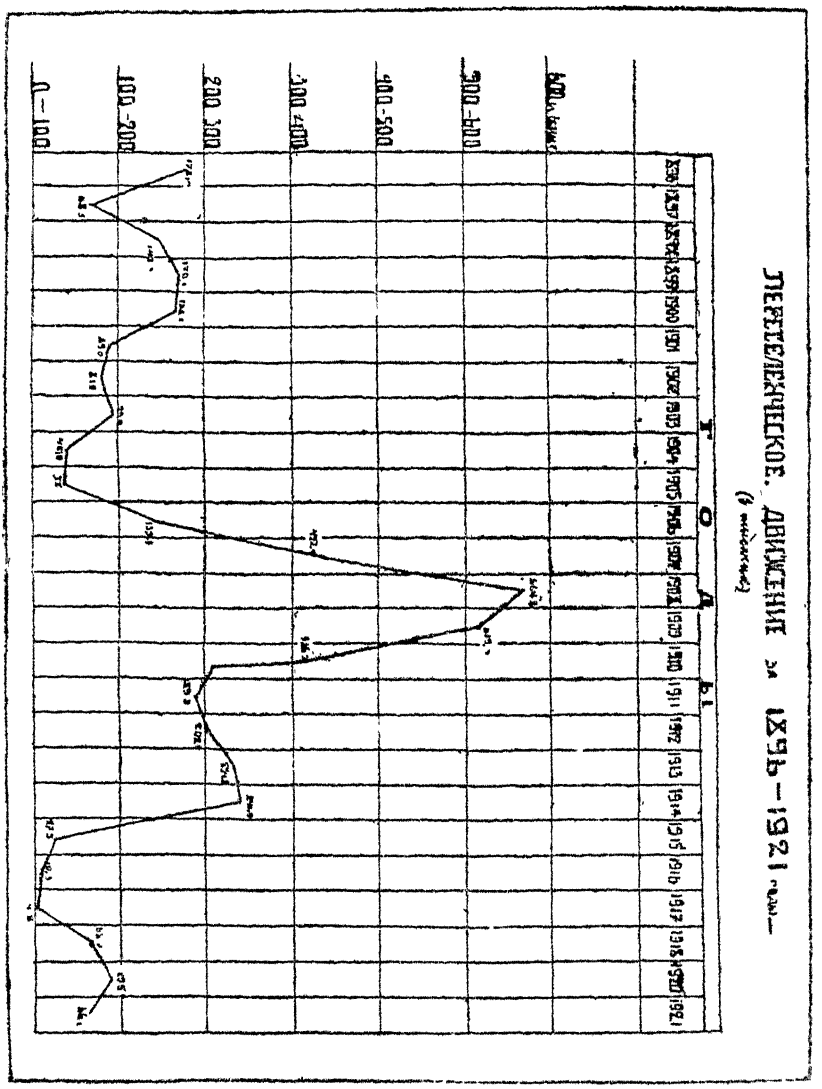
Итак, закон или „факт" падения производительности сельско-хозяйственного труда при переходе к более интенсивным системам — вот, по мнению проф. Маслова, основная причина тенденции населения к расселению. Нам, однако, приходилось уже отмечать коренную ошибку этой теории[1]), заключающуюся в том, что падение производительности человеческого труда происходит не при переходе от более экстенсивных к более интенсивным системам хозяйства, а в пределах одной и той же экстенсивной системы, так как каждая такая система связана обычно с хищническим истреблением тех или иных даровых природных благ, которое и приводит к падению продуктивности человеческого труда.

Человечество, идя по линии наименьшего сопротивления, всегда начинает с простого потребления даровых природных благ, которое, переходя границы естественной производительности природы, приводит к их истреблению.

Поднимаясь по лестнице сельско-хозяйственной эволюции, на первой ее ступени мы находим звероловное хозяйство и собирание дикорастущих плодов и корней. До того момента, пока человек не истребляет основного капитала — звериных стад — производительность его труда будет высокой. Но как только он, размножившись, переходит эту границу и начинает истреблять этот капитал — количество зверей сокращается и производительность охотничьего труда падает, что и побуждает его перейти от звероловного к пастушескому хозяйству. Переходя на пастушеское хозяйство, человек, хотя и вытравливает скотом дикорастущие травы, но в то же время, при помощи ухода за животными, увеличивает их количество, т.-е. развивает тот элемент творчества при-

[1]) См. Н. Огановский «Закономерность аграрной эволюции», т. II, гл. VII (связь теории с фактами). § 2—влияние природных факторов и населенности на эволюцию производства.

роды—фауну, которую он раньше истреблял. Бросая пастушеский быт и садясь на землю, он истребляет, при экстенсивном земледелии, запасы естественного плодородия почвы, но зато увеличивает количество производимых природой животных и растений. Наконец, в интенсивном фазисе земледелия ни один вид природных благ уже не подвергается истреблению, но производительность земли развивается во всех направлениях: увеличивается естественное плодородие почвы, количество и качество полезных растений и животных.



Таким образом, человеческая деятельность в сельском хозяйстве распадается на две последовательно сменяющиеся стадии: 1) на истребление даровых запасов природных благ, которые накопила природа до начала человеческой деятельности, при чем истреблению подвергаются

в последовательном порядке—фауна, флора и естественное плодородие почвы и 2) наразвитие творческих процессов природы, создающих эти блага, при чем это развитие идет в таком же последовательном порядке. Человек начинает хозяйственную деятельность с голого истребления даровых запасов природы; в последующем фазисе сельско-хозяйственной эволюции он развивает одни элементы творчества природы при помощи истребления других. Конечный фазис—отсутствие истребления и развитие всех сторон природного творчества. Звероловство сменяется животноводством, рыболовство — рыбоводством, лесоистребление — лесоводством, дикое пастбище—травосеянием, истощение почвы—ее удобрением. Таков ход эволюции сельско-хозяйственного производства.

Таким образом, как мы уже сказали, истребление тех или иных природных благ при экстенсивных системах сельского хозяйства—охотничьей, кочевой скотоводческой, переложного и трехпольного земледелия,—вот, по нашему мнению, основная причина, приводящая к падению производительности человеческого труда и, следовательно, к относительному недостатку средств существования, которая и заставляет людей стремиться к расселению. Иначе говоря, не переход к новой более интенсивной системе хозяйства, а падение производительности старой экстенсивной системы—основной фактор, толкавший людей на постоянные передвижения с места на место. Когда охотничьи племена, размножившись, начинали истреблять основной капитал—звериные стада—и этим сокращали количество зверя,—они отправлялись в поисках нетронутых запасов в неведомые края.

Великие переселения кочевых народов из Азии в Европу—результат поисков свободных пастбищ для размножившегося скота, который истребил их на месте; истощивши девственную почву, земледелец ищет ее запасы в новых странах.

Русский аграрный кризис, заставлявший миллионы крестьян переселяться из Европейской России в Сибирь, произошел не потому, что наши земледельцы перешли от более производительной трехпольной системы полеводства к менее производительному интенсивному земледелию с плодосменом и травосеянием, а как раз наоборот, именно потому, что такого перехода они не могли произвести и истощили своим трехпольем и безграничными распашками естественное плодородие почвы.

Отыскивая даровые запасы природных благ в редко населенных колониях, человечество начинает снова с их хищнического потребления, приводящего, в конце концов, к истреблению и падению производительности труда и к тем бедствиям, которые предки нынешних переселенцев испытали на родине. Вот почему разумное пользование даровыми природными благами представляет основу рациональной политики колонизации, которая постепенно начинает развертываться во всем мире и которой пора заменить и в России старую переселенческую политику, грозящую уже истощением богатых запасов природных благ наших редко населенных окраин.

§ 2. Переселенческое движение в Европе и России.

Вышеизложенное показывает, что переселенческое движение из более густо населенных стран и районов в редко населенные представляет из себя стихийный процесс, возникающий (поскольку он касается сельскохозяйственных отношений), вследствие кризиса экстенсивных систем

хозяйства, в более густо населенных областях. Поэтому в европейских странах и России переселенческое хозяйство этих стран переживает эпоху кризиса. Такой кризис, вследствие аграрного перенаселения и тяжелых земельных отношений, переживает в середине XIX века Ирландия, откуда переселилось преимущественно в Соединенные Штаты столько народа, что к концу 1900 года здесь оказалось $6^1/_2$ милл. ирландцев, тогда как в самой Ирландии было только $4^1/_2$ милл; между 1840 и 1870 г.г. ирландцы составляли главную массу выселенцев за океан. На втором месте за этот период становятся германцы, переживавшие кризис трехполья, сопровождавшийся неурожаями и голодовками, подобными бывшим в России в конце XIX века; с 1880-х годов, когда земельные отношения в Ирландии упорядочиваются, а в Германии после Франко-Прусской войны 1870—71 г.г. начинается эпоха расцвета промышленности и интенсификации земледелия, истоки эмигрантского движения передвигаются далее на восток и на юг в страны с аграрным перенаселением—Австро-Венгрию и Италию и, наконец, в начале XX века волна эмиграции за океан докатывается до России. В общем, с 1819 до 1913 г. из общего числа эмигрантов в 30,8 милл. переселилось:

Из Великобритании и Ирландии	8,4	милл.
» Германии	5,4	»
» Австро-Венгрии	3,8	»
» Италии	3,7	»
» России	3,0*)	»

Кроме С.-Штатов, в Аргентину (1863—1908 г.г.) переселилось 3,2 милл., в Канаду, которая начала усиленно заселяться только в XX веке,—за 1900—1910 г.,—1,4 милл., в Бразилию (1820—1907 г.г.) 2,5 милл., в Австралию—около 2-х милл. Все эти страны, впитав в себя многомиллионный поток колонистов, развернули в конце XIX века и в начале XX века необычайный под'ем своих естественных производительных сил, который, благодаря разумной экономической и общей политике, нигде не привел до сих пор к сельско-хозяйственному кризису.

В течение периода войны эмиграция из Европы несколько замирает, но после нее начинает снова развиваться. Вот данные об эмиграции из Англии и Италии и иммиграции в Соедин. Штаты и Канаду за 1913—20 годы (в тысячах человек):

	Эмигрировало.		Иммигрировало.	
	Из Англии.	Из Италии.	В Соед. Штаты.	В Канаду.
В 1913 г.	389,3	565,0	1197,9	384,3
» 1914 »	214,9	237,7	1218,5	144,9
» 1915 »	76,9	71,6	326,7	48,5
» 1916 »	52,9	77,2	298,8	75,4
» 1917 »	10,0	15,1	295,4	79,1
» 1918 »	10,6	5,3	110,6	57,7
» 1919 »	146,9	56,1	141,1	113,3
» 1920 »	284,8	211,3	430,0	127,3

*) Среди русских эмигрантов большинство евреев. Но в XX веке эмигрировало до войны в Америку около 1 милл. крестьян—русских, поляков, латышей и литовцев.

Таким образом, увеличение населения Соединенных Штатов за названный период на 13,7 милл. душ и Канады на 1,4 миллиона является результатом не усиленной иммиграции за последнее семилетие, а, главным образом, естественного прироста *местного* населения. Так, иммиграция в Соединенные Штаты за эти годы дала им всего 4 миллиона прибыли населения, а 9,7 милл., т.-е. по 1,4 миллиона душ ежегодно, давал естественный прирост, которого Европа лишилась начисто, благодаря войне. Если иммиграция сюда дойдет опять до цифры 1 милл. и выше в год, то из приведенных данных можно заключить, что население Соединенных Штатов в ближайшие 30—35 лет удвоится, и опередив Россию, станет на третьем месте в мире после Китая и Индии.

В ближайшие годы возможно ожидать усиления потока эмиграции из Германии, откуда колонизация, начиная с 1880-х годов чрезвычайно сократилась. В 1881 году из Германии эмигрировало 220 тысяч, в 1895 г. эта цифра упала до 37 тысяч и в последующие годы до войны держалась на уровне 20—30 тысяч. Пока новейших данных по этому вопросу мы не имеем, но можно полагать, что ухудшение экономического положения германского населения заставит часть его искать лучшей доли за океаном. Собственных колоний у Германии нет, а поэтому немцам придется колонизовать чужие земли.

В результате мировой войны, как известно, произошел раздел германских колоний между союзниками. Благодаря этому разделу, те государства, у которых был максимум колониальных владений, как Англия и Франция, получили наибольшую прибавку.

Размеры главных колоний европейских государств, Соединенных Штатов и Японии составляли:

	До войны.		После войны.	
	Тысяч кв. килом.	Милл. жител.	Тысяч кв. килом.	Милл. жител.
Великобритания . . .	34635	393,9	37235	415,0
Франция	10578	56,3	11416	61,1
Германия	2953	12,4	—	—
Италия	1590	1,4	1891	1,6
Бельгия	2365	15,0	2414	15,4
Голландия	2046	38,1	2046	47,6
Португалия	2056	9,4	2083	9,2
Испания	568	1,1	320,1	1,1*)
Соединенные Штаты .	324	10,4	403	14,8
Япония	291	19,7	(цифры неизвестны)	

Великобритания имела до войны в метрополии 314 тыс. кв. километров и 46,6 милл. жителей. Следовательно, территория колоний в 118 раз превосходит теперь территорию метрополии, а население в 9 раз. Но часть этих колоний—Канада с 9 милл. жителей и 9,9 милл. кв. километров, Австралия и Новая Зеландия с 8,5 милл. кв. километров и 7,3 милл. жителей, Южно-Африканский Союз с 2 милл. кв. километров и 6,5 милл. жителей представляют на самом деле самостоятельные государства, связанные с Великобританией лишь союзными договорами. Вообще, Великобритания фактически утратила почти все колонии, населенные преимущественно белыми. Самая главная из остав-

*) См. проф. В. Ден «Новая Европа».

шихся колоний—Индия с 4,9 милл. кв. километров и 321 милл. населения, где за последние годы обнаружилось активное стремление к приобретению национальной и экономической независимости. Индия, как и смежный Китай, довольно быстро индустриализируется.

Во Франции наиболее заселенная колония—Индокитай с 18,4 милл. населения; но больше всего французских колоний в Африке—10,5 милл. кв. километров с 41 милл. населения.

Бельгия также владеет африканским Конгосс 2,4 милл. кв. километров и 15 милл. населения, в Африке же сосредоточены колонии Португалии, Италии и Испании. Основные колонии Соединенных Штатов—Филиппинские острова с 10,4 милл. душ населения.

Колониальные владения, принадлежащие, главным образом, европейским государствам, имеют весьма большое значение для народного хозяйства этих стран: те страны, которые владели самыми большими колониями, приобрели в мировом хозяйстве положение великих держав. Особенное значение колонии имеют для Великобритании, благодаря тому, что они разбросаны во всех углах земного шара, главным образом, на мировых морских путях.

Вместе с колониями Великобритания по населению и по территории становится на первое место в мире. Второе место по территории до сих пор принадлежит России, владевшей, со своими колониями, до войны территорией в 22.360 тыс. кв. километров или 19.094 тыс. кв. верст с населением в 1914 году в 159 миллионов человек. В результате мировой и гражданской войны Россия потеряла 170 тыс. кв. километров и 31,4 миллионов душ населения.

„Россия—страна беспрерывной колонизации“, как ее называл историк В. О. Ключевский. Однако главное отличие ее колоний от колоний других стран—то, что последние разбросаны в других странах света и отделены от метрополии океанами и морями, а наши азиатские колонии находятся рядом с метрополией.

До войны за колонии у нас можно было считать завоеванные русскими иноземные западные области—Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву. Но теперь они превратились в самостоятельные „буферные государства“, и оставшиеся у нас „колонии“ находятся только на юге и востоке, а именно:

	Тыс. кв. верст.	Население в тыс. (1920).
Крым	33,9	761,6
Северный Кавказ и Дон. .	260,4	6850,8
Дагестанская ССР.	30,9	798,2
Азербейджанская ССР . .	76,4	2097,0
Армянская ССР	34,3	1214,4
Грузинская ССР	58,0	2372,4
Сибирь (с Якутией)	9476,9	9348,6
Киргизская ССР	1871,2	5045,7
Туркестанская ССР	1299,2	7201,6
Дальневосточн. республ. .	1468,7	1811,7
Всего	15609,9	37502,0

Из этих „колоний“—новых союзных республик и автономных областей—часть заселена достаточно густо туземными племенами. Влияние русского элемента здесь может быть только культурным. Из России

сюда должны перетекать лишь капиталы и прочие средства для развития народно-хозяйственной культуры, в виде путей сообщения, промышленных и торговых предприятий и т. п., за что эти области отплачивают, возвращая в обмен на них метрополии ценные продукты южных культур — хлопок, рис, овощи, фрукты, вино, а также богатства своих недр — нефть, марганец и т. д. Это—республики Закавказья, Дагестан, частью Крым.

Северный Кавказ стал об'ектом колонизации л ю д ь м и с момента освобождения крестьян; за 11 лет после реформы, даже по преуменьшенным официальным данным, в одну Кубанскую Область нахлынуло более 210 тыс. поселенцев из коренной России и Украины. В конце 1860-х годов масса крестьян-украинцев, двинувшись на Кубань за казенными землями, здесь таковых не нашла и перекочевала в Ставропольскую губернию в 1870 году. К 1880-м гг. Северный Кавказ уже был заполнен, и переселение из центра земледельческой России и Украины начинает передвигаться вместо Юга на Восток — в Сибирь и Киргизию.

Из 100 семейств или душ переселилось:

	В Новороссию и Северный Кавказ.	В Заволжье.	В Сибирь и Киргизию.	В прочие места.
Рязанская губ.				
До 1876 г.	76,0	10,0	8,0	6,0
» 1877—82 г.г.	8,1	10.2	81,4	0,3
Полтавская губ.				
До 1876 г.	89,1	2,3	0,1	8,5
» 1877—93 г.г.	64,8	4,8	14,6	15,8
» 1894—900 г.г. . . .	13,0	—	87,0	—

Из земледельческого центра, лежавшего дальше от юга—раньше (с конца 1870-х годов), из южной Украины—позже (с 1890-х годов) наступает поворот в направлении переселения с ю г а н а в о с т о к, показывающий, что на юге в то время чужому человеку уже трудно было приткнуться, т. к. густота населения на удобной и доступной крестьянам земле (кроме помещичьей) доходила до 40 и более человек на кв. версту.

Стихийное движение переселенцев в Сибирь началось лишь со второй половины 1880-х годов, а до тех пор за 25 лет, с 1860 до 1885 года, в Сибирь и Туркестан переселилось всего лишь около 300 тысяч душ.

В дальнейшем их количество возрастало следующим образом (без ходоков):

В 1886—1890 г.	—	108	тысяч душ.
» 1891—1895 »	—	353	» »
» 1896—1900 »	—	718	» »
» 1901—1905 »	—	323	» »
» 1906—1910 »	—	2086	» »
» 1911—1915 »	—	769	» »
» 1916—1921 »	—	231	» »

Всего, следовательно, в XIX веке прошло 1.477 тысяч переселенцев, в XX—3.404 тысячи, в итоге около 5 милл. Максимум переселенческого движения упал на пятилетие 1906—10 г.г. после неудачной аграрной революции 1905 года, когда крестьяне, разочаровавшись в своих мечтах по-

лучить прирезку из помещичьих земель, валом повалили за Урал. Дойдя до небывалой высоты 650 тысяч душ в 1908 году, с 1909 г. переселение начинает падать, и в 1911 г. переселенческая волна сокращается до 190 тысяч. Затем она снова поднимается до 336 тысяч в 1914 году; потом мировая война и революция прерывает его вплоть до 1921 года. В этом году кроме включенных в приведенную сейчас таблицу 66 тысяч душ, по неполным сведениям, беженцев из голодающих губерний двинулось около 400 тысяч. В указанные сейчас данные не входят также беженцы-горожане, двинувшиеся в Сибирь в количестве нескольких сот тысяч в период революции; впрочем, значительная часть их потом вернулась обратно.

§ 3. Результаты переселенческого движения в Сибирь, Киргизию и Туркестан.

Не следует думать, что переселенческое движение могло значительно облегчить аграрный кризис в Европейской России: оно захватило, сравнительно, слишком небольшой процент крестьян, чтобы давать остальным освобождение от земельной тесноты: в конечном счете, оно не поглощало даже мало-мальски заметной доли естественного прироста сельского населения.

Естественный прирост сельского населения.

	(В 50 губерниях в тыс. душ).	% переселенцев к естест. приросту.
В 1896—1900 г.г.	6.816	10,6
» 1901—1905 »	8.046	4,1
» 1906—1910 »	8.798	23,7

Только в пятилетие 1906—10 гг. переселение освободило крестьян Европейской России от $^1/_4$ ой части естественного прироста [1]), а за предыдущие 5 лет—всего до $^1/_{25}$, в первые 5 лет—только около $^1/_{10}$. Кроме того, выселяются крестьяне не из всей России одинаково: так, из 4 слишком миллионов переселенцев, вышедших из России с 1890 по 1912 г.г. из нечерноземных губерний выселился всего один миллион, а из черноземных 3 милл. слишком. Далее, в черноземных губерниях тяга к переселению охватывала преимущественно малоземельные густо населенные области: земледельческого центра (Воронежскую, Курскую, Орловскую губ.) и Украины (Киевскую, Полтавскую, Черниговскую губ.). Всего за 6 лет, 1905—10 гг., из первых трех губерний выселилось 352 тысячи душ, из вторых—480 тыс.—половина естественного прироста. Наконец, и в каждой из этих губерний особенно выделялись количеством переселенцев одни уезды, а из других—никакого почти выселения не было. Да и в уездах одни волости давали тысячи переселенцев, другие—десятки. Словом, тяга к уходу за Урал шла „гнездами", пятнами—и в этих отдельных гнездах, на местах чувствовалось известное облегчение от земельной тесноты, после того как третья—четвертая часть малоземельных бедняков навеки расставалась с дедовскими могилами.

Уходили, главным образом, *малоземельные* и вовсе безземельные крестьяне; в начале XX века, в среднем, на крестьянское хозяйство приходилось около 11 дес. надельных земель, а на хозяйство переселенцев

[1]) Естественный прирост измеряется разницей между числом рождающихся и умерших.

только 3,6 дес.—всего лишь третья часть. Вовсе безземельных между ними была четвертая часть, а имевших до 3-х десятин—около двух пятых. Когда крестьян, пришедших в Сибирь, спрашивали, почему они переселились, они отвечали: „Дом хлебом не накормит: жить в нем весело, да есть в нем нечего". „Уходим от безземелья". „Жить не при чем". „Землей изголодались". „Под деревнями было больше места, чем под пашнями".

До Столыпинских законов о выходе из общины переселенцы не имели права продавать наделы и потому у них было с собой очень мало денег. Затем все чаще и чаще стали продавать землю, укрепив ее за собой. В 1904 г. передали в общество надел 72% переселенцев, а продали—всего 4%; в 1910 г. передали обществу только 1%, а продали 83%. Не очень много выручили они капиталов за жалкие клочки своей земли, но все-таки рублей 300—400 уносили с собой. Главный капитал их, однако, был—рабочие руки.

Переселившись на новые места, крестьяне, которые шли для того, чтобы пахать землю, сразу подняли миллионы десятин нетронутых целинных степей и лесных трущоб.

За 7 лет в 8 губ. Сибири площадь посевов выросла на 2 милл. дес.—в полтора раза. В общем, благосостояние крестьян на новых местах поднялось довольно сильно, но не сразу и не одинаково во всех местах.

На один двор приходилось:

	Голов скота.	Десятин посева.
У проживших в Сибири менее 3-х лет . .	2,5	2,7
» » » » » 4—7 » . .	4,0	4,4
» » » » » 8—18 » . .	5,6	7,4
» » » » более 18 » . .	6,8	7,4

На родине они имели по одной голове скота и по десятине пашни. В короткое время на новом месте их хозяйство вырастает до 4—5 голов скота и 6—7 дес. посева. Но дальше оно уже не растет, хотя средний участок переселенческой семьи в Сибири—около 40 дес. (на мужскую душу нарезалось 15 дес.). Это—предел крестьянской „сытости". Заводить больше скота и посевов переселенцам было интересно лишь в тех местах, где есть обеспеченный сбыт, близ пристаней и железных дорог; там же, где сбыта нет, где пуд пшеницы стоит 20—40 копеек, там сеять и заводить скота на продажу не было расчета. Поэтому, остановившись на точке „сытости" в большинстве мест, переселенческое хозяйство с этой точки не сдвигалось.

Очень большое влияние на развитие переселенческого хозяйства имело *место* поселения.

	На один двор: Десятин посева.	Голов крупн. рогат. скота.	Доход.
У поселившихся в Зап. Сибирской лесостепи . .	8,4	5,1	725
» » » Западной степи	6,1	4,5	736
» » » Восточно-Сибирской степи . .	3,8	3,4	586
» » » Урмане и Тайге	2,3	3,1	362

Мы видим, что посевы у крестьян, поселившихся в лесостепи, в $3^1/_2$ раза, а количество скота почти вдвое больше, чем у насельщиков, рискнувших направиться в лесные дебри. Доходы в первых районах так-

же вдвое больше, чем в последних. Тяжелые природные условия—обилие болот и страшного сибирского „гнуса", отсутствие близких рынков сбыта, бездорожье, оторванность от остального мира—все это порождало медленность хозяйственного развития и отпугивало переселенцев от огромных таежных пространств Сибирского севера.

Кроме *места* поселения, на благосостоянии переселенцев сильно отражалось их *юридическое положение* — причисление к обществу, получение надела, вообще—легальное устройство. Так, в Акмолинской области имели на один двор.

	Устроенные переселенцы.		Неустроенные переселенцы.	
	На родине.	В Акм. обл.	На родине.	В Акм. обл.
Посевов	2,4	7,5	3,4	3,0
Построек	1,5	2,0	1,6	1,4
Скота (в переводе на крупный)	2,5	5,9	2.3	1,7

Неустроенные переселенцы на новых местах, оказывается, даже беднели. В результате, поживши несколько лет кое-как, зарабатывая батрачеством на пропитание у богатых старожилов и казаков, обнищалые, ослабевшие, они идут назад в Россию, на свои разоренные гнезда, которые уже не в силах отстроить заново. [1])

Переселенцы, обыкновенно, стараются устроиться в такие места, которые, по природе своей, напоминают их прежнюю родину. Так, на 1000 человек, водворившихся в каждой полосе, приходится:

Выходцев из Европ. России.	В степной полосе.	В лесостепи.	В Тайге.	В городах и пр. районах.
Степных губ.	619	291	61	29
Лесостепных губ.	255	443	216	56
Лесных губ.	67	221	616	96

Подавляющее большинство крестьян—выходцев из России, жили раньше в степных и лесостепных губерниях Европейской России. При этом, естественно, они оседали раньше там, где было им ближе по дороге, т.-е. в Западной Сибири, точнее в лесостепных районах ее, примыкающих к железной дороге.

Заполнив южные уезды Тобольской и Томской губ. и лучшие части Алтайской, они повернули на юг, в степь и, за последние годы в ковыльном поясе северных степей русское крестьянское население очень быстро вырастает. В общем из четырех миллионов переселенцев в конце XIX и в XX веке (1912 г.) поселилось в круглых цифрах:

В Западной Сибири . . .	2090 тыс.
» Восточной » . . .	320 »
На Дальнем Востоке . .	320 »
В степных областях. . .	910 »
» Туркестане	130 »

*) За 1896—1918 г.г. количество обратных переселенцев достигло огромной цифры в 1280 тысяч душ.

До 1897 года в степи ушло всего 15% переселенцев, после 1897—26,5%. За 1910—14 г.г. в среднем ежегодно уходило (из 300 тыс. всех) в Зап. Сибирь 112 тыс., в степные области 90 тыс.

Движение в степи и Западную Сибирь почти сравнялось. Однако, к 1914 году, т.-е. к началу мировой войны, большая часть удобных местностей Западной Сибири и смежных районов была уже заселена. В Зап. Сибири, в которой к 1913 г. осталось всего свободных 65 тыс. долей душевых наделов, не заселен был только север, покрытый дремучими лесами и болотами; колонизация севера, как признавало само правительство,—еще дело далекого будущего.

Например, в Нарымском крае обнаружены обширные площади земли, пригодные для земледелия, и переселенческие чины запроектировали здесь 800 тыс. дес. в надел. Но плодородные участки отделены непроходимыми болотами от заселенных мест Томской губ. и друг от друга. Болото это знаменитое „Васюганское морцо", имеет 500 верст в длину и 400 в в ширину. Перейти через него можно лишь по тропкам, которые знают только старожилы; неопытные пешеходы проваливаются по грудь в болото. Понятно, что на лошадях проехать туда нельзя, и переселенцев никакими льготами на Нарымские наделы не заманишь. Притом здесь иногда в мае бывает 17 градусов мороза.

Участки в Тобольской губернии делятся на урманные, в которых леса—70%, болот 20%, озер—2% и лишь 8% гари и удобных лесных полян, под урманные—лесов—35%, болот 30%; лесостепных теперь уже не осталось. То же и в Томской тайге. На Алтае свободными остались горы, в которых, в лучшем случае, возможно только пастбищное хозяйство. Поэтому в Западной Сибири переселенцы устраивались за последние годы, преимущественно, на отрезанных у старожилов излишних землях, запасы которых сильно истощились.

В степях удобные для заселения земли отбирались у первых засельщиков—туземцев—киргиз. Отрезки производятся на основании норм, исчисленных особыми статистическими экспедициями. Экспедиции определяют количество скота, необходимое для существования нормального киргизского хозяйства, и площадь пастбищ, потребных для единицы скота в разных местностях. Первые экспедиции, работавшие под руководством известного статистика Ф. А. Щербины, установили норму в 24 единицы крупного скота на хозяйство (в том числе 20%—в расчете на дальнейший прирост скотоводства). Но когда в степи нахлынули переселенцы, была командирована 2-ая экспедиция (Б. К. Кузнецова), понизившая норму до 14—15 единиц скота, несмотря на то, что у киргиз в действительности оказывалось от 18 до 21 единицы на хозяйство и кроме того, значительно сократившая норму пастбищной земли, потребной для прокормления скота. При помощи такого двойного понижения, размер, „излишних"земель, которые правительство имело право отрезать у киргиз, определился в степных областях в 22 миллиона дес.; из них 5 милл. в последние годы уже занято; а всего с начала колонизации степей отведено переселенцам 12 миллионов десятин. Остающиеся 17 миллионов десятин излишков,—гораздо худшего качества, лежат преимущественно на территории „летовочных" пастбищ, где сами киргизы кочуют только в течение нескольких летних месяцев, где очень мало водных источников и большая часть земель непригодна для хлебопашества.

В три остальные области—Восточную Сибирь, на Дальний Восток и Туркестан, переселилось немногим более миллиона человек, из которых 626 тыс. осело в Восточной Сибири, главным образом, в Енисейской гу-

бернии. На юге этой губернии также имеются обширные степи, лучшая, наиболее орошенная часть которых, впрочем, уже заселена. В незаселенных частях производятся сейчас гидротехнические изыскания, от результатов которых зависит разрешение вопроса о колонизации степей; пока же переселенцев устраивают благодаря „отрезкам" земель у старожилов и сибирских инородцев. Большая часть Восточной Сибири покрыта лесами и горами, и те местности, которые более других пригодны для населения, могут привлечь сюда преимущественно переселенцев из нечерноземной полосы Европейской России, вообще говоря, благодаря развитию городской жизни в этой полосе, мало нуждающихся в переселении. Поэтому, колонизация Восточной Сибири никогда не сможет достигнуть таких размеров, как Западной.

Дальний Восток после Русско-Японской войны привлек усиленное внимание правительства, озабоченного укреплением наших границ с Китаем и Японией. Правительство стремится вытеснить отсюда туземное желтое население и привлечь из России как земледельцев, так и рабочих на строющуюся железную дорогу и золотопромышленные прииски. Однако, если попытки руссифицировать рабочий элемент края увенчались известным успехом, по крайней мере, в казенных предприятиях (в 1911 г. сюда явилось из России 52 тыс. рабочих, в 1912—106 тыс.). то нельзя сказать того же относительно земледельческой колонизации, В 1907 г. сюда нахлынуло сразу 85 тысяч переселенцев, а в следующем же году значительная часть их вернулась обратно, и с тех пор переселение в Приамурский край сильно упало. Главная причина неудач колонизации—неблагоприятные природные условия. Здешний климат полон контрастов: жаркое лето, когда средняя температура июля соответствует Кавказу и Крыму, и суровая зима с морозами в 40° и январской температурой более низкой, чем в Архангельске. Летом идут постоянные дожди, скопляющиеся в августе, во время уборки хлеба, когда земледелец дорожит каждым сухим днем. Зимы наоборот сухие, малоснежные, благодаря чему земля замерзает на такую глубину, что в значительной части области оттаивает лишь верхний слой, а внизу остается „вечная мерзлота".

Летние дожди производят частые наводнения, реки обрамлены по берегам крупными валами,—осадками песку и камней от прежних наводнений. После наводнения вода в речных доминах не опадает, откуда происходит повсеместная заболоченность края, усиливаемая густой растительностью, так поражающей взоры неопытных переселенцев. Заболоченность—главное препятствие для русской земледельческой колонизации края. Инженер Клягин полагает, что, например, в той части Амурской области, которая лежит ниже 60° параллели, из 36 миллионов десятин заболочено 15 милл.; в Приморской—процент заболоченности еще выше. Сухие земли уже использованы под переселение и доля заболоченных земель в переселенческих участках увеличилась с 17—18% в 1901 г., до 40% —в 1909 г. Производить многомиллионные затраты на осушение Приамурья, по отзывам специалистов, не имеет смысла, так как тамошние почвы не лучше, чем район окрестностей Ленинграда (в Новгородской, Псковской, Ленинградской губ.), где также очень много болот, осушить которые будет стоить гораздо дешевле и выгоднее как для казенных, так и для народных интересов. Переселенческое Управление успело разочароваться в возможности успешного заселения Приамурья; между тем, оно изгоняло желтых корейцев и китайцев, которые чувство-

вали себя здесь, как рыба в воде, и огромный край остается до сих пор мало заселенным.

В общем, несмотря на безбрежные пространства Сибири, к моменту войны вряд ли можно было допустить водворение сюда более, чем 200—250 тысяч переселенцев ежегодно, потому что большая часть оставшихся незаселенными земель требует мелиорации: осушения болот, вырубки и выкорчевания лесов, а на юге—орошения и обводнения бесплодных, хотя и плодородных в северной части киргизских степей.

Но мелиоративные работы целесообразны лишь при более интенсивных системах сельского хозяйства, т. к. они требуют, во многих случаях, более или менее крупных затрат, окупающихся лишь высоким под'емом производительности почвы. Поэтому, гораздо разумнее расширять путем мелиорации земельный фонд в Европейской России, где таким способом его можно увеличить довольно быстро, более чем на 30 милл. десятин.

Итак, как это ни странно, при наличии почти полутора миллиардов десятин земельной площади в Сибири и Туркестане, втрое превышающей площадь Европейской России, наше переселенческое движение начинает упираться в тупик, за отсутствием достаточного фонда свободных удобных земель.

Около миллиона обратных переселенцев в XX веке достаточно ясно свидетельствуют об этом тупике. Но кроме „обратников", накануне войны количество ходоков, не нашедших себе и своим доверителям земли, увеличилось до 60 %. И при всем этом, как будет видно в дальнейшем изложении, запасы природных благ Сибири стали подвергаться истощению: количество ценных пушных зверей убыло, рост скотоводства начал сильно отставать от роста населения, и урожайность начала подвергаться сильнейшим колебаниям и в общем клониться к упадку, что свидетельствует о некотором истощении почвы.

§ 4. Современная постановка проблемы колонизации в России.

В настоящий момент переселение в Сибирь временно прекращено. Этим последним актом можно считать старый период стихийного переселения законченным. Настает пора перейти к организованной колонизации, главная задача которой—не размещение, как попало, избыточного земледельческого населения метрополии, а планомерный систематический под'ем производительных сил колонии, посредством всестороннего вовлечения в хозяйственный оборот незаселенных и малозаселенных земель на основе выгодного использования их природных богатств, как для промышленных целей, так равно и в интересах развития сельского хозяйства.

Дореволюционное переселенческое движение носило почти исключительно земледельческий характер. Вызывалось это тем обстоятельством, что главный контингент переселенцев были крестьяне-землеробы из лесостепной и степной зоны, стремящиеся, прежде всего, обеспечить себя средствами пропитания, главным образом, хлебом, которого не хватало ему на родине. „Получая от государственной власти лишь незначительную помощь, а иногда (весьма часто. Н. О) обходясь совершенно без нее, русский переселенец всегда должен был сам обеспечивать себе пропитание, чем предопределялся земледельческий характер

колонизации“ [1]). Переселенец-землероб, прибывший из России, садясь на землю, не справляется ни о близости рынка, ни о ценах на хлеб, ибо вся цель его хозяйства—собственное продовольствие, а не рынок. Вот почему нам приходилось лично встречать на Горном Алтае переселенцев, уходивших с роскошных лугов только потому, что хлеб на высоте 4.000 футов не родился, тогда как каждое переселенческое хозяйство могло там завести по несколько десятков голов молочного скота и, выручая за продукты скотоводства во много раз больше, чем за земледельческие, не затруднилось бы купить нужный им хлеб в соседних долинных земледельческих селах, соединенных с ними хорошими дорогами. Вся сила в традиционных хозяйственных привычках наших земледельцев, не понимающих, как можно существовать без собственного хлеба.

Современная постановка колонизационного дела должна иметь своей основной целью под'ем народного хозяйства данного района в его целом; поэтому, если в этом районе на первый план предполагается выдвинуть не земледелие, а горное дело, или индустрию, или скотоводство то и подбор колонистов должен производиться с таким расчетом, чтобы намеченный план промышленного строительства не встретил бы препятствий, при осуществлении, в отсутствии достаточных кадров рабочих рук, или луговые пространства в скотоводческих районах не лежали бы впусте. Вот почему, приступая к колонизации данного района, мы должны, прежде всего, установить, к какому хозяйственному типу он принадлежит, или должен принадлежать, по своим природным и экономическим условиям.

В настоящее время можно определенно сказать, что наиболее желательный хозяйственный тип в большинстве районов, доступных колонизации,—двусторонний, с перевесом в одних районах в сторону сельского хозяйства, в других—индустрии и лесного дела. Так, в наиболее обширном по площади и наименее заселенном районе лесной зоны центр тяжести должен быть отнесен на организацию лесопромышленного хозяйства, а в сельском хозяйстве—на развитие скотоводства; земледелие же здесь явится подсобным занятием; в горных районах Алтая—на горнозаводское дело и также на скотоводство; в степных областях на первом плане останется сельское хозяйство, но с гораздо большим развитием скотоводства, чем до сих пор и т. д. При организации сельского хозяйства в заселяемых районах необходимо проводить принцип *двусторонней* эволюции с бо́льшим или меньшим развитием скотоводства, которое должно играть более заметную роль повсюду, где условия транспорта затрудняют вывоз зерновых продуктов.

Вообще при построении планов организации хозяйства в колонизуемых районах, в противоположность прежней переселенческой политике, не учитывавшей значение рынка, на первый план следует выдвинуть задачи, связанные с проблемами экспорта тех или иных продуктов и сырья, как внутрь России, так и за границу. Связь с рынком—должна явиться основной осью всей колонизационной политики ближайшего будущего. Эта связь требует, в первую очередь, создания рациональной сети путей сообщения. А так как, в силу того факта, что естественные водные пути в Сибири ведут в малодоступный Ледовитый океан, а на юго-востоке и в Туркестане в разобщенные от океанов

[1]) С. Ободовский. Лесопромышленная колонизация севера Европейской России. «О земле». вып. III, стр. 51.

Аральское и Каспийское моря—центр тяжести транспортного дела переносится у нас на организацию железнодорожной сети и построение железнодорожной колонизации по типу американской, имевшей там наибольший успех.

Железнодорожная колонизация имела место в 3-х американских государствах: Соединенных Штатах, Аргентине и Канаде. Первые ввели у себя этот тип Соединенные Штаты, где по акту конгресса 1784 года все незаселенные земли, размером около 680 миллионов дес. (по другим подсчетам—550 милл. дес.) были об'явлены общегосударственным достоянием. С начала XIX столетия правительство приступило к организации этой территории, лежавшей в центральных и западных Штатах. Государственные земли разбивались на квадратные площади (township—городской округ) в 36 кв. миль или 8½ тыс. дес. каждый, которые в свою очередь делились на 36 малых квадратов по одной квадратной миле. Эти квадраты назывались секциями и снова делились на четыре „четверти" или „homestead" („гомстед" переселенческий надел в 160 акров или 60 дес.). Таким образом, в каждом округе было 144 „гомстеда". Вся система округов и секций закреплялась на месте межевыми знаками и перенумеровывалась номерами и буквами, так что каждый участок легко находился на карте и на месте обозначением нескольких букв и цифр. Эта землеустроительная работа, которая тянется уже свыше 100 лет, до сих пор не закончена; кроме мало доступной Аляски с площадью в 368 милл. акров, в 1910 г. еще не было землеустроено в западных Штатах 146 милл. акров—всего 514 милл. акров или 190 милл. десятин. Землеустроив определенную территорию вдоль линии спроектированной железнодорожной магистрали, правительство передавало ее частным акционерным компаниям, берущимся за проведение железных дорог. Земля передавалась не целиком, а в шахматном порядке, при чем в каждом округе из 36 секций, 2 отводились на содержание школ, 16 передавалось компании, а 18 оставалось во власти правительства. Переселенцы получали гомстедные участки сначала бесплатно, потом за невысокую плату—не свыше 5 р. за десятину. Устанавливался целый ряд льгот по перевозке переселенцев и их грузов, по устройству их на земле: выдавались ссуды на постройку ферм и оборудование хозяйства; продавались в рассрочку даже дешевые готовые жилища. Одним словом, делалось все для облегчения устройства переселенцев на новых местах, частью за счет компании, частью на правительственные средства.

Железнодорожная сеть проводилась таким образом: строились по параллелям с востока на запад основные магистрали, с расстояниями между ними в 300—400 верст, обслуживающие каждая соответствующую естественно-историческую зону. Проведено всего 5 магистралей, самая короткая из которых Нью-Йорк—Сан-Франциско—5260 километров. Перпендикулярно к магистралям по меридианам проводились под'ездные пути. Всего, по существующим подсчетам, в Соединенных Штатах железным дорогам роздано 57,6 милл. десятин. По мере заселения, раздача земель сокращалась и в 1890-х г.г. почти прекратилась совсем.

В Аргентине опыт проведения этой системы был невелик: в 1860 г.г. передано о-ву центральной железн. дороги около 800 тыс. дес. Зато Канадская ж. дор. колонизация была поставлена образцово и заселение страны происходило, главным образом, при ее посредстве. Жел. дор. общества очень много заботились, как об устройстве переселенцев, выдавая им ссуду до 2000 долларов на семью, так и о мелиорациях неудобных земель, устраивая их орошение, а главное—о развитии рыноч-

ных отношений, развивая, как и в Соединенных Штатах, сеть элеваторов и холодильников, а также флот в 70 слишком паровых судов, чрезвычайно облегчающих грузооборот хлебных продуктов, мяса и масла. Значение железных дорог Канады в росте ее населения и экспорта, видно из следующих данных:

Годы.	Сеть жел. дор. (верст).	Население (тыс. жит.).	Сумма ввоза и вывоза (миллионы долларов).
1871	4042	3635	170,3
1891	20757	4833	218,4
1911	38100	7205	769,4

Общее количество земель, полученных железными дорогами Канады—22,4 милл. десятин.

В России первые попытки государственной железнодорожной колонизации начались лишь в XX веке, после проведения Сибирской магистрали. Главная из них—проведение Восточно Китайской жел. дор., которой было отведено 85 тыс. дес. Колонизация была не столько земледельческая, сколько городская. В частности, город Харбин строился на земле общества железн. дороги и при его содействии. Кроме того, о-во организовало пароходное движение по р. Сунгари и Тихому океану. Колонизация, в связи с постройкой жел. дороги, применялась также при проведении Амурской линии, где дала хорошие результаты.

В ряде последующих проектов (напр. трансконтинентальная Аляска-Сибирская ж. д. в 1902 г. и проект Великого Северного Обь-Беломорского пути) предполагалось отводить большие площади частным жел. дор. компаниям, иностранным и русским в размере 7—8 милл. десятин. Наконец, последний проект, уже в наше время—предоставляет Мурманской жел. дор. до 3-х милл. дес. для колонизации.

Совершенно очевидно, что планомерную колонизацию наших обширных областей, как Сибирь, целесообразно связать с жел.-дор. строительством. Для того, чтобы перейти от переселения землеробов с их потребительским хозяйством к колонизации, имеющей в виду, главным образом, развитие рыночных отношений с центром, способствующим общей народно-хозяйственной эволюции России — необходимо базировать колонизацию на жел.-дор. путях.

Какое значение имела Сибирская магистраль — видно из следующих фактов. В районе Сибирской жел. дор. было:

	Население (тыс. душ).	Грузооборот (тыс. пудов).
В 1900 г.	5846	44672
» 1909 »	8683	199188

Население за 9 лет выросло почти на 3 миллиона челов.—т.-е. на 50%, а грузооборот на 155 милл. пуд.—в $4^1/_2$ раза. Отсюда видно, что жел. дор. оказывают влияние именно на развитие рыночных отношений в местном хозяйстве.

Но Сибирская магистраль обслуживает сравнительно узкую полосу лесостепей и северных степей в 300 — 360 верст шириной (в обе стороны вместе), ибо при стоимости гужевой перевозки хлеба в $\frac{1}{10—14}$ коп.

пудоверста, одна доставка на станцию при расстоянии свыше 200 верст обходилась в 15—20 коп. за пуд. Цены на пшеницу где-нибудь в Минусинском округе падали до 30—40 коп. за пуд, что делало невыгодным производство пшеницы для рынка. С другой стороны эксплоатация Сибирских лесов в крупном масштабе невозможна без жел. дор. Вот почему уже давно создан проект *двух* новых сибирских магистралей—одной южной, прорезывающей границу между северными и южными степями, другой—северной, проходящей через лесные массивы Томского и Тобольского севера. За первоочередность той или другой магистрали велась борьба, окончившаяся победой *южного* направления, ибо ряд фактов указывает, что в Сибири, как и в Европейской России, происходит процесс *сползания* населения к югу, который, в хозяйственном отношении, растет гораздо быстрее севера. Главные линии „Южно-Сиба", которые должны пройти с востока на запад—от Барнаула на Алтае до Орска, по длине—4000 верст. Они обслужат около 9 милл. дес. удобной для земледелия и незаселенной земли, на которых может поселиться до 1200 тысяч новых переселенцев. Южная магистраль даст выход сибирскому хлебу через Черное море за границу: она соединит Горный Алтай с его рудоносными недрами, со степью и южным Уралом, что даст возможность поднять и тяжелую и легкую индустрию на востоке России. По нашим подсчетам, грузооборот „Южно-Сиба", к 1940 г. может достигнуть 100 милл. пудов.

Соединение Южной Сибири с Туркестаном через линию Семипалатинск—Верный раз навсегда разрешит вопрос о снабжении Туркестана дешевой пшеницей и будет способствовать созданию на Кузнецком угле нового центра мануфактурной промышленности.

Вторая—Северо Сибирская магистраль (Томск—Тюмень—1600 в.) дает возможность разгрузить черезчур перегруженные участки нынешней магистрали. Затем, проходя по границе хвойных и лиственных лесов, „Северо-Сиб." облегчает их эксплоатацию, открыв доступ древесному углю, пригодному для плавки железа на Урал и продуктам механической и химической переработки дерева—в центры России и за границу. Эти магистрали с поперечными меридиональными под'ездными путями, дадут возможность *развивать* колонизацию и вовлечь в народно-хозяйственный оборот неиспользуемые сейчас массивы южно-степной и северо-лесной зоны с площадью в 200 — 300 милл. дес. За последнее время в Госплане разрабатывается новый проект—создания на месте нынешней,—одной *сверхмагистрали*, к которой, как ветки дерева к одному стволу должны протянуться длинные под'ездные пути по диагоналям—с севера через лесную зону и с юга—через степи и полупустыни. Этот проект строится на осуществлении плана электрификации жел. дор. Сибири, для которой здесь вполне достаточно источников энергии. В западной Сибири имеются все виды этих источников:—черный уголь (Кузнецкий бассейн), зеленый—древесный,—топливо в лесах, бурый уголь—торф в Барабинской степи, белый—водная энергия с запасом в 50 милл. лошадиных сил и голубой—сила ветров в степях. В настоящее время внимание специалистов Сибири направлено на использование *белого* угля—водной энергии и намечена постройка ряда гидроэлектрических станций. Но этот проект, равно как и общая электрификация и индустриализация Сибири упираются в недостаток капиталов—самый острый и больной вопрос в современной проблеме колонизации России. Во всяком случае, недостаток капитала заставляет построить разрешение этой проблемы на принципе *очередности*, поставив на первую

очередь для колонизации районы ближайшие к метрополии, более легкие для заселения и уже более или менее устроенные. В первую очередь для колонизации намечаются опустевшие после голода 1921 года районы юго-востока Европейской России, затем наш Европейский север (Архангельская, Вологодская губ. и Мурман), во вторую—Сибирь, Туркестан, Киркрай и восточное Приуралье, т.-е. наш азиатский восток.

На юго-востоке уже в 1923 — 1924 г. предполагается образовать колонизационный фонд: в Самарской губ.—400 тыс. дес., Саратовской—250 тыс. дес., Царицынской—350 тыс. и на Северном Кавказе—100 тыс. дес.—всего 1100 тыс. дес. Здесь, во избежание дальнейших неурожаев и голодовок намечена перестройка систем сельского хозяйства от чисто зерновых — к смешанным скотоводческо-земледельческим, с введением в севооборот—пропашных (кукурузы) и кормовых трав (люцерны), что требует повышения размеров крестьянских участков до 40 — 50 дес. на хозяйство. К такому типу хозяйства — лучше всего приспособлена хуторская или мелко-селенная форма поселений. Хуторское крупно-крестьянское хозяйство наиболее пригодно для заселения сухих степных водоразделов. В долинах рек уже развивалось до войны оазисное поливное огородничество, бахчеводство и садоводство; теперь предполагается гарантировать от засухи поливом до 1 дес. на хозяйство земледельческих посевов.

На севере Европейской России, как мы говорили, спроектирована колонизация линии Мурманской жел. дор., затем—расселение местного и пришлого населения в лесных дачах, вблизи жел. дор. и сплавных рек. Здесь на первый план выступают задачи лесного хозяйства, которое должно обслуживать не только нужды двух столичных районов, но и форсировать экспорт леса за границу через Архангельский, Ленинградский и Мурманский порты. На втором месте, как мы сказали, здесь должно стоять молочное скотоводство, для которого, как и на юго-востоке, требуются довольно значительные размеры крестьянских участков.

На первые два—три года этих районов достаточно для размещения стремящегося к переселению избыточного населения центральных областей: но в дальнейшем, не только для удовлетворения потребностей страны в переселении, но и во имя общих интересов народного хозяйства России—необходимо форсировать экономическую эволюцию такой крупной области, как Сибирь с ее громадными непочатыми природными богатствами. Сибирь особенно пригодна для двусторонней эволюции одновременно сел. хоз. и индустрии, при чем в сел. хоз. здесь имеется ряд неиспользованных возможностей, в виде громадных пастбищ в долинах сибирских рек, в лесостепях, степях и на горном Алтае. Что касается земледелия, то здесь, как и на юго-востоке, необходимо введение культур пропашных и кормовых растений и механизация обработки, при помощи тракторов, а также развитие автотранспорта. Все это возможно лишь при усилении товарности сибирского земледелия, организации крестьянских хозяйств повышенного типа и улучшенных форм землеустройства на подобие американских „фармеров". Но самое главное—после транспорта—необходимость оборудования местной Сибирской индустрии, перерабатывающей сел.-хоз. сырье—мукомольных, мясо-консервных, маслодельных, кожевенных, шерсто-ткацких и иных предприятий. Сибирь, удаленная от рынков сбыта ее с.-х. продуктов, должна развивать не только свое горнозаводское дело и тяжелую индустрию (металлургию), но и для широкого развития своего земледелия и садо-

водства—соответствующие отрасли сел.-хоз. промышленности, для чего, опять-таки, требуются крупные капиталы. В ближайшее время эти капиталы, преимущественно иностранные, (ибо в России их мало), вряд ли притекут сюда в индустрию, которая требует долговременных больших затрат, окупающихся не скоро. Скорее можно ожидать (как это было и до революции) прилива торгового и банковского капитала. Но, после того, как за границей убедятся в прочности экономического и правового строя России, как и в других колониях Европы, и у нас в Сибири появится железнодорожный и вместе с ним — индустриальный капитал.

Выводы.

Итак, 1) современная постановка проблемы колонизации в России ставит в тесную связь переселенческое движение с общей народно-хозяйственной эволюцией данного района, а эволюцию данного района—с экономическим развитием всей страны.

2) Наиболее желательный хозяйственный тип для большинства колонизуемых районов — двусторонний, с перевесом в одних районах в сторону сельского хозяйства, в других—лесных промыслов, добывающей и обрабатывающей промышленности. В сельском хозяйстве повсюду, на ряду с земледелием, выдвигается и скотоводство, а во многих областях (на севере и в южных степях и в горных районах) оно должно превалировать.

3) В противоположность дореволюционному переселению, имевшему целью устройство крестьянско-земледельческого хозяйства потребительского типа, современная колонизация должна иметь в виду развитие рыночных отношений окраин как с центром России, так и с заграницей. Поэтому наиболее целесообразно у нас применение типа железнодорожной колонизации с предварительным проведением сети магистралей вдоль естественно-исторических зон и перпендикулярных к ним подъездных путей. Жел.-дор. колонизация была с успехом применена в Америке и зачатки ее наблюдались в России накануне войны.

4) Кроме путей сообщения, необходимо также развитие элеваторов, холодильников и индустрии, перерабатывающей сел.-хоз. сырье. Для всего этого требуется широкое привлечение крупного капитала, без которого реальное осуществление планомерной колонизации невозможно.

ГЛАВА VI.

Формы хозяйства. Землевладение и землепользование.

§ 1. Общая тенденция с.-х. эволюции. Из предыдущего изложения видно, что одним измогучих факторов сельско-хозяйственной эволюции является рост и уплотнение сельского населения. Воздействие этого фактора, взятого независимо от других, приводит к тому, что в сельском хозяйстве мы наблюдаем систематическую тенденцию к дроблению хозяйственной территории под влиянием постоянно увеличивающегося количества самостоятельных хозяйств. Факт постоянного дробления территориальных размеров хозяйств подтверждается и географическим и историческим анализом имеющихся статистических

данных по всем странам Европейской культуры. Так, если мы расположим эти страны по увеличивающейся плотности земледельческого населения, то увидим следующую картину.

	Удобной земли на 1 чел. земл. населения.	% площади в хозяйствах. Мелких.	Средних.	Крупных.	Средний размер хоз. в гектарах.
		До 20 гект.	20—256	Св. 256	
Новая Зеландия (1906 г.).	91,0	1,1	17,8	81,1	206,9
		До 20 гект.	20—104	Св. 104	
Соедин. Штаты (1906 г.).	4,40	5,8	47,2	44,0	58,6
		До 20 гект.	20—120	Св. 120	
Великобритания (1895 г.).	2,82	15,0	57,6	27,4	25,5
		До 14,85 гект.	14,85—59,4	Св. 59,4	
Дания (1901 г.)	2,70	16,6	50,8	32,6	15,6
		До 21,8 гект.	21,8—109	Св. 109	
Россия (1905 г.)	2,59	40,9	22,3	36,8	18,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Германия (1907 г.). . . .	1,95	48,6	29,3	22,1	7,8
		До 10 гект.	10—40	Св. 40	
Франция (1892 г.) . . .	1,81	25,5	29,0	45,5	8,7
		До 20 гект.	20—100	Св. 100	
Бельгия (1902 г.)	1,31	61,7	25,0	3,4	6,0 *)

Несмотря на различие в способах группировки, на таблицах ясно видно возрастание площади у мелких хозяев и сокращение ее у крупных, по мере уплотнения населения. Исключение представляет Россия, где площадь у нижней и, особенно, у верхней группы относительно велика, а средняя представлена слабо, что зависит от недавнего происхождения крупно-капиталистического землевладения, не успевшего еще раздробиться и перейти в разряд средних. Об этом мы скажем подробнее дальше.

Таким образом, территориальное дробление хозяйств под влиянием уплотнения населения—статистически удостоверенный факт. Факт этот можно проверить на любой стране сопоставлениями *динамического* характера. Но чтобы не загромождать наших очерков цифрами, мы приводим одну Германию.

	Процент хозяйств в Германии. С 1—5 гект.	5—20	20—100	Свыше 100 гект.
1882 г.	57,4	30,9	9,5	2,2
1907 г.	54,1	35,0	8,9	2,0
Изменение каждого с. хоз. в процентах . .	—5,8	+13,3	—6,0	—9,1

*) Составлена по Заку «Социально-политические таблицы, вып. III. 1910 г.»

Следовательно, в стране быстро развивавшегося интенсивного сельского хозяйства и промышленного капитализма, за последние 25 лет, незадолго до войны, больше всего выигрывали мелкие хозяйства трудового крестьянского типа, разросшиеся за счет верхних слоев—полутрудовых и капиталистических и за счет нижних—полупролетарских. Это тип дробления, когда сокращаются верхний и нижние слои и за их счет вырастают средние, носит название нивеллировки.

Но в той же самой Германии в течение того же 25-летия, в индустрии мы наблюдаем совершенно противоположную тенденцию эволюции распределения предприятий. Так, из 100 рабочих, занятых в промышленности, оказалось:

	В предприятиях.		
	Мелких (имеющих до 5 раб.).	Средних (6—50).	Крупных (Св. 50).
В 1882 г.	59	19	22
» 1907 »	37	25	38

По другим данным, за этот период количество рабочих в мелких предприятиях сократилось с 3,3 милл. до 3,1 миллионов человек, а в крупных—возросло с 1,6 до 5,0 милл. Аналогичный процесс концентрации наблюдается в промышленности не только в индустриальных странах, но и во всех остальных. „Капиталистическая промышленность, говорит М. Туган-Барановский развивается по сходному типу во всех странах, где она существует—везде наблюдается концентрация и цетрализация производства, рост акционерных компаний и проч., составляющее то, что Маркс называл законами капиталистического развития. В этом отношении Россия не составляет исключения и подчиняется тем же законам (поскольку дело идет о промышленности) точно так же, как и остальные капиталистические страны“ („Национализация земли“, ст. 114).

Итак, до последнего времени, эволюция сельско-хозяйственного и промышленного производства в сфере распределения средств производства, главнейшим из которых в сельском хозяйстве является земля—шли в противоположном направлении: первая в сторону дробления, *) вторая—концентрации. Причины такого различия, о которых здесь нам не приходится говорить подробно, заключаются в тесной зависимости процессов сельско-хозяйственного труда от органических процессов природы, делающих во многих отношениях затруднительной концентрацию производства, Главные отличия сельско-хозяйственных процессов от индустриальных суть следующие:

1) Сезонность или прерываемость труда. В индустрии большинство работ может производиться в течение круглого года во всякую погоду. Так как смена времен года создает последовательную смену биологических процессов взращивания растительных организмов, то за этой сменой последовательно идут различные виды человеческого труда: удобрение, пахота, бороньба, посев, окучивание, косьба, перевозка к полю и с поля—все эти работы сменяют друг друга. Одновременное выполнение этих работ невозможно—отсюда невозможно техническое разделение труда, составляющее одно из самых важных преимуществ крупного производства в индустрии.

*) Впрочем, нужно принять во внимание тот факт, что дробление хозяйственной территории не всегда соответствует дроблению с.-х. капитала.

2) Перемещаемость (подвижность) труда. Размеры эксплоатируемой земельной площади, в зависимости от систем хозяйства, варьируют очень сильно—от сотен квадр. верст до десятков саженей. Но, оставаясь всегда во много раз больше той площади, на которой оперирует индустрия, протяженность земли, как об'екта хозяйственной эксплоатации, заставляет человека передвигаться с орудиями производства по полю, т.-е. создавать перемещаемость (подвижность) труда. „Место работы беспрерывно меняется. Поле, луг, двор, хлев, гумно, в пестрой смене составляют мастерскую сельского хозяина. Процесс растительной жизни прикован к определенному месту. Туда должен направиться и человек со своими орудиями. Но и самая работа в поле и на лугу носит вполне локомоторный характер. В промышленности обыкновенно перемещается предмет труда: самый труд и орудия труда остаются на месте. Поэтому, в промышленности возможно установить прочную устойчивую систему механических сил и орудий труда. В противоположность этому, склад орудий в сельско-хозяйственном промысле носит, в общем, подвижной характер. Сельско-хозяйственный машинный механизм—это отдельные кочующие машины“ (Давид, „Социализм в сельском хозяйстве“, ст. 48).

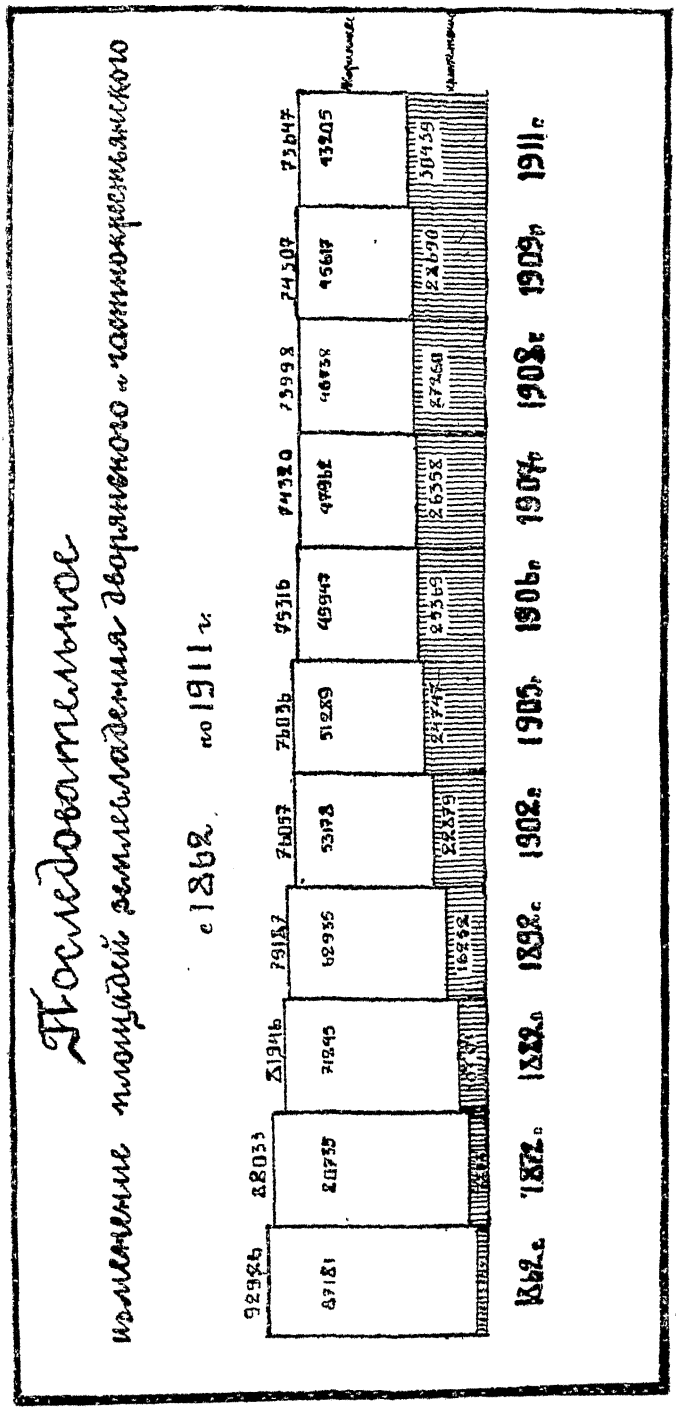
Кочевание сельско-хозяйственного труда по земле не дает возможности установить большой центральный мотор, который бы направлял энергию в целый ряд машин. Поэтому, сельско-хозяйственные машины малы, легки, подвижны и слабосильны; их слабость препятствует опять-таки техническому разделению труда, которое в индустрии углубляется и расширяется, благодаря применению могучих механических двигателей.

Оба эти основные отличия и ряд других более мелких не дают возможности развиться в сельском хозяйстве широкому разделению труда, приводящему в промышленности к образованию, так называемого, общественного производства в крупных размерах, когда в выработке одного продукта одновременно участвуют тысячи людей, разделенных на группы, занятые каждая какой-либо отдельной частью работы. „Для образования необходимых в сельско-хозяйственном производстве организованных групп рабочих, в большинстве случаев вполне достаточно нормальной крестьянской семьи (4—6 чел.) разного возраста“ (Давид).

Разделению труда в сельском хозяйстве препятствует также его усложнение, происходящее по мере эволюции сельско-хозяйственного производства. В индустрии всякая трудовая операция разлагается на свои составные части и каждая часть работы выполняется особым рабочим. Благодаря этому, приемы труда каждого работника упрощаются, механизируются, становятся настолько однообразными, элементарными и автоматичными, что их легко заменяет машина. Следовательно, разделение труда ведет за собой упрощение приемов труда и сущность технического развития производства в индустрии заключается именно в этом упрощении.

В сельском хозяйстве развитие производительности земли достигается диаметрально противоположным процессом усложнения способов и приемов труда.

Первобытное хозяйство заключалось в добывании продуктов естественной производительности природы. Это—охота, бортничество, рыболовство в лесных и обильных водой районах и пастбищное—тебеневочное скотоводство кочевников—в степных. На следующей стадии развития в девственную почву лесов и степей впервые врезается плуг: к охоте и скотоводству присоединяется переложное земледелие. При перелоге один


Последовательное
увеличение площадей земледельческих двориков с поливом
с 1862 по 1911 г.
92934
87181
28035
20735
25946
21845
29153
18262
75057
53178
75039
51259
95316
49947
74320
49958
75998
46858
74509
45687
73647
43805
22879
24748
29569
26558
27458
22690
30459
Кв.с. 1872. 1882. 1892. 1902. 1905. 1906. 1907. 1908. 1909. 1911.

и тот же участок земли засевается сплошь одним видом злаков до тех пор, пока он не истощается. На дальнейшей ступени эволюции поле делится сначала на две, потом на три части: две части засеваются по одним, а минимум, двумя видами злаков: озимыми и яровыми. Еще далее, тот же самый участок делится уже не на три, а на четыре, шесть или восемь частей. К злакам присоединяются травы и другие виды растений. Наконец, при плодосмене, на том же самом участке засеваются десятки самых разнообразных растений и поле делится, по их количеству, на десятки частей. Одновременно, чисто земледельческое хозяйство становится невозможным без скотоводства. „С развитием общей культуры усложняется и сельско-хозяйственное производство путем увеличения числа культивируемых растений и животных. Вместо двух—трех видов растений и животных, составлявших обиход сельского хозяйства в древности, их теперь необозримое множество и в свою очередь каждый вид растений и животных распадается на десятки специальных сортов и каждая порода на многочисленные расы, виды и разновидности". (Давид, ст. 87). Представим себе, что ремесленник или фабрикант, в своей мастерской или на фабрике сначала выделывал сапоги, затем к сапожному делу прибавил ткачество, производство железа, меди, часовое дело и т. п. Ни один ремесленник, ни один фабрикант этого не сделают: ибо, как заметил еще Патен, „закон земледельческой промышленности противоположен закону индустрии. Наилучшее употребление земли требует разнообразия продуктов, тогда как фабрика бывает наиболее продуктивна, делая какой-нибудь один предмет." (Цит. по Булгакову „Капитализм и земледелие", т. I, ст. 66).

Перечисленных нами особенностей сельско-хозяйственного производства достаточно, чтобы понять, почему при настоящем уровне техники в сельском хозяйстве мы наблюдаем тенденцию к территориальному дроблению предприятий *). Поэтому, в настоящее время в большинстве стран большая часть хозяйственной территории находится в руках хозяйств, либо мелкого трудового, либо среднего полутрудового типа. Крупные, чисто капиталистические предприятия на больших площадях повсюду играют сравнительно второстепенную роль.

§ 2. Роль политических факторов в земельных отношениях.

Однако так было не всегда: в аграрной истории весьма большое значение имели политические факторы, вносящие в распределение земли момент концентрации вплоть до XIX столетия.

Общеизвестно, как появился класс крупных землевладельцев. Когда трудовое население осело на землю, всенародное ополчение могло быть созываемо только изредка, в самых экстренных случаях. Уже в 1103 году, в Киевской Руси, дружинники указывают на неудобства похода весной, когда смерды заняты полевыми работами. В Европе, где земледелие распространилось на несколько веков ранее, к IX веку совершенно исчезла крестьянская пехота. „Земледелец не мог уходить на войну, иначе,—как это было в эпоху Карла Великого и позднее,—хозяйство его приходило в упадок и он разорялся" (Кулишер). Непрерывные войны заставляют

*) Конечно, дальнейший технический прогресс может изменить в сельском хозяйстве эту тенденцию в противоположном направлении, напр., при изобретении способа передачи энергии на расстояние без проводов, электрификации и т. п.

монархов организовать кадры людей, специально занятых военным делом; содержать их, при натуральном строе и пустых денежных кассах, было нечем, кроме земли, сосредоточенной в больших массах у королей, имевших право владения на все завоеванные и пустопорожние земли,— отсюда и возникает раздача земель дружинниками в частное владение.

Таким образом, главное условие образования сословий в сельском хозяйстве—война, а затем организация управления государством. „Война, говорит Зибер, служит отправной точкой процесса образования сословия, но сверх того и постоянным условием дальнейшего его развития".

Военный господствующий класс, вместе с церковью, создают институт частной земельной собственности в Европе и в России. В Европе „раньше, чем общинные земли успели превратиться в индивидуальную собственность, возникла частная земельная собственность на другие категории земель, на пустопорожние земли, или земли отнятые у других племен". (Кулишер, лекции по истории экономического быта Западной Европы за 1913 г., стр. 21). В Киевской Руси первыми частными собственниками земли сделались князья, потом монастыри, за ними бояре и прочие дружинники. Разобравши завоеванные и пустые земли, господствующие классы феодалов и духовенства, при помощи королей или простым насилием, или по добровольному согласию мелких земледельцев, разбирают земли, принадлежащие волостной общине или отдельным крестьянам. К X—XI ст. в Европе крупные поместья становятся господствующим явлением: монастырские поместья в 30 гуф (свыше 4 тыс. дес.) считались мелкими, в 1—2 тыс. гуф (до 25 тыс. дес.)—средними, а в 3—8 тыс. (до 100 тыс. дес.)—крупными. Светские владения были также очень велики. Следующий период XII—XV в.в. характеризуется в Западной Германии, Франции, Англии некоторым дроблением владений. Более всего сократились королевские домены, но раздробились на владения монастырей и светские поместья. В этот период в Англии, западной части Франции произошло постепенное раскрепощение крестьян, в Германии, наоборот, крепостное право усилилось.

В третий период с XVI в. до эпохи французской революции в Англии крестьяне обезземеливаются и их земли переходят к лендлордам. Во Франции сеньоры также расхватывают остатки свободных общинных угодий. Перед революцией господствующим классам юридически принадлежала вся земля, фактически,—в пользовании крестьян оставалось, по разным источникам, от $^1/_3$ до $^2/_3$ удобной земли. „Франция и вся Западная Германия представляют собой страны сеньориального, основанного на крестьянских платежах, аграрного строя, восточная Германия и далее—Польша и Россия являются государствами с помещиками—сельскими хозяевами, имеющими самостоятельное хозяйство. Характерную черту первых составляет мелкое крестьянское хозяйство, уплачивающее оброк, вторых—крупные помещичьи хозяйства, обрабатываемые барщинным трудом". (Кулишер, стр. 201). В Восточной Германии пожалование и самовольные захваты быстро расширили дворянское землевладение,—поэтому и до сих пор, особенно на крайнем востоке, здесь сосредоточен цвет юнкерства. Еще в 1882 г. хозяйства свыше 100 гектаров занимали в 7 восточных провинциях 42% всей площади, тогда как во всей Германии—только 24,4%, несмотря на то, что после 1848 г. до 70-х г.г. крупные владения Пруссии сократились на 16%.

Таким образом, история помещичьего землевладения Европы проходит три периода: первоначальной концентрации, последующего дробления и новой концентрации, продолжавшейся на континенте Европы

до революции и реформы, положивших предел дальнейшему расширению. В России мы находим те же три периода: в удельную эпоху—кратковременный расцвет политического феодализма и первоначальная концентрация землевладения; в Московскую эпоху—эпоху сословной монархии—земли раздаются в поместья, подобно ленам Западной Европы. Общая территория дворянского землевладения разрослась очень сильно—приблизительно до 25 30 милл. дес., но средние размеры дворянских владений уменьшились. С конца XVII в. абсолютная монархия и связанный с ней фаворитизм, с одной стороны расширяют, с другой укрепляют и концентрируют помещичье землевладение: перед реформой дворянские земли в 44 губ. охватывали 105 милл. десятин, из которых, судя по числу душ, 81,4% принадлежало в 1835 г. владельцам свыше 100 душ, т.-е. не менее 1000 десятин—концентрация, невиданная нигде в Европе, кроме Англии.

Политические факторы, пока они доминировали в народно-хозяйственной жизни, вносили в эволюцию распределения земли диференцирующее начало. Разделяя население на классы и сословия, предоставляя одним классам землю, власть над народной массой и даже ее даровой труд, отнимая у этой массы все права и значительную долю средств существования, политические факторы создавали экономическую диференциацию такого огромного масштаба, с которой едва может сравниться современная диференциация в индустрии.

XIX век и, главным образом, вторая его половина характеризуется все возрастающим обратным процессом дробления землевладения и хозяйственной территории в Европе, за океаном, в Соединенных Штатах и в России. Но процесс дробления имеет несколько разновидностей. Одну из этих разновидностей,—именно процесс нивеллировки в сторону трудовых крестьянских хозяйств, мы уже отметили в Германии. Несколько иной тип дробления мы наблюдаем в Великобритании.

На 100 хозяйств приходилось:

	С 0,4 до 2-х гект.	2—20.	21—120.	Свыше 120.
1885 г.	25,7	44,1	26,5	3,7
1908 »	21,2	45,6	29,7	3,5
Изменения каждого слоя в %	—17,5	+3,4	+12,1	—5,4

Здесь так же, как в Германии, средние слои увеличиваются за счет верхних—капиталистических и нижних—полупролетарских. Но больше всего вырос не слой трудовых крестьян с количеством земли от 2 до 20 гектаров, а полукапиталистических фермеров, владеющих участками от 20 до 120 гектаров, возникшими на месте уничтоженных еще до конца XVIII в. хозяйств чисто крестьянского типа. Отличие этих хозяйств и от капиталистических и от трудовых—то, что, хотя они сами с членами семейств своим трудом участвуют в производстве, но обычно своих сил им не хватает и они принанимают постоянных работников. В руках у таких хозяйств в Англии сосредоточено более 60% площади, преимущественно на правах аренды. Юридически же крупные землевладельцы-лендлорды владеют более чем $^3/_4$ всей земли. В виду того, что, как мы сказали, процесс дробления развился особенно в XIX столетии,

влияние политических факторов старой истории Европы сказывается в том, что огромное количество трудовых и полутрудовых хозяев работают не на собственной, а на арендованной земле.

Число хозяйств (в тысячах).

Страны.	Арендующие.	Ведущие х-во на собств. земле.
Великобритания	459	61
Италия	1436	1326
Германия	2607	2951
Бельгия	598	232
Австрия	712	2054
Голландия	83	100
Франция	1406	4191
Итого	7371	10914

В 7 главных государствах Европы число арендующих хозяйств доходит до 40,2%. У нас до войны количество арендующих крестьянских дворов достигало по расчету проф. Мануйлова—37%.

В России мы находим третью разновидность процесса хозяйственного дробления территории. Приводим соответствующие данные для крестьянских и частно-владельческих хозяйств отдельно.

Крестьяне (надельная земля).

	До 2-х дес.	2—6.	Свыше 6 дес.
1870 г. % ревизских душ с наделом	11,2	68,2	20,6
	До 5 дес.	5—11.	Свыше 11 дес.
1905 г. % дворов с наделом	22,6	61,4	16,0
Изменение каждого слоя %	+101,8	—10,0	—19,7

Частные владельцы.

% всей площади частновладения.	До 50 дес.	50—200.	200—500.	500—1000.	Свыше.
1877 г.	4,6	6,2	8,7	10,1	70,4
1905 »	7,3	9,9	11,9	11,7	59,2
Изменения каждого слоя в %	+58,7	+59,7	+36,8	+15,8	+15,9

В крестьянском землевладении, поскольку можно сопоставить приведенные цифры (на один двор приходится приблизительно 2—3 ревизских души), дворы со средними и крупными наделами сократились; за их счет чрезвычайно выросло (относительно вдвое) количество дворов с минимальным наделом до 5 десятин. У частных владельцев площадь владений всех размеров выросла за счет самых крупных—свыше 1000 десятин: чем меньше размеры данной группы владений, тем больше увеличилось их количество. Такой процесс, сопровождающий обычно явления пауперизации—обеднения сельского населения, носит в статистике название подвижки вниз.

Итак, статистические данные по движению землевладения и землепользования за границей и в России раскрывают перед нами картину существования трех главных разновидностей процесса хозяйственно-территориального дробления, наблюдаемого за границей и в России во второй половине XIX века.

1) Первую разновидность мы наблюдаем в Германии, а также во Франции, Швеции, Дании—вообще, повидимому, во многих государствах на континенте Европы. Эта разновидность заключается в том, что крайние самые мелкие полупролетарские и самые крупные капиталистические хозяйства сокращаются, а за их счет вырастают средние хозяйства трудового типа, имеющие не менее 5 и не более 10 - 20 гектаров. Это процесс нивеллировки в сторону преимущественно среднего крестьянского хозяйства.

2) Вторая разновидность встречается в Великобритании и в молодых заокеанских странах—в частности в Соединенных Штатах. Здесь также мы наблюдаем зачастую сокращение верхних и нижних слоев, но из средних развивается не чисто крестьянское, а фермерское полукапиталистическое хозяйство—в Англии с площадью в 20—120 гектаров, в Соединенных Штатах, при более экстенсивном хозяйстве—от 40 до 200 гектаров. В 1900 г. в Соединенных Штатах таким фермам принадлежало 50,8% всей площади, в 1910 г.—53,6%—почти такое же количество, как в Англии Верхний капиталистический слой сократил свою площадь с 31,7% до 28,5%.

3) Третью разновидность дробления мы встречаем в Восточной Европе,—в частности, в России и в Галиции. Здесь и в крестьянском наделном и в частном землевладении наиболее растут не средние, а нижние группы,—при чем на крестьянской земле—полупролетарского типа. Этот процесс дробления, называемый подвижкой вниз, является следствием нарастания малоземелья и одним из показателей оскудения—пауперизации.

§ 3. Краткая история земельных отношений в России.

Земельные отношения в России складывались под сильным влиянием политических факторов, которые привели к началу XIX века к весьма большой концентрации землевладения. До освободительной реформы у нас юридически числились только две основных категории землевладельцев: казна (с уделами) и дворянство. Казна владела $^2/_3$ территории Европейской России, дворяне—одной третью, но эта треть состояла из самых удобных и ценных земель, расположенных в наиболее заселенных и благоприятных по климату областях. Однако, фактически в пользовании третьей категории—крестьян—находилось больше земель, чем в первые годы по ликвидации крепостного права, т. к. при освобождении крестьян от наделов, бывших в пользовании у крепостных, отрезали 18,1 / . После освобождения в Европейской России надельное землевладение, а также и частное, начинает расширяться за счет казенных земель.

% земельной площади.

	У частн. влад.	У казны (удельн. и пр.).	Крестьянские наделы.
1877 г. (49 губ.) . .	24,9	44,1	31,0
1887 г. (46 губ.) . .	25,0	42,0	33,0
1905 г. (50 губ.) . .	25,8	39,1	35,1

Это сокращение казенных земель и нарастание за их счет не только надельных, но и частных, зависело, во 1-х,—от нарезки на востоке и на севере казенных земель переселенцам; во 2-х—от продолжавшейся, хотя уже в небольших размерах, раздачи земель в „пожалование" крупным владельцам, практиковавшейся еще при Александре II.

Но для нас важнее установить не результат земельной политики правительства, а процесс самостоятельной трансформации частного землевладения, зависящей от новых экономических условий, появившихся после реформы.

Первое следствие этих условий, бросающееся в глаза при рассмотрении результатов земельной мобилизации—демократизация землевладения.

% земли у владельцев по сословиям.

	Дворян.	Купцов (с торг.-пром. товарам).	Мещан (с общ. и тов.).	Крестьян (тоже).	Прочих.
1877 г. (49 губ.) . .	77,8	12,2	2,0]	7,0	1,0
1887 » (46 ») . .	68,3	13,4	2,9	13,1	2,3
1905 » (50 ») . .	52,5	16,6	3,6	23,9	3,4

Несмотря на все подпорки, подставляемые под расшатанное дворянское землевладение, оно неуклонно продолжало падать, поглощаемое землевладением более демократических сословий — крупной и мелкой буржуазии и крестьян. В 60-х г.г. после размежевания, у дворян осталось 79,1 милл. десятин *). К 1877 г. эта площадь свелась к 73,1 милл. дес. в 49 губ. и 70,1 милл.—в 46 губ.; в 1887 г.—к 65,3 милл. (в 46 г.) и в 1905 г.—к 53,2 милл. в 50 губ. и 49,9 милл. в 46 губ. За весь пореформенный период до 1905 г. дворянское землевладение убавилось более чем на одну треть. Разные источники одинаково свидетельствуют, что убыль дворянского землевладения прогрессирует. Средняя ежегодная убыль дворянских земель равнялась:

За 1859—1877 г.г. 517 тыс. десятин.
» 1877—1879 » 741 » »
» 1892—1896 » 785 » »
» 1897—1900 » 977 » »

После 1905 г. дворянское землевладение начало падать еще быстрее. По данным статистики мобилизации земель д-та неокладных сборов в 1905 году в 47 г. у дворян было 49,8 милл. дес., к 1911 г. осталось всего 43,2 милл. За 5 лет (1906—10 г г.) площадь дворянских земель сократилась на 6,6 милл. дес. или на 13%.

Падение дворянского землевладения свидетельствует, что за его счет вывышается землевладение других сословий и классов: приведенные выше данные показывают, что это, главным образом, купцы, кре-

*) По Святловскому—см. «К вопросу о судьбах землевладения в России». По офиц. изд.—«Сведения о количестве земли у дворян в 1861 и 1892 г.г.» у дворян в 44 губ. до реформы было 111,6 милл. десятин, отрезано для крестьян 33,8 милл., осталось 77,8 милл. десятин.

стьяне и мещане, т.-е. представители капитала и труда. Кто же из них берет верх в борьбе за огромное наследие, оставляемое удаляющимся со сцены „первенствующим сословием"?

Ликвидация дворянских имений началась тотчас же после освобождения; собственно, первые признаки ее проявились еще в дореформенную эпоху. Янсон, в своей „Сравнительной статистике России", проводит единственные, бывшие в его распоряжении, данные о мобилизации земли в 60-х и начале 70-х г.г. в Московской и Ленинградской губ. В Московской губ. дворянское землевладение уменьшается, как по отношению к числу владельцев, так и по пространству земли; купеческое землевладение, напротив, быстро возрастает, захватывая в свои пределы дворянские земли; личное крестьянское землевладение возрастает в незначительных размерах. В Ленинградской губ. в переходе дворянских земель в другие руки, крестьяне, как и в Московской губ., принимают менее участия, чем другие сословия: в итоге покупателей земли за 10 лет крестьяне составляют всего 15,9%, тогда как городские сословия (главным образом купцы)—42,6%. Автор полагает, что ту же картину, „судя по множеству свидетельств, представляет движение личного землевладения в России повсеместно и особенно в черноземных степных губерниях (т. II, стр. 176—7)".

Таким образом, Янсон предполагал, что в начале эпохи, в 60-х—70 г.г. капитал торжествовал над трудом, купец над крестьянином в борьбе за землю. Данные 1877 г. подтверждают это положение: к этому времени в руках купцов было 9,8 милл. дес., да в руках частных о-в и товариществ (торгово-промышленных)—1,7 милл.—всего 11,5 милл. дес., тогда как у крестьян и крестьянских о-в только 6,5 милл. дес. До 1877 г. купцы приобрели на 5 милл. дес. или на 30% более, чем крестьяне.

Но уже на следующее десятилетие картина меняется: по 46 губ. купеческое землевладение увеличивается на 3,3 милл., крестьянское—на 6,9 милл. дес. Крестьяне вдвое опережают купцов. То же самое происходит и в последний период 1887—1905 г. по 46 губ. землевладение у купцов возрастает на 3,4 милл. дес., крестьян—на 10,7 милл., уже втрое более. Отсюда ясно, что купеческие покупки сокращаются по направлению к нашему времени, а крестьянские имеют тенденцию возрастать. Действительно, по материалам о движении землевладения в России, средний ежегодний прирост купеческого землевладения составил:

До	—80 г.	450	тыс.	дес.	в	год.
»	81—86 »	300	»	»	»	»
»	87—92 »	200	»	»	»	»
»	93—98 »	100	»	»	»	»

Чем ближе к нашему времени от начала реформы, тем чаще и чаще перепродают купцы приобретенные ими раньше имения, чем и об'ясняется это понижение прироста купеческого землевладения. Так, на 100 дес. купленной купцами земли приходилось проданной ими же:

В	1863—68 г.г.	12,9
»	69—74 »	25,0
»	75—80 »	42,0
»	81—86 »	55,0
»	87—92 »	62,2
»	93—98 »	84,2

Спекулятивный характер купеческих покупок совершенно ясен из этого сопоставления. Часто встречающиеся даже в беллетристической литературе картины того, как „чумазые“, покупая дворянские гнезда, вырубали леса, рощи и сады, сводили усадьбы, истощали землю беспрерывными посевами ценных хлебов, потом отдавали такую же истощенную почву в краткосрочную аренду крестьянам и, высосав из земли все соки, наконец продавали ее, оголенную и обессиленную, „на вечно“— всецело подтверждаются все возрастающими цифрами перепродаж, показывающими, что земли 10—15 лет эксплоатировали сами купцы, покуда они не выбирали из них самое ценное, не снимали, так сказать, всех сливок с природных благ земли.

Итак, купеческое землевладение возрастает в пореформенную эпоху, но в убывающей прогрессии. Крестьянское землевладение, наоборот, все усиливается в своем росте. Цифры ежегодного приобретания крестьянами земли по десятилетиям дают возрастающую волну прироста:

В 60-х г.г.	91,5	тыс. дес.
» 70-х »	263,0	» »
» 80-х »	438,0	» »
» 90-х »	730,0	» »

Но общий сословный термин „крестьяне“ обнимает частных владельцев совершенно различных категорий. Между ними встречаются и хозяева парцелл в $^1/_2$ дес. и латифундий в тысячи и десятки тысяч десятин. Крестьяне приобретают землю трояким способом: единолично, обществами и товариществами. И в среде единоличных покупщиков встречаются, действительно, немало крупных землевладельцев.

% земли у крестьян в 1905 г.

	(Единолич. влад.).
Влад. до 50 дес.	32,2
» от 50—200 »	24,8
» » 200—500 »	15,5
» » 500—1000 »	9,9
» свыше —1000 »	17,6

Мелким единоличным владельцам в 1905 г. принадлежала только третья часть всей площади, четвертая часть—средним и более двух пятых (43%)— крупным.

Единоличное землевладение (13,2 милл. дес.) составляет немногим более половины всех частных владений крестьян. Другая половина (11,4 милл. дес.) представляет собственность крестьянских обществ и товариществ, т.-е. в подавляющем большинстве принадлежит крестьянским хозяйствам трудового и полутрудового типа. Вместе с владениями до 50 десятин трудовое и мелко-капиталистическое *) крестьянское землевладение составило 63,8% всего землевладения крестьян (15,7 милл. дес.) Вначале крестьянские богатеи преобладали в числе покупателей.

*) Под крестьянским хозяйством трудового типа мы подразумеваем такое, которое обходится силами своей семьи без найма батраков; полутрудовые мелко-капиталистические) хозяйства принанимают по одному—двум, реже 3 роковым и годовым работникам.

„В общем итоге, большая часть земель перешла в руки отдельных зажиточных крестьян, сравнительно менее куплено целыми обществами и еще менее товариществами,"—писали авторы „Материалов М-ва Госуд. Им. в 1880 г." С течением времени, не только общественные и товарищеские покупки стали перевешивать единоличные (даже до начала деятельности Крестьянского банка), но и в среде единоличных „зажиточных" буржуазные элементы вытесняются трудовыми, что видно из сильного дробления владений. Средний размер единоличного крестьянского владения упал с 45 дес. в 1887 году до 26 дес. в 1905 году.

После 1905 года крестьянское частное землевладение растет еще быстрее по всем направлениям: увеличиваются единоличные, общественные и товарищеские покупки, хотя правительственная политика поворачивает в сторону поощрения единоличной покупки. Крестьянские приобретения за вычетом проданной земли составляли:

В 1905 году	. . . . .	437 тысяч	десятин.
» 1906 »	. . . . .	623 »	»
» 1907 »	. . . . .	988 »	»
» 1908 »	. . . . .	888 »	»
» 1909 »	. . . . .	1438 »	»
» 1910 »	. . . . .	1668 »	»

С 1911 года у нас имеются сведения только о покупках земли через Крестьянский банк.

Крестьянами куплено:

В 1911 году	. . . . .	1397 тысяч	десятин.
» 1912 »	. . . . .	917 »	»
» 1913 »	. . . . .	924 »	»
» 1914 »	. . . . .	699 »	»
» 1915 »	. . . . .	339 »	»
» 1916 »	. . . . .	118 »	»

Отсюда можно судить, что с 1911 года крестьянские покупки земли стали падать, отчасти потому, что остались более крепкие частновладельческие поместья, не намеренные продавать своих земель, а желавшие вести на них крупное хозяйство, отчасти благодаря мировой войне, уменьшившей на время тягу крестьян к земле. Предполагая, что помимо Крестьянского банка, как это выходит по некоторым данным земской статистики, крестьяне покупали около 20%, к моменту революции, общий итог крестьянского частного владения трудового и полутрудового типа составил около 27 милл. дес. или всего пятую часть надельного фонда.

Таким образом, в частном землевладении в пореформенную эпоху наблюдаются следующие процессы:

1) Дворянское землевладение после реформы подвергалось процессу беспрерывного, все возрастающего уничтожения; первые следы этого процесса начинают обнаруживаться еще в крепостную эпоху.

2) За счет дворянского развивается вначале крупно буржуазное купеческое землевладение, с которым после 70-х годов все успешнее конкурирует крестьянин; чем ближе к нашему времени—тем все бо́льшая доля приобретений оказывается в руках крестьян.

3) Среди крестьян сначала преобладали более богатые, единоличные, из которых более крупные оказались такими же спекулянтами землей, как и купцы. Затем они уступили место трудовым и полутрудовым хозяйствам покупающим с 1880-х гг. до 1905 г. больше обществами и товариществами. После 1905 г. снова развиваются единоличные покупки, но они мельчают по своим размерам.

Кроме покупки помещичьих земель, крестьяне приобретали их в свое пользование посредством аренды.

В конце 1880 года крестьянская аренда одних пахотных и сенокосных земель достигала:

У частных владельцев	18,6	милл. десятин.
» казны и уделов	5,2	» »
» прочих владельцев (церквей, монастырей ,городов).	1,8	» »
Всего	25,6	милл. десятин.

Что составляло 22% по отношению к наделам. По сводке проф. Мануйлова, основанной на данных земской статистики, арендный фонд составил 19,6% надельного. С тех пор и до войны количество в ненадельных арендных земель сократилось, но на очень небольшую величину, и по подсчитанным нами земско-статистическим материалам 59,9 уездов 14 губерний достигало 21,7% наделов. В общем, значит, аренда пашен и сенокосов давала крестьянам земельный фонд, равный в округлении одной пятой их наделов. Кроме того, по различным источникам, крестьяне держали в аренде не менее 10 милл. дес. выгонов, лесов и проч. угодий.

В итоге двух указанных процессов—мобилизации земли и аренды, из 101,7 милл. дес. частновладельческих земель *), бывших у них в момент реформы, в руках у владельцев нетрудового типа осталось не более 49,1 милл. дес; большая половина—52,6 милл. дес. перешла к крестьянам еще до революции. Из всех категорий землепользования в России на первый план выступают крестьяне трудового и полутрудового типа, обладавшие всего:

Надельным фондом	в 138,7	милл.	десятин.
Купчим »	» 27,0	»	»
Арендным »	» 35,6	»	»
Итого	в 201,4	милл.	десятин.

Казенные и удельные земли составляли около 138 милл. дес. (без арендованных и проданных), церковные, городские и проч.—7 (тоже) милл. дес. Но казенный фонд на $^3/_4$ лежал в северных лесах Архангельской, Пермской и Вологодской губерниях, не имевших никакого значения для сельского хозяйства. Свободные же от леса казенные земли были целиком арендованы крестьянами. Поэтому, если исключить казенные земли, площадь землепользования остальных владельцев нетрудового типа оказывается равной всего 56 милл. дес., что составляет лишь 28% крестьянской.

Еще меньшую роль накануне революции играло нетрудовое владение в сельском хозяйстве России.

*) Если считать количество арендованных у помещиков пастбищ, лесов и проч. равным 7 милл. дес. (пропорционально пашне и сенокосу)

На 100 десятин всей посевной площади в 1916 г. в отдельных районах приходилось:

	В крестьянских хозяйствах.	В хозяйств. частн. владельцев.
Нечерноземная полоса.		
Прибалтийский	76,1	23,9
Белорусский	90,8	9,2
Приозерный	89,5	10,5
Центрально-промышленный	95,1	4,9
Северный	96,1	3,9
Приуральский	99,7	0,3
Всего нечернозем. пол.	92,8	7,8
Черноземная полоса.		
Юге-западный	74,8	25,2
Малороссийский	86,7	13,3
Центрально-земледельческий	93,5	6,5
Средне-Волжский	87,9	12,1
Новороссийский	86,5	13,5
Нижне-Волжский	93,8	6,2
Всего черноземная полоса.	88,1	11,9
Итого по Европейской России	89,1	10,9

В общем, по всей Европейской России, следовательно, уже $^9/_{10}$ посевной площади находилось в крестьянских руках. Но по отдельным районам соотношения между площадями крестьян и частных владельцев сильно варьируют: на южных и особенно западных окраинных районах—Прибалтийском—Юго-западном процент частновладельческих посевов значительно превосходит средний, достигая 24—26%, т.-е. четвертой части всех. Это—районы, где помещики иноземцы - в Прибалтийском районе немцы, остзейские бароны, на юго-западе—поляки. Надо сознаться, что они оказались большими культуртрегерами, чем русские владельцы, которые предпочитали добывать свои доходы не собственным хозяйством, а сдачей земли в аренду за весьма высокую цену. Следующая группа районов по размеру частновладельческих посевов—с 11 и более %—Малороссийский (13,3), Новороссийский (13.5), Средне-Волжский (12,1). Последние два района—крупных латифундий, еще не успевших раздробиться после раздачи их в пожалованные придворным фаворитам в XVIII веке. В общем, в черноземных районах процент помещичьих посевов был выше, чем в нечерноземных. Но в наиболее малоземельном земледельческом центре, где крестьянство задыхалось от недостатка земли, он оказался одним из самых низких—всего 6,5 %, что свидетельствовало о незначительности того земельного фонда, который должен был перейти крестьянам после революции.

§ 4. Распределение земли после революции.

Революция, как мы говорили, закончила одним ударом процесс аграрной эволюции, которая со второй половины XIX века способствовала постоянному, все возраставшему переходу земель от нетрудовых владельцев к трудовым пользователям. В результате революции, по сведениям Центрального Управл. Землеустройства к концу 1920 года по 36 губ. Европейской России, „из общего количества фонда нетрудовых земель в размере 22,847,916 десятин в распоряжение крестьянства поступило 21,407,152 дес., колхозами 391,614 и совхозами 1,049,150, а это

увеличило площадь крестьянских земель с 94,720,628 дес. до 116,127,780 дес. т.-е. с 80 % до 99,8% из общей площади всех удобных земель. По сведениям, сообщаемым Б. Н. Книповичем, результат революции по отношению к распределению земельного фонда выражается в следующих цифрах:

Великороссия (32 губ.) % земель.

Категория земель.	До революции (1905 г.).		После революции (1919 г.).
Крестьянских	76,3	Крестьянских	96,3
		С.-х. коллективов . . .	0,5
Частновладельческих, казенных и проч. . .	23,7	Земли совхозов, промышл. учр. и проч. .	2,7

Украина % земель.

Крестьянских	65,4	Крестьянских	96,0
		Земли коллективов . .	0,8
Частновладельческие, казенные и проч. . .	44,6	Советские хоз. промыш. учред. и проч. . . .	3,2

На Украине, таким образом, произошел гораздо более крупный земельный переворот, чем в Великороссии. Но как бы то ни было— везде после революции крестьяне оказались владеющими 96—98% всей удобной площади (кроме леса).

Точных сведений об увеличении крестьянских наделов путем прирезки частно-владельческих, удельных, казенных и проч. нетрудовых земель не имеется. Судя по наличию нетрудового фонда, накануне революции к крестьянам по всей РСФСР должно было отойти 45—50 милл. десятин, но не менее половины их было и раньше и в крестьянской аренде. По отдельным губерниям размеры земельного фонда были весьма различны и далеко неодинаково увеличивали крестьянское землепользование.

Нечерноземная полоса.	Количество дес. б. нетрудов. владения, поступив. в пользование трудового населения на 1 едока.	Черноземная полоса. (Кроме Украины).	Количество дес. б. нетрудов. владения, поступив. в пользование трудового населения на 1 едока.
Западный район.		Центр.-Земледельческ. район.	
Гомельская губ. . . .	0,16		
Северный район.		Воронежская г. , . . .	0,29
Вологодская губ. . . .	0,16	Курская г.	0,10
Приозерный район.		Орловская г.	0,29
Ленинградская г. . . .	0,77	Рязанская г.	0,31
Новгородская г. . . .	0,13	Тульская г.	0,39
Олонецкая г.	0,04	Средне-Волжский район.	
Московск.-Промышл. район,			
Московская г.	0,09	Нижегородская г. . .	0,17
Костромская г.	0,10	Пензенская г.	0,35
Калужская г.	0,50	Саратовская г.	0,76
Владимирская г. . . .	0,23	Симбирская г.	0,37
Смоленская г.	0,43	Нижне-Волжский район.	
Ярославская г.	0,22		
Приуральский район.		Астраханская г. . . .	3,69 *)
Вятская г.	0,04		

*) См. И. А. Кириллов.—Очерки землеустройства за три года революции (1918—1920 г.) стр. 114.

По официальным данным 29-ти губерний России, прирезка увеличила в среднем земельный надел одного едока с 1,87 дес. до 2,26 дес. т.-е. на 0,39 дес., из которых около половины было и раньше в аренде. Это – средний расчет размеров земельного фонда, пришедшихся при разверстке на одного едока. Но для того, чтобы определить значение аграрной революции для крестьян, необходимо брать не общие средние величины, а распределение земельного фонда между крестьянскими хозяйствами различных размеров, ибо во 1) цель аграрной революции была уничтожение массового крестьянского малоземелья, поэтому и прирезка земли была получена не всеми, а лишь малоземельными. Во 2) в распределительный фонд поступили не только земли нетрудового владения, но во многих губерниях также большинство купчих и даже надельных земель, принадлежавших крестьянам, в размерах, превышающих средние нормы, установленные: в данной местности. А таких крестьян было довольно много. Так, по данным статистики землевладения 1905 г. оказалось в 50 губерниях Европейской России:

	Дворов в тыс.	Земли тыс. дес.
С наделом от 25 до 50 десятин на двор . . .	616	20977
» » » 50 » 100 » » » . . .	192	12259
» » свыше 100 » » » . . .	41	5762
Всего	849	38998

Принимая же в соображение, что, кроме надельной, у крупнокрестьянских хозяйств, могло быть не менее 10—15 милл. десятин купчей земли—надо полагать, что во многих губерниях размеры крестьянских земель, попавших в общий передел, не многим уступали частновладельческому фонду.

Во многих местах поравнение („черный передел“) совершенно поглотило хуторские и отрубные хозяйства, при чем хуторян принуждали к обратному переселению на прежние усадьбы *).

По этим причинам перераспределение нетрудовых и части трудовых земель между крестьянами привело к глубоким изменениям в группировках крестьянских хозяйств по размерам их землепользования. К сожалению, представить в сводном виде группировки по землепользованию до и пореволюционного периодов мы не можем. Единственные сравнительные массовые данные, которыми мы обладаем, касаются лишь посевных площадей.

Процент хозяйств.

Посевные группы.	По земским переписям. До войны. ЗЗуу. 10 губ.	Посевные группы.	По выборочным переписям ЦСУ. В 1917 г.	В 1919 г.
Беспосевные	12,6	Беспосевные	11,4	6,5
С недост. посевов (до 2 дес.)	24,5	С посевом до 4-х десятин	59,1	74,0
Со средн. посев. (от 2,5 до 9—10 дес.) . .	48,0	С посевом от 4-х дес. до 8 дес.	21,6	16,4
Выше среднего (от 9—10 до 11—12 дес.).	11,2	С посевом от 8 дес. до 13 дес.	4,5	2,2
С максимальн. посев. (св. 12—13 дес.) .	3,7	С посевом свыше 13 десятин	3,4	0,9

*) См. «Материалы по земельной реформе», 1918 г., вып. I и «Распределение земли в 1918 г.», проф. П. Н. Першина.

Процесс перегруппировки крестьянских хозяйств по посевам довольно сложный. С одной стороны, сократились крайние группы—без и много-посевные, что соответствует процессу нивеллировки, с другой стороны средне-посевные группы, достаточно обеспеченные посевом для собственного пропитания (от 4-х до 9—10 десятин), которые до войны (составляя повидимому до 40% всех дворов) являлись основным ядром крестьянства и должны были по смыслу и заданиям аграрной революции расшириться—сократились до 16%. Выросли же чрезвычайно сильно мало-посевные хозяйства, благодаря двум противоположным процессам. 1) Первый процесс: 5—6 % из безпосевных хозяйств завели свои, хоть и небольшие, посевы, т.-е. часть хозяйств поднялась снизу вверх. 2) Второй процесс: верхние и средние группы, в количестве около 30—40% всех спустились сверху вниз до уровня мало-посевных. Произошло это, как по временным политическим причинам (влияние продразверстки), так и, главным образом, вследствие сведения к минимуму внешнего и внутреннего рынков. Но падение рыночных отношений—явление временное—так же, как и революционные бури и продразверстка.

В настоящее время боевой период революции прошел, продразверстка заменена сельско-хозяйственным налогом, рынок восстанавливается, голод прекратился и, как увидим дальше, крестьянские посевы начали возрождаться.

Оценить глубокое влияние революции на перераспределение земель в крестьянской среде мы могли бы только по прямым данным о трансформации крестьянского землепользования, каких у нас нет. Но все же некоторое представление о происшедших изменениях может дать сравнительное распределение крестьянских хозяйств по надельному землевладению 1905 года и по количеству пашни и сенокоса на едока по сведениям Наркомпрода за 1922 г.

Распределение дворов по надельному землевладению в 1905 г.

Группа дворов.	Число дворов в тыс.	%	Количество земли в тысяч. дес.	%
От 1— 4 десятин.	1928	15,8	4822	3,6
» 4— 8 »	4248	34,7	25915	19,0
» 8—20 »	4807	40,0	57230	41,8
Свыше 20 »	1295	10,5	48920	35,6
Всего . . .	12278	100	136887	100

В настоящее время опубликованы Народным Комиссариатом Продовольствия данные, касающиеся распределения облагаемой в 1922 г. пахотно-сенокосной земли по расчету на едока в РСФСР (кроме Украины, Сибири и Киргизии).

В среднем на крестьянское хозяйство в 1922 г. приходилось 5,4 едоков. Пахотная и сенокосная земля составляет около $^3/_4$ всех крестьянских угодий. Исходя из этого, мы можем, до известной степени, привести данные 1922 года в соизмеримый вид с цифрами 1905 года.

% хозяйств, имеющих пахотно-сенокосные земли на едока (в Европейской России).

До 0,5 дес., т.-е. на 1 хозяйство:

до 2,7 десятин пашни и сенокоса	15,1%
от 0,51 до 1 дес.—до 5,4 дес.	35,2%
от 1 дес. до 2,5 дес.—13,1 дес.	45,8%
Свыше 2,5 дес. более 13,1 дес	4,9%

Сравнивая эту группировку с цифрами 1905 г., мы видим, что две нижние группы остались почти без изменения по проценту хозяйств; самая нижняя группа сократилась с 15,8% до 15,1%, следующая слегка увеличилась с 34,7% до 35,2%. Зато в двух верхних, наоборот, изменения огромны: верхняя самая много земельная группа уменьшилась почти на $^2/_3$ и за ее счет выросла, главным образом, середняцкая группа, имеющая от 1 до 2,5 дес. пахотно-сенокосной земли на едока, или от 5,4 до 13,1 дес. на хозяйство. Еще более яркая картина земельных перемещений внутри самой крестьянской массы будет видна, если мы посмотрим, как распределяется именно между четырьмя указанными группами земельный фонд пахотно-сенокосной земли:

Группы хозяйств.	Всего пахотно-сенокосной земли в пользовании (тыс. дес.).	% к общей сумме.
До 0,5 дес. на едока	3.038,5	5,5
От 0,51 до 1,0 дес. на едока	8.572,2	15,6
От 1,1 до 2,5 дес. на едока	36.458,6	66,2
Свыше 2,5 дес. на едока	7.036,6	12,7
Всего	55.105,9	100

Земельный фонд, находившийся во владении верхней группы, уменьшился относительно в 3 раза, у середняков прибавился на 4%, у нижних групп остался без перемен.

Этот вывод подтверждается гораздо более сравнимыми данными немногих пока монографических описаний выборочных и бюджетных обследований по отдельным местностям. Так, исследователи первого в России уезда, в котором закончена революционная аграрная реформа, и землеустройство—Задонского уезда Воронежской губ. пришли к таким выводам: „Социальная сущность аграрной реформы заключается не только в экспроприации и раздроблении частно-владельческих и прочих земель нетрудового владения, но и в неменьшей мере—в широком перераспределении крестьянских земель. Экспроприация крупного землевладения фактически дает совершенно незначительную земельную прирезку, которая, представляя неизбежную политическую и социально-экономическую необходимость, сама по себе не имеет большого хозяйственного значения и не уничтожает малоземелья всего крестьянства в целом*).

*) По Задонскому уезду прирезка нетрудовых земель увеличила крестьянское землепользование на 16,8%, а без арендованных земель только на 8,4% (см. «Первые итоги аграрной реформы», под редакцией проф. П. Н. Першина, 1922 года.

Но в то же время внутри крестьянства за счет его многоземельных групп вполне реально и значительно увеличено землепользование всего малоземельного и безземельного населения, доведенное до обычных средних размеров. Это обозначает, что аграрная реформа есть грандиозный процесс социально-экономического выравнивания и нивеллировки землепользования внутри всей массы крестьянского хозяйства по его среднему типу, что представляет один из самых существенных моментов реформы, вскрывающий ее подлинную революционную сущность". (См. „Первые итоги аграрной реформы", предисловие проф. П. Н. Першина, стр. 21).

Итак, в процессе революционного перераспределения земель, безземельные и малоземельные крестьяне выиграли, приблизившись к среднеземельным слоям, многоземельные потеряли, и их количество сократилось в несколько раз. Полное уравнение всех хозяйств не было и не могло быть достигнуто, хотя бы потому, что для такого уравнения требовалось бы грандиозное расселение десятков миллионов душ, так как земельный фонд расположен неравномерно.

Помещичьи земли не могли быть правильно распределены между крестьянами потому, что они были расположены пятнами между крестьянскими наделами. В одних волостях их было очень много, в других мало, в третьих не было совсем. В силу этого зачастую даже недостаточно обеспеченные землей крестьяне не дополучили необходимого им для доведения до средней нормы количества.

Вообще, распределение земельного фонда при отсутствии соответствующего расселения крестьянских хозяйств по всей территории не могло не оказаться неравномерным.

В одном из первых исследований итогов аграрной реформы, появившихся за последнее время *) (по Задонскому уезду Воронежской губернии) приводятся такие цифры изменения землепользования отдельных селений:

Изменение землепользования.	Число селений.	% от общего числа селений.
Уменьшилось	31	17,3
Увеличилось до 10% прежнего . .	20	11,2
От 10 до 25,0	33	18,4
» 25,1 до 50	42	23,5
» 50,1 » 75	15	8,3
» 75,1 » 100	16	9,0
Свыше 100%	20	12,4
Всего	179	100

В результате этого перераспределения земельного фонда получили на душу всего (с надельной):

До 0,80 дес.	2	селения	1,1%
От 0,81 » до 1,0	54	»	30,3%
» 1,01 » » 1,20	84	»	46,9%
» 1,21 » » 1,40	34	»	18,9%
Свыше 1,40	5	»	2 8%

*) См. «Первые итоги аграрной реформы». Воронеж. 1922 г.

Пределы колебаний селенных отводов и после группового землеустройства, которое закончено впервые в России лишь в Задонском уезде, остались довольно широкими: от 0,69 дес. на душу до 2,29 дес. И это—один из удачнейших на практике опытов землеустройства. На Украине норма наделения варьировала даже в погубернском масштабе от 0,5 до 3,25 дес. на душу *). Иначе и нельзя было распределить земельный фонд в виду его неравномерного расположения по волостям и районам.

Нам приходилось производить подсчеты того, какое количество дворов необходимо было бы переселить с одного места на другое, не только в пределах одних и тех же уездов, но и за их пределы и даже в другие губернии и районы, чтобы достигнуть уравнительного распределения всего земельного фонда в России. В итоге мы получили цифру около 4-х миллионов дворов, т.-е. не менее 20-ти миллионов душ. Вот почему, несомненно, хотя острое малоземелье в значительной мере сглажено аграрной революцией и уравнительным разделом земель, но далеко еще не устранено совсем, и не могло быть устранено по непреодолимым техническим препятствиям.

Как видно из приведенных выше цифр, даже в 1922 году сохраняется довольно значительная разница между земельным обеспечением низших и высших групп. Но несомненно, что более или менее значительная часть низших групп перешла в разряд средних, получив существенное пополнение к своим прежним наделам.

Такое перераспределение земель при нормальных условиях должно бы было содействовать под'ему производительности земли, ибо низшие слои крестьянских хозяйств об адали большим запасом избыточных рабочих рук, не находивших себе при ожения. Но в первые годы после революции этого не случилось, ибо посевная площадь по ряду при ин, которые будут изложены ниже, упала. В силу этого, как мы видим, в группировках по посеву после революции, получили преобладание не средние, а низшие группы. Процесс нарастания этих групп за счет остальных, как видно из новейших данных, продолжался вплоть до 1922 г. Так в недавно изданной работе, произведенной по поручению ЦК РКП „Крестьянское хозяйство за время революции", где опубликованы результаты выборочного обследования по 7 губерниям промышленного и земледельческого центров и Украины (8.000 дворов), мы встречаем такие итоги:

Группы.	% хозяйств по годам. 1917	1920	1922
Зажиточные	13,5	11,7	11,2
Середняки	42,7	40,8	39,2
Малоземельные	43,8	47,5	49,6

„Наблюдая процессы нивеллировки населения деревни за годы революции—говорит автор заключения проф. С. Струмилин, мы часто слишком преувеличиваем их значение. Многим кажется, что ныне уже почти все крестьянство представляет экономически вполне однородную середняцкую массу, между тем, хотя крайние полюсы деревни сблизились, но деревенская беднота отнюдь не исчезла. Наоборот, она продолжает умножаться и после революции, как росла до нее". (См. op. cit,

*) См. В. Качинский. «Очерки аграрной революции на Украине».

стр. 103). То же констатирует по Украине и В. Качинский, который по этому поводу говорит следующее: „вопрос о перераспределении групп крестьянских хозяйств по степени их земельной обеспеченности остается пока недостаточно выясненным.

Предположения о происшедшей в деревне нивеллировке хозяйств, конечно, известное основание имеют. Но наличие значительного % необеспеченных землей дворов говорит о том, что, в конце концов, произошли, главным образом, передвижки в сторону равнения на минимум. Обеспеченная землей верхушка сорвана. Процент средне-обеспеченных землей поднялся. Но низовая группа сохранилась. Следовательно, нивеллировка получила однобокое значение: она выявила тенденцию к передвижке вниз, даже больше — эту передвижку в некоторой степени произвела *).

Итак, хотя аграрная революция и произвела значительное уравнение в перераспределении земель, но вследствие падения производительных сил в сельском хозяйстве за последние годы, процесс перегруппировки хозяйств различной экономической силы носил в России до сих пор характер подвижки вниз: до революции — от крупно-капиталистического к трудовому хозяйству, после нее—от трудового—много и средне-посевного к малопосевному.

Однако, надо надеяться, что в связи с начинающимся под'емом сельского хозяйства, этот процесс в ближайшие годы приобретет противоположное направление в сторону общей подвижки вверх, если только нарастающее вновь избыточное население деревни получит выход в города и на редко населенные окраины, для чего требуется общее развитие народного хозяйства в его целом, в частности индустрии, и прилив капиталов для экслоатации нетронутых природных богатств России.

Новейшие сведения говорят, именно, о том, что процес подвижки вверх с 1923 г. уже начался, как в группировках по землепользованию, так и по посевам. Так, сравнивая по 30 губерниям группировку крестьянских хозяйств по пахотной и сенокосной земле в 1922—23 г. получим:

% хозяйств с площадью пашни и сенокоса на едока.	В 1922 г.	В 1923 г.	Изменение в % (+ или —)
До 0,5 дес.	15,0	11,9	—20,7
От 0,51 до 1,0 дес. . .	35,2	34,7	—1,4
» 1 » 1,5 » . .	31,7	33,6	+6,0
» 1,5 » 2,5 » . .	15,2	16,5	+8,6
Свыше 2,5 дес.	2,9	3,3	+13,8

Что правильно повышающийся ряд дает перемещение типа, так называемой, общей подвижки вверх.

Такую же подвижку вверх мы наблюдаем в Екатеринославской губ. в группировках по посеву:

---

*) В. Качинский. «Очерки аграрной революции на Украине». Вып. I. Уравнительный раздел земель. Харьков. 1922 г.

	%%% хозяйств. 1922 г.	1923 г.	Изменение в % (+ или —).
Беспосевных	11,9	4,8	—59,6
До 1 дес. посева . . .	15,0	7,4	—50,7
1—2 дес.	15,3	12,1	—20,7
2—4 »	23,5	24,7	+5,1
4—6 »	15,0	19,6	+30,7
6—9 »	11,9	17,1	+43,7
9—15 »	6,9	11,2	+62,4
16 и более десятин . .	0,2	3,0	+1400,0

Последние данные выборочной 5% переписи крестьянских хозяйств 1923 г., относящиеся к Центрально-Земледельческому району и охватывающие 122 4 тыс хозяйств * также указывают на процесс подвижки вверх, происшедший в крестьянских хозяйствах за подследний год.

Группировки по посеву	%%% хозяйств 1922 г.	1923 г.	Изменения в %%%
Без посева	3,1	1,2	= 61,0
С посевом до 1 дес. . .	14,9	11,8	= 20,8
» с 1,1— 2 » . .	24,4	21,8	= 10,7
» » 2,1— 4 » . .	36,5	39,2	= 7,4
» » 4,1— 6 » . .	14,8	17,3	= 16,9
» » 6,1—10 » . .	5,7	7,7	= 35,1
Свыше 10,1 дес. . . .	0,6	1,0	= 66,7

Слои свыше 4-х дес. на хозяйство которые увеличились на 30% и выше, принадлежат к полутоварным и товарным, отчуждающим на рынок половину и более продуктов. Ясно, что поэтому должна была увеличиться общая рыночность крестьянских хозяйств.

Кроме земель, переданных в пользование крестьянам, государство в настоящее время обладает огромным земельным фондом, к сожалению, далеко еще не приведенным в известность. Одних государственных лесных площадей в 1921 году насчитывалось 592.630.000 десятин. Кроме них, имеются несколько сот миллионов дес. незаселенных и малозаселенных степных пространств в южных полупустынях и в северных тундрах. Можно полагать, что из общей площади всего СССР в 18.360 тыс. кв. верст или 1909 миллионов десятин, не более $^1/_5$ в находится в фактическом пользовании трудового крестьянства. Но в остальных $^4/_5$, сохраняющихся в обладании государства и отдельных республик, входящих в состав СССР, имеется весьма немного земель пригодных для сельск. хозяйства и культивируемых. Такие земли сосредоточены в совхозах. В 1922 г. числилось всего 4.948 совхозов (кроме Украины) с общей площадью земли в 2.492 тыс. дес., из которых под посевом находилось 546 тыс. дес. На Украине госуд. свекловичным хозяйствам отведено около 400 тыс. десятин, прочим—224 тыс. В общем, площадь всех совхозов приближается к 3 милл. десятин.

---

*) См. «Вестник Статистики», книга XV (№ 7—12, 1923 г.) Н. О. Дубенецкий «Работы Отдела текущей статистики Ц. С. У.

ГЛАВА VII.

Формы крестьянского землепользования.

§ 1. Община и землеустройство до революции.

Выше мы указали, что одной из причин сокращения многопосевных слоев в крестьянской среде явились уравнительные переделы, широкой волной прокатившиеся по всей России после революции. Уравнительно-передельный механизм—результат господствовавшей в России в крестьянской среде общинной формы землепользования.

Чуть ли не сотни лет ведется в литературе спор об общине—и посейчас он не завершен какими-либо определенными, общепринятыми для всех выводами. Тем не менее, этот спор обнаружил то несомненное явление, что формы общинного землепользования в России меняются в органической связи с ходом сельско-хозяйственной эволюции, вплоть до перехода этой эволюции в фазис интенсивного земледелия. Русское сельское хозяйство в различных областях представляет из себя картину смен почти всех фазисов, начиная с доземледельческого, охотничьего и пастушеского хозяйства в Азиатской России и кончая фазисом интенсивного многопольно-травяного и плодосменного севооборота на крайнем западе Европейской России.

Каждому фазису соответствуют определенные формы общинного быта, за исключением последнего—интенсивного. Так, в звероловном и кочевом хозяйстве господствует общинно-родовое начало; при переложном земледелии преобладают формы беспередельного вольно-захватного общинного землепользования; при трехполье—уравнительно-передельная община. И только на Западе России так же, как и в Западной Европе мы видим преобладание частного подворного землевладения, установленного, однако, польскими и немецкими правителями еще в течение средних веков.

В прекрасной работе А. А. Кауфмана („Русская община в процессе ее зарождения и роста“) тщательно прослежено органическое развитие поземельной общины у кочевых народов в наших азиатских владениях по мере их оседания на землю. Причины, обусловившие возникновение общинно-коллективного землевладения, противоположны причинам, породившим частную земельную собственность. Эта последняя является результатом захвата, а общинное землевладение в разных его видах становится противовесом захвату: оно стремится обеспечить для масс необходимую на данном уровне эволюции равномерность в пользовании даровыми благами природы, пресечь возможность превращения земли в монополию меньшинства.

Первоначальная история коллективного землевладения в высшей степени сходственна во всех странах. Пока людей мало, а земли много, севшие на землю крупные коллективы—племена, роды—ограничиваются разделом земли между собой, предоставляя право внутри ограниченной территории каждому члену своего племени захватывать земли, сколько кому полюбится, „куда топор и соха ходили“. По мере разрастания населения идет дальнейший дележ племенных территорий на волостные, волостных на деревенские, при чем право личного захвата соответственно суживается. Если в какой-либо момент этой эволюции наиболее сильные члены общины—захватчики—не приобретают политической власти и не

закрепляют при ее помощи захваченной земли в свою собственность, то, по мере утеснения в земле, начинается внутри общины обратный процесс — борьбы за землю — кончающийся отобранием излишков земли у захватчиков и установлением тех или иных уравнительных норм землепользования, обязательных для каждого отдельного члена общины.

Отсюда ясно, что эволюция общины тесно связана с ростом населения, а так как этот рост до последнего столетия, т.-е. до начала развития рынка, являлся единственным фактором сельско-хозяйственной эволюции, то отсюда возникла тесная связь трансформации общинного землевладения с фазисами хозяйственной эволюции. Так, фазису переложного землепользования соответствовала вольно-захватная община; при постепенном переходе к трехполью захватные формы также постепенно заменялись уравнительными. Западно-европейская община была уничтожена феодализмом, разросшимся и окрепшим в момент перехода общины от захватных форм к уравнительным, у нас она сохранилась и развилась естественным путем, хотя не без благосклонного содействия централизованной власти, усмотревшей в общине весьма удобный административный и фискальный аппарат.

Во второй половине XIX века, как доказано статистическими исследованиями К. Р. Кочаровского, общинные формы землепользования не только росли количественно, но и совершенствовались в качественном отношении.

По 66 уездам оказалось из 100 общин.

	В 1880-х г.г.	В 1897—1902 г.г.
Беспередельных	64,7	11,7
Тоже, но с частными переделами	9,3	2,6
С правильными общими переделами по мужским наличным душам	11,3	59,1
Тоже по работникам	9,1	7,1
Тоже по едокам (душам обоего пола)	5,6	18,9

Таким образом, в конце XIX века под влиянием, видимо, все более и более возраставшей нужды в земле „мертвые“ беспередельные общины оживают и начинают производить переделы не только по мужским душам и работникам, но даже по наиболее совершенному уравнительному принципу—по едокам, который во время революции получил всеобщее распространение. Но с 1906 года община вступает в период жестокого кризиса, об'ясняемого, главным образом, известной Столыпинской реформой и, отчасти, переходом к более интенсивным формам сельского хозяйства.

В начале XX века коренная земледельческая Россия очутилась перед необходимостью перехода к интенсификации; и вместе с тем обострился вопрос об общине. Обострился он не только на верхах—в правительственных сферах и в обществе, но и в низах—в самой крестьянской массе. В феврале 1906 года в Москве был устроен с'езд крестьян-старообрядцев, на который собралось несколько сот крестьян—типичных середняков, мало чем выделявшихся из серой массы. Этот с'езд резко раскололся на два лагеря: сторонников и противников общины. Главный довод, выдвигавшийся сторонниками общины был: „община способствует более равномерному, справедливому распределению земли между крестья-

нами". Главный довод противников: „община мешает удобрению земли и своевременной обработке. Опытом доказано, что община не дает таких результатов урожая, как подворное владение, что испытано нами, подписавшими таковые факты". Таким образом, сторонники общины стояли на позиции социальной справедливости, противники—на позиции сельскохозяйственного прогресса. Обе эти точки зрения разделили на два лагеря и тогдашнюю интеллигенцию.

Вслед затем произошел опыт Столыпина, в результате которого 2,008.000 хозяев добровольно укрепили свою землю по указу 9 ноября 1906 г.; сверх того, по закону 14 июня 1910 года получили удостоверительные акты 457 тыс. дворов. Так как селения, из которых хотя бы один двор получил удостоверительный акт, признавались по закону перешедшими к подворному владению, а в этих селениях проживало 1.698.000 хозяев (кроме получивших акты), то общее количество бывших общинников, ставших добровольно или принудительно подворниками, к 1916 году достигло 4.163.000 дворов; всех же общинников было 10,4 милл. дворов. Следовательно, к моменту революции осталось всего 6,2 милл. дворов, сохранивших общинное землепользование; число же подворников достигло 7,7 милл. Стало быть крестьян, владеющих землей на подворно-участковом праве в Европейской России было большинство *).

Однако, тот же Столыпинский опыт достаточно отчетливо показал, что одно голое укрепление чересполосных наделов без последующей их сверстки в хутора и отруба приводят не к землеустройству, а к „землерасстройству—к уничтожению самой общины при сохранении всех отрицательных сторон чересполосицы и дальноземелья, при чем полосы закрепляются земледельцами в том виде, в каком они оказывались в момент укрепления. Между тем, община, как-никак, все же регулировала чересполосицу, и при общинном владении не могло развиться той чрезмерной „путаницы полос", которая, например, в Черниговкой и Полтавской губ. привела к необходимости произвести особое межевание еще в 1870-х г. Даже такой сторонник индивидуального владения, как А. А. Кофод, признавал, что страшнейшее зло внутринадельной чересполосицы одинаково чувствуется „как при общинном, так и при подворном владении, и чем далее, тем вреднее оно становится, вследствие непременного дробления всех участков двора при каждом разделе его".

Обнаружился и другой интересный факт: в московско-промышленном районе, где стало быстро развиваться травосеяние, где сами крестьяне почувствовали сильную тягу к переходу от трехпольного к многопольному севообороту,—они не могли его осуществить, ибо, например, в Тверской губернии $^3/_4$ общин, давно непеределявшихся, были уничтожены законом 14-го июня, и передел полей, необходимый для введения многопольного севооборота, был для них запрещен. Это отметили земские агрономы. (См. доклад В. Курочкина: „Задачи Тверского земства в области культуры льна"). Вскоре выяснилось, что закрепление земли в собственность тормозило и мелиорационное дело. В трудах II С'езда инженеров-гидротехников говорится: „Выходя за пределы отдельных владений, осушительные (а также оросительные, песчано-овражные и пр. Н. О.) работы в большинстве затрагивают интересы целой группы лиц и требуют их общего соглашения. В таких случаях землеустроительные ра-

*) Общее число дворов при этом подсчете основано на официальных данных—около 14,000.000 в Европейской России; перепись 1916 года показала, что всех дворов около 16,000.000. Однако, указанное выше соотношение числа общинных и подворных хозяйств надо считать правильным.

боты могут затруднять производство мелиораций, так как при разверстании наделов вместо общины, владеющей нередко всем пространством болот и ближайшими водоприемниками, образовалось много владений на правах личной собственности" (том 3, стр. 90).

В общем итоге 10-летний опыт в значительной мере искусственного разрушения общины за последний период самодержавного режима показал, что общинные формы, связанные с чересполосицей и принудительным севооборотом тормозят инициативу передовых членов общины, когда таковые являются культурными одиночками, но в тех случаях, когда потребность в улучшении своего хозяйства уже осознана более или менее значительной частью общинников, тогда община подгоняет остальное меньшинство при массовых переходах от трехполья к многополью с травосеянием, при более или менее крупных работах по мелиорации, затрагивающих территорию большинства жителей деревни и т. п. Община, как всякий коллектив, задерживает передовых, но подгоняет отсталых своих членов. До революции, когда большинство крестьянской массы сохраняло еще традиционную „трехполку", задерживающая роль общины сказывалась сильнее, что заставляло инициативное меньшинство стремиться к выходу на хутора и отруба. Но и для самих крестьян и для интеллигенции и даже для многих казенных землеустроителей стало очевидным, что закрепление земли в собственность без последующего хуторского и отрубного землеустройства вреднее самой общины, и непосредственный выход из общины год за годом начал падать.

Число хозяев, вышедших из общины и получивших удостоверительные акты (в тысячах дворов):

В 1907	48,3
» 1908	508,3
» 1909	579,4
» 1910	350,4
» 1911	312,9
» 1912	231,0
» 1913	232,4
» 1914	163,2

Зато наоборот, с каждым годом сильнее наростал выдел на хутора и отруба.

Хуторское и отрубное крестьянское землепользование начало широко развиваться с 1907 года. По подсчету проф. П. Н. Першина (см. сборник о земле, вып. I, стр. 60) „в результате десятилетнего насаждения хуторов и отрубов на землях сельских обществ преимущественно надельных было образовано 1.301.255 хуторских и отрубных хозяйств с площадью 12.777.108 дес., затем продано хуторскими и отрубными участками 223.747 дес. казенных земель по 15.505 сделкам и запродано хуторскими и отрубными участками 3.020.062 дес. земель крестьянского банка" (примерно, 279.865 отдельных сделок).

Таким образом, за 10 лет с 1907 по 1916 г.г. включительно было образовано около 1.596.625 участковых хозяйств на площади 15.896.095 д., что составляет приблизительно 10,5% всех хозяйств крестьянского типа.

Столыпин стремился к насаждению максимального количества хуторов, полагая, что „крепкие и сильные" хуторяне явятся наилучшим

оплотом для самодержавия. Но землеустройство, имеющее очень большое значение для под'ема производительных сил в сельском хозяйстве, так как оно сокращает непроизводительные затраты труда, не только в России, а и за границей, не может быть осуществлено сплошным разверстанием всех земель и расселением всех крестьян на хутора. Сокращение непроизводительных затрат, благодаря которому увеличивается производительность крестьянского труда, достигается двумя способами:

1) Устранением дальноземелья. Дальноземелье, зависящее от большого количества многодворных селений, имеющих крупные наделы, является главнейшим препятствием к интенсификации земледелия.

По Конраду при расстоянии в $1^1/_2$ километра от усадьбы весь чистый доход в интенсивном хозяйстве поглощается издержками по перевозке тяжелых грузов — удобрения, урожаев корнеплодов и проч. У нас в России по исследованию П. Н. Першина удобрение земли даже при трехполье, когда оно незначительно, приостанавливается на участках, лежащих дальше 3-х верст от усадьбы.

(В Орловском уезде той же губ.).

Расстояние до дальнего участка (верст).	% удобренных полей.
До 1 версты	54,8
От 1,1 до 3 вер. . . .	40,3
» 3,1 » 5 » . . .	29,6
» 5,1 » 10 » . . .	17,5
Свыше 10 вер.	0,0

Чем крупнее селение, тем больше деревенские наделы и тем дальше конец поля отстоит от усадьбы. В Курской губ. по монографии Соковнина (Дальноземелье и чересполосность крестьянских наделов в Курской губ.) дальний конец поля отстоял от усадьбы:

% селений, в которых конец поля отстоял от усадьбы:

	До 3 в.	От 3—5 в.	От 5—10 в.	Более 10 в.
В селениях, имеющих до 100 дворов	65	10	16	9
В селениях, имеющих более 100 дворов	20,6	20,6	38,2	20,6

В Задонском уезде Воронежской губ. после землеустройства оказалось.

Группы селений по числу дворов.	До 3 в.	От 3—5 в.	Свыше 5 в.
До 50 дворов	84,1	12,7	3,2
От 51 до 100 дворов.	46,0	43,2	10,8
» 101 » 300 »	18,2	41,8	40,0
Свыше 300 дворов	4,8	14,3	80,9
По уезду	46,0	28,4	25,6

В обоих случаях мы видим, какая тесная связь наблюдается между размерами селений и удаленностью полей от усадьбы. В Курской губ. в 65% селений, имеющих до 100 дворов (в среднем, в этой группе приходится по 35 дворов на селение), конец поля находится от усадьбы на

расстоянии менее трех верст, т.-е. на таком, на котором возможен вывоз навоза в поле: в группе селений свыше 100 дворов, на оборот, 59% имеют надельные поля на расстоянии свыше 5-ти верст от усадьбы. В Задонском уезде усадьбы 84% селений, имеющих менее 50-ти дворов, расположены от конца пашни на расстоянии менее 3-х верст, а в селениях свыше 300 дворов—81% усадеб лежит далее 5-ти верст от пашни. При этом важно отметить, что в мелких селениях до 50-ти дворов около половины усадеб расположены в центре надельных участков, а в группе свыше 300 дворов—71,4% усадеб находится на краю участков, чем естественно усиливается дальноземелье. Дальноземелье у нас, вообще, сильно увеличивалось неправильным отмежеванием крестьянских наделов после 1861 года. Очень часто надел тянется „холстом", как говорят крестьяне, и на краю этого холста расположены усадьбы. В черноземной полосе такое расположение зависело от маловодья. Селения скучиваются по берегам довольно редких рек, а „холсты" наделов нарезаны перпендикулярно речным долинам по сухим и возвышенным водоразделам.

На юго-восточных окраинах села в несколько тысяч дворов встречаются сплошь и рядом, и до дальнего конца поля расстояние доходит до 30—40 верст. Но даже и в центре, например, в Ряжском у. Рязанской губ. более половины крестьян имеют наделы далее 6-ти верст.

По переписи 1897 года распределение деревенских поселений по численности в них населения было таково:

Число жителей в поселениях.	% населения к итогу. Нечерноземная полоса.	Черноземная полоса.	Европейская Россия.
До 50-ти человек (до 10 дворов). .	10,2	2,7	5,1
От 51 до 500 челов. (от 10 до 100 дворов)	65,9	21,8	36,3
От 501 до 5000 чел. (от 101 до 1000 дворов)	20,9	67,2	52,0
От 5001 до 10000 чел. (от 1001 до 2000 дворов)	3,0	8,3	6,6
Всего	100	100	100

Считая двор, состоящим в среднем из 5-ти душ, мы получим, что в нечерноземной полосе из 100 сельских жителей 76,1%, т. е. более $^3/_4$ всего деревенского населения живут в деревнях, имеющих менее 100 дворов, в которых, как мы видим из предыдущих цифр, дальний конец поля отстоит от усадьбы не далее 3-х верст; а в черноземной полосе, наоборот, 75,5% всех крестьян живут в селах свыше 100 дворов, где более $^4/_5$ участка отдаляется от усадьбы свыше 3-х верст и где, следовательно, удобрение и интенсификация земледелия весьма затруднены. Спрашивается, какими средствами можно разрешить задачу устранения дальноземелья.

Средство одно: расселение больших сел. Но способы расселения, применяемые в практике землеустройства, различны. Самый радикальный и совершенный способ, несомненно, разбивка на хутора. Хуторское расселение уничтожает не только дальноземелье, но и чересполосицу. Но сплошная хуторизация невозможна во многих районах, ибо она требует ряда соответствующих природных и экономических условий, а именно: 1) наличия почвенных вод. „Хуторское расселение

всецело зависит от условий водоснабжения",—сознался некогда даже творец хуторизации России П. А. Столыпин. Без воды хутора абсолютно невозможны. Чем интенсивнее система земледелия, тем больше потребности в воде. В сухих районах хуторизация возможна только на больших, сравнительно, площадях, и большинство американских фермерских хозяйств имеют площадь от 40 и до 200 гектаров.

2) Второе условие — наличие необходимых естественных угодий в достаточном количестве или заменяющих их культурных растений. Здесь наиболее важны кормовые угодия. Каждому хозяину необходимо отвести вблизи усадьбы кусок луга и пастбища, пока он не переведет свой скот целиком на стойловое содержание, что даже в Западной Европе достигнуто далеко не везде.

У нас естественные кормовые угодия должны будут составлять необходимый элемент хуторского хозяйства и где их нет или они расположены большими, далеко отстоящими друг от друга площадями,— там невозможна нарезка хуторов в одном куске и приходится пашню нарезать в одном месте, выгон—в другом, сенокос—в третьем, т.-е. хуторизация теряет свое значение.

3) Третье — дорожная сеть. Чтобы общение хуторянина с остальным миром было возможно, необходима такая распланировка грунтовых дорог, которая бы давала доступ к каждому хутору и сокращала бы до возможного минимума расстояние от ближайшего торгового и культурного центра. Дорожная сеть приобретает особенно важное значение при развитии рыночных отношений, которые являются непременным условием для интенсификации земледелия. Это главные условия. 4) К ним следует прибавить в засушливых районах многоземелье. Все страны хуторского расселения — страны многоземельных крестьян. Но и в районах с достаточным орошением минимальные размеры хуторских участков должны быть во всяком случае не ниже средних в данной местности, ибо хуторское хозяйство изолировано, на сторонние заработки не может рассчитывать, и все средства для существования должно добывать от земли. Кофод для удачного применения хуторского хозяйства требует, „чтобы количество имеющейся в распоряжении земли было достаточно для образования таких хуторов, которые при данных условиях могли бы не только кормить нормального состава семью в течение круглого года, но и давать постоянное занятие по крайней мере в течение летнего времени."

В тех районах, где природные и экономические условия не способствуют развитию хуторов, там целесообразен другой вид расселения — небольшие поселки, в которых мелкие полосы обычно сверстываются в отруба. Этот вид расселения, а также выдел наделов частям селений, как увидим дальше, начинает широко распространяться после революции в черноземной полосе — особенно в районах земледельческого центра и среднего Поволжья. Проф. П. Н. Першин говорит: „Значительно более соответствующими (чем хутора) естественно-историческими и экономическими условиями юга и юго-востока является система отрубных поселков. Большие размеры землепользования, значительные расстояния отрубов от усадебных участков здесь нередко вызывают временное переселение семей в летнее время на отрубные участки, обнаруживая необходимость приближения усадьбы к полевому участку. Но последнее при плохих условиях водоснабжения очень редко осуществимо для большого числа отдельных хозяйств.

Система отрубных поселков, создавшая возможность полного использования редких или дорого стоющих водных источников при немногочисленности посельщиков в состоянии значительно приблизить хозяйственно-усадебный центр к полевой земле. При ликвидации земель крестьянского банка на условиях переселения эта форма участкового устройства довольно широко была распространена во многих губерниях и особенно в юго-восточных."

Дореволюционная практика землеустройства знала примеры образцового расселения на отрубные поселки. Так, в Валкском уезде Харьковской губ. одно тысячедворное село расселилось на несколько десятков таких поселков, а часть на хутора, при чем в центре осталось селение около 100 дворов с базаром, школой, кооперативами. От каждого поселка к базарному селу протянулись дороги длиной в 3 –5 верст, по которым крестьяне с'езжались для торговли, а их дети приходили в школу. В таких поселках расстояние усадьбы от конца поля не должно превышать одной — полутора верст.

Отрубные поселки нашли себе многих сторонников среди крестьян. Один крестьянин, наприм., в ответ на анкету Московского О-ва Сельского Хозяйства писал: „Лично мне, измученному общественной неурядицей и земельной нуждой (у меня один надел), во сне и наяву снится маленький поселок в несколько домов на отрубной земле по 10 –12 дес. на семью, где возможно соревнование в хозяйственном отношении и неотчужденность человека от человека в деле личного."

2) Уничтожение чересполосицы. Вторым препятствием к интенсификации и рациональному хозяйствованию — является чересполосица, собственно ее крайности–узко, мелко-и многополосица. Чересполосица распространена у нас как в подворных, так равно и в общинных районах. Она свойственна вообще у нас деревенской форме поселения. А. А. Кофод начинает свой двухтомный труд о крестьянских хуторах такими словами: „спорят о том, что хуже—общинное или подворное владение в настоящем их виде. В одном только сошлись все знающие сельское хозяйство, вообще, и хозяйство русского крестьянства, в особенности,— именно в том, что хуже всего, страшнейшее зло деревни, главный тормаз для сельского-хозяйственного развития — не юридическая форма владения землей, а внутринадельная чересполосица. Зло это почти одинаково чувствуется, как при общинном, так и при подворном владении, и чем далее, тем вреднее оно становится, вследствие непременного дробления всех участков двора при каждом разделе его."

Прежде были склонны совершенно отрицательно относиться ко всякого рода чересполосице. Но затем более внимательное изучение практики землеустройства за границей и в России показало, что умеренная чересполосица с достаточно широкими и удобными по конфигурации полосами не препятствует интенсификации земледелия. В самом деле, при многопольных севооборотах каждый хозяин — безразлично — сверстано его поле в хутор или отруб, или оно разбросано в десятках мелких полосок, должен делить его на 6—8—10 и более частей сообразно принятому севообороту. Следовательно, если число полос соответствует или лишь немногим превышает количество полей в крестьянском севообороте — нет существенной разницы (с агрикультурной точки зрения) между хуторским отрубным и широко-полосным землепользованием. Отсюда ясно, что вредна с хозяйственной точки зрения только такая чересполосица, которая 1) увеличивает непродуктивные затраты труда, благодаря переезду с полосы на полосу, т.-е. чрезмерная многополо-

сица, когда на каждый двор приходится не 6—8, а 30—40—50 и даже 100 полос, 2) которая не дает возможности применения усовершенствованных орудий, т.-е. узко-и мелкополосица, при которой нельзя обернуться с плугом, и при засеве семена соседних полос смешиваются, 3) при которой конфигурация полос крайне затрудняет их обработку или доступ к ним через дороги и межи крайне затруднен. Это, так называемая, путаница полос, когда они нарезаны не прямоугольниками, а кривыми или ломанными линиями без доступа к дорогам. Путаница полос чаще бывает при частном землевладении, так как крестьяне—частные (подворные) и собственники считаются лишь со своими личными интересами и дробят полосы, как им заблагорассудится при семейных разделах и прочих переходах земель из рук в руки. В живой, т.-е. производящей систематические переделы общине, конфигурация полос выпрямляется, дороги и межники восстанавливаются при каждом переделе.

Для уничтожения этих отрицательных сторон чрезполосицы существуют два способа: 1) радикальный — сверстывание всех полос в один или максимум три отруба (при трехполье), 2) более умеренный, когда число полос только уменьшено, и они превращаются из узких в достаточно ши окие, форма их становится прямоугольной и сеть полевых дорог открывает наиболее удобный и кратчайший доступ к каждой полосе. Это, так называемая, коммасация или переход на широкие полосы, наиболее распространенная в центральной Европе и начинающая за последние годы прививаться также у нас в центральных районах. Известна коммасация, произведенная в Баденском герцогстве, которая, после нескольких десятилетий землеустройства, привела к тому, что число полос сократилось с 9-ти до 5-ти в среднем на одного домохозяина.*).

Проф. П. Н. Першин составил на основании данных бывшего Комитета по землеустроительным делам, производившего в 1913 г. обследование 12 уездов в разных районах таблицу, из которой видно распространение чрезполосицы до землеустройства.

% хозяйств, имеющих надельную землю в количестве участков (полос).

Число полос.	Северо-запад.	Север.	Центр.	Юг и юго-восток.
1	1,4	—	0,9	0,3
2	0,0	—	0,7	0,6
3	0,1	—	5,5	1,9
4—5	0,2	—	6,6	26,8
6—10	2,0	—	10,8	49,3
11—20	10,5	1,4	27,8	16,7
21—40	32,9	24,3	33,9	4,1
41—60	25,6	36,7	8,0	0,2
61—100	19,6	17,5	5,9	0,0
Свыше 100	7,7	0,7	1,0	0,1

*) См. С. Хауке. «Баденский закон об улучшении устройства полей». Журнал Мин. Юстиции. 1909 г. № 5—6.

В группах хозяйств, имеющих от 21 до 100 и выше полос, сосредоточено:

На северо-западе . . .	85,8%	всех	хозяйств.
» севере	98,6%	»	»
В центре	48,8%	»	»
На юге и юго-востоке.	4,4%	»	»

Многоземельный и многодворный юго-восток, оказывается, многополосицей не отличался. Меньше она была распространена также в земледельческом центре; но максимального развития она достигла, как это ни странно на первый взгляд, на севере, а затем на северо-западе, где размеры деревенских поселений в общем не велики. Об'ясняется это явление, с одной стороны, пересеченностью местности (обилие холмов, речек, долин) и разнообразием угодий, заболоченностью и каменистостью многих участков, т.-е. естественными условиями, с другой—почти полным уничтожением живой общины, так как в этих районах переделы почти не производились на протяжении многих десятилетий после реформы, и многополосица и путаница полос наростали по мере передвижения земли между отдельными дворами.

Наконец, третья причина, особенно действующая на севере,—необходимость выбирать небольшие, более удобные и сухие, разбросанные там и сям поляны в дебрях дремучих лесов и болот. Такая же многополосица царит и на севере Вятской и Пермской губ...

Таковы в общих чертах основные задачи и формы землеустройства, стоящие в той или иной связи с организацией крестьянского хозяйства, которое в западных и центральных районах тендирует в сторону интенсификации, на юге и юго-востоке—в сторону перехода от зерновой к смешанной скотоводческо-земледельческой системе хозяйства.

Из изложенного видно, что в разных районах при различных природных и экономических условиях и формы землеустройства должны меняться соответствующим образом, так как задачи их различны. В районах нечерноземной полосы, особенно в западной ее части, где дальноземелье гораздо менее распространено, но зато ощущается особенно остро отрицательная сторона чрезполосицы, должны возникнуть и развиваться иные формы, чем в черноземной, где главным злом существующих форм землепользования является дальноземелье.

Между тем Столыпин стремился из политических целей насадить повсюду в России только одну—хуторскую форму землеустройства, которая встречала непреодолимые препятствия (перечисленные выше) в природных и экономических условиях многих районов. Поэтому на деле оказалось, что фактически хутора ему удалось внедрить в немногих районах; в большинстве же районов России, особенно в черноземной полосе, единоличные участковые хозяйства принимали форму о т р у б о в, при чем происходила сверстка полос в одном или не более трех участках, но без переселения на них хозяев из деревенских усадеб.

П. Н. Першин устанавливает, что масса участковых хозяйств расположена в 17 губерниях, в которых хуторское и отрубное землепользование захватило свыше $^1/_{10}$ части крестьянских хозяйств. Эти губернии составляют два обособленных района: 1) северо-западный (белорусский и приозерный р.), где хуторян и отрубников оказалось от 15 до 29%, 2) южный и юго восточный из двух украинских губ. (Харьковской и Полтавской), всех новороссийских, где процент участковых хозяйств достигал 23—31%, затем отдельно—Саратовской, Самарской и Ставропольской губ. Оба основных района единоличного землеустройства упираются

в моря: северо-западный район интенсивного земледелия и животноводства примыкает к берегам Балтийского моря, юго-восточный экстенсивного зернового хозяйства с широким сбытом хлебов за границу и внутрь России к Черному, Азовскому и Каспийскому морям. Но тип единоличного землеустройства на северо-западе и юго-востоке был совершенно различен. К сожалению, мы не можем установить распределения хуторских и отрубных участков на надельных землях, так как официальные материалы землеустроительных комиссий смешивают эти оба вида; и только отчеты крестьянского банка дают показания о хуторах и отрубах раздельно, но только на землях, переходящих к крестьянам через банк. По районам площадь банковских земель, проданных в форме хуторов и отрубов, распределяется так (в %):

Из 100 десятин продано:

Районы.	Хуторами.	Отрубами.
Нечерноземная полоса.		
Белорусский	75,7	24,3
Приозерный	65,9	34,1
Центрально-промышленный	66,7	33,3
Приуральский	27,9	72,1
Черноземная полоса.		
Юго-западный	48,3	51,7
Малороссийский	32,5	67,5
Центрально-земледельческий	33,9	66,1
Средне-волжский	10,8	89,2
Новороссийский	20,5	79,5
Нижне-волжский	9,0	91,0

Судя по этим цифрам, хуторская система преобладала только в западной части нечерноземной полосы: во всех остальных районах господствовала нарезка участков отрубами, при чем чем ближе к востоку, тем больший процент земель отводится отрубникам. На надельных землях отруба в большинстве губерний, по которым можно было отметить соответствующие данные из земских источников, составляли до 90%, так как хуторское землеустройство наделов гораздо труднее, чем банковских земель.

Некоторое понятие о распределении хуторских и отрубных участков на наделах может дать следующая таблица, указывающая процент хозяйств, получивших надельную землю в следующем количестве участков:

Число участков *).	На северо-западе.	В центре.	На севере.	На юге и юго-востоке.
1	40,1	41,0	29,7	3,1
2	42,1	48,8	33,9	58,6
3	13,7	10,2	22,1	27,3
4—5	3,8	—	14,3	10,0
6—10	0,3	—	—	1,0

На северо-западе и в промышленном центре число хозяев с одним участком, очевидно, хуторских достигает 40—41%, а на юге и юго-востоке только 3.1%.

*) По данным специального обследования землеустроенных хозяйств в 12-ти уездах.

Таким образом, и на банковских и на надельных землях в земледельческом центре, в маловодных южных и юго-восточных районах преобладала отрубная система, при которой усадьбы остаются в селе, а участки, сверстанные в отруба—в поле, на расстоянии иногда многих верст от поселения.

После землеустройства процент хозяйств, имеющих дальний участок, оказался на расстоянии:

	На юге и юго-востоке.	На северо-западе.
До 1 версты	15,8	89,0
От 1,1 до 3 вер. . . ,	25,0	8,5
» 3,1 » 5 »	32,2	0,8
Свыше 5 вер. . . .	37,0	1,0

Следовательно, юго-восточное землеустройство совершенно не разрешило своей основной задачи—устранения дальноземелья. При отрубной системе постоянно возникает опасность нового раздробления отрубов при семейных разделах и других переходах земель из рук в руки. Затем, отрубные хозяйства почти на $^3/_4$ своего состава сохраняли общие угодья—выгоны, леса, иногда луга и т. д.

Природные и экономические препятствия к развитию хуторского хозяйства значительны не только на юго-востоке, но и в центральных районах и отчасти на севере. В центральном районе—малоземелье, сопряженное с промысловыми отходами и неземледельческими занятиями населения в промышленной полосе, также создает условия, препятствующие широкому распространению хуторских хозяйств. На севере—бездорожье, необходимость больших затрат труда и капитала по окультивированию лесных площадей,—все это обусловливает весьма небольшое развитие хуторского расселения, хотя здесь, в северной половине, несомненно, значительно больше предпосылок, благоприятствующих этому типу хозяйств (Першин).

Таким образом, хуторская система до революции развивалась, главным образом, на северо-западе, где и природные и экономические условия (обилие вод, разнообразие естественных угодий, достаточное количество земли, развитие рыночных отношений, стремление к интенсификации) еще до Столыпинской реформы вызывали самостоятельную тягу самих крестьян на хутора. В остальных районах насаждалась отрубная система, не дававшая особенно положительных результатов, в частности, не устранявшая основного дефекта—дальноземелья. Поэтому и хозяйство у отрубников было поставлено хуже, чем у хуторян.

На 100 хозяйств приходится:

	% хозяйств без инвентаря	Средняя стоимость орудий на 1 хозяйство в рублях.	Лошадей рабочих.	Коров.	Всего скота в переводе на крупн.	Урожай на 1 дес.	
						Ржи.	Овса.
Хуторяне	3,6	104,0	21,5	11,5	62,3	65	87*)
Отрубники	22,7	47,9	14,0	9,6	42,8	45	73
Все население (общинники) . .	29,3	35,7	12,3	8,2	35,7	35	51

*) Данные 12-ти уездов.

Хотя хозяйство отрубников оказалось несколько выше, чем у общинников (все население), но значительно ниже, чем у хуторян. Между тем, столыпинские реформаторы, стремясь во что бы то ни стало насадить единоличные формы землеустройства, раз хутора не удавались, старались распространить отруба, совершенно игнорируя другие формы землеустройства, более доступные населению и более соответствующие природным и экономическим условиям центральных и юго-восточных районов. Это—формы группового землеустройства, из которых наиболее важны, с точки зрения сельско-хозяйственного прогресса—выдел отрубных поселков и коммасация—сверстка узких и мелких полос в широкие. Старое правительство не употребляло никаких усилий для введения этих форм, и только сами крестьяне понуждали землеустроителей устраивать им отрубные поселки, так как иначе расселение было невозможно. И в числе миллиона или более отрубов, насажденных за дореволюционное десятилетие, вероятно, десятки тысяч, а, может быть, и более хозяйств устроено при расселении именно в форме поселков.

Переход же на широкие полосы, если и происходил, то, главным образом, по инициативе и силами крестьян, иногда по указаниям местных агрономов, но правительственные землеустроители в нем никакого участия не принимали.

Такова общая характеристика землеустройства в дореволюционном периоде. Она не дала тех положительных результатов, какие могла бы дать, если бы строилась в полном контакте с физико-географическими и экономическими условиями отдельных районов и со свободной волей самих крестьян. Но так как она в значительной степени была насаждена искусственно, то в следующий период—период разгара аграрной революции и чернопередельческого движения, большая часть следов столыпинской реформы была стерта с лица земли русской.

§ 2. Землеустройство во время и после революции.

В первый период революции (1917—1920 г.) вместе с нарастанием аграрного движения начался процесс разрушения того, что строилось за предшествующее десятилетие—процесс ликвидации участкового землепользования и, прежде всего, отрубного (Першин).

Противоотрубное движение особенно было широко в районах земледельческого центра и среднего Поволжья, т.-е. в наиболее перенаселенных, малоземельных и оскуделых, затем, почти по всей России, прокатилась волна уравнительных переделов, от которой только кое-где сохранились хутора—там, где хуторяне перенесли свои усадьбы на участки. Наиболее сохранились хутора там, где и раньше население в массе относилось к ним положительно, т. е. в северо-западных областях и, отчасти, в промышленном центре.

Не успела закончиться стихийная „разделюция“, как в этих районах снова на этот раз уже волей самих крестьян, иногда против желания местных руководящих инстанций, начинается движение на хутора, выявившееся довольно ясно в 1920 г. в 20 губерниях—Вятской, Вологодской, Северо-Двинской, Новгородской, Череповецкой, Ленинградской, Псковской, Тверской, Смоленской, Витебской, Гомельской, Брянской, Орловской, Калужской, Московской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Ярославской, Костромской.

Оно особенно сильно выразилось в западной части. Так, в Витебской губ. под колхозы и совхозы было отведено 74,7 тыс. дес., а 474 тыс. бывших

помещичьих земель перешло к крестьянам с единоличной формой землепользования. В Смоленской губ. „во многих местах с неимоверной быстротой производится самовольное разверстание земли на хутора и с такой же быстротой приступается к новому пользованию этими участками и к возведению на них построек". Во всем Приозерном крае „группы населения проявляют желание поделить землю на хутора и отруба".

Советская власть не замедлила пойти навстречу этому стихийному движению. Уже в 1920 году появился декрет, разрешавший передовым кр. хозяйствам сохранять прежние формы и размеры участков (в том числе и хуторские). В 1921 году приступлено к составлению Земельного Кодекса, оформленного и утвержденного ВЦИК в 1922 году, которым предоставлялась крестьянам свобода выбора любой формы землепользования: общинной, участковой (хуторской или отрубной), товарищеской (коммуны, артели, т-ва по обработке земли) и т. п. Изданием Земельного Кодекса землеустроительное дело в Сов. республике было поставлено на правильные рельсы и крестьянство, можно сказать, во всей России и с 1922 г. энергично приступило к землеустройству старого и вновь полученного земельного фонда.

После аграрной революции, передавшей в руки крестьян все помещичьи земли, необходимость землеустройства стала острой настоятельной потребностью, как недавно еще у нас выражались—ударной задачей данного исторического момента сельско-хозяйственной эволюции. Мы лично еще в самом начале революции, в 1917 г., утверждали, что вслед за земельной реформой, как ее прямое последствие должна идти землеустроительная реформа, ибо хозяйственное освоение приобретенного крестьянами земельного фонда без землеустройства абсолютно невозможно. Помимо того, что для хозяйствования на бывших помещичьих землях необходимо переселение на них части крестьянских хозяйств, следует еще принять в расчет перераспределение угодий. Состав угодий на помещичьих землях иной, чем на крестьянских. До освобождения крестьян при крепостном праве помещичьи имения вместе с крестьянскими землями, представляли очень часто единое хозяйственное целое, в особенности, в барщинных имениях. Этот единый хозяйственный организм был разрезан при наделении крестьян и при том таким образом, что крестьяне лишались совсем или большей части некоторых ценных для них угодий—особенно луговых и пастбищных, скотопрогонных трактов, водопоев и т. д. Межевание при реформе 1861 года производилось сплошь и рядом с целью сохранить кабальную зависимость крестьян от помещиков, которые становились монопольными обладателями необходимых крестьянам угодий и сдавали их потом им за весьма высокую арендную плату. Теперь, когда эти угодья целиком перешли к окрестным крестьянам, распределение их между отдельными селениями и дворами немыслимо без рационального землеустройства. Вообще, после того, как крестьянство стало почти единственным хозяином всей земли, перед ним неизбежно всплыл вопрос о правильном, более удобном для большинства хозяев перераспределении этой земли между ними.

С другой стороны, землеустройство может ослабить опасность аграрного перенаселения, породившего кризис, от которого так пострадало сельское хозяйство России в конце XIX века.

Вопрос о существовании аграрного перенаселения после всех происшедших перемен требует специального исследования; но и до него можно с определенностью утверждать, что если в ближайшие годы индустрия

не станет вновь развиваться усиленным темпом и не отвлечет в города снова миллионы крестьян, вернувшихся в деревню,—аграрное перенаселение снова начнет ощущаться в густо населенных земледельческих областях, и это ощущение станет тем более острым, что у малоземельных крестьян уже не будет возможности расширять свое землепользование, ибо к ним перешел весь земельный фонд, находившийся вблизи, а на переселение в Сибирь или в другие районы в ближайшие годы особенно нельзя рассчитывать. Но городская промышленность и рост городов, хотя, несомненно, и станут теперь эволюционировать, однако, далеко не сразу. Потребуется ряд лет для восстановления их в полной мере.

Остается один выход: увеличение емкости территории, находящейся в руках у самих крестьян, но недостаточно полно ими используемых. Этот выход открывается для них при землеустройстве. В больших селенных наделах, когда дальний конец поля находится на расстоянии 10—15 и 25 верст от усадьбы,—эти дальние концы обрабатываются плохо, а иногда и вовсе забрасываются. Они представляют из себя нечто в роде „от'езжих" полей Московской Руси XVI—XVII в. в., когда эти поля обрабатывались случайно „наездами". Не разрабатывались до сих пор и разные „бросовые" земли, поросшие мелким кустарником, мало удобные, требующие тех или иных мелких мелиораций. Таких земель у нас многие миллионы десятин. Одних болот и запущенных лугов, доступных культивированию, в нечерноземной полосе насчитывается 16 миллионов десятин, а в черноземной—неудобной и пустошей—свыше 14 миллионов десятин. Да и часть удобных земель, лежащих далеко от усадьбы, составляет фонд в десятки миллионов десятин. Рациональная их эксплоатация сама по себе способна дать сносное существование нескольким миллионам крестьянского избыточного населения. Но для этого нужно, чтобы все эти „бросовые" земли оказались у крестьян под рукой. Только тогда они смогут их разрабатывать надлежащим образом—так же, как и свои старые наделы. И приближение крестьянина к земле—коренная задача землеустройства.

Итак, землеустройство может и должно явиться одним из самых могущественных факторов для под'ема производительности земли и производительности земледельческого труда, т.-е. для гармонического развития производительных сил в сельском хозяйстве РСФСР. Этой целью предопределяются основные задачи современного землеустройства.

Формы землеустройства, к которым крестьянство проявило тяготение после революции, в разных районах оказались гораздо более разнообразными, чем те, которые насаждало правительство Столыпина. Столыпин стремился повсюду насадить хутора. Между тем, если бы старое правительство присмотрелось к тем новым формам землеустройства, которые создавало само крестьянство параллельно со стихийным процессом сельско-хозяйственной эволюции,—оно увидело бы, с одной стороны, неприменимость хуторской системы ко всем районам России, с другой—необходимость комбинировать результаты опыта землеустройства Западной Европы в приложении к своеобразным условиям русской природы и социально-бытового уклада нашего крестьянства. Мы уже указывали, что хуторское движение начало развиваться вполне самостоятельно еще до 1905 года у крестьян западных и северо-западных районов, прилегающих к Польше и Прибалтийскому краю: в районах белорусском, приозерном и юго-западном, где Кофод насчитывает $19^1/_2$ тысяч самостоятельных хуторов. В то же время (в конце XIX века) в промышленном центре крестьяне изобретают так называемую „Ярославскую

полевую сотню", т.-е. участок в 600 кв. саженей, достаточной ширины для улучшений обработки, которыми они заменяют изломанные, разбросанные в безпорядке мелкие полосы своих наделов.

В земледельческом центре и Поволжьи они обнаруживают тягу к расселению из больших сел на выселки, в особенности при покупке помещичьих земель, а на севере и северо-востоке стремятся к уничтожению губительной для сельского хозяйства однопланности деревенских наделов, т.-е. межселенной чересполосицы, когда надел одного села разбросан между наделами других деревень клочками на расстоянии десятка верст от усадьбы.

Эти четыре основных вида русского землеустройства—1) хутора и отруба, 2) коммасация (переход на широкие полосы), 3) расселение на выселки и 4) уничтожение однопланности селенных наделов, отчетливо выявились в первом „свободном" землеустройстве 1922 г.

В разных областях России начинают развиваться различные формы землеустройства в соответствии с природными и экономическими условиями каждой области.

I) На северо-западе в Белоруссии и Приозерном крае в 1922 г. оказывается:

Виды землеустройства в % (к общей землеустроенной площади).

Районы.	Групповое.	Единоличное.	Коллективное.	Дача разверстания.
Белорусский	5	58	2	35
Приозерный	17,6	51,2	3,2	28

Не считая дач разверстания, которые являются неизбежной технической прелюдией к коренному землеустройству, более $^3/_4$ всей землеустроенной площади в этом году относилась здесь к единоличному виду з-ва, т.-е. к образованию хуторов и отрубов. При этом хутора заняли в Белоруссии 78,3% единоличной землеустроенной территории, а в Приозерном крае—даже 99%. Отсюда видно, что запад и северо-запад России — районы сплошной хуторизации. Отруба здесь не имеют никакого успеха.

II) В промышленном центре, наоборот, 43,6% землеустроенной территории относится к групповому землеустройству, а к единоличному—только 26,9%. В единоличном преобладают отруба (83%); в групповом внутри-селенном главное место занимает переход на широкие полосы (61%). Это понятно, ибо мы видим, что здесь главный недостаток—многополосица; селения же малолюдны.

III) Запад, северо-запад и промышленный центр—районы с устойчивым интенсивирующимся земледелием. Переходный тип представляют районы земледельческого центра (центрально-земледельческий и средне-волжский), где в конце XIX века был жестокий кризис экстенсивного трехполья, после которого эти районы стали понемногу вводить у себя некоторые элементы интенсификации. Главный недостаток современной формы з-ва—большие многодворные села. Здесь также преобладает групповое з-во (не считая дач разверстания, свыше 80%), которое, однако, состоит исключительно в отводе наделов под выселки и разделении на части крупных селений. Явление—вполне понятное, ибо

земледельческий центр больше всего страдает от многолюдности поселений.

IV) В четвертой области на юге и юго-востоке мы наблюдаем наиболее многодворные села, скученные по берегам редких, но больших рек: Волги, Дона, Днепра, Иртыша. Здесь крестьянские наделы нарезаны обычно по сухим и возвышенным степным водоразделам „холстами", т.-е. длинными прямоугольниками, тянущимися на десятки верст перпендикулярно к усадьбам. Тут преобладает групповое и коллективное землеустройство, обнимающее вместе до 90% землеустроенной площади. Ни хуторов, ни отрубов почти совсем не устраивается. И групповое и коллективное з-во связаны с расселением на поселки. Коллективное з-во состоит в том, что более сознательные крестьяне образуют группы—„товарищества дальнего поля" из крестьян, согласившихся получить отдаленные от усадьбы участки не в одиночку и вразброс, а совместно в сплошных кусках, артелью. Эти земельные т-ва развились в Самарской губ., особенно в 1920—21 г.г. под влиянием неурожаев, когда пахать крестьянам стало нечем и они, соединяя наличный скот, образовывали фактически товарищества по совместной обработке земли. Совместно обобществлялись в таких товариществах только вспашки пара и под яровые. Все остальные работы производились каждым хозяйством отдельно, но уже старого дробления на полосы по 5—6 в каждом поле не возобновляется: на один двор одна полоса в каждом поле—общее правило. Таким образом, расселение на выселки и образование таких т-в вело одновременно к уничтожению чересполосицы.

V. Пятая группа—северная и восточная (Приуралье и Сибирь) отличается пока еще слабым развитием з-ва. Но поскольку оно распространяется здесь, господствует размежевание чересполосных селенных наделов (уничтожение однополанности). На втором месте стоит образование выселков, что связано с процессом колонизации этих районов, на третьем—образование отрубов.

Таково в общих чертах современное землеустройство. По последним сведениям за 1919—22 г.г. оно представляется в следующем виде:

(В тысячах десятин).

Виды землеустройств.	1919 г. (по 33 губ.).	1920 г. (по 11 губ.)	1921 г. (по 47 губ.)	1922 г. (по 44 губ.).
Групповое	1756,2	5027,1	14637,5	12887,8
Единоличное	—	—	0,2	803,9
Коллективы и совхозы . .	426,1	745,0	935,3	492,3
Учреждения	45,8	66,5	398,0	289,9
Прочие	5928,7	38,2	345,6	2482,4
Всего . . .	7256,8	8906,8	16306,0	16955,7

Отсюда видно, что единоличное землеустройство появляется впервые в крупных размерах лишь в 1922 г. В групповом также произошли существенные перемены: до сих пор оно состояло больше из межволостного и межселенного межевания; только в истекшем году приобретает существенное значение внутри-селенное образование выселков, которое является у нас главнейшим средством борьбы с дальноземельем. Это видно из более детальных данных за 1922 г., которые мы приводим ниже.

Площадь землеустройства в тыс. дес. в 1922 году.

ВИДЫ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА.	Черноземная полоса	Нечернозем. полоса.	Сев. Кавказ и Сибирь.	ВСЕГО.
I Единоличн · хутора	15,5	400,6	6,2	422 3
отруба	16.0	151,0	108,5	275,5
хутора и отруба	0,9	230,2	—	231 1
Всего единоличн	**32 4**	**781.8**	**114,7**	**928 9**
II Группов. внутриселен.: образов выселков и раздел. селен	713,1	326,3	501,0	1540 1
Переход на широк полосы и уничтожение чресполосицы	24,8	340,3	17,7	382,8
И проч виды внутр землеустройства .	62,9	181,1	21,2	265,2
Всего группов внутриселен . . .	**800 8**	**747,7**	**529,9**	**2188 4**
III. Коллективн : выдел земли, зем коммун.	1,8	4,1	55,4	64 3
артелям	108,9	43,5	9,4	161 8
товариществам	54,6	10,3	2,8	67 7
обществен запашки .	31,3	2,5	7,9	41.7
Всего коллективных.	**199 6**	**60.4**	**75,5**	**335 5**
IV. Межселен. и межволостн. землеустройство: межволостное	4041,5	1486,5	2404,5	7932.5
межселенное	637,1	417,9	289,4	1344 1
Всего межволостн. и межсел	**4678 6**	**1904,4**	**2693.9**	**9276 9**
V. Образование зем. фонда Отвод земли совхозам, госучреждениям и предприят.	593,2	113,0	205,3	911.5
VI Образование колонизационного фонда	10 0	1,7	115,4	157.1
VII. Прочие виды землеустройства	1786.7	536.4	141,0	2461.1
Все виды землеустройства.	**8241.2**	**4145 4**	**3876.7**	**16263 4**

Этими сведениями таблица подтверждает нашу предыдущую характеристику: единоличное, преимущественно хуторское, землеустройство господствует в нечерноземной полосе; там же (в центре) заметнее выделяется переход на широкие полосы; в черноземной полосе идет весьма заметно образование выселков (отрубных поселков), довольно широко оно развито и на окраинах.

Коллективное землеустройство в 1922 году играет небольшую роль, но в предшествующие годы оно было проведено довольно широко. К концу 1921 года числилось:

	Число.	В них едок. (тыс.).	Дес. земли. (тыс.).
Коммун	2.242	138,4	342,3
Артелей	11.440	729,9	896,9
Обществен. образ. зем..	1.439	63,3	54,1
Всего	15.121	931.4	1233,3

Таким образом, наиболее многочисленная группа колхозов—артели. Но „артели" могут быть названы коллективами с большими оговорками. Это „коллективы собственников", которые весьма часто образовывались со скрытой целью заполучить от своего общества кусок земли, отведенный к одному месту, чтобы на нем завести хуторское или отрубное хозяйство. (См. И. А. Кириллов, очерки землеустройства, стр. 190). В 16 губерниях в 1922 году „чистка" колхозов привела к тому, что число коммун сократилось на 20,8%, артелей—на 15,6%, прочие же виды колхозов, приближающиеся к производственным кооперативам, возросли на 200%. Это показывает, по словам С. М. Дубровского *), что колхозы перерождаются в производственную кооперацию. Сельско-хозяйственная кооперация вообще быстро растет. К началу 1923 г. было организовано 15 областных автономных и всероссийских союзов с.-х. кооперации, 284 районных, губернских и уездных, 28.469 кооперативов первой степени, охватывающих 2.221,6 тыс. крестьянских хозяйств. В числе их было 9.234 колхоза.

ВЫВОДЫ.

Все изложенное в настоящей главе сводится к следующим основным выводам.

1) На продолжении конца XIX и начала XX века традиционные формы крестьянского землепользования в России претерпевали ряд существенных изменений. До конца XIX в. господствовавшие в большинстве районов общинно-передельные формы развиваются количественно и совершенствуются качественно в смысле более и более уравнительных систем переделов.

С начала XX века община подвергается разложению под влиянием, с одной стороны, политики, стремившейся разрушить общину и насадить повсюду хутора и отруба, с другой стороны, вследствие развивавшихся внутри самой крестьянской массы индивидуалистических тенденций, связанных до некоторой степени с начавшейся интенсификацией сельского хозяйства и с развитием рыночных отношений. Революция обрывает этот процесс: во время революции уравнительно-передельное движение достигает самых широких размеров и уничтожает значительную часть отрубов и хуторов. Но вслед затем в западных и частью центральных районах нечерноземной полосы начинается вновь уже идущая от самой кресть-

*) С. М. Дубровский. Очерки русской революции. Том. I том Сельск. хов. Изд. 1922 года.

янской массы усиленная тяга на хутора и отруба, а в черноземной полосе наблюдается стремление к расселению на отрубные поселки. Таким образом, базис для рационального землеустройства в крестьянской среде после революции получился, повидимому, более широкий, чем до нее.

2) Землеустройство содействует с.-х. прогрессу, повышая производительность труда посредством сбережения непроизводительных его затрат и способствуя под'ему производительности земли. Оно является необходимым последствием аграрной революции, ибо перешедший к крестьянам частновладельческий земельный фонд может быть утилизирован крестьянами только при помощи расселения их по всей культуроспособной территории данного района. Наконец, землеустройство, дающее возможность использовать мало удобные, или удобные, но плохо разрабатываемые участки земли, является фактором, ослабляющим опасность аграрного перенаселения.

3) Главнейшими задачами землеустройства в России являются: а) устранение дальноземелья, приближение крестьянина к земле. Большинство крестьянского населения у нас, особенно в черноземной полосе, скучено в селах, имеющих свыше 100 дворов, дальний конец поля которых отстоит от усадьбы свыше 5 и до 10, 15 и даже 30—40 вер. (на юго-востоке). Дальноземелье является главной причиной бесплодной растраты труда при полевых работах и плохой обработки земли. б) Уничтожение отрицательных сторон чересполосицы, т.-е узко-мелко- и многополосицы и путаницы полос, не позволяющих применять усовершенствованные орудия и приемы агрикультуры, увеличивающих затраты труда и т. д. Многополосица особенно развита в нечерноземной полосе—максимально—на севере и северо-востоке.

4) Для устранения дальноземелья существуют два главных способа расселения крестьян: а) хуторами, б) небольшими поселками. Хуторской способ расселения возможен там, где много воды, где имеется комплекс естественных угодий, правильная и густая дорожная сеть, т.-е. у нас преимущественно в западной половине нечерноземной полосы и частью на севере. Другой способ расселения—поселками—наиболее целесообразен в маловодных районах, где угодья сравнительно однообразны, т. е. преимущественно в черноземной полосе.

5) Отрицательные стороны чересполосицы уничтожаются, во-первых, радикально, посредством сверстки всех полос в один, либо не более чем в три отруба, во-вторых, лишь отчасти, посредством коммасации, т.-е перехода на широкие и прямые полосы.

6) До революции, после аграрных волнений 1905 г., правительство всеми силами стремилось уничтожить общину и насадить повсюду хутора. Об отрубных поселках и коммасации правительство не заботилось. Однако, фактически хуторизация осуществлялась лишь на северо-западе. в остальных районах в единоличном землеустройстве преобладала отрубная система.

7) Благодаря осуществленной Земельным Кодексом свободе выбора форм землепользования, современное землеустройство, создаваемое в согласии с крестьянскими массами, значительно более дореволюционного соответствует указанным выше задачам под'ема производительных сил, ибо оно находится в большем соответствии с естественными и экономическими условиями с.-х. эволюции различных районов.

8) С точки зрения с.-х. эволюции все районы СССР можно разбить на 4 основных группы: а) группу западных районов и промышленного центра с наиболее интенсивным и устойчивым сельским хозяйст-

вом, сравнительно мало пострадавшим в минувшие годы. Сообразно природным условиям в северо-западной части этих районов развивается хуторское движение, в промышленном центре—переход на широкие полосы. б) Вторая группа с переходным типом хозяйства от экстенсивного к интенсивному земледелию—группа земледельческого центра с малоземельным населением, скопившимся в крупных селениях, больше всего нуждается в расселении на выселки и в коммасации. Первое имеет здесь место, частью в виде раздела земли между частями селений, частью в форме образования земельных товариществ. в) Еще большее значение имеет движение на выселки и организация земельных товариществ на юге и юго-востоке, где многополосицы нет, но главное зло—дальноземелье. г) Наконец, районы 4-й группы—севера и северо-востока, пока стремятся лишь к уничтожению однопланности селений, которая породила колоссальную чрезполосицу наделов.

Итак, хуторское хозяйство может иметь значение преимущественно на окраинах северо-западных, восточных и северных. В центральных же районах и на ближнем юго-востоке важнее иные формы: расселение отрубными поселками и коммассация (переход на широкие полосы), реже—на отруба.

ГЛАВА VIII.

Сельское хозяйство. Общий ход с.-х. эволюции за границей и в России.

§ 1. Основные тенденции с.-х. эволюции.

В предыдущих главах мы уже касались специфических особенностей процессов с.-х. производства. Все эти особенности в конечном счете проистекают от близкой связи с.-х. производства с биологическими процессами природы.

Цель с.-х. производства—удовлетворение продовольственных и других насущных потребностей всего населения данной страны, или группы стран, связанных между собой мировым товарообменом.

Продукты с.-х. производства, служащие для удовлетворения этих потребностей, получаются в результате или деятельности одной природы, или совместной деятельности природы с деятельностью человека.

С возрастанием населения, а, следовательно, с возрастанием потребностей в продуктах с.-х. усиливается деятельность человека в с.-х. производстве: человек может воздействовать на творческую работу природы только в границах производительности земли—атмосфера ему пока недоступна: поэтому сущность эволюции с.-х. производства состоит в развитии производительности земли. Производительность земли должна всегда стоять на таком уровне, чтобы сумма продуктов, получаемых от сельского хозяйства, находилась в равновесии с суммой потребностей населения в этих продуктах.

В связи с ростом населения эволюция с.-х. производства переживает три фазиса.

В первом—доземледельческом фазисе население на столько редко, что человек не нуждается в развитии производительности земли посредством ее обработки, а довольствуется теми продуктами природы, которые она дает без участия человеческого труда. Это фазис звероловного и пастушеского быта.

При дальнейшем увеличении населения является необходимость к переходу на земледелие, т.-е. к развитию производительности земли в прямом смысле этого слова. Развитие производительности земли, сообразно с плотностью населения, достигается двумя способами, двумя системами земледелия: расширением эксплоатации даровых запасов природы, вообще, и почвы, в частности, и планомерным, постоянным развитием естественного плодородия почвы. Так как запасы природных благ ограничены, то первая система возможна лишь до известных пределов, за которыми при дальнейшем возрастании населения она неизбежно должна сменяться второй.

Эпоху преобладания первой системы мы называем экстенсивным фазисом эволюции сельско-хозяйственного производства, эпоху преобладания второй—интенсивным фазисом.

В экстенсивном фазисе развитие производительности земли достигается посредством расширения площади обрабатываемой территории до возможных пределов. Этот фазис делится на два периода: в первом периоде пространство свободной и удобной для обработки земли не ограничено и господствуют переложные системы полеводства, при которых засевается максимум третья часть пахотных угодий, а две трети остаются отдыхать в виде залежи (подсеков); эта отдыхающая от посевов земля служит естественным регулятором плодородия почвы.

Во втором периоде удобные земли уже отведены под пашню, пространство для расширения пашни ограничено, и площадь посевов расширяется за счет залежи, которая, превращаясь из многолетней в однолетний пар, сжимается до $^1/_3$ площади пашни. При таком незначительном естественном регуляторе плодородия трехпольную систему без удобрения могут долго выдержать лишь черноземные почвы лучшего качества: почвы глинистые и песчаные из под выкорчеванного леса, покрывавшего в начале средних веков значительную площадь на востоке и в центре Европы, подвергаются быстрому истощению, и поэтому уже в средние века начинается удобрение золой и навозом. Но степень удобрения при трехполье не идет далее поддержания плодородия почвы на одном уровне.

На этой ступени—ступени консервативного восстановления плодородия почвы и трехпольной системы полеводства, сельское хозяйство Европы застывает на многие сотни лет до тех пор, пока быстрый прирост населения в конце XVIII века и в начале XIX века не нарушает равновесия между суммой продуктов, доставляемых сельским хозяйством и суммой потребностей населения. Нарушенное равновесие восстанавливается переходом Европейского земледелия в интенсивный фазис развития производительности земли вглубь и колонизацией заокеанских, редко населенных стран. Соединенные Штаты, благодаря быстрому заселению, проходят в сотни лет экстенсивный фазис развития производительности земли вширь, который Европа проходила в течение почти двух тысячелетий.

В интенсивном фазисе плодородие почвы не только восстанавливается, но и развивается, что в течение столетия его существования в Европе отразилось повышением урожайности, приблизительно, в 2—2½ раза. Пар совершенно исчезает и человек берет на себя заботу о плодородии почвы, развивая его посредством усиления удобрения и усложнения севооборота. Рядом с обычными зерновыми культурами на полях появляются корнеплоды, масличные, кормовые травы, и каждое поле представляет из себя шахматную доску, покрытую пестрыми разно-

цветными культурами. Исчезают резкие под'емы и падения урожаев; человек перестает зависеть от капризов климата и вместе с этим избавляется от страха голодовок.

Взявши на себя в интенсивном фазисе развитие плодородия почвы, человек перестал эксплоатировать бесплатно запасы природных благ, и тем самым не только оградил себя от их истощения и от случайных колебаний атмосферных влияний, над которыми он не властен, но и проложил себе широкую дорогу в таинственную лабораторию природы, в которой она вырабатывает живые организмы.

Итак, сельское хозяйство переживает три основных процесса эволюции:

1) Доземледельческий, который у нас сохранился по сие время в недоступных земледелию естественно-исторических зонах: а) крайнего севера, где и сейчас господствует охотничье и рыболовное хозяйство вместе с кочевым оленеводством, б) крайних юго-восточных пустынь нашей Евразии, где возможно только пастушеское скотоводческое хозяйство.

2) Фазис экстенсивного земледелия, или развития производительности земли вширь, первый период которого—переложная система полеводства, еще существует в некоторых районах Сибири и в молодых заокеанских республиках—Аргентине, Канаде, Австралии, а второй—трехпольный составляет господствующую систему на большей части территории Европейской России; в Центральной Европе она господствует до второй половины XIX века, в Западной (во Франции) до конца XVIII века. В Соединенных Штатах также господствуют экстенсивные системы, но иного типа, чем наше трехполье.

3) Фазис интенсивного земледелия, т.-е. развития производительности земли вглубь, господствующий сейчас на территории западной Европы, начинает развиваться в западных областях Европейской России. Задачей ближайшего времени является у нас переход в интенсивный фазис всех густо населенных районов и постановка на рациональную основу экстенсивных систем сельского хозяйства на редко населенных окраинах Европейской и Азиатской России.

Рациональная постановка систем сельского хозяйства как экстенсивных, так равно и интенсивных, требует, чтобы помимо экономической выгодности она не приводила бы к хищническому истреблению даровых благ природы—флоры, фауны и естественного плодородия почвы, каковое истребление, в конце концов, доводит данную страну или район до состояния аграрного кризиса. При экстенсивных земледельческих системах одной из главных причин аграрного кризиса является нарушение гармонии между двумя основными отраслями сельского хозяйства—земледелием и скотоводством. Эта гармония существует при переложном земледелии, когда $^1/_3$—$^1/_5$ часть пашни засевается несколько лет подряд одним и тем же злаком, а остальная площадь отдыхает, превращаясь в богатые пастбища и сенокосы. На покрытых травой залежах скот находит себе достаточное количество пищи.

Но увеличивается земледельческое население, распахиваются все больше и больше пространства земли, исчезают целинные степи с их пестрым ковром разных цветов и трав, залежную систему вытесняет трехпольный севооборот, при котором земля парует—отдыхает один раз в три года. Безудержная распашка, уменьшая количество пастбищ и сенокосов, убавляет, сравнительно с ростом населения, количество скота.

В Европейской России трехпольный севооборот или близкие к нему системы полеводства распространились повсюду со второй половины XIX века. Поэтому и количество скота относительно сократилось. На сто сельских жителей приходилось:

	Лошадей.	Крупн. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
В 1860-х годах	27,4	39,2	83·2	17,6
» 1900-х »	23,6	39.5	59.5	13.6

Сравнительно с населением убавились все виды скота, кроме крупного рогатого, прирост которого шел, не отставая и не обгоняя население. Между тем, пахотные земли за первые 27 лет после воли (с 1860 г. по 1887 г.) не увеличивались только в старых московских областях промышленного центра. В срединных земледельческих областях они увеличились на 9,1 милл. дес., а на многоземельных южных и юго-восточных окраинах Новороссии и Заволжья пашня выросла почти втрое. Во всей Европейской России пашня расширилась за эти 27 лет на 28,4 милл. дес. или на одну треть, обогнавши прирост населения. Вместе с распашкой новороссийских и кубанских степей исчезли пасшиеся на них стада знаменитых мериносовых овец. Вот почему мы видим на приведенной табличке, что количество овец относительно сократилось больше, чем других видов скота. Не стало хватать у нас мериносовой шерсти и $^3/_4$ ее для наших суконных фабрик мы привозили за последние годы из-за границы. Но этого мало: безудержная распашка черноземных степей без достаточного удобрения, несмотря на их плодородие, привела к сильным колебаниям урожаев и к великой голодовке 1891—1892 г.г., когда количество скота сразу резко упало на миллионы голов, и сотни тысяч крестьянских хозяйств обнищали.

Европейская Россия вступила в полосу аграрного кризиса, от которого не избавилась и в начале XX века. Этот кризис особенно отразился на оскуделом малоземельном земледельческом центре и в среднем Поволжьи, где не только скот, но даже посевные площади сократились на миллион слишком десятин, несмотря на продолжающее размножаться население. Так, усиленная распашка земель, к которой пришлось прибежать крестьянству Европейской России, вследствие усиленного роста населения, помещичьей кабалы и невозможности в то время поднять культуру земли, привела, в конце концов, к падению не только скотоводства, а и земледелия и ко всеобщему обнищанию. Из этого тяжелого положения средне-русские крестьяне начинают выходить только в XX веке, частью расширив свое землепользование присоединением господских имений, частью переходя от старинной „трехполки“ к новым улучшенным системам земледелия, связанным с плодосменным севооборотам, который у западно-европейских крестьян поднял урожайность их полей в 2—3 раза выше нашей.

Введение интенсивного земледелия составляет третью эпоху в истории сельского хозяйства. При плодосменном севообороте под паром остается самая малая часть пашни. Все поля засеваются, но не одними зерновыми хлебами—рожью, пшеницей, овсом, ячменем; а самыми разнообразными растениями, корнеплодами—свеклой, картофелем, масличными—льном, подсолнухом, кукурузой; бобовыми—горохом, бобами и травами—клевером, люцерной, дающими богатый укос. Кроме этих трав, хороший питательный корм скоту дают отбросы корнеплодов, силосо-

ванье кукурузы, подсолнечные жмыхи, благодаря чему, при плодосмене развивается не только земледелие, а и скотоводство. Восстанавливается гармония между обоими отраслями сельского хозяйства, а плодородие почвы не только не падает, но даже растет. При этой системе в землю вкладывается много удобрений навозных и искусственных, фосфоритных, калийных и других; с другой стороны—при плодосмене чередование растений устанавливается таким образом, чтобы одно растение вносило в почву те питательные вещества, которые высосало из почвы предыдущее.

Таким образом, три периода земледельческой эволюции, подобно трем эпохам гегелевской триады, представляют различную смену комбинаций земледелия и скотоводства. В первый период—залежной системы—земледелие и скотоводство сосуществуют гармонически, в силу того, что сама переложная система, при которой пахотные угодья перемешаны с сенокосами и пастбищами, представляет широкий простор обоим отраслям хозяйства. Это эпоха тезиса, который в трехполье сменяется антитезисом—вытеснением пахотными кормовых угодий, или, иначе говоря, скотоводства—земледелием. Наконец, в третьем интенсивном фазисе земледелия, когда пашня доставляет не только продовольственные средства человеку, но и обильный корм скоту, взращиваемый искусственно, мы наблюдаем эпоху синтеза—вновь гармонического сочетания земледелия и скотоводства, но уже на основе рациональной агрикультуры.

Для иллюстрации всех трех периодов мы приводим статистические данные по некоторым типичным государствам. Период быстрого развития экстенсивно-переложного земледелия наблюдался с 1860-х годов в Соединенных Штатах Америки, когда площадь пахотной земли увеличилась за 40 лет (от 1850-х до 1890-х г.г.) с 113 милл. акров до 358 милл.—в $3^1/_7$ раза. В такой же, приблизительно, пропорции возросло и скотоводство (с 38,7 милл. голов в переводе на крупный в 1866 г. до 116,8 милл. голов в 1900 г.—т.-е. в 3 раза). Ясно, следовательно, что здесь мы имеем факт безудержного экстенсивного расширения земледелия и скотоводства. Это—тезис гармонической эволюции обоих отраслей.

В Европейской России мы видели на только что приведенных цифрах, относящихся к концу XIX века, одностороннее развитие трехпольной системы полеводства, которое вытесняет скотоводство и, в конце концов, приводит к аграрному кризису. В XX веке предпосылки такого аграрного кризиса начинают появляться уже в Сибири. В Сибири (в старых ее границах—с Дальним Востоком и Степным краем) земледелие и скотоводство росли далеко не одинаковым темпом по отношению к населению.

Абсолютно (в тысяч.).

	Дес. посева.	Единиц скота в переводе на крупн.	На сто душ населения. Дес. посева.	Единиц скота.
1897 г.	5243	15597	64,1	190,5
1917 »	11642	25248	81,6	174,8
Прирост или убыль в %	+122	+62	+27	—8

В то время, как земледелие растет относительно вдвое быстрее, чем скотоводство, и опережает прирост населения, скотоводство

отстает от этого последнего, и в центральных районах Сибири начинают уже чувствоваться результаты такого одностороннего развития сельского хозяйства, в виде заметных колебаний урожайности. Следовательно, Европейская Россия в конце XIX века и Сибирь в начале XX века дают картину развития антитезиса—вытеснения скотоводства земледелием. Иллюстрацию синтеза—двухстороннего гармонического развития скотоводства и земледелия при интенсификации систем сельского хозяйства, но уже на иной основе—развития производительности земли не вширь, а вглубь, мы находим в Германии, в которой оказалось:

	Под пашней (тыс. гект.).		Голов скота в переводе на крупн.
В 1878 г.	25827	В 1876 г.	25318
» 1900 »	25774	» 1900 »	30731
Убыль или прирост в %	—0.1		+21.8

Площадь под пашней, как видим, осталась без изменения: но площадь под паром и пастбищами на пашне сократилась за этот период с 3,8 милл. гектаров до 2,3 милл.; освобожденные $1^1/_2$ милл. были заняты преимущественно не зерновыми хлебами, а свекловицей, картофелем, кормовыми травами и промышленными растениями, занявшими в 1900 году $7^1/_2$ милл. гектаров или $^1/_4$ всей пашни. В силу интенсификации земледелия все более и более быстро стала расти урожайность хлебов.

Сбор с одного гектара в центнерах.

	Ржи.	Пшеницы.	Овса.	Ячменя.	Картофеля.
В 1883—87 г.г.	10,0	13,4	11,3	12,8	87,4
» 1909—13 »	18,2	21,5	19,8	20,8	137,1
Прирост в %	+82	+61	+75	+63	+68

В этот последний период посевные площади под злаками также почти не изменились: но урожаи поднялись на 60—80%, что свидетельствует о под'еме производительности земли вглубь. Точно также и развитие скотоводства характеризуется не столько количественным приростом, который впрочем был тоже довольно значительным, а еще более качественным улучшением скота; так напр., лишь в 10-летие 1883—92 гг. живой вес крупного рогатого скота увеличился на 18,3%, а его ценность—на 15,4%*).

Итак, специфический характер сельско-хозяйственной эволюции, заключающейся, между прочим, в усложнении приемов агрикультуры, требует гармонического двухстороннего развития в сельском хозяйстве одновременно двух его основных отраслей,—при чем в экстенсивных фазисах эволюции это развитие выражается в количественном расширении посевных площадей и одновременно в увеличении количества скота, в интенсивных—в качественном углублении производительности путем увеличения продуктивности одной и той же площади земли и мало возрастающего в числе, но качественно улучшающегося количества домашних животных.

*) Приведенные цифры взяты у Дена («Очерки экономической географии») частью у Гельферриха («Развитие народного хозяйства в Германии»).

§ 2. Сельско-хозяйственная эволюция за границей и в России в XX веке до войны.

В конце XIX века под влиянием быстрого роста экстенсивного земледелия за океаном и выброшенным, благодаря этому, сотням миллионов пудов зернового хлеба в Европу, европейское земледелие, хотя и интенсивируется, но сокращает (особенно в Великобритании и во Франции) свою площадь посевов зерновых хлебов. Так, в Великобритании эта площадь сократилась с 9,4 мил. акров до 7,1 мил. (с 1873 до 1901 года), и английское сельское хозяйство даже перешло на одностороннее развитие скотоводства в ущерб земледелию; во Франции она упала с 15,7 мил. гектаров (в 1862 году) до 14,8 мил. (в 1892 году). Но следует заметить, что влияние конкуренции заокеанских стран на сельское хозяйство западной Европы не было столь глубоким и сильным, как это изображалось некоторыми старыми исследователями. Оно ограничивалось преимущественно Великобританией, а на континентальном земледелии отразилось сравнительно слабо.

С начала XX столетия Соединенные Штаты Америки сокращают вывоз своего хлеба в Европу под влиянием растущего городского населения, потребляющего производимый американскими фермами хлеб внутри страны. Это одна причина. Другая—понижение прироста посевных площадей и сбора хлебов. За 10 лет 1900—1910 гг.—„увеличение земледельческого населения, количества ферм, посевной площади и сбора хлебов, по словам Культера, составило около 10% в то время, когда городское население возросло на 35%*). В итоге, производство, потребление и экспорт главного товарного хлеба всего мира—пшеницы, изменилось в Соединенных Штатах за первое 10-летие XX века следующим образом:

В миллионах бушелей**).

	Производство.	Местное потребление.	Экспорт за границу.	Процент экспорта к производству.
1901 г.	522	306	216	41
1906	692	596	98	14
1911	636	567	69	11

Правда, на место Соединенных Штатов выдвинулись другие заокеанские страны и, отчасти, Россия, и абсолютно размеры экспорта в Европу не сократились, но и не выросли заметно.

Вывоз пшеницы и пшен. муки из главных производящих стран в миллионах пудов.

Страны вывоза.	1901 г.	1906 г.	1911 г.
Соединенные Штаты	320	132	95
Аргентина	60	145	187
Канада	38	75	107
Австралия	42	63	106
Румыния	35	105	112
Россия	142	226	248
Всего . . .	637	746	805
Доля Соед. Штатов в %	50,2	16,1	11,8

*) Coulter Agricultural development in the united States 1900—10. Цит. по Мукосееву—«Повышение товарных цен». СПБ., 1914 г., стр. 41. Дальнейшие цифры заимствованы у Мукосеева.

**) Бушель—мера сыпучих тел—около 1,4 четверика.

Доля Соединенных Штатов с половины всего экспорта спустилась до $^1/_8$. Это не могло не способствовать под'ему цен на хлеб, который происходит систематически во всем мире

Средние оптовые цены за 1000 килограммов в марках.

Пшеница.	1901—3 г.г.	1904—6 г.г.	1907—9 г.г.	1910—12 г.г.
Нью-Йорк	125	148	166	161
Лондон	136	145	168	161
Одесса	111	132	165	152
Рожь.				
Берлин	139	159	185	172

Только за последнее трехлетие перед войной цены слегка падают. Под'ем цен и всеобщая благоприятная экономическая кон'юнктура (рост городов, промышленности, улучшение техники, под'ем благосостояния и культурности населения),—все это содействовало развитию сельского хозяйства как в экстенсивных, так и в интенсивных странах и областях. Растут и посевы зерновых культур и промышленных растений и увеличивается скотоводство.

Посевы пшеницы даже обгоняют рост населения.

Посевные площади под пшеницей (в мил. акров *).

	1891 г.	1910 г.	Увеличение в %	Возрастание населения за тот же период в %
В Великобритании и колониях (8 стран)	33 3	47 9	+41	+12
В Европе (17 стран)	97 0	126 5	+30	+24
В Америке и Австралии (7 стран)	53.4	79 6	+49	+39
Всего . . .	183 7	254.0	+38	+20 5

Еще быстрее в начале XX века развивалось земледелие в России. Если мы возьмем границы нынешнего СССР, откинув области от нас отошедшие, мы получим в этих границах такой рост посевных площадей и валовых сборов до войны:

*) Акр—$^1/_3$ часть десятины.

В среднем за год по пятилетиям.	Посевы в милл. дес.	Валовые сборы хлебов и картофеля в милл. пуд.*	Принимая 1901—05 г.г. за 100.	
			Рост посев.	Валов. сбор.
1901—05	74,8	3305	100	100
1906—10	78,4	3637	105	101
1911—15	85,2	4258	114	122
В том числе в 1913	86,4	4936	116	141

Посевные площади росли быстро—за 10 лет на 14—16%, а валовые сборы еще быстрее—на 22%. Правда, в последнее пятилетие перед войной урожаи были хорошие; но помогло росту валовых сборов и улучшение сельского хозяйства. Русские крестьяне стали больше удобрять свои поля, пахать не сохами, а плугами, чаще и глубже, вводили посевы кормовых трав, картофеля, кукурузы, свекловицы и других промышленных растений. Под картофелем в 1896 году было 3 мил. дес., а в 1912 г. уже 4,3 мил. дес., посевы сахарной свеклы выросли с 318 тыс. дес. до 712 тыс., кормовых трав с 1,1 мил дес. до 2 мил. (за 1901—16 гг.). В 1913 году под посевами специальных культур в России было: льна—1250 тыс. дес., конопли 584, подсолнуха—817, сахарной свеклы 701, хлопка—498 и табака 64 тыс. десятин. Причины развития посевов промышленных растений в России—рост городского населения и рынка—заграничного и русского. За 1901—13 гг. перевозки хлебных грузов по железным дорогам выросли на 60%, мясных на 46%. Еще более увеличился вывоз за границу семян, масла, жмыхов, волокна льняного, яиц и т. д.

Вывезено в миллионах пудов.

	1901 г.	1913 г.	Увеличение в %%.
Хлебных грузов . .	465	649	40
Семян масличных .	7,0	15,3	119
Жмыхов	23,6	44,9	90
Волокна льняного .	8,5	16,6	95
Масла коровьего .	2,0	4,8	140
Яиц (милл. штук) .	1997	3572	79

Отсюда ясно, что развитие внешнего рынка сильно способствовало интенсификации сельского хозяйства.

Итак, в общем, земледелие России так же, как и в Европе в XX веке, накануне мировой войны, двигалось быстрыми шагами вперед. В последнее предвоенное 5-летие 1909—13 г.г. общее мировое производство

*) Сбор картофеля в переводе на зерно (деленный на 4).

родного дохода") поднялось на большую величину: с 13,8 милл. голов в 1900 году до 1[illegible],9 миллионов голов в 1913 году—всего на 22,5%. Надо думать, увеличилось и свиноводство, а овцеводство, наоборот, падало. Таким образом, в отношении скотоводства Россия шла по стопам Европы и всего мира, развивая молочный и продуктивный мясной скот—коров и свиней, и сокращая шерстный—овец и коз Что касается лошадей, то значение их с распространением усовершенствованных орудий и с увеличением продуктивного скотоводства, относительно, тоже падало.

§ 4. Мировое и русское сельское хозяйство в 1914—23 г.г.

Мировая война, тянувшаяся в Европе до конца 1918 г., уже с 1917 г. сменилась гражданской войной, продолжавшейся до 1920 г. Таким образом, сельское хозяйство в России подпало под двойной удар. Но и в Западной Европе мировая война произвела большие опустошения, результаты которых продолжают сказываться еще 2—3 года после нее, и начало нового под'ема наблюдается здесь, повидимому, только после 1920 г. Зато за океаном в Америке и Австралии сельское хозяйство за этот период выказало признаки весьма заметного под'ема.

Какими различными путями направлялось земледелие Европы и Америки видно из следующих итоговых цифр, опубликованных в „Вестнике Статистики" (1922 г. № 5 и 6).

Посевы и сборы главных зерновых хлебов во всем мире, кроме России *).

В среднем за годы.	Мировой посев (миллионы гектаров.	В том числе.		Валов. сбор (миллионы квинталов) во всем мире.	В том числе.	
		В Европе.	В Сев. Америке		В Европе.	В Сев. Америке
1909—1913 г.г. . .	217,7	76.2	93 2	2743,1	1077.3	1237 1
1914—1918 „ . . .	226,4	70,5	103,7	2660.5	859.7	1361 6
1919—1921 . . .	226 9	68 2	110.8	2704,0	828 3	1427.5

В 1919—21 году во всей Западной Европе оказалось всего лишь 89,5% довоенной посевной площади и 77% сборов, тогда как в Северной Америке посевы поднялись до 118.9%. Валовые сборы в Европе понизились сильнее посевных площадей, что об'ясняется качественным ухудшением обработки полей, особенно в побежденных странах. В Германии, например, урожайность пшеницы понизилась (в сотнях килограммов с гектара) с 22,6 до 16,3 за 1912—20 г.г., в Австрии с 15,0 до 9.8, тогда как во Франции—с 13,6 до 12,7, в Великобритании—с 19,5 до 19,2. Благодаря большой роли экстенсивных стран, урожаи понизились в мировом итоге:

Ржи	с 14,6	квинталов	до	11,5	квинталов	с гектара.
Пшеницы	10,3	»	»	9,3	»	»
Ячменя	12,3	»	»	10,5	»	»
Овса	12,9	»	»	11,1	»	»

*) Квинтал = 6,1 пуда.

В среднем за год по пятилетиям.	Посевы в милл. дес.	Валовые сборы хлебов и картофеля в милл. пуд.*	Принимая 1901—05 г.г. за 100.	
			Рост посев.	Валов. сбор.
1901—05	74,8	3505	100	100
1906—10	78.4	3637	105	104
1911—15	85 2	4258	114	122
В том числе в 1913	86.4	4936	116	141

Посевные площади росли быстро—за 10 лет на 14—16%, а валовые сборы еще быстрее—на 22%. Правда, в последнее пятилетие перед войной урожаи были хорошие; но помогло росту валовых сборов и улучшение сельского хозяйства. Русские крестьяне стали больше удобрять свои поля, пахать не сохами, а плугами, чаще и глубже, вводили посевы кормовых трав, картофеля, кукурузы, свекловицы и других промышленных растений. Под картофелем в 1896 году было 3 мил. дес., а в 1912 г. уже 4,3 мил. дес., посевы сахарной свеклы выросли с 318 тыс. дес. до 712 тыс., кормовых трав с 1,1 мил дес. до 2 мил. (за 1901—16 гг.). В 1913 году под посевами специальных культур в России было: льна—1250 тыс. дес., конопли 584, подсолнуха—817, сахарной свеклы 701, хлопка—498 и табака 64 тыс. десятин. Причины развития посевов промышленных растений в России—рост городского населения и рынка—заграничного и русского. За 1901—13 гг. перевозки хлебных грузов по железным дорогам выросли на 60%, мясных на 46%. Еще более увеличился вывоз за границу семян, масла, жмыхов, волокна льняного, яиц и т. д.

Вывезено в миллионах пудов.

	1901 г.	1913 г	Увеличение в %.
Хлебных грузов . .	465	619	40
Семян масличных .	7,0	15,3	119
Жмыхов	23,6	44,9	90
Волокна льняного .	8,5	16,6	95
Масла коровьего .	2,0	4,8	140
Яиц (милл. штук) .	1997	3572	79

Отсюда ясно, что развитие внешнего рынка сильно способствовало интенсификации сельского хозяйства.

Итак, в общем, земледелие России так же, как и в Европе в XX веке, накануне мировой войны, двигалось быстрыми шагами вперед. В последнее предвоенное 5-летие 1909—13 г.г. общее мировое производство

*) Сбор картофеля в переводе на зерно (деленный на 4).

родного дохода“) поднялось на большую величину: с 13,8 милл. голов в 1900 году до 16,9 миллионов голов в 1913 году—всего на 22,5%. Надо думать, увеличилось и свиноводство, а овцеводство, наоборот, падало. Таким образом, в отношении скотоводства Россия шла по стопам Европы и всего мира, развивая молочный и продуктивный мясной скот—коров и свиней, и сокращая шерстный—овец и коз Что касается лошадей, то значение их с распространением усовершенствованных орудий и с увеличением продуктивного скотоводства, относительно, тоже падало.

§ 4. Мировое и русское сельское хозяйство в 1914—23 г.г.

Мировая война, тянувшаяся в Европе до конца 1918 г., уже с 1917 г. сменилась гражданской войной, продолжавшейся до 1920 г. Таким образом, сельское хозяйство в России подпало под двойной удар. Но и в Западной Европе мировая война произвела большие опустошения, результаты которых продолжают сказываться еще 2—3 года после нее, и начало нового под'ема наблюдается здесь, повидимому, только после 1920 г. Зато за океаном в Америке и Австралии сельское хозяйство за этот период выказало признаки весьма заметного под'ема.

Какими различными путями направлялось земледелие Европы и Америки видно из следующих итоговых цифр, опубликованных в „Вестнике Статистики“ (1922 г. № 5 и 6).

Посевы и сборы главных зерновых хлебов во всем мире, кроме России *).

В среднем за годы.	Мировой посев (миллионы гектаров.	В том числе.		Валов. сбор (миллионы квинталов) по всем миру.	В том числе.	
		В Европе.	В Сев. Америке		В Европе.	В Сев. Америке
1909—1913 г.г. . . .	217,7	76,2	93,2	2743,1	1077,8	1237,1
1914—1918 » . . .	226,4	70,5	103,7	2669,5	859,7	1361,6
1919—1921 » . . .	226,9	68,2	110,8	2704,0	828,3	1427,5

В 1919—21 году во всей Западной Европе оказалось всего лишь 89,5% довоенной посевной площади и 77% сборов, тогда как в Северной Америке посевы поднялись до 118,9%. Валовые сборы в Европе понизились сильнее посевных площадей, что об'ясняется качественным ухудшением обработки полей, особенно в побежденных странах. В Германии, например, урожайность пшеницы понизилась (в сотнях килограммов с гектара) с 22,6 до 16,3 за 1912—20 г.г., в Австрии с 15,0 до 9,8, тогда как во Франции—с 13,6 до 12,7, в Великобритании—с 19,5 до 19,2. Благодаря большой роли экстенсивных стран, урожаи понизились в мировом итоге:

Ржи	с 14,6	квинталов	до 11,5	квинталов	с гектара.	
Пшеницы	» 10,3	»	» 9,3	»	»	»
Ячменя	» 12,3	»	» 10,5	»	»	»
Овса	» 12,9	»	» 11,1	»	»	»

*) Квинтал = 6,1 пуда.

Если взять вес 5 зерновых хлебов, то общая мировая площадь их посевов поднялась на 4,2% в военное пятилетие и осталась на том же уровне в последние годы, сбор же сократился, по сравнению с довоенным временем на 1,4%, при чем производство продовольственных хлебов (пшеницы, ржи), упало на 5.8%, производство кормовых хлебов (овса, ячменя, кукурузы) увеличилось 1,1%. По отдельным культурам мировая площадь посевов изменилась так (в милл. гектаров):

	1909—1913 г.г.	1914—1918 г.г.	1919—1921 г.г.
Пшеница	77,8	83,1	85,1
Рожь	14,7	14,1	14,0
Ячмень	21,5	23,0	22,6
Овес	38,3	39,6	41,3
Кукуруза	65,4	66,6	63,9

Сокращение посевов и сборов упало, главным образом, на воевавшие страны Европы.

	Посев. площади главных хлебов (в милл. гектаров)		Разница	Валовые сборы главных хлебов (в милл. квинтал.)		Разница
	1909—1913 г.	1920 г.	+или—	1913 г.	1920 г.	+или—
Воевавшие страны Европы	63,4	49,1	—14,3	925,7	581,3	—344,4
Нейтральные (не воевавшие)	10,7	11,2	+ 0,5	129,9	132,9	+ 3,0
Заокеанские страны . . .	130,9	139,8	+ 8,9	1550,8	1870,5	+299,7
Всего . . .	200,0	200,1	— 4,9	2605,4	2564,7	—39,7*)

Воевавшие страны потеряли к 1920 году—23% довоенных посевов и 37% хлебных сборов. Но и в воевавших странах сокращение посевных площадей было неодинаковым: наиболее пострадали Германия Франция и Австрия **), гораздо меньше Италия, а Великобритания временно даже расширила свои посевы.

	Посевы в тыс. гектаров. 1909—1913 г.г.	1920 г.	Убыль или прибыль + или —
Англия	3167	3544	+ 12
Франция	12532	9864	— 21
Италия	7229	6852	— 5
Германия	14109	10148	— 28

Однако, с восстановлением свободного товарообмена, Великобритания опять переходит на ввозный хлеб и сокращает свои посевы, Франция и Италия стабилизируют свои площади, а Германия стремится к восстановлению довоенных площадей земледелия.

**) Относительно Австрии имеются лишь отрывочные сведения в виду несоразмерности территории 1918—1920 г.г.

который должен усилиться с выступлением России на мировом хлебном рынке, с возобновлением земледелия в странах потребляющих.

Переходим к скотоводству. За 1913—1920 гг. в мировом скотоводстве произошли такие изменения:

Лошади в главных странах изменились по количеству следующим образом.

	1910—13	1918	1920
Воевавшие.			
Франция	3220	2239	2635
Германия	3836	2929	2988
Великобритания	1611	—	1601
Заокеанск:			
Соед. Штаты (1913)	20567	—	(1921) 20183
Аргентина	8324	—	9366
Канада	2337	—	2814

Количество лошадей шло на убыль еще до мировой войны под влиянием машинизации земледелия (развитие обработки тракторами) и распространения автомобильного транспорта. В отдельных странах света число лошадей изменилось так:

	1911 г.	1921 г.	% убыли — прибыли +
Европа	44,3	38,4	— 13,3 [1]
Азия	19,0	15,9	— 16,0
Сев. и центр. Америка	24,7	24,2	— 1,9
Южная Америка	18,4	17,1	— 6,7
Африка	4,1	4,2	— 5,2
Австралия			+ 2,8
Всего	110,5	99,8	— 10,7

Сокращение лошадей во всех странах света происходит, надо полагать, под влиянием Европейской культуры, распространяющей повсюду автотранспорт и механические орудия для обработки почвы.

В противоположность рабочему скоту—лошадям, главный вид продуктивного скота—крупный рогатый, увеличился в числе повсюду, кроме Европы и Южной Америки.

Голов крупного рогатого скота (в милл. голов).

	1911 г.	1921 г.	Изменение в % + или —
Европа	127,5	122,1	— 4,2
Азия	163,4	182,4	+11,6
Сев. и Центр. Америка	74,1	84,7	+14,2
Южная Америка	80,6	76,1	— 5,6
Африка	23,2	29,6	+27,6
Австралия	14,1	16,1	+14,3
Всего	482,5	511,6	+ 6,1

[1]) Вместе с Россией 2/3 убыли падает на Россию.

Если взять вес 5 зерновых хлебов, то общая мировая площадь их посевов поднялась на 4,2% в военное пятилетие и осталась на том же уровне в последние годы, сбор же сократился, по сравнению с довоенным временем на 1,4%, при чем производство продовольственных хлебов (пшеницы, ржи), упало на 5,8%, производство кормовых хлебов (овса, ячменя, кукурузы) увеличилось 1,1%. По отдельным культурам мировая площадь посевов изменилась так (в милл. гектаров):

	1909—1913 г.г.	1914—1918 г.г.	1919—1921 г.г.
Пшеница	77,8	83,1	85,1
Рожь	14,7	14,1	14,0
Ячмень	21,5	23,0	22,6
Овес	38,3	39,6	41,3
Кукуруза	65,4	66,6	63,9

Сокращение посевов и сборов упало, главным образом, на воевавшие страны Европы.

	Посев. площади главных хлебов (в милл. гектаров)		Разница	Валовые сборы главных хлебов (в милл. квинтал.)		Разница
	1909—1913 г.	1920 г.	+или—	1913 г.	1920 г.	+или—
Воевавшие страны Европы	63,4	49,1	—14,3	925,7	581,3	—344,4
Нейтральные (не воевавшие)	10,7	11,2	+ 0,5	129,9	132,9	+ 3,0
Заокеанские страны	130,9	139,8	+ 8,9	1550,8	1870,5	+299,7
Всего	200,0	200,1	— 4,9	2605,4	2564,7	—39,7*)

Воевавшие страны потеряли к 1920 году—23% довоенных посевов и 37% хлебных сборов. Но и в воевавших странах сокращение посевных площадей было неодинаковым: наиболее пострадали Германия, Франция и Австрия **), гораздо меньше Италия, а Великобритания временно даже расширила свои посевы.

	Посевы в тыс. гектаров.		Убыль или прибыль
	1909—1913 г.г.	1920 г.	+ или —
Англия	3167	3544	+ 12
Франция	12532	9864	— 21
Италия	7229	6852	— 5
Германия	14109	10148	— 28

Однако, с восстановлением свободного товарообмена, Великобритания опять переходит на ввозный хлеб и сокращает свои посевы, Франция и Италия стабилизируют свои площади, а Германия стремится к восстановлению довоенных площадей земледелия.

**) Относительно Австрии имеются лишь отрывочные сведения в виду несоразмерности территорий 1918—1920 г.г.

который должен усилиться с выступлением России на мировом хлебном рынке, с возобновлением земледелия в странах потребляющих.

Переходим к скотоводству. За 1913—1920 гг. в мировом скотоводстве произошли такие изменения:

Лошади в главных странах изменились по количеству следующим образом.

	1910—13	1918	1920
Воевавшие:			
Франция	3220	2239	2635
Германия	3836	2929	2988
Великобритания	1611	—	1601
Заокеанск:			
Соед. Штаты (1913)	20567	—	(1921) 20183
Аргентина	8324	—	9366
Канада	2337	—	3814

Количество лошадей шло на убыль еще до мировой войны под влиянием машинизации земледелия (развитие обработки тракторами) и распространения автомобильного транспорта. В отдельных странах света число лошадей изменилось так:

	1911 г.	1921 г.	% убыли — прибыли +
Европа	44,3	38,4	— 13,3 [1]
Азия	19,0	15,9	— 16,0
Сев. и центр. Америка	24,7	24,2	— 1.9
Южная Америка	18,4	17,1	— 6,7
Африка	4,1	4,2	— 5,2
Австралия			+ 2.8
Всего	110,5	99,8	— 10,7

Сокращение лошадей во всех странах света происходит, надо полагать, под влиянием Европейской культуры, распространяющей повсюду автотранспорт и механические орудия для обработки почвы.

В противоположность рабочему скоту—лошадям, главный вид продуктивного скота—крупный рогатый, увеличился в числе повсюду, кроме Европы и Южной Америки.

Голов крупного рогатого скота (в милл. голов).

	1911 г.	1921 г.	Изменение в % + или —
Европа	127,5	122.1	— 4,2
Азия	163,4	182,4	+11,6
Сев. и Центр. Америка	74,1	84,7	+14,2
Южная Америка	80,6	76,1	— 5,6
Африка	23,2	29,6	+27,6
Австралия	14,1	16,1	+14,3
Всего	482,5	511,6	+ 6,1

[1]) Вместе с Россией 2/3 убыли падает на Россию.

Что крупный рогатый скот сократился в Европе, благодаря войне— это неудивительно, но почему, спрашивается, он убывает в Южной Америке? Здесь может быть одно об'яснение: усиленная распашка во время войны сократила наличность естественных лугов и пастбищ. Луга и пастбища под влиянием роста земледелия, несомненно, сокращаются во всем мире. Это сокращение отражается в виде систематической убыли третьего вида скота—о в е ц, требующих для своего прокормления значительного количества естественных пастбищ.

Количество овец (милл. голов).

	в 1911 г.	в 1921 г.	Изменение в %
Европа	167,0	153,0	— 8,2
Азия	100,1	97,4	— 2,7
Северная Америка	57,5	42,7	—25,7
Южная Америка	115,8	78,2	—32,4
Австралия	117,1	98,9	—15
Африка	60,2	61,6	+ 2,3
Всего	617,7	541,8	—17,2

В Европе количество овец увеличилось только в двух странах, в Германии (с 5,8 до 5,9 милл.), что об'ясняется запустением пашен, обращавшихся, особенно в крупных имениях, в пастбища, и в Испании (с 15,7 милл. до 19,3 милл.). В Южной Америке колоссальное сокращение обнаружилось в Аргентине (с 80 милл. до 45 милл.). В Северной— в Соедин. Штатах (с 53,6 милл. до 34,4 милл.). Распашка уничтожает овец. На их место мелкие хозяйства, не только деревенские, но и в небольших городах, заводят коз, что мы видим в культурных странах Европы и Сев. Америки: в первой число коз выросло с 20,4 до 24,7 милл. голов (в том числе в Германии с 3,4 до 4,3 милл.), в Сев. Америке с 5,1 милл. до 5,2 милл. В остальных частях света козоводство также падает: в Южной Америке с 17,5 милл. до 15,0 милл., в Азии с 52,7 милл. до 45,7 милл., в Африке с 30,5 милл. до 25,7 милл. В общем, следовательно, число коз в мировом хозяйстве сократилось с 126,2 милл. до 116,3 милл.

Убыло и количество с в и н е й, ибо во время войны приходилось, особенно европейскому населению, потреблять картофель и ячмень, в Америке кукурузу, которыми до войны откармливали свиней.

Число свиней в милл. голов.

Европа	74,3	63,3	—14,9
Сев. и Центр. Америка	71,9	62,6	—12,9
Южная Америка	23,6	23,0	— 2,5
Азия	86,3	57,2	—33,7
Африка	2,6	2,6	0,0
Австралия	1,5	1,1	—27,0
Всего	260,2	209,8	—19,8

В воюющих странах Европы свиноводство сократилось весьма заметно: в Германии в 1912 году 21 милл. штук; в 1918 году количество свиней убыло до 10,9 милл.; с этого года оно начинает неуклонно возрастать и в 1921 году здесь число свиней доходит до 15 милл., во Фран-

Название скота.	1916 г	1920 г.	1922 г.	1923 г.	Прирост в % % 1922 по 1923	Убыль в %%% 1923—16 г
Лошадей	31 3	23 1	19,0	20,0	5 2	3?,1
В том числе рабочих	24 1	18,6	15 7	16 5	5,1	31,6
Крупн. рог. скота	50 4	36 8	33.1	38,7	16 9	23,2
В том числе коров	22.4	20 5	18 2	20.2	11 0	9,9
Овец	8 3	3.7	40,7	54.9	34 9	32.5
Коз	3 2	1.1	0 9	1,6	77 8	50,0
Свиней	19,5	3 5	7 7	9.1	18 2	53,3

Всего скота в переводе на крупный в 1916 г. было 100,2 милл. единиц, в 1922 г. это количество упало до 60,8 милл. единиц, т.-е. на 40%. Площадь посевов за 1918—22 г. сократилась всего на 36%, следовательно, в общем, за весь послевоенный период скотоводство упало сильнее земледелия, как мы сказали выше, главным образом, благодаря влиянию голодовки 1921 года. От этой голодовки земледелие оправляется гораздо быстрее после хорошего урожая 1922 года и среднего 1923 года, скотоводство за последний год выросло на 23%. В дальнейшем скотоводство будет восстанавливаться значительно медленнее, вследствие того, что молодняк, из которого вырастают взрослые лошади и коровы, необходимо сохранить и воспитывать крестьянам в течение нескольких лет. Теперь, следовательно, центр тяжести организационных усилий в области сельского хозяйства должно направить на развитие скотоводства не только потому, что оно потрясено за последние годы более, чем земледелие,не только потому, что агрикультурные соображения требуют в сельском хозяйстве восстановления равновесия между земледелием и скотоводством, но и вследствие того факта, что кон'юнктура на мировом рынке для скотоводческих продуктов будет, видимо, более благоприятной, а, главное, более устойчивой, чем для земледельческих. Как мы видели выше, мировое скотоводство, благодаря росту интенсивного земледелия в заокеанских странах начинает сокращаться, хотя далеко не в такой степени, как в России.

Выводы.

Такова в общих чертах характеристика мировой и русской с.-х. эволюции с конца XIX века. Она приводит нас к следующим основным выводам: 1) в начале XX века эволюция земледелия, не только в экстенсивных заокеанских странах, но и в Западной Европе и России, под влиянием благоприятной экономической кон'юнктуры, выказывает тенденцию к быстрому развитию, обгоняющему даже рост населения. Ско-

*) Число рабочих лошадей и коров по Киргизской республике исчислено приблизительно по среднему % всей РСФСР.

Что крупный рогатый скот сократился в Европе, благодаря войне— это неудивительно, но почему, спрашивается, он убывает в Южной Америке? Здесь может быть одно об'яснение: усиленная распашка во время войны сократила наличность естественных лугов и пастбищ. Луга и пастбища под влиянием роста земледелия, несомненно, сокращаются во всем мире. Это сокращение отражается в виде систематической убыли третьего вида скота—о в е ц, требующих для своего прокормления значительного количества естественных пастбищ.

Количество овец (милл. голов).

	в 1911 г.	в 1921 г.	Изменение в %
Европа	167,0	153,0	— 8,2
Азия	100,1	97,4	— 2,7
Северная Америка . .	57,5	42,7	—25,7
Южная Америка . . .	115,8	78,2	—32,4
Австралия	117,1	98,9	—15
Африка	60,2	61,6	+ 2,3
Всего	617,7	541,8	—17,2

В Европе количество овец увеличилось только в двух странах, в Германии (с 5,8 до 5,9 милл.), что об'ясняется запустением пашен, обращавшихся, особенно в крупных имениях, в пастбища, и в Испании (с 15,7 милл. до 19,3 милл.). В Южной Америке колоссальное сокращение обнаружилось в Аргентине (с 80 милл. до 45 милл.). В Северной— в Соедин. Штатах (с 53,6 милл. до 34,4 милл.). Распашка уничтожает овец. На их место мелкие хозяйства, не только деревенские, но и в небольших городах, заводят коз, что мы видим в культурных странах Европы и Сев. Америки: в первой число коз выросло с 20,4 до 24,7 милл голов (в том числе в Германии с 3,4 до 4,3 милл.), в Сев. Америке с 5,1 милл. до 5,2 милл. В остальных частях света козоводство также падает: в Южной Америке с 17,5 милл. до 15,0 милл., в Азии с 52,7 милл. до 45,7 милл., в Африке с 30,5 милл. до 25,7 милл. В общем, следовательно, число коз в мировом хозяйстве сократилось с 126,2 милл. до 116,3 милл.

Убыло и количество с в и н е й, ибо во время войны приходилось, особенно европейскому населению, потреблять картофель и ячмень, в Америке кукурузу, которыми до войны откармливали свиней.

Число свиней в милл. голов.

Европа	74,3	63,3	—14,9
Сев. и Центр. Америка .	71,9	62,6	—12,9
Южная Америка	23,6	23,0	— 2,5
Азия	86,3	57,2	—33,7
Африка	2,6	2,6	0,0
Австралия	1,5	1,1	—27,0
Всего	260,2	209,8	—19,8

В воюющих странах Европы свиноводство сократилось весьма заметно: в Германии в 1912 году 21 милл. штук; в 1918 году количество свиней убыло до 10,9 милл.; с этого года оно начинает неуклонно возрастать и в 1921 году здесь число свиней доходит до 15 милл., во Фран-

Название скота.	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	Прирост в % % 1922 по 1923	Убыль в %% 1923—16 г.
Лошадей	31 3	23,1	19.0 *)	20,0	5 2	36.1
В том числе рабочих	24 1	18,6	15,7	16.5	5,1	31,6
Крупн. рог. скота	50,4	36,8	33,1	38,7	16,9	23,2
В том числе коров	22.4	20.5	18.2	20,2	11,0	9,9
Овец	81.3	43.7	40,7	54,9	34,9	32,5
Коз	3,2	1,1	0.9	1,6	77,8	50,0
Свиней	19 5	13,5	7.7	9.1	18 2	53,3

Всего скота в переводе на крупный в 1916 г. было 100,2 милл. единиц, в 1922 г. это количество упало до 60,8 милл. единиц, т.-е. на 40%. Площадь посевов за 1918—22 г. сократилась всего на 36%, следовательно, в общем, за весь послевоенный период скотоводство упало сильнее земледелия, как мы сказали выше, главным образом, благодаря влиянию голодовки 1921 года. От этой голодовки земледелие оправляется гораздо быстрее после хорошего урожая 1922 года и среднего 1923 года, скотоводство за последний год выросло на 23%. В дальнейшем скотоводство будет восстанавливаться значительно медленнее, вследствие того, что молодняк, из которого вырастают взрослые лошади и коровы, необходимо сохранить и воспитывать крестьянам в течение нескольких лет. Теперь, следовательно, центр тяжести организационных усилий в области сельского хозяйства должно направить на развитие скотоводства не только потому, что оно потрясено за последние годы более, чем земледелие,не только потому, что агрикультурные соображения требуют в сельском хозяйстве восстановления равновесия между земледелием и скотоводством, но и вследствие того факта, что кон'юнктура на мировом рынке для скотоводческих продуктов будет, видимо, более благоприятной, а, главное, более устойчивой, чем для земледельческих. Как мы видели выше, мировое скотоводство, благодаря росту интенсивного земледелия в заокеанских странах начинает сокращаться, хотя далеко не в такой степени, как в России.

Выводы.

Такова в общих чертах характеристика мировой и русской с.-х. эволюции с конца XIX века. Она приводит нас к следующим основным выводам: 1) в начале XX века эволюция земледелия, не только в экстенсивных заокеанских странах, но и в Западной Европе и России, под влиянием благоприятной экономической кон'юнктуры, выказывает тенденцию к быстрому развитию, обгоняющему даже рост населения. Ско-

*) Число рабочих лошадей и коров по Киргизской республике исчислено приблизительно по среднему % всей РСФСР.

товодство, в общем, также растет, но медленнее, чем население; при чем овцеводство, которое, обычно, развивается при земельном просторе, благодаря с'ужению этого простора, почти повсюду сокращается довольно заметно. Развивается, преимущественно, молочно-мясное скотоводство (разведение крупного рогатого скота и свиней.).

2) Во время мировой войны и гражданской в России эволюция мирового сельского хозяйства развивается: в воевавших странах Европы сельское хозяйство заметно падает; в нейтральных—остается без перемен; в заокеанских, взявших на себя прокормление Европы, за выходом России из мирового рынка- сильно возрастает. В обще-мировом масштабе земледелие расширяется. После 1920 г. оно начинает восстанавливаться в воевавших европейских странах, но, вследствие процесса перепроизводства, сокращается в Соединенных Штатах Америки; в чисто аграрных—Америки и Австралии продолжает возрастать; в силу чего обще-мировая продукция земледелия увеличивается и наступает заметный кризис перепроизводства.

3) В скотоводстве наблюдаются признаки заметного сокращения по лошадям и мелкому скоту (овцам и свиньям), увеличивается только крупно-рогатый скот. Кроме воюющих стран, убыль скота происходит и в экстенсивных заокеанских под влиянием усиленной распашки естественных лугов и пастбищ. Земледелие здесь, как и в России, начинает понемногу вытеснять скотоводство, хотя и не в такой степени, как у нас. Поэтому экономическая кон'юнктура мирового хозяйства должна быть более благоприятной для экспорта скотоводческих продуктов, чем для земледельческих.

4) В России мировая война сравнительно мало сокращает сельское хозяйство, гораздо сильнее действует гражданская война и голод. Последний особенно потрясает скотоводство. Земледелие с 1922 г. начинает восстанавливаться, скотоводство продолжает испытывать кризис и, в общем, ему наносится больший и менее быстро поправимый ущерб, чем земледелию. Поэтому при дальнейшем восстановлении сельского хозяйства в России необходимо напрячь наибольшие усилия к быстрейшей реставрации скотоводства, благодаря падению которого Россия уже испытала однажды тяжелые последствия длительного аграрного кризиса.

ГЛАВА IX.

Эволюция земледелия России по районам и отдельным культурам.

§ 1) Довоенный период.

А) Общее изменение посевных площадей по районам.

В предыдущей главе мы указывали, что, в общем, по всей России в конце XIX и в начале XX века до войны происходил довольно заметный рост посевных площадей. Но этот общий вывод относится далеко не ко всей территории. По отдельным районам мы наблюдаем в этом отношении чрезвычайно различные процессы. Это различие начинает сказываться еще со второй половины XIX века; оно становится наиболее отчетливым, если мы сведем районы попарно в группы или области по направлению с запада на восток отдельно в нечерноземной и черноземной полосах.

Районы	(Без леса). 1860 г.	1887 г.
Московско-промышленный	71,9	57,8
Северо-западный	55,1	44,0
Центрально-земледельческий	77,2	81,5
Средне-волжский	56,5	79,9
Восточно-малороссийский	62,5	81,9

В Московско-промышленном районе дальнейшее расширение пашни остановилось тогда, когда оно охватило до 72% всей удобной земли без леса; в северо-западном с его болотами—до 55%. В районах черноземной полосы предел дальнейшему распространению пашни кладется тогда, когда она достигает, круглым счетом, 80% удобной безлесной территории. В Европейских государствах процент пахотных угодий ниже, несмотря на более благоприятные климатические условия.

% пашни к удобной земле:

	(Без леса).
В Великобритании	46,9
Германии	74,8
Франции	76,9

Очевидно, что дальше итти по пути экстенсивного расширения запашек, чем пошло население промыслового центра к 60-ым г.г., а земледельческого к 80-ым, было нельзя: истощение почвы при таком усиленном напряжении производительных сил земли было неминуемо. В центрально-земледельческом, наиболее распаханном районе, а потом и в среднем Поволжьи земля стала покрываться оврагами. Вырубание лесов по берегам рек повело к оживлению летучих песков, которые начали двигаться и засыпать слой чернозема. По 11 уездам Воронежской губернии у крестьян вся площадь неудобных земель в 1858 г. составляла 187,3 тыс. дес., а 1890-ых г.г.—293,6 тыс. дес. За 35—40 лет она приросла на $^2/_3$. До 1881 г. она увеличивалась ежегодно на 1916 десятин, с этого времени до 1890 ых г.г.—на 4785 дес., т.-е втрое более. Население уперлось в глухую стену сопротивления природы истощению почвенных богатств, которые люди, подгоняемые быстрым размножением голодных ртов, стали тратить с безумной расточительностью. Природа настойчиво требовала от земледельца, чтобы он сам принял участие в восстановлении запасов почвенных благ посредством улучшенных севооборотов и удобрения, иначе говоря, перешел бы на более интенсивные системы полеводства.

Однако, человек всегда стремится итти по линии наименьшего сопротивления. Поэтому, вместо интенсификации земледелия в старых районах, население сначала устремляется на юг и на восток, туда, где перед освобождением еще царило переложное хозяйство. Заволжье и Новороссия подвергаются невероятно быстрой распашке: за каких-нибудь 20—25 лет площадь пахотных земель здесь увеличивается с 14,4 мил. дес. до 34,1 мил., т.-е. почти утраивается. То же самое было, по всей вероятности, и на Северном Кавказе. В 1887 г. площадь пашни в Новороссии уже охватывает 66,1% всех удобных земель без леса, в Заволжьи 54,2%, всего во втором поясе колонизации—60,4%. Распашка нетронутых земель к 80-м годам еще не достигает $^3/_4$ территории—крайнего

товодство, в общем, также растет, но м е д л е н н е е, чем население; при чем овцеводство, которое, обычно, развивается при земельном просторе, благодаря с'ужению этого простора, почти повсюду сокращается довольно заметно. Развивается, преимущественно, молочно-мясное скотоводство (разведение крупного рогатого скота и свиней.).

2) Во время мировой войны и гражданской в России эволюция мирового сельского хозяйства развивается: в воевавших странах Европы сельское хозяйство заметно падает; в нейтральных—остается без перемен; в заокеанских, взявших на себя прокормление Европы, за выходом России из мирового рынка сильно возрастает. В обще-мировом масштабе земледелие расширяется. После 1920 г. оно начинает восстанавливаться в воевавших европейских странах, но, вследствие процесса перепроизводства, сокращается в Соединенных Штатах Америки; в чисто аграрных—Америки и Австралии продолжает возрастать; в силу чего обще-мировая продукция земледелия увеличивается и наступает заметный кризис перепроизводства.

3) В скотоводстве наблюдаются признаки заметного с о к р а щ е н и я по лошадям и мелкому скоту (овцам и свиньям), увеличивается только крупно-рогатый скот. Кроме воюющих стран, убыль скота происходит и в экстенсивных заокеанских под влиянием усиленной распашки естественных лугов и пастбищ. Земледелие здесь, как и в России, начинает понемногу вытеснять скотоводство, хотя и не в такой степени, как у нас. Поэтому экономическая кон'юнктура мирового хозяйства должна быть более благоприятной для экспорта скотоводческих продуктов, чем для земледельческих.

4) В России мировая война сравнительно мало сокращает сельское хозяйство, гораздо сильнее действует гражданская война и голод. Последний особенно потрясает скотоводство. Земледелие с 1922 г. начинает восстанавливаться, скотоводство продолжает испытывать кризис и, в общем, ему наносится больший и менее быстро поправимый ущерб, чем земледелию. Поэтому при дальнейшем восстановлении сельского хозяйства в России необходимо напрячь наибольшие усилия к быстрейшей реставрации скотоводства, благодаря падению которого Россия уже испытала однажды тяжелые последствия длительного аграрного кризиса.

ГЛАВА IX.

Эволюция земледелия России по районам и отдельным культурам.

§ 1) Довоенный период.

А) Общее изменение посевных площадей по районам.

В предыдущей главе мы указывали, что, в общем, по всей России в конце XIX и в начале XX века до войны происходил довольно заметный рост посевных площадей. Но этот общий вывод относится далеко не ко всей территории. По отдельным районам мы наблюдаем в этом отношении чрезвычайно различные процессы. Это различие начинает сказываться еще со второй половины XIX века; оно становится наиболее отчетливым, если мы сведем районы попарно в группы или области по направлению с запада на восток отдельно в нечерноземной и черноземной полосах.

Районы.	(Без леса.). 1860г.	1887г.
Московско-промышленный.	71,9	57,8
Северо-западный.	55,1	44,0
Центрально-земледельческий.	77,2	81.5
Средне-волжский	56,5	79,9
Восточно-малороссийский	62.5	81,9

В Московско-промышленном районе дальнейшее расширение пашни остановилось тогда, когда оно охватило до 72% всей удобной земли без леса; в северо-западном с его болотами—до 55%. В районах черноземной полосы предел дальнейшему распространению пашни кладется тогда, когда она достигает, круглым счетом, 80% удобной безлесной территории. В Европейских государствах процент пахотных угодий н и ж е, несмотря на более благоприятные климатические условия.

% пашни к удобной земле:

	(Без леса).
В Великобритании.	46,9
» Германии	74,8
» Франции	76,9

Очевидно, что дальше итти по пути экстенсивного расширения запашек, чем пошло население промыслового центра к 60-ым г.г., а земледельческого к 80-ым, было нельзя: истощение почвы при таком усиленном напряжении производительных сил земли было неминуемо. В центрально-земледельческом, наиболее распаханном районе, а потом и в среднем Поволжьи земля стала покрываться оврагами. Вырубание лесов по берегам рек повело к оживлению летучих песков, которые начали двигаться и засыпать слой чернозема. По 11 уездам Воронежской губернии у крестьян вся площадь неудобных земель в 1858 г. составляла 187,3 тыс. дес., а 1890-ых г.г—293,6 тыс. дес. За 35—40 лет она приросла на $^2/_3$. До 1881 г. она увеличивалась ежегодно на 1916 десятин, с этого времени до 1890 ых г.г.—на 4785 дес., т.-е. втрое более. Население уперлось в глухую стену сопротивления природы истощению почвенных богатств, которые люди, подгоняемые быстрым размножением голодных ртов, стали тратить с безумной расточительностью. Природа настойчиво требовала от земледельца, чтобы он сам принял участие в восстановлении запасов почвенных благ посредством улучшенных севооборотов и удобрения, иначе говоря, перешел бы на более и н т е н с и в н ы е системы полеводства.

Однако, человек всегда стремится итти по линии наименьшего сопротивления. Поэтому, вместо интенсификации земледелия в старых районах, население сначала устремляется на юг и на восток, туда, где перед освобождением еще царило переложное хозяйство. Заволжье и Новороссия подвергаются невероятно быстрой распашке: за каких-нибудь 20—25 лет площадь пахотных земель здесь увеличивается с 14,4 мил. дес. до 34,1 мил., т.-е. почти утраивается То же самое было, по всей вероятности, и на Северном Кавказе. В 1887 г. площадь пашни в Новороссии уже охватывает 66,1% всех удобных земель без леса, в Заволжьи 54,2%, всего во втором поясе колонизации—60,4%. Распашка нетронутых земель к 80-м годам еще не достигает $^3/_4$ территории—крайнего

предела, за которым дальнейшее экстенсивное расширение ее становится, надо полагать, невозможным: но она гораздо ближе к нему в 80-х г.г. За последние 13 лет территория злаковых культур выростает на 3 милл. дес., а в 1860—87 г.г.—пашни на 20 милл. дес. Замедление роста посевной площади было вызвано, несомненно, уменьшением запасов свободных, удобных для пашни земель; можно полагать, что максимум распашки—$^4/_5$ удобной территории был уже достигнут; как результат этого, мы видим, что переселение на юг после 80-х г. сокращается до минимума, поворачивая из центра на восток в Сибирь и Среднюю Азию.

Итак, рост пашни и посевов прекращается к концу XIX века в центральных районах, как в нечерноземной, так равно и в черноземной полосе и продолжается лишь на окраинах: северо-восточных и юго-восточных, где еще сохранился к этому времени некоторый земельный простор.

В перенаселенных районах земледельческого центра и восточной Малороссии посевы даже идут слегка на убыль, несмотря на то, что земледельческое население в этих районах росло очень быстро. В мирный период XX века, при более благоприятной экономической кон'юнктуре, дальнейшее падение посевной площади в этих районах прекращается, но более или менее значительный рост их происходит только на окраинах.

Посевные площади в тыс. дес. в пределах СССР (с кормовыми травами и свекловицей *).

РАЙОНЫ:	1901—5 г.г.	1913 г.	Изменение в % (+или—).
Европейская Россия.			
Нечерноземная полоса.			
Запад. (Белорусский)	3754	4002	+ 7
Центр. Приозерный	1840	1826	— 1
Центр. промышленный	4263	4138	— 3
Всего.	**6103**	**5964**	**— 2**
Северо-восток. Северный	708	740	+ 5
Приуральский . . .	5091	5557	+ 9
Всего.	**5799**	**6297**	**+ 9**
Итого нечернозем. полосы. .	**15656**	**16263**	**+ 4**

*) Площадь кормовых трав взята за 1901 и 1912 г.г. за отсутствием ежегодных данных; по Азиатской России в 1913 г. взяты цифры 1916 г.

Р А Й О Н Ы.	9 1—5 гг.	1913 г.	Изменение в % (+ или —).
Черноземная полоса.			
Запад Юго-западный район. вост.			
Малороссия	10459	11072	+ 6
Центр. Центр.-землед.	10760	11106	+ 3
Средне-волжск.	9985	10909	+ 9
Всего Центр. . . .	**20745**	**22015**	**+ 6**
Юго-восток. Новороссийский.	13581	15454	+14
Нижне-волжский	4315	5284	+22
Всего Юго-Восток. .	**17896**	**20738**	**+16**
Итого черновем. пол. .	**49100**	**53825**	**+10**
Всего Европейск. Россия. . .	**64756**	**70083**	**+ 8**
Азиатская Россия.			
Северный Кавказ. . . , ...	4710	7194	+53
Сибирь	3413	6163	+80
Степной край	2870	4598	+60
Итого Азиатск. Россия .	**10993**	**17955**	**+63**
Всего СССР	**75749**	**88043**	**+16**

В нечерноземной полосе небольшой прирост (5—7%) дают окраинные районы: Белорусский, Северный и Приуральский; промышленные подстоличные районы дают убыль, как и в конце XIX века. Эта убыль об'ясняется уходом сельских жителей в столицы и на пригородные фабрики и переходом оставшихся в деревне на кустарные и отхожие промыслы, как более выгодные.

Все районы черноземной полосы дали прирост посевных площадей, но проценты прироста чрезвычайно варьируют по направлению с запада на восток. Западные и центральные районы увеличили свои посевы всего на 6% , при чем центрально-земледельческий дал прирост только на 3%, украинские—на 6%, средне-волжский на 9%. Чем дальше на юг и восток, тем прирост посевов становится все значительнее: в Новороссии он равен 14% и Низовом Поволжьи—22%; в районах третьего пояса колонизации—на Северном Кавказе, в Степном крае и Сибири расширение посевных площадей достигает огромных размеров — от 53% до 80%, т.-е. от 5 до 8% ежегодно, опережая значительно рост населения.

Отсюда можно сделать общий вывод: с конца XIX века расширение посевов, останавливаясь на западе и востоке, происходит преимущественно в пределах юго-восточных районов Европейской России и

в Азиатской, постепенно продвигаясь все далее и далее на редко населенные окраины, которые становятся главными центрами экстенсивного зернового земледелия. В самом деле: в 1913 году на всей территории С.С.С.Р. (кроме Закавказья и Туркестана) оказалось круглым счетом 88 милл. дес. посевов всех культур. Из них находилось:

В нечерноземной полосе	16,3	милл. дес.
» черноземной в зап. р.	11,0	» »
Цент. земл.	11,1	» »
Средне-волж.	10,9	» »
Юго-восточн.	20,7	» »
В Азиатской России	18,0	» »

В территорию засушливого юго-востока ученые почвоведы включают в настоящее время значительную часть средне-волжского района. Если принять их взгляды и посчитать общую площадь зерновых посевов в среднем Поволжьи, на юго-востоке Европейской и в Азиатской России, то окажется, что в 1913 г. она равнялась 49,6 милл. дес. или 56% всей посевной площади С.С.С.Р. Это была, поистине, хлебная житница не только России, а и Западной Европы, тем более важная, что земледелие здесь носило гораздо более „товарный“ характер, чем в западных и центральных районах.

В самом деле, если мы разделим посевные площади на сельское население *), то получим такие относительные величины:

На 100 душ сельского населения приходилось всего десятин посева 1913 г.

Нечерноземная полоса.

Запад	67
Центр	47
Северо-восток	71

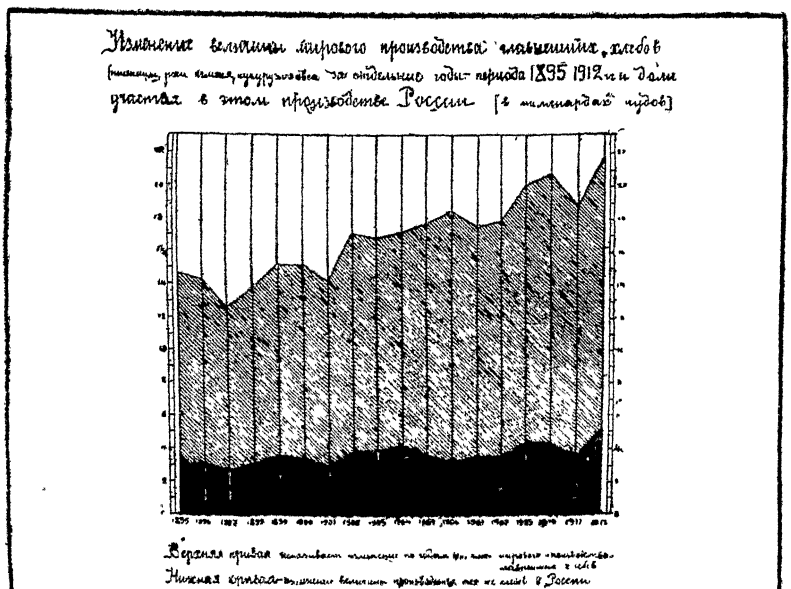
Черноземная полоса.

Запад	70
Центр	82
Юго-восток	148
Северный Кавказ	147
Сибирь	80
Степной край	76
Вся РСФСР	86

Эта табличка довольно отчетливо вскрывает хозяйственный тип каждой группы районов. Нормально, при преобладающих в России системах земледелия можно грубо принять, что среднее крестьянское хозяйство потребительского типа для удовлетворения своих потребностей (включая сюда и натуральные и денежные расходы) должно засевать около 0,5—0,7 десят. на душу обоего пола. Если мы согласимся с этой нормой, то области с преобладающим земледельческим хозяйством потребительского типа будут в нечерноземной полосе западная и северо-восточная, в черноземной—западная, а близкой к этой норме оказались—

*) Население взято по данным 1916 г.

земледельческий центр и Сибирь (последняя в границах послереволюционного периода). Степной край должен быть отсюда исключен, так как здесь тип хозяйства смешанный: половина населения—русские (переселенцы, казаки) являются, преимущественно, земледельцами „товар-



ного“ типа, другая половина—туземцы-киргизы сеют очень мало, занимаясь, главным образом, скотоводством.

За пределами этой средней оказывается: 1) промышленный центр нечерноземной полосы, где посевы сельского населения значительно ниже средней нормы: эта область—единственная в Европейской России, где у сельского населения промыслы играют чрезвычайно важную роль;

2) юго-восток и Северный Кавказ, где господствует товарный тип земледельческого хозяйства, и где посевные площади вдвое превосходят нормы хозяйств потребительского типа.

Таким образом, судя по этим данным, западные и центральные области Европейской России при экстенсивных системах земледелия явились бы областями исключительного преобладания хозяйства потребительского типа. Но дело в том, что в XX веке эти области все быстрее и быстрее начинают переходить к интенсификации земледелия, что отчетливо видно на динамике пропорции земледельческих культур в посевах.

Б) Пропорция культур в посевах.

Разделим все культуры на 5 групп: зерновые хлеба (рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха, просо, кукуруза), корнеплоды (свекла, картофель), масличные (лен, конопля, подсолнух) и кормовые травы, и посмотрим, как эволюционировали эти группы по указанным областям России до войны в XX веке.

На 100 дес. всего посева приходилось:

	Зерновых культур.		Корнеплодов (корм. свеклой).		Волокнистых и масличных (лен, конопл., подсолнух.		Бобовых.		Кормовых трав.	
	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1903—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.
Нечерноозем. полоса.										
Западная (Белоруссия) . . .	80,9	76,5	8,8	10,7	5,6	6,5	1,7	1,2	3,0	5,1
Центр	82,9	80,2	6,3	7,3	6,9	7,4	1,4	1,1	2,5	4,0
Северо-восток	93,3	93,3	1,5	1,3	3,7	3,5	1,4	1,2	0,1	0,7
Итого нечерноземная . .	**86,3**	**84,4**	**5,1**	**5,8**	**5,5**	**5,6**	**1,5**	**1,2**	**1,6**	**3,0**
Черноземная полоса.										
Запад	87,8	85,8	7,0	8,1	2,0	1,6	2,0	2,5	1,2	2,0
Центр	90,6	88,5	4,0	4,5	2,5	3,9	2,5	2,5	0,4	0,6
Юго-восток	97,4	97,4	1,2	1,4	0,9	0,6	0,4	0,2	0,1	0,7
Итого черн. полоса . . .	**92,5**	**91,4**	**3,6**	**4,0**	**1,8**	**2,2**	**1,6**	**1,7**	**0,5**	**0,4**
Всего Европ. Россия . . .	**91,0**	**89,7**	**3,9**	**4,4**	**2,6**	**3,0**	**1,7**	**1,5**	**0,8**	**1,4**

	Зерновых культур.		Корнеплодов (корм свекла)		Волокнистых и масличных (лен. конопл. подсолнух.).		Бобовых.		Кормовых трав.	
	1905—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1901—1905 г.	1913 г.	1903—1905 г.	1903 г.	1901—1905 г.	1913 г.
Азиатская Россия.										
Северный Кавказ	95,0	93,1	1,8	1,1	2,6	4,8	0,1	0,0	0,5	1,0
Сибирь	94,5	95,3	1,9	1,8	2,7	1,9	0,5	0,4	0,4	0,6
Степной край	96,6	96,2	1,1	1,3	1,8	2,2	0,5	0,2	0,1	0,1
Итого Азиатская Россия .	**95.3**	**94.7**	**1,6**	**1,4**	**2,3**	**3,1**	**0,4**	**0,2**	**0 4**	**0,6**
Всего СССР.	**91.6**	**90,8**	**3,7**	**3,8**	**2,6**	**3,(**	**1,4**	**1,2**	**0,7**	**1.2**

Интересно сопоставить нашу пропорцию культур с таковой же некоторых Европейских государств.

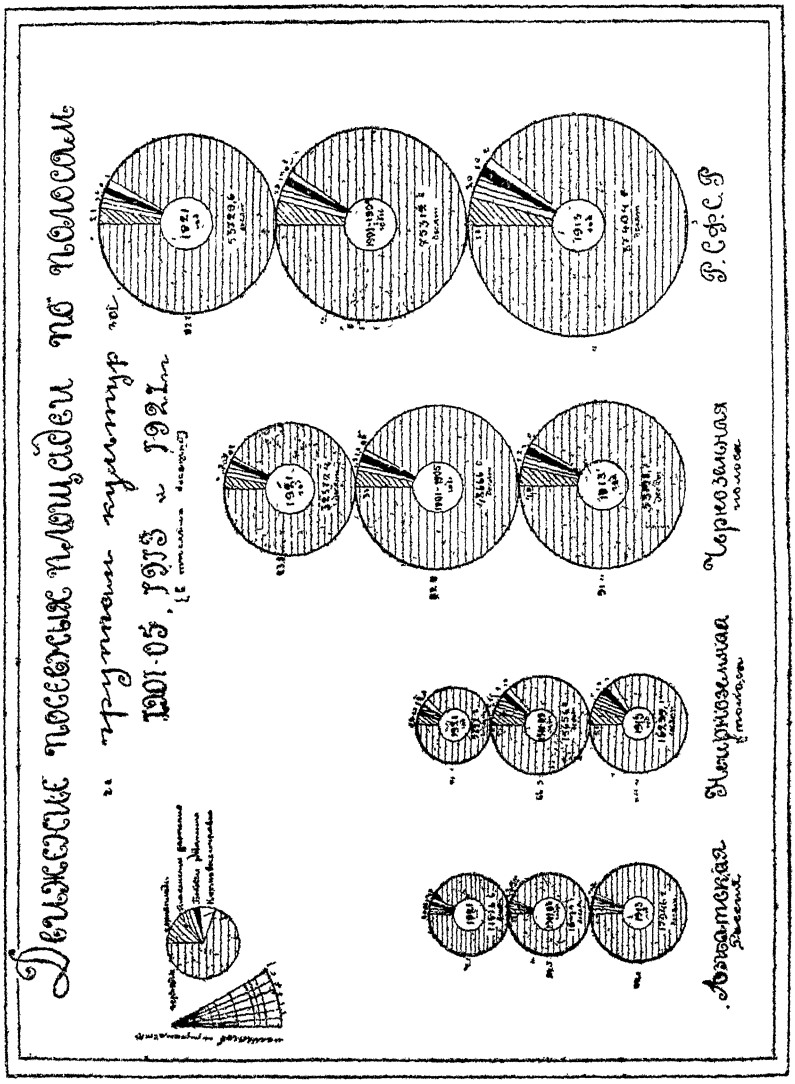
На 100 дес. посева.

ГОСУДАРСТВА.	Зерновых хлебов и бобовых.	Корнеплодов.	Масличных и промышленных растений	Кормовых трав.
Великобритания (1901—5 г.г.) с бобовыми	47,3	18,5	0,3	33,9
Германия (1900 г.)	68,5	19,6	0,8	11,1
Франция (1892 г.)	66,1	7,8	4,3	17,8 [1])
Соед. Штаты (1900 г.)	69,8	1,8	10,5	17,5

Это сопоставление дает нам возможность отметить, прежде всего, что ни в одной из стран Европейской культуры, даже с экстенсивным земледелием, как напр., в Соед. Штатах, процент посевов зерновых культур не оказывается таким высоким, как в России. В нынешней России, в самом интенсивном районе—белорусском и в том мы имели в 1913 г. — 76,5%, т.-е. более $^3/_4$ посевной площади под зерновыми хлебами, между тем, как в европейских странах процент зерновых хлебов нигде не достигает 70%. Во всей же России он в 1913 г. превышал $^9/_{10}$ всей площади посевов.

[1]) Таблица составлена по Дену, так как по новейшим материалам нет сведений о посевах кормовых трав.

Из прочих культур в странах интенсивного земледелия западной Европы на первое место выдвигаются корнеплоды (за исключением Франции). У нас так же они играют после зерновых хлебов первенствующую роль на северо и юго-западе и в нечерноземном центре. В нечерноземной полосе и в черноземном центре вслед за ними выдви-



гаются масличные — в первой — лен, во второй — конопля. Быстрый рост масличных мы отмечаем также на Северном Кавказе,—но это уже третья культура—подсолнух. В Европе масличные, как видно, не играли до войны мало-мальски заметной роли. Но один из важнейших дефектов русских систем земледелия—это ничтожное развитие посевов кормовых трав, которые даже в Соединенных Штатах занимали 17,5% посевной площади, а у нас максимум (в Белоруссии) 5,1%, по всей же России немногим более одной сотой доли. Ничтожному распространению

кормовых трав, которые в Англии покрывают третью часть посевов, мы обязаны быстрым истощением почвы и упадком скотоводства.

Итак, гипертрофия зерновых культур, высокий, относительно, процент масличных и эмбриональное состояние полевого травосеяния,— вот основные черты, отличающие наши севообороты от западно-европейских. Правда, с течением времени мы видим, что и у нас происходила до войны заметная эволюция в сторону интенсификации в районах запада и центра Европейской России, при чем в каждом районе начал формироваться свой тип севооборота, своя система земледельческого хозяйства. Так, в белорусском районе развивалось преимущественно производство картофеля, как нигде в других районах России; из зерновых хлебов здесь преобладали рожь и овес. Эти три культуры занимали до 75% всей площади, и применительно к системе проф. Фортунатова (классификация по трем — четырем главным культурам) белорусский район следует назвать ржано-овсяно-картофельным.

В следующем по направлению с запада на восток—приозерном, пропорция ржи одинакова с белорусским (46% и 46%), но пропорцая овса выше (30% против 21%); на 3-ем месте здесь стоят в одинаковой пропорции (8%) лен и ячмень, так что этот район характеризуется, как ржано-овсяно-льняной и ячменный. Процент льна здесь максимальный в России.

В Московско-промышленном районе процент ржи и овса одинаков с приозерным; но на третьем месте стоит не лен, а картофель, на четвертом—лен. Это значит район — ржано-овсяно-картофельно-льняной.

Северный район по той же самой системе надо назвать ржано-овсяно-ячменным. Здесь пропорция ячменя максимальная в нечерноземной полосе (16%). Наконец, приуральский район отличается уже некоторым развитием посевов пшеницы: это будет ржано-овсяно-пшеничный.

В черноземной полосе несколько иные соотношения. Западно-украинские районы отличаются большим разнообразием культур. Чтобы их охарактеризовать, надо назвать целых 7 растений: рожь (26,5%), пшеницу озимую (11,5%), пшеницу яровую (14,0%), овес (15,6%), ячмень и, наконец, сахарную свеклу (4%) на ряду с гречихой (5,6%). Эта область первая в России по пропорции посевов сахарной свеклы.

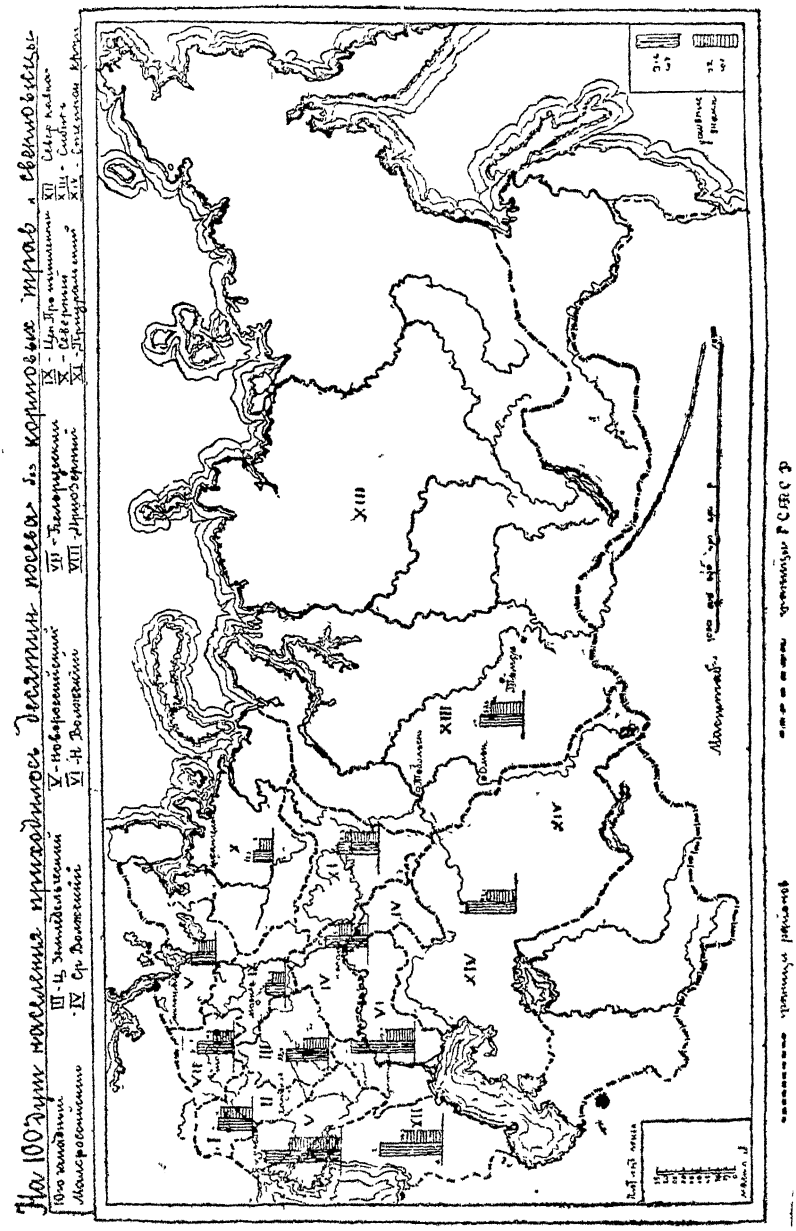
В центрально-земледельческом районе пропорция культур гораздо более однообразна: рожь и овес здесь занимают такое же почти пространство, как в промышленном центре (68%). Но на третьем месте стоит новая культура—просо (7.2%). Из прочих промышленных культур выдающееся место занимает конопля. Это центр производства конопли в России. Таким образом, центрально-земледельческий район можно охарактеризовать как ржано-овсяно-просяно-конопляный.

Средне-волжский район экстенсивнее: в нем после обычных ржи и овса, занимающих здесь уже только 65%, на третье место выдвигается яровая пшеница. Этот район по типу соответствует южной части Приуралья. Выдающихся интенсивных культур здесь нет совсем.

Все перечисленные выше районы в XX веке выказали довольно заметную тенденцию к интенсификации, за исключением северо-востока. Как видно из предыдущей таблицы, пропорция зерновых культур здесь сократилась за 10 лет, приблизительно, на 3—4%. В остальных районах пропорция зерновых культур или не сократилась совсем (за исключением Сев. Кавказа) или даже выросла (в Сибири). Это—районы безудерж-

ного развития чистого зернового полеводства; но каждый из них и в этом отношении отличается своими особыми чертами.

Так, в Новороссии на первом плане стоит пшеница (яровая и озимая), занимавшая в 1913 г. здесь больше места, чем на севере рожь



(39,4%, яровая пшеница, 9,4%, озимая 39,4%, всего 48,8%). На втором месте, также резко выдаваясь из всех других районов, стоит ячмень (30%). Этот район поэтому следует охарактеризовать лишь двумя культурами как пшенично-ячменный.

Нижне-волжский район- царство яровой пшеницы (60,6 %), на втором месте, далеко ей уступая, стоит рожь (22,8%). Следовательно,—это пшенично-ржаной район, хотя точнее его следовало бы назвать только пшеничным.

На Сев. Кавказе опять свои особенности. Здесь на первом месте стоит не яровая, а озимая пшеница (35,4%), на втором ячмень (22,3%), на третьем—яровая пшеница (22,5%). Из остальных культур выдающееся значение имеет подсолнух, распространенный больше, чем во всех других районах (4%), а также кукуруза (4,5%). Таким образом, это—пшенично-ячменно-кукурузно-подсолнечный район.

В Сибири пропорция культур всего однотоннее: на первом месте пшеница (45,5%), на втором овес—28,4, на третьем, далеко отступая назад (11,3%), рожь. С натяжкой Сибирь характеризуется, как пшенично-овсяно-ржаная область. Наконец, степной край, как и Нижнее Поволжье,—царство яровой пшеницы (65%). Все остальные культуры, и даже неизменный овес, отходят на второй план (13,9%).

Такова характеристика севооборотов отдельных районов. Как видно из нее, почти каждый район имеет свое собственное земледельческое „лицо". Это лицо, однако, не вечно: оно меняется в центральных и западных районах в сторону распространения более интенсивных культур и, следовательно, в сторону большого их разнообразия, а в районах юго-востока и востока—наоборот, в сторону усиленного развития одной, много—двух, большею частью зерновых экстенсивных культур, имеющих преимущественно рыночное значение Эти области—„пшеничные" фабрики, как увидим дальше, заметно истощившие почву и подготовлявшие тот крах естественных рессурсов природы, который разразился здесь в 1921 г.

Итак, до мировой войны земледелие в различных областях и районах России, развиваясь вообще, двигалось различными путями: в западных и некоторых центральных районах (за исключением среднего Поволжья), оно вступило на путь интенсификации, а в южных и восточных—эволюции экстенсивного зернового хозяйства, пройденный уже в густо населенных областях.

§ 2. Эпоха 1914—23 г.г. Движение посевов по области в периоды мировой, гражданской войны и НЭП'а.

Уже из предыдущей характеристики изменения посевных площадей по СССР за 1914—23 г.г. ясно, что в эту эпоху перетурбационное влияние войны, голода, уничтожения внешнего и сжатия внутреннего рынка было далеко не одинаково: в одни периоды оно сильнее давило на земледелие в другие слабее. Различный характер воздействия разных событий на полеводство будет виден гораздо отчетливее, если мы рассмотрим движение посевных площадей по областям. Этот анализ мы произведем по трем периодам: мировой войны (1914—16 гг.), гражданской (1917—20 г.г.). и НЭП (192 —23 г.г.).

Первый период мировой войны 914—17 г.г.

Во время мировой войны появляются признаки упадка земледелия—предвестники разразившегося в последующее трехлетие максимального кризиса.

Посевные площади (без кормовых трав, свекловицы, хлопка и прочих мелких культур).

	Запад.		Центр.		Северо и юго-восток.			
	1913	1916	1913	1916	1913	1916	1913	1916
							ВСЕГО.	
							Европ. Россия.	
Нечерноземн. полоса .	8,8	3,7	5,7	4,7	6,3	5,9	68,6	62,1
							Азиатская Россия.	
Черноземная » .	16,4	9,6	21,8	20,2	20,6	18,0	17,8	17,1
							Итого РСФСР.	
Аз. Россия	7,1 (С. Кавказ).	5,4	6,1 (Сибирь).	6,1	4,6 (Степ. край).	5,6	86,4	79,2
	Изменения в %%.						Европ. Россия.	
Нечерноземн. полоса .	— 2,6		—17,5		— 6,3		—9,5	
							Азиатская Россия.	
Черноземная » .	—17,7		— 7,3		—12,6		—3,9	
							Вся РСФСР.	
Аз. Россия.	—23,9		6,0		+21,7		—8,3	

Больше всего пострадали области Сев. Кавказа, юго-запада юго-востока и промышленный центр: первые, вследствие выпадения внешнего рынка, куда они экспортировали до войны сотни миллионов пудов пшеницы и ячменя. Промышленный центр сжал посевные площади, благодаря отливу лучшего населения в города, куда оно шло, спасаясь от мобилизации в „военную“ промышленность. В Сибири убыль посевов была не велика, а в степном крае она даже увеличилась, потому что отрыв потребляющей полосы Европейской России от юга, благодаря загруженности южных жел. дорог военными грузами, усилил потребность промышленных районов в сибирском хлебе и вывоз зерна, главным образом, из Омского и Новониколаевского районов увеличился в $1^1/_2$ раза.

В общем, по России мировая война причинила меньшие потрясения чем, например, в Германии: внутренний рынок, расширенный колоссальной армией и ростом городского населения, в значительной степени возместил убыль внешнего.

Второй период 1917—20 г.г.

Максимальный кризис, как мы уже сказали, разразился в период гражданской войны.

Посевные площади (в милл. десятин).

	Запад.		Центр.		Северо и юго-восток.			
	1917	1920	1917	1920	1917	1920	1917	1920
							Европ. Россия.	
Нечерноземн. полоса .	3,4	2,5	4,8	3,1	5,4	4,2	61,2	47,7
							Азиатская Россия.	
Черноземная » .	8,9	8,5	21,6	17,0	17,7	12.5	18,0	15,8
							Вся РСФСР.	
Аз. Россия	5,4 (С. Кавказ).	3,8	6,8 (Сибирь).	6,4	5,8 (Степ. край).	5,6	79,2	63,5

	Изменения в %%%			Европ. Россия
Нечерноземн. полоса	—26,5	—35,4	—12,2	—22,1
Черноземная „ .	—14,5	—29,0	—29,4	Азиатская Россия. —22,2
Аз. Россия	—29,6	— 5,9	—20,7	Вся РСФСР. —12,0

Посевы деградировали решительно повсюду, но степень их падения не одинакова. Наименее пострадали районы Украины и сев.-востока, наиболее—северо-западные и юго-восточные. На центральные районы упала вся тяжесть продразверстки, имевшей, повидимому, более пагубное значение, чем гражданская война. Так, на Украине, несмотря на то, что там свирепствовала гражданская война в самых широких размерах, посевы убавились вдвое-втрое меньше, чем в Великороссии. В Сибири, где также шла гражданская война, убыль посевов была минимальной, зато в 1921 г. после введения продразверстки, мы видим там сразу сокращение посевных площадей почти на одну треть.

Чрезвычайное сжатие внутреннего рынка при об'явленной Антантой блокаде России привело к натурализации земледельческого хозяйства, которая будет охарактеризована дальше, когда мы перейдем к анализу изменений в составе отдельных культур. Здесь же в числе факторов, влиявших на общее сокращение посевных площадей, следует упомянуть описанное выше уравнительно-передельное движение в крестьянской среде, которое при отсутствии стимулов к расширению посевов и при наличии противоположных, толкающих крестьян к наивозможному их сокращению (отсутствие рынков, тягость продразверстки и прочих натурналогов, недостаток семян и орудий производства),—привело к преобладанию в крестьянской среде не средне,-мало посевных слоев.

Переходный период 1921—1922 г.г.

Последний период рассматриваемой эпохи сельско-хозяйственной эволюции представляет большой интерес резко выраженной противоположностью динамических процессов, происходивших в различных областях СССР.

Для характеристики этих процессов мы берем цифры местных органов НКЗ, близко подходящих к данным ЦСУ, но гораздо более отчетливо выявляющих картину происходивших в последний период процессов.

ОБЛАСТИ.				Посевная площадь 1922 г. в %%% принимая за 100.		
	1920	1921	1922	1913	1916	1920
Нечерноземная полоса.						
Запад	2472	2654	3352	88	90	136
Центр	3636	3257	3678	64	79	121
С.-восток	3914	3712	2668	42	44	70
Черноземная полоса.						
Запад.	—	8388	8614	83	90	103
Центр.	16995	3768	13399	62	60	79
Юго-восток	12632	11568	9197	44	61	73
Сев. Кавказ	3842	3373	2719	38	50	71
Сибирь	6393	5172	3778	62	62	59
Степной край.	4635	3654	1852	40	33	40
Итого РСФСР . . .	62308	54886	49297	57	63	79

Относительные величины, представленные тремя последними столбцами, дают стройные ряды, характеризующие нарастание убыли посевных площадей в черноземной и нечерноземной полосах по направлению с запада на восток и от центра к югу. Сопоставление площадей 1920 и 1922 г. не дает из этого правила никаких исключений: сопоставление 1922 и 1913 г.г. показывает, что в Сибири и Степном крае, где посевные площади до 1920 г. не убывали, а росли, только с этого года началось сильное падение. Но темп этого падения столь велик, что за последние два года эти районы потеряли 41—60% площадей 1920 г., т.-е больше всех других районов; в черноземном юго-востоке и Сев. Кавказе сокращение посевов за эти два года составляло 27—29%, т.-е. менее $^1/_3$.

Итак, очевидно, что все бедствия минувшего периода сравнительно легко пережиты районами Запада и центра с более интенсивными системами полеводства и наиболее тяжело отразились на экстенсивном зерновом хозяйстве юго-востока, которое оказалось гораздо менее устойчивым.

Начало возрождения 1923 г.

1922 год был переходным к начавшейся эпохе возрождения сельского хозяйства, ибо в этом году на юго-востоке, как мы видим, отчетливо сказались последствия голода максимальным падением посевов, тогда как запад и центр в 1921 г. систематически возрождают свое земледелие. В 1923 году усиленная реставрация земледелия наблюдается повсюду. Проследим происходящую эволюцию посевов по районам, при чем возьмем новейшие районы Госплана, которые начинают уже проходить в жизнь.

Изменение посевов в тыс. десятин за 1922—23 г. по районам Госплана (соедин. в области).

	Посевная площадь в тыс. дес.		Прирост в %%.	% 1923 к 1923 г.
	1922	1923		
Нечерноземная полоса.				
Запад.	3648	3990	+ 9,4	82,2
Центр (сев.-зап. и центр.-пром. районы)	6538	7345	+12,3	78,5
Сев.- восток, (Северо-Восточн, Вятско-Ветлужский, Урал) .	3616	4510	+24,7	59,4
Итого по нечерноземн. пол. . .	**13802**	**15845**	**+14,8**	**72,6**
Черноземная полоса:				
Запад. (Украинно - лесостепь). Украина	8300	8341	+ 0,5	83 5
Центр. (Центр-земл., Средневолжский)	10565	12386	+17 2	65,8
Юго - восток. (Украинск. степь. Нижн. Поволожье, Северный Кавказ, Крым.	12579	16506	+31,2	58,3
Итого по черноземн. пол . . .	**31444**	**37233**	**+18,4**	**65,2**
Сибирь	3315	4101	+23,7	67,0
Киргизия.	1799	1686	— 6,3	50,2
Всего по СССР.	**50360**	**58865**	**+16,9**	**66,6**

Восстановление посевов, как и следовало ожидать, происходит гораздо быстрее в черноземной полосе, где до последнего года наблюдалось сильнейшее падение; при этом голодавший юго-восток дает максимум под'ема на 28%. Нечерноземная полоса, где во многих местностях посевы дошли до уровня, 916 года и даже довоенного, естественно, прирост посевов в 1923 году идет более замедленным темпом. В общем, возрождение земледелия прогрессирует по направлению с Запада на Восток.

Такова суммарная характеристика периодов динамики посевных площадей с начала мировой войны.

Как видно из изложенного, эволюция посевов ни в одном из периодов не давала однообразной картины по всем областям. Более интенсивные области не стремились к особенному расширению своих посевов в периоды под'ема, но зато периоды депрессии переживали сравнительно легко и быстро оправлялись; экстенсивные районы, наоборот, безудержно расширяли свои запашки при благоприятной экономической кон'юнктуре и стремительно сокращали их в моменты потрясений.

Глубина и сила последнего кризиса, пережитого экстенсивными юго-восточными районами, настоятельно требует радикального перестроения господствовавшей там до тех пор хищнической системы земледелия, сложившейся на исключительном преобладании двух рыночных зерновых культур—пшеницы и ячменя, истощавших почву.

В последующем изложении будет указана трансформация посевов как на юго-востоке, так и в остальных областях, и по ней возможно судить о характере дальнейшей эволюции земледелия.

§ 3. Движение посевов и сборов зерновых хлебов за 1901 — 1923 г.г.

С 1901—5 г.г. посевные площади отдельных зерновых культур на всей территории СССР изменялись следующим образом:

	В тысячах десятин								
	1901—5 г.	1913 г.	Принимая 1901—5 г. за 100.	1916 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	Отношение площадей 1923 г. к 1913 и 1920 г. принят за 100.	
								К 1913 г.	К 1920 г.
Рожь озимая	22509	22924	102	20517	17006	16798	20057	87	118
Пшеница »	4384	5357	122	5696	4225	3448	3225	60	76
Рожь яровая	575	599	104	551	367	191	189	32	51
Пшеница »	15422	20781	135	17371	13571	5178	7388	36	54
Овес	13966	15134	108	14708	10353	6658	8076	53	78
Ячмень	6927	9577	133	8918	6050	2966	5062	53	84
Гречиха	1912	1756	92	1865	1640	1639	2028	115	124
Просо	3064	3010	98	2781	3779	5379	4458	148	118
Кукуруза	622	828	133	934	1043	1969	1301	157	125

Как видно из таблицы, колебания площадей отдельных культур различны и частью противоположны в периоды упадка и под'ема сельского хозяйства. В период под'ема 1901—13 г г. площади трех культур—ржи, проса и гречихи или остаются почти без изменения (рожь), или даже слегка падают (просо и гречиха. Зато очень сильно возрастают посевы пшеницы, особенно яровой (на 35%) и ячменя (на 38%), а затем кукурузы, которая, впрочем, в этом периоде занимала весьма небольшую площадь. Наконец, посевы овса расширяются на небольшую величину (8%).

В периоды упадка (1914—22 г.г.), как раз наоборот, площади яровой пшеницы и ячменя сокращаются максимально (на 73 % и 69%), затем овса (на 56%), гораздо меньше их убывают посевы озимой пшеницы (на 38%), ржи (на 28%) и гречихи (на 12%). Площади проса даже возрастают на 54%, а посевы кукурузы расширяются сразу на 154%—в 2½ раза.

Если мы обратимся к цифрам, характеризующим рыночность перечисленных зерновых культур, то мы сразу отметим главную причину, создавшую такие диаметрально противоположные колебания площадей их посевов.

Процент рыночности главных хлебов составлял (до войны)

	По расчет. проф. Кондратьева (% перевозок к налоговому сбору).	По расчет. проф. Лященко (% перевозок к чистому сбору.
Пшеница	33,5	57,5
Ячмень	28,0	42,1
Овес	19,7	28,1
Рожь	9,6	16,1
Гречиха	9,1	—
Просо	6,0	—

Наиболее рыночными культурами оказываются пшеница и ячмень, затем овес, потом рожь и менее всех—крупяные хлеба—гречиха и просо. Буквально в том же порядке эти хлеба возрастают в довоенный период под'ема и сокращаются в упадочном периоде мировой и гражданской войны.

Отсюда ясно, что главным фактором, влияющим на колебания посевных площадей зерновых культур, являются рыночные отношения. В первый период развития этих отношений расширяются рыночные зерновые культуры—пшеница, ячмень, частью овес, а потребительские—рожь и крупяные хлеба, отодвигаются на второй план; во втором периоде выпадение внешнего и резкое сжатие внутреннего рынка приводят к противоположным результатам. Но кроме этого главного фактора, несомненно, воздействуют и другие, в частности, недостаток семенного материала у крестьян за последние годы. Рожь требует 8—9 пуд. на десятину, гречиха 3—4 пуда, просо 1—2 пуда, кукуруза тоже. Если бы рожь требовала только 2—3 пуда семян, надо было бы ожидать, что в последние годы ее посевы расширятся больше посевов крупяных хлебов, но семена кукурузы широко раздавались правительством и филантропическими организациями в голодный год.

Третий фактор, влияющий на распространение проса и кукурузы на юго-востоке—засухоустойчивость этих культур. Наконец, четвертый—недостаток рабочих сил, орудий и скота.

Переходим теперь к порайонному анализу эволюции посевов и сборов каждой культуры в отдельности по районам с 1913 г.

Рожь озимая

Посевы ржи—главного продовольственного хлеба крестьянского населения, в общем, по России пострадали меньше, чем прочих главных зерновых культур—овса, ячменя, пшеницы. По отдельным районам, однако, изменения площади посевов ржи были различными.

РАЙОНЫ.	Принимая площадь 1913 г. за 100.			
	1913	1916	1920	1922*)
Нечерноземная полоса.				
Белорусский	100	89,2	63,1	85,2
Приозерный	100	81,3	65,4	72,8
Центр.-пром	100	71,3	55,0	61,9
Северный.	100	87,6	66,8	94,1
Прпуральский	100	86,0	63,6	45,4
Итого нечерноз. пол.	100	82,2	61,4	61,8
Черноземная полоса.				
Юго-Западный.				
Малороссийский . . .	100	96,1	—	105,1
Центр.-земледч	100	95,8	73,3	78,1
Средне-волжский . . .	100	92,6	87,4	61,0
Новороссийский . . .	100	96,8	—	62,2
Нижне-волжский . . .	100	93,0	78,4	46,4
Итого черноземн. .	100	94,6	77,5	73,3
С. Кавказ	100	23,8	15,0	19,5
Сибирь	100	85,8	66,9	47,9
Степной край	100	46,7	23,2	42,5
Итого Аз. Россия.	100	66,5	48,0	42,3
Всего СССР. .	100	89,4	71,2	69,2

Западные районы—белорусский и Украина, а также северный, раньше всех стали выходить из состояния кризиса. Уже в 1921 г. площадь ржи в них снова стала расширяться, а в 1922 г. по Белоруссии достигла почти уровня 1916 г., а по Украине, где, впрочем, рожь не играла большой роли,—в этом году она превзошла даже довоенную. В 1913 г. на западе нечерноземной полосы дальнейший под'ем ржаных посевов, достигший, видимо, возможного в данный момент предела, замедляется, продолжаясь на Украине.

*) По местным материалам.

Менее благоприятно положение с группой центральных районов. В нечерноземной полосе посевы ржи продолжают сильно падать и в 1921 г. в приозерном районе и слегка сокращаются в центрально-промышленном. Их рост начинается здесь лишь с 1922 г., который в приозерном районе по урожаю не был благоприятным.

Главные массивы ржаной продукции РСФСР лежат в земледельческом центре и в среднем Поволжьи. Здесь в 1913 г. мы имеем 9,2 мил. дес. из 22,9 мил. дес. всех посевов ржи СССР, т.-е. 40% ; в 1922 г. эта площадь снизилась до 6,4 мил. дес. при 16,4 мил. дес. общей площади РСФСР, т.-е. роль этих районов сохранилась в прежнем масштабе Однако, как и промышленный, земледельческий центр обнаруживает тенденцию к под'ему только с 1922 г., а средне-волжский район, переживший голод в 1921 г., и в последнем году продолжает сжимать свои ржаные посевы.

Группа южных и Юго-восточных районов так же, как и азиатских, в ржаной продукции СССР особенной роли не играет, а с момента революции, в особенности в Азиатской России, посевы ржи деградировали очень резко; в Новороссии они начали подниматься в 1922 г., но в 1923 г. остановились под влиянием повторного неурожая. В нижнем Поволжьи—сокращение до 1922 г. и под'ем сразу на 56% в 1923 г.

Если мы сведем все районы в три группы—западные (белорусский, Украина), центральные (центрально-промышленный, приозерный, северный, центрально-земледельческий, средне-волжский) и группу южных и восточных районов (приуральский, новороссийский, нижне-волжский и Азиатская Россия), то увидим такое изменение в соотношении посевных площадей.

№№ по порядку.		Площадь под рожью.				В % ко всей площади РСФСР[1].			
		1913 г.	1920 г.	1922 г.*)	1923 г.*)	1913 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.
1	В Западной группе. .	4,5	3,5	5.3	6,8	19,6	21,5	01,4	33,8
2	« Центральн. группе.	12,9	9,6	8,2	9,0	56,4	58,9	48,5	44,7
3	« Южной и восточной группе	5.5	3,2	3,4	4,3	24,0	19,6	20,1	21,5
	Всего СССР. . .	22,9	16,3	16,9	20,1	100	100	100	100

Отсюда видно, что до последнего времени систематически возрастал удельный вес западных и центральных районов, в 1923 г., кроме них, усилилась роль восточных (Урала и Сибири) В общем, распределение ржаных посевов по районам стало гораздо более равномерным, чем до войны, когда они сосредоточивались преимущественно в центре. Увеличение посевов ржи, именно на западе важно с точки зрения экспорта.

Урожаи и валовые сборы озимой ржи за период 1913—1921 г.г., хотя и упали, но далеко не так сильно, как остальных хлебов.

---

[1]) По данным ЦСУ (сводка районов Госплана)

Урожай в пудах с десятины ржи озимой.

1901—1905 г.г.	54
1906—1910 »	47
1911—1915 »	59
1916 г.	63
1917 »	43
1918 »	41
1919 »	39
1920 »	29
1921 »	26
1922 »	44,5
1923 »	41,7 (с надбавкой).

С поправкой на 0,5 балла урожай 1922 г. первый после полосы низких урожаев и полных неурожаев определяется почти в 50 п. Отсюда видно, что этот рекордный урожай последних лет ниже урожая 1916 г. на 13 пуд. или на 21%. Причина несомненна—упадок техники обработки, количества и качества сельско-хозяйственных машин и орудий, удобрения, засорения семян и проч.

Предстоит упорная борьба за восстановление и развитие бывшей и до войны на низком уровне агрикультуры нашего крестьянского хозяйства.

Прямым следствием падения урожаев является понижение валовых сборов.

Сборы озимой ржи (в миллионах пудов).

1901—1905 г.г.	1094,1
1906—1910 »	986,1
1911—1915 »	1188,5
1913 г.	1257,6
1916 »	1259,6
1920 »	393,3
1921 »	415,6
1922 »	752,4 (без надбавки).
1923 »	835,8 (с надбавкой).

Таковы данные, касающиеся производства ржи по районам. Из них вытекают такие выводы:

1) Производство ржи падало в общем до 1920 г. включительно; когда оно сократилось, сравнительно с 1916 г., на 8,6 мил. дес. или 28%; с 1921 г. до 1923 г, благодаря возрождению земледелия, в западных и, частью, центральных районах, где оно сконцентрировалось, посевы ржи успели подняться на 3,2 мил. дес. и дошли почти до уровня 1916 г. В общем, сейчас они ниже довоенных только на 17%. Россия по производству ржи попрежнему первая страна в мире, способная экспортировать довольно значительное количество за-границу.

2) Западные и центральные районы до последнего года частью относительно, частью абсолютно расширяли свою ржаную продукцию; только в 1923 г. Приуралье и Сибирь, после голодных годов, принялись усиленно за восстановление озимого клина и тем установили прежнее распределение посевов между областями.

3) В общем, к настоящему году повсюду относительное значение ржаного озимого клина возросло. Урожайность ржи упала меньше, чем других хлебов, и, следовательно, роль ржи в народном питании увеличилась.

2. Пшеница.

Посевы пшеницы, особенно яровой, подвергались гораздо более резким потрясениям.

Пшеница озимая

Районы.	%%, принимая площадь 1913 г. за 100.					
	1913 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Нечерноземная полоса:						
Белорусский	100	80	64	79	75	92
Приозерный	100	144	116	118	220	158
Центрально-промышленный	100	92	68	90	71	75
Северный	—	—	—	—	—	—
Приуральский	100	200	400	33	833	—
Итого нечерноземная полоса	100	96	79	86	101	87
Черноземная полоса,						
Украина	100	120	—	69	82	85
Центрально-земледельческий	100	135	160	54	29	39
Средне-волжский	100	191	298	167	20	57
Новороссийский	100	148	—	98	74	86
Нижне-волжский	100	443	62	83	31	98
Итого черноземная полоса	100	136	90	89	74	82
Северный Кавказ	100	79	50	57	49	58
Сибирь	100	13,2	9,9	—	0,6	52
Степной край	100	374	459	182	56	983
Азиатская Россия	100	79	50	57	49	59
Итого по СССР	100	109	71	71	62	71

Пшеница яровая

Районы.	%%, принимая площадь 1913 г. за 100.				
	1913 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Нечерноземная полоса.					
Белорусский	100	99	93	123	198
Приозерный	100	170	118	185	289
Центрально-промышленный	100	85	36	70	85
Северный	100	81	37	42	59
Приуральский	100	103	75	62	34
Итого нечерноземная полоса	100	102	74	64	44
Черноземная полоса:					
Украина	100	60	—	47	22
Центрально-земледельческий	100	81	45	22	6
Средне-волжский	100	85	84	41	29
Новороссийский	100	56	—	40	11
Нижне-волжский	100	183	45	21	15
Итого черноземная полоса	100	69	48	36	17
Северный Кавказ	100	65	40	29	8
Сибирь	100	105	114	95	65
Степной край	100	124	101	68	38
Азиатская Россия	100	106	95	72	43
Итого по СССР	100	83	65	49	27

Озимая пшеница, площадь которой в 1913 г. было вчетверо меньше площади яровой, сохранила к 1922 г. почти $^2/_3$ довоенной площади. Ее посевы сосредоточивались почти целиком в 3-х районах: на Украине, главным образом, западной, где в 1922 г. оказалось 82% довоенной нормы, в Новороссии, где сохранилось 74% и на Северном Кавказе, где ее засевалось больше всего (свыше 2,5 мил. дес.) и где от прежнего количества осталось—49% .

Таким образом, мы видим и здесь, что западные районы сохраняют прежнюю продукцию в гораздо большей степени, чем восточные. Но, что касается яровой пшеницы, то здесь к 1922 г., можно сказать, разгромлены почти все районы, засевавшие ее в более или менее значительных количествах. В Приуралье осталось 34% довоенной площади, на Украине—32%, в центрально-земледельческом районе—только 6%, в среднем Поволжьи—29%, в Новороссии, где был сконцентрирован главный массив,—6 миллионов десятин—осталось всего лишь 11%—около 700 тыс. десятин, в нижнем Поволжьи—15% на Северном Кавказе—8%. Больше других сохранились сибирские пшеничные посевы—65% и в степном крае—38%. Сохранились потому, что падение сибирского земледелия началось лишь с 1921 г.

Целый ряд причин способствовал такому катастрофическому падению. Уже в 1916 г. районы черноморского кольца и Прикаспия—Новороссийский, Северный Кавказ и Нижне-Волжский, а также Украина убавляют посевы яровой пшеницы на $^1/_3$, $^1/_4$ и даже на половину (Новороссия) по двум причинам: за прекращением заграничного экспорта и вследствие убыли рабочих рук. Помещичьи экономии остаются без пришлых наемных работников, которых приходило сюда на полевые работы из центра ежегодно свыше миллиона. Затем, ликвидация помещичьего землевладения, наиболее распространенного в этих районах—уравнительные переделы, срезавшие верхние полутоварные слои крестьянских хозяйств, и, наконец, голод 1921 г. и недостаток яровых семян, требующихся в количестве 8 - 9 пудов на десятину,—все это вместе взятое создало такое потрясение яровой пшеничной продукции, от которого она сможет оправиться лишь в течение ряда лет, да и то не вполне, ибо уничтожение крупно-поместного землевладения и недостаток рабочих рук, помимо чисто агрикультурных соображений, заставят и уже заставляют местное крестьянское население переходить к культуре пропашных, в частности, кукурузы. Кукуруза, просо, подсолнух в совокупности, возместили сокращение пшеничных посевов на юге и юго-востоке на более или менее заметную величину.

Посевы в тысячах десятин.

		Кукуруза.	Просо.	Подсолнух	ВСЕГО.	Яровая и озимая пшеница.
Новороссийский	1921 г.	416	322	273	1011	3633
	1922 »	1291	663	599	2553	928
	1920 »	331	189	165	685	1750
Северный Кавказ	1921 »	340	155	137	632	1811
	1922 »	545	174	254	973	1351
	1920 »	—	201	20	226	1427
Нижне-волжский	1921 »	—	257	30	287	681
	1922 »	24	385	106	515	492
	1921 »	146	417	61	624	1477
Украина	1922 »	206	618	120	944	1398

На Украине увеличение посевов трех названных культур возместило убыль пшеничных в 4 раза, на северном Кавказе—на 72,2%, в Новороссии—на 57%, а в Низовом Поволжьи—на 30,9%. Все эти культуры позднеспелые и не требуют такого высокого напряжения труда в два момента—пахоты и особенно уборки, когда земледельцам приходится в несколько дней скосить и убрать тысячи десятин одновременно созревших ячменя и пшеницы, иначе зерно начнет высыпаться.

Однако, положение вещей может значительно измениться, если русской пшенице будет открыт широкий сбыт за границу. Из цифр посевов 1923 г видно, что восстановление посевных площадей в экспортных районах Украины и на юго-востоке за последнее время двигается быстрыми шагами вперед.

Посевы в тыс. десятин *).

Области.	Озимая пшеница. 1922 г.	Озимая пшеница. 1923 г.	Яровая пшеница. 1922 г.	Яровая пшеница. 1923 г.
Нечерноземная полоса.				
Запад	18,3	15,3	48,6	59,5
Центр	17,8	33,5	56,5	87,5
Северо-восток	—	2,2	434,8	676,2
Итого нечерноземная полоса	36,1	51,0	539,9	823,2
Черноземная полоса.				
Запад	872,7	697,7	432,8	575,4
Центр	61,1	87,5	482,3	850,2
Юго-восток	2466,0	2382,2	1503,0	2803,3
Итого черноземная полоса	3399,8	3167,2	2418,1	4228,9
Сибирь	7,6	5,5	1312,5	1418,8
Киргизия	4,7	1,3	907,9	917,2
Итого по СССР	3448,2	3225,0	5178,4	7388,1

Это движение, естественное после годов великих потрясений и голода, когда подавляющее большинство крестьянских хозяйств сократило свою площадь до минимума, неизбежно остановится на уровне потребительской нормы посевов в 4—5 десятин на хозяйство, если рыночные условия для расширения посевов за пределы этой нормы будут так же неблагоприятны, как были в только что истекший период зимы—весны 922—23 г.г. Емкость нашего внутреннего рынка в данный момент чрезвычайно невелика и быстро расшириться не сможет. Поэтому единственное средство муссировать расширение посевов „товарных культур“ в том числе пшеницы—это открыть этим хлебам широкий доступ за границу.

Урожаи и валовые сборы пшеницы за последние годы упали сильнее, чем ржи.

*) По районам Госплана.

	Урожай с 1 десятины.		Валовые сборы в милл. пуд.		
	Озимой.	Яровой.	Озимой.	Яровой.	
1901—1905 г. .	63	44	266	611	
1906—1910 » .	57	42	261	689	
1911—1915 » .	66	47	338	810	
1913 г.	—	—	297	362	
1916 »	68	49	408	1048	
1917 »	50	40	—	—	
1918 »	38	33	—	—	
1919 »	41	39	—	—	
1920 »	26	23	52	190	(без Украины).
1921 »	23	20	101	265	
1922 »	53	40	153	186	
	(с надбавкой 0,5 балла)		(без надбавки)		
1923 »	31	42	182	225	

Но цифры сборов 1922 г., вероятно, преуменьшены. Общий валовой сбор той и другой (без надбавки) составит кругло 340 милл. пудов, т.-е. на 410 милл. ниже размеров ржаной продукции, тогда как в 1913 г. сборы ржи составляли 1258 милл. пудов против 1456 милл. пудов пшеницы. Очевидно, что создавшееся соотношение сборов может измениться только в том случае, если спрос на пшеницу на внешнем и внутреннем рынках достигнет уровня, близкого к довоенному.

Выводы. 1) Посевы пшеницы, особенно яровой, возраставшие до войны гораздо сильнее ржи, упали за последние годы в несколько раз больше последних, Но за 1923 г. происходит усиленное восстановление пшеничных посевов. 2) Находясь преимущественно в южных и восточных районах, большая часть которых обслуживала внешний рынок, можно ожидать дальнейшего развития посевной площади, если только русской пшенице откроется широкий сбыт за границу по ценам, значительно превышающим те, которые установились за последнее время на внутреннем рынке.

Овес. Посевные площади под овсом сократились в меньшей мере до 1922 г.

Районы.	Посевные площади в %% к 1913 г., принятому 100.				
	1913 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Нечерноземная полоса.					
Белорусский	100	107	60	65	71
Приозерный	100	88	48	61	58
Центрально-промышленный .	100	75	41	44	50
Северный	100	89	67	74	72
Приуральский	100	100	85	66	28
Итого нечереноземн. полоса .	100	93	56	58	46
Черноземная полоса.					
Юго-западный и малороссийский	100	94	—	72	63
Центрально-земледельческ. .	100	103	36	37	30
Средне-волжский	100	92	77	64	50
Новороссийский	100	94	—	90	36
Нижне-волжский	100	89	39	18	20
Итого черноземная полоса .	100	98	60	55	42
Северный Кавказ	100	60	23	21	9
Сибирь	100	101	114	75	58
Степной край	100	165	158	82	47
Азиатская Россия	100	110	111	71	48
Итого вся СССР	100	93	63	59	41

Колебания овсяных посевов представляют весьма пеструю картину, в общем, соответствующую посевам ржи. Меньше всего упали посевы в западных районах: Белорусском, на Украине, а также в северном районе, где они сократились, примерно, на $^1/_3$, на половину они уменьшились в центральных—приозерном, центрально-промышленном, среднем Поволжьи, а также и в Сибири, но в земледельческом центре упали втрое. Больше всего они понизились на востоке и юго-востоке—Приуралье, Новороссии и нижнем Поволжьи—в 3—5 раз. Но тут они не играли заметной роли (кроме Приуралья).

Площадь посевов овса на 1923 г. восстанавливает ее, в общем, до 80% территории 1920 г. и даже несколько выше, за исключением Приуралья, среднего и нижнего Поволжья, Сибири, особенно Киргизии—т.-е. районов, наиболее пострадавших в 1921 г.

Площадь овса (в тыс. дес.).

Области.	1922 г.	1923 г.
Нечерноземная полоса.		
Запад	669,0	638,0
Центр	1306,4	1588,8
Северо-восток	960 3	1362,8
Итого нечерноземная полоса	2935,7	3589,8
Черноземная полоса.		
Запад	1005,6	879,6
Центр	1438,6	2026,2
Юго-восток	447,1	621,4
Итого черноземная полоса	2891,3	3527,2
Сибирь	650,1	792,0
Киргизия	180,9	167,0
Вся СССР	6658,0	8076,0

Восстановить площадь овса труднее, чем, например, ржи, в виду того, что посев этого злака требует семян обычно до 2-х четвертей на десятину (от 11 до 14 пудов в потребляющей и производящей полосах). Однако, эти районы и еще более их земледельческий центр, потерявший максимум овсяных посевов, выказывают живое стремление к скорейшему восстановлению посевов этого кормового продукта, весьма важного для крестьян сейчас, когда так остро стоит для них вопрос о возобновлении утерянного живого инвентаря. В настоящее время овсяные посевы сосредоточиваются в центре: 3,6 милл. дес. из 8,1 милл. дес. общей площади. На западе и на юге черноземной полосы реставрируются посевы ячменя.

Урожаи и сборы овса, в общем, шли ровнее и падали меньше, чем остальных яровых хлебов.

	Урожай овса с десятины.	Валовые сборы в милл. пуд.	
1901—1905 г.	49	667	
1906—1910 »	56	768	
1911—1915 »	58	764	
1913 г.	—	922	
1916 »	56	690	
1917 »	42	—	
1918 »	46	—	
1919 »	44	—	
1920 »	35	302	(без Украины).
1921 »	35	312	
1922 »	46,5	315	(без надбавки).
1923 »	44,0	356	(с надбавкой).

С надбавкой на 0,5 балла валовой сбор овса в 1922 г. может быть исчислен кругло в 350 милл. пуд. Это—в $2^1/_2$ раза меньше предвоенного 5-тилетия. Но быстрый рост овсяной площади в 1923 г. позволяет надеяться, что и сборы овса в 3—4 года достигнут уровня довоенных, тем более, что цены на овес, как на наиболее распространенный в России кормовой продукт для рабочего скота, упали меньше и начали за последнее время расти быстрее, чем на остальные хлеба.

Овес, как рыночный продукт, больше обращается на внутреннем рынке, чем на внешнем, до войны (в 1908—11 г.г.) на внутренние рынки поступило 74,7 милл. пудов (51,4% всего грузооборота), на внешние—70,7 милл. пуд. (48,6).

Рожь, 70% которой поступало на внутренний рынок, и овес—хлеба, имеющие преимущественное обращение внутри страны и часто даже на узких местных рынках. Отчасти, благодаря этому, их посевные площади не испытали таких потрясений, как пшеница и ячмень.

Ячмень. Изменения в посевных площадях ячменя характеризуются следующими цифрами:

Районы.	Посевные площади в %% к 1913 г., принятому за 100.				
	1913 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Нечерноземная полоса.					
Белорусский	100	128	76	84	94
Приозерный	100	114	62	76	85
Центрально-промышленный.	100	89	39	49	64
Северный	100	97	86	77	83
Приуральский	100	94	40	42	25
Итого нечерноземн. полоса .	100	165	55	62	63
Черноземная полоса.					
Украина	100	83	—	74	63
Центрально-земледельческий.	100	72	32	22	17
Средне-волжский	100	104	80	45	128
Новороссийский	100	95	—	61	16
Нижне-волжский	100	124	65	16	33
Итого черноземная полоса .	100	92	63	61	28
Северный Кавказ	100	82	52	35	13
Сибирь	100	92	101	91	65
Степной край	100	171	146	162	64
Вся СССР	100	93	62	58	31

Падение ячменных посевов представляет чрезвычайно пеструю картину: в нечерноземной полосе, кроме восточного Приуралья, мы видим, что они сохранились в значительной степени, при чем в западных районах, как обычно, в большей мере, чем в центральных. Но нечерноземная полоса до войны засевала всего лишь $^1/_9$ часть всех посевов ячменя СССР. В черноземной—лишь на Украине и среднем Поволжьи, они уцелели. Но в Поволжьи они занимали ничтожную площадь. А в двух главных ячменных районах—Новороссии и на северном Кавказе, где в 1913 г. было около 6,2 милл. дес—$^2/_3$ всех посевов в России—посевная площадь сжалась до 13—15% довоенной. В общем, в районах с небольшими посевами ячменя, они пострадали мало; зато там, где сосредоточивалось товарное производство ячменя на внешний рынок—там произошло его падение в катастрофических размерах.

В 1923 г. площадь ячменя восстанавливается не менее быстро, чем яровой пшеницы.

(В тыс. десятин):

	1922 г.	1923 г.
Нечерноземная полос.		
Запад	271,3	250,3
Центр	260,7	283,7
Северо-восток	225,4	274.4
Итого нечерноземная полоса	757,4	808,4
Черноземная полоса.		
Запад	857,5	1000,8
Центр	120,2	227,2
Юго-восток	1055,3	2806,5
Итого черноземная полоса	2033,0	4034,5
Сибирь	104,3	129,3
Киргизия	71,1	89,5
Вся СССР	2965,8	5061,7

Ячмень сконцентрирован в немногих районах еще сильнее, чем яровая пшеница: на Украине и юго-востоке в 1923 г. оказалось 3,8 милл. дес. из 5,1 милл. дес. всей площади в СССР.

По всей России на внешний рынок поступало до войны 81% ячменя. Под'ем посевных площадей ячменя сразу на 2,1 милл. дес. в 1923 году образует солидную базу для возобновления наших торговых сношений с Германией, куда, главным образом, до войны поступал наш ячмень в качестве кормового продукта. Быстро возрождающееся скотоводство в Германии представит достаточно обширный рынок для ячменного экспорта, хотя было бы целесообразнее, с агрикультурной и народно-хозяйственной точек зрения, скармливать ячмень частью собственному скоту внутри России, частью—заменить его другими кормовыми продуктами—кукурузой и люцерной, представляющими основу рационального севооборота в засушливых районах Америки. Поэтому, мы бы не считали особенно необходимым поощрять реставрацию посевов ячменя, как бы это, в данный момент, ни представлялось выгодным с точки зрения восстановления наших внешних торговых отношений. Но и препятствовать нормальной их эволюции—также нет смысла.

Урожаи и сборы ячменя так же, как и пшеницы, сильно колеблются.

	Урожай на 1 десятину.	Валовой сбор в милл. пуд.	
1901—1905 г.	51	348	
1906—1910 »	51	424	
1911—1915 »	57	504	
1913 г.	—	622	
1916 »	57	417	
1917 »	45	—	
1918 »	26	—	
1919 »	39	—	
1920 »	24	58	(без Украины).
1921 »	19	140	
1922 »	52	154	(без надбавки).
1923 »	41,6	211	(с надбавкой).

Культура ячменя у нас, в большей мере зависящая от внешнего рынка, чем пшеницы, в виду неустойчивости последнего после мировой войны, может еще пережить дальнейшие пертурбации, пока у нас не установится собственное прочное скотоводческое хозяйство.

Второстепенные зерновые культуры.

(Просо, гречиха, кукуруза).

Посевы крупяных хлебов гречихи и проса, заметно падавшие до мировой войны, стали в последние годы, наоборот, сильно возрастать, в особенности, просо, площадь которого увеличилась даже абсолютно. Принимая площадь 1913 г. за 100 получаем:

Площадь посева гречихи и проса в XX веке.

	Гречиха.	Просо.
1901—5 гг.	109	102
1906—10 гг.	101	107
1913 г.	100	100
1916 „	104	93
1917 „	103	99
1920 „	97	117
1921 „	87	108

В 1920 г. площадь посевов проса оказалась максимальной на протяжении всего XX века. Об'ясняется это двумя причинами: 1) недостатком семян у населения: просо требует для посева семян в 4—8 раз меньше, чем остальные зерновые хлеба, 2) засухоусточивостью этой культуры, сосредоточенной почти целиком в черноземной полосе (3 мил. дес. из 3,5 милл. по всей СССР в 1920 г.) Урожайность обоих культур понизилась за последнее 5-тилетие значительно меньше, чем остальных хлебов.

Г О Д Ы.	Урожай на 1 десятину в пудах.	
	Гречихи.	Проса.
1901—5	29	44
1906—10	32	46
1911—15	39	51
1916—20	34	42
% 1916—20 гг. к 1911—15	87	83

Резкое расширение посевов проса в 1922 г. было ненормальным, как последствие голода и недостатка семян. В 1923 г. происходит его сокращение, равно как и другой, искусственно насажденной культуры—кукурузы

Вообще, погодное движение посевных площадей этих культур за последнее время отличается резкими скачками.

1920—23 г.	(В тысячах десятинах).		
	Просо.	Гречиха.	Кукуруза.
1920	3779	1640	1013
1921	3349	1536	913
1922	5379	1669	1969
1923	4458	2028	1301

Просо сосредоточивается в земледельческом центре и среднем Поволжьи (свыше 2-х милл. дес. всего), на Украине и в Степном крае, гречиха—на Украине и в Белоруссии, т.-е. в западных „устоявшихся" районах с наиболее интенсивной культурой, поэтому и колебания посевов гречихи значительно слабее, чем других, и в 1923 г. ее посевы растут, а проса и кукурузы—падают; кукуруза пока угнездилась в южных экстенсивных районах, в которых она и раньше была распространена, в Новороссии и на Северном Кавказе, на 3-ем месте стоит Украина. Локализация посевов кукурузы в экстенсивных пшенично-ячменных районах приводит к тому, что реставрация этих рыночных культур заставляет крестьян сжимать посевы кукурузы, пока она не имеет никакого спроса на рынке. Сбыт кукурузы на внутреннем рынке у нас пока невозможен: можно рассчитывать лишь на внешний.

Вывоз кукурузы до войны заметно падал, повышаясь лишь в отдельные годы (в 1911 г. он дошел до 81 милл. пуд.). Значительное количество ее мы вывозим в Великобританию и Румынию. Все остальные рынки были заполнены Америкой. Во время мировой войны монополия Америки на европейском рынке окрепла, тем не менее, в виду крайне низких цен на юге (до 15—20 коп. золотом за пуд) мы можем рассчитывать на экспорт ее в Германию. Ввоз кукурузы в Германию упал в 1922 г.; в этом году было ввезено 624 тыс. тонн, а в 1921 г.— 1120 тыс. тонн.

Валовые сборы этих культур равнялись (в милл. пуд.) на территории СССР.

	1913 г.	1922 г.	1923 г.
Гречихи	86,5	53,3	66,6
Проса	168,9	163,1	168,2
Кукурузы	35,9	104,6	102,3

Отсюда очевидно, что посевы кукурузы, которые в нынешнем году сократились на 600 тыс. десятин, будут сокращаться и дальше, если не откроется сбыт за границу, так как сбор в 100 милл. пуд. среди русского населения, непривычного к потреблению этого злака, разместить очень трудно.

§ 4. Движение посевов и сборов интенсивных культур.

Посевные площади интенсивных культур в XX веке изменяются за указанные периоды следующим образом (по территории СССР).

В тысячах десятин.

	1901—5 г.	1913 г.	% отношение 1913 г. к 1901—5, принят. за 100.	1916 г.	1920 г.	1922 г.	% отнош. 1922 г 1913	% отнош. к 1920
Корнеплоды.								
Картофель	2321	2798	121	2323	1442	1422	53	87
Сах. свекла	448	697	155	613	39,2	196	29	90
Волокнистые.								
Лен	1277	1250	99	1331	627	787	51	99
Конопля.	721	584	81	518	236	188	32	56
Подсолнух	515	829	159	1007	755	1470	180	191
Хлопок	371	785	212	714[1]	102	55	27	51
Прочие.								
Горох	690	723	107	436	255	226	32	90
Чечевица и бобы. . .	370	390	105	309	178	204	52	102
Кормовые травы . . .	556	997	179	1620	367	590	—	—

В довоенном периоде до 1913 г. возрастали площади почти всех интенсивных культур, за исключением льна и конопли. Особенно увеличиваются посевы хлопка (на 112%), кормовых трав (79%), свекловицы (55%), площадь картофеля эволюционировала значительно слабее, всего на 21% Почти все сильно расширившиеся культуры являются сравнительно новыми для русских сельских хозяев; старые же интенсивные культуры, как лен, конопля, которыми Великий Новгород некогда торговал еще с Ганзой—сокращаются, или, как бобовые, прирастают очень мало. Посевы корнеплодов развиваются, преимущественно, в западных районах: на северо-западе—в Белоруссии, картофель, на юго-западе (в Украине)—свекловица. В этом отношении западные районы идут по пути, проторенному центральной Европой.

Как мы видели выше, посевы кормовых трав в интенсивном земледелии западно-европейских стран имеют очень большое значение, которое вызывается переводом скота на стойловое содержание. У нас, помимо восстановления естественного плодородия почвы, подорванного

[1]) Площадь под хлопком за 1916—22 г.г дается без Хивы и Бухары, в которых в 1916 г. засевалось 136 тыс. дес., так что общая площадь в 1916 г. равнялась 850 тыс. дес.

истощающими землю, однообразными зерновыми хлебами, помимо необходимости развития скотоводства, которое достаточно обосновано предыдущим изложением, введение кормового клина диктуется еще требованием освободить отдельные крестьянские хозяйства от принудительного севооборота, связывающего их при чересполосной системе подворных и общинных форм землепользования. Естественно, кормовые угодья у нас в значительной мере распаханы, в особенности, в черноземной полосе, где ощущается в них наиболее настоятельная нужда.

		Площадь лугов в тысячах десятин.	Сбор сена в милл. пудов.
Черновем. полоса (без юго-зап. района.)	1901—1910. .	8988	721
	1911—1915 . . .	7158	697
Нечерноземная полоса	1901—1910. . .	8634	942
	1911—1915. . .	10468	929
Азиатская Россия . .	1901—1910. . .	8443	765
	1911—1915. . .	10751	897
Всего по СССР.	1901—1910. . .	26060	2428
	1911—1915. . .	28377	2523

Площади лугов увеличились в нечерноземной полосе и в Азиатской России, где в кормах такой нужды нет, ибо там луговые пространства были довольно велики. Наоборот, в черноземной полосе, где в XX веке площадь посевов в шесть с лишком раз превосходила луговую, а площадь пашни в десять раз, где нужда в кормовых средствах была особенно велика—там, благодаря новым распашкам, луга сжались еще сильнее. Тем не менее посевы кормовых трав в мирную эпоху XX века сосредоточивались преимущественно в нечерноземных районах.

Площадь посевов кормовых трав в тыс. дес.

Районы.	1901 г.	1912 г.	1916 г.	1917 г.
Нечерноз. полоса.				
Белорусский	114	206	246	254
Приозерный	54	88	142	185
Центрально-промышл. . .	93	152	202	278
Северный	2	10	4	6
Приуральский	3	36	98	67
Итого нечерноз. пол. .	266	492	709	791
Черноз. полоса.				
Юго-западный	91	106	159	152
Малороссийский	32	106	234	218
Центрально-землед. . . .	77	110	225	200
Средне-волжский	28	19	69	76
Новороссийский	16	73	119	86
Нижне-волжский	9	13	78	47
Итого черноз. пол. . .	252	425	884	779
Азиатская Рос.				
Сев. Кавказ	24	—	71	2
Сибирь	12	—	36	25
Киргизия	2	—	7	12
Всего СССР . . .	556	997	1705	1677

В 1912 г. свыше 150 тыс. дес. посевов кормовых трав оказалось только в Белоруссии и центр.-промышл. районе, свыше 100 тыс.— в 3-х западных районах черноземной полосы. Правда, между 1912 и 1916 гг., в этих районах особенно сильно эволюционируют площади под кормовыми травами, но уже в 1917 г. здесь начинается обратный процесс деградации, которого в нечерноземной полосе не наблюдается. Наоборот, там посевы трав за 1916 год сильно возросли.

Таким образом, хотя нарастание травосеяния констатируется до 1916 года во всех западных районах, как нечерноземной, так и черноземной полосы, но в этой последней оно представляется явлением неустойчивым, выказывающим признаки деградации уже к 1917 г.

Если бы травосеяние у нас в северо-западных районах развивалось более энергично—мы бы не наблюдали там падения льноводства, происходившего, главным образом, вследствие истощения почвы: рыночная кон'юнктура для льна была, в общем, благоприятна. Четырех — шестипольный севооборот с кормовыми травами устраняет опасность истощения. Если бы кормовые травы получили своевременное распространение на юго-востоке, мы бы избежали там современного аграрного кризиса и южное мясо-шерстное скотоводство не пошатнулось бы так заметно.

В центре и на юго-востоке черноземной полосы быстро растут посевы подсолнуха. Они сосредоточены в земледельческом центре (290 тыс. дес. в 1913 г.) и на Северном Кавказе (278 тыс. дес.). Еще более резкая концентрация в определенных районах наблюдается по отношению к хлопку, посевы которого находятся в Туркестане и в Закавказьи.

Таким образом, характерной чертой эволюции отдельных культур до войны является тот факт, что все, недавно укоренившиеся и быстро развивающиеся технические растения, не расплываются широко по всей России, но сосредоточиваются в определенных областях, а именно: корнеплоды и кормовые травы—на западе и в нечерноземном центре, подсолнух—в земледельческом центре и на северном Кавказе, пшеница и ячмень—на юге и юго-востоке, хлопок—на южных окраинах. Этот факт свидетельствует о происходившей в период под'ема земледелия в начале XX века агрикультурной дифференциации районов.

Переходим к периоду 1913 — 22 г. Как и по зерновым хлебам, в этом периоде наиболее деградируют, в большинстве случаев, те культуры, которые давали максимальный под'ем в предыдущем периоде, именно—хлопок, площадь которого сократилась в 9 раз и сахарная свекловица—в $4^1/_2$ раза Исключение из общей картины упадка представляет культура подсолнуха, державшаяся почти на одном уровне вплоть до 1922 г. и сразу почти удвоившаяся в 1922 г., благодаря, очевидно, недостатку в других семенах. Особенно выросли посевы подсолнуха на голодающем юго-востоке. Население стало ценить подсолнух, как продукт, дающий растительное масло, взамен коровьего. В этом году переработка подсолнуха на масло хотя и растет, но вряд ли могла захватить и половину урожая, достигающего почти 70 милл. п.

Сокращение свекловичных и отчасти табачных плантаций находится в связи с уничтожением крупного землевладения и хозяйства. Площади посевов свеклы помещичьих и заводских плантаций в 4 раза с лишком превосходили в 1916 г. крестьянские. В настоящее время на Украине заводские совхозы сохранили под своей свеклой только около 30 тыс. дес., остальная площадь принадлежит крестьянам. Дальнейшее расширение крестьянских посевов до той нормы, какая имелась в 1913 г.,

требует увеличения и рассеяния сети свекло-сахарных заводов, ибо — свекла—малотранспортабельный продукт, и крестьяне переходят на плодосменный севооборот со свекловицей лишь на расстоянии 10—15 верст от заводов.

Восстановление плантаций хлопка зависит от двух главных условий: 1) от снабжения хлебом Туркестана и Закавказья и 2) от реставрации испорченной ирригационной сети. Нет нужды пока расширять районы полива новыми сооружениями, но, безусловно, необходим ремонт сооружений полуразрушенных гражданской войной.

Культура картофеля упала у нас с 1913 г. на 47%. Но эта цифра относится к полевому картофелю. Площадь о г о р о д н о г о картофеля сильно возросла и, например, в 1921 г. было собрано на полях 387 милл. пуд., а в огородах—251 милл. В главных картофельных районах—Белоруссии и промышленном центре, полевые посевы картофеля начинают снова расти с 1920 г., а в земледельческом центре—с 1921 г. Они продолжают убывать лишь на юге—на Украине и в Новороссии, что, помимо неурожая, об'ясняется исчезновением крупных плантаций при винокуренных заводах.

Волокнистые культуры льна и конопли убыли сильнее картофеля: льна—на 48%, конопли—на 68%. Но огородные посевы конопли также увеличились и в 1921 г., сбор ее семян с полей равнялся 3 милл. пуд., а с огородов—7,6 милл. пуд. Главная территория л ь н я н о г о производства (на волокно)—западная половина нечерноземной полосы, дает с 1920 г. систематическое, хотя небольшое повышение, находившееся не столько в связи с восстановлением рынка, которое до осени 1922 г. еще не успело сказаться, сколько, вообще, с выходом этих районов из земледельческого кризиса. С осени 1922 г. мы видим под'ем цен на льняное волокно и некоторую реставрацию его экспорта за границу. Можно поэтому думать, что льняная культура реставрируется довольно быстро. Кроме того, необходимо добавить, что во время гражданской войны повсеместно появились мелкие полоски льна, так как крестьянину, за отсутствием мануфактуры, пришлось одеваться в домотканное полотно.

Хуже обстоит дело с коноплей: посевы ее сохранились только в Белоруссии; в остальных районах они деградируют вплоть до 1922 г.— в особенности в главном районе конопляного производства — в земледельческом центре. Только новый под'ем рыночного спроса может оживить эту, несомненно, угасающую культуру.

Бобовые—горох, чечевица, бобы резко снизили свои площади до 1920 г.; в последнем 2-летии они почти не восстановились. Между тем, их дальнейшее развитие имело бы крупное агрикультурное значение. Но рыночный спрос у нас на них, к сожалению, слаб.

Что касается кормовых трав, то усиленное возрастание их площади между 1912 и 1916 гг.— лишь результат неполноты цифр официальной довоенной статистики. Перепись 1916 г. учла площадь кормовых трав гораздо точнее. Как мы уже говорили, кормовые травы у нас распространялись слишком слабо и это—один из главных дефектов наших систем полеводства. За отсутствием соответствующих данных, трудно сказать, что случилось с полевым травосеянием за последние годы. Только по Приозерному краю мы имеем цифры, полученные из местных источников.

По последним данным посевные площади кормовых трав 1923 г. изменились по сравнению с 1920 г. следующим образом:

1920 г —367,3 тыс. дес.
1923 г.—651,1 » »

В 1923 г. площади смешанных культур продолжают быстро наростать, что находится в связи с рыночными условиями и движением цен, гораздо более благоприятным для интенсивных растений, дающих сырье для нашей возрождающейся индустрии, чем для зерновых хлебов, которые в некоторых районах обнаружили признаки относительного перепроизводства. Однако, более или менее точных сведений по специальным культурам мы не имеем; официальные данные ЦСУ в этом отношении, страдают огульностью, неполнотой и значительно понижены против местных материалов. Последние публикации ЦСУ имеются отдельно только по 3 масличным и волокнистым растениям и картофелю, а именно: (в тыс. дес.).

	Площадь. 1922 г.	1923 г.	Разница в %.
Лен	695,5	779,5	+12,1
Конопля	349,5	416.2	+19,1
Подсолнух	1520 2	1604,3	+ 5,6
Картофель	411,9	1870.6	+32,5

Прежде всего, необходимо отметить, что в приведенных цифрах полевые и усадебные посевы об'единены, благодаря чему нельзя сказать, где именно произошла убыль посевов конопли, которая более чем на половину высевается на огородах. Только данные ЦСУ, впрочем, отмечают, что падение относится не к северным нечернозмным районам, сеющим лен-долгунец (на волокно здесь площадь льна слегка увеличилась с 498 тыс. дес. до 512 тыс.), а к южным районам черноземной полосы, где засевается лен-кудряш—на семена.

Однако, даже принимая во внимание эти поправки, нельзя согласиться с приведенными цифрами. Во первых, даже само ЦСУ, не будучи в состоянии определить рост отдельных культур, все же дает огульно цифру возрастания их площади (кроме картофеля) с 5652 тыс. дес. до 6386 тыс. дес.—на 13%, несомненно, что в этом приросте должны были играть значительную роль посевы подсолнуха и льна, занимающие наибольшую площадь, ибо крестьянское травосеяние упало и в нем сейчас особой надобности нет, так как количество скота упало, а естественные кормовые площади, в силу сокращения распашек, приросли.

Во вторых, все, какие имеются у нас отрывочные материалы и з м е с т н ы х источников и из других учреждений, единогласно свидетельствуют о более или менее значительном приросте специальных культур.

В третьих, этот прирост, несомненно, должен был произойти в 1923 г., как вследствие благоприятных для интенсификации рыночных условий, так и благодаря тому, что сами крестьяне выказывают сейчас сильную тягу к интенсивному земледелию. По собранным нами из различных

источникам материалам *) мы получили такие итоговые цифры означенных культур (только полевых).

	1922 г.	1923 г.	Рост в %.	% к довоен. площади.
Корнеплоды:				
Картофель	1422	1878	+ 32	71,0
Сахарная свекла	161	227	+ 41	38,0
Масличн. и волокн.:				
Лен	695	778	+ 12	64.5
Конопля	349	416	+ 19	83,0
Подсолнух	1520	1613	+ 6	222,0
Хлопок	64,4	185,5	+188	33 0
Кормовые травы	590	654	+ 11,0	50,0
Табак: а) желтый	1,8	15,5	+ 76,1	56,0
б) махорка	4,3	20,0	+ 36,5	—
Всего	4837.5	5787 0	+ 20,0	—

Некоторые губернии выделяются ростом специальных культур. В Орловской губ. площадь под кормовыми травами увеличилась в 6,4 раза сравнительно с 1916 г., в Новгородской губ. посевы трав, составлявшие до войны 4,1%, расширились в 1923 г. до 12,9% всей площади посевов, а под картофелем—с 4,3% до 9%. В Гомельской губ. в 1920 г. было 17,8 тыс. под льном, а в 1923 г.— 32,0 тыс., посевы конопли возросли от 3,6 тыс. дес. до 6,8 тыс., картофеля — с 60,5 тыс. до 131,9 тыс., а посевы трав учетверились. В этой губернии правильное многополье уже занимает площадь в 125 тыс. дес. Урожаи хлебов выше довоенных, и губ. из потребляющей привозной хлеб, превратилась в производящую. В Московской губ. площадь картофеля выросла с 33,3 тыс. до 83,6 тыс. дес., а льна—с 7,5 тыс. до 11,1 тыс. В Нижегородской губ. посевы кормовой вики увеличились с 768 дес. в 1920 г. до 2292 дес. в 1922 г. и 5581 дес. в 1923 г. В Вятской губ. заведено 250 многопольных севооборотов, в Тульской—169 (в том числе общинных—64 с 26,7 тыс. дес.).

Это и ряд других сведений показывает, что с возобновлением мирной хозяйственной жизни и с восстановлением рыночных отношений интенсификация земледелия, по крайней мере, в западных и центральных районах стала происходить за последний год более быстрым тем-

*) Примечание. по ЦСУ взяты данные по картофелю и подсолнуху, по льну, конопле и кормовым травам—по местным материалам; по хлопку, свекле, табаку—по отчетам проморганов.

пом, чем шла до войны, что об'ясняется как более высокой культурностью крестьянства сравнительно с довоенным уровнем, так и тем обстоятельством, что при сокращении сторонних заработков, почти весь денежный доход крестьяне получают сейчас от сельского хозяйства, главным образом, от специальных культур и продуктов животноводства.

Такова общая характеристика изменения в пропорции интенсивных культур. В период под'ема большинство их развивалось быстрее посевов зерновых культур, но зато в периоды упадка сильнее деградировало. Так как эти культуры—почти исключительно рыночные, то их реставрация зависит, прежде всего, от расширения рынка для льна, конопли—преимущественно внешнего, для остальных культур, главным образом, внутреннего, т.-е. сельско-хозяйственной индустрии, перерабатывающей, как сырье, продукты интенсивного земледелия. И тот сырьевой голод, который ощущает наша легкая индустрия, довольно заметно поднявшаяся в 1922 г., должен побуждать промышленные и другие организации к скорейшей реставрации интенсивного земледелия, вполне доступного трудовым крестьянским хозяйствам, господствующим в районах его распространения.

§ 5. Общие выводы.

Изменение пропорции культур за 1913—23 гг.

Изложенные выше процессы эволюции отдельных культур приводят к следующим основным выводам.

1) Культуры, имеющие более рыночное значение, как-то: из зерновых хлебов—ячмень, пшеница, из корнеплодов—свекловица, из масличных и волокнистых—лен, конопля, хлопок—под влиянием растущих до войны рыночных отношений, увеличивались быстрее, а после войны и революции, в силу разрыва этих отношений, упали больше, чем продовольственные хлеба, выдвинувшиеся на первый план во время гражданской войны. Отсюда ясно, что рынок в XX веке для земледелия России играл важную, во многих случаях, первенствующую роль.

2) Рыночные отношения являлись одним из главных факторов, толкающих земледельцев западных и центральных районов к интенсификации, а юго-восточных и восточных к экстенсивной безудержной распашке пустующих земель, послужившей одной из причин неурожаев и аграрного кризиса в этих районах после революции.

3) Мировая, гражданская война, продразверстка и неурожаи более всего отразились максимальным сокращением масличных, трав и корнеплодов, т.-е. более интенсивных культур.

4) По отдельным культурам наиболее пострадали: а) из зерновых хлебов—яровая пшеница, ячмень, в максимальном количестве отчуждавшихся на внешние рынки; меньше—овес, еще меньше—рожь, гречиха. А просо дает даже обсолютное увеличение сравнительно с площадью 1913 г. в полтора раза. Словом, хлеба, потребляющиеся натурой сохранились гораздо больше, чем рыночные. Из более интенсивных культур возросли весьма сильно площади кукурузы и подсолнуха, а упали особенно посевы свекловицы, табака, хлопка (в 4—18 раз). Менее (в 2—3 раза) убавились посевы льна, конопли, картофеля, бобовых. Все культуры этой последней группы начинают с 1920—22 гг. и, особенно,

Культуры.	% культур в посевах.																			
	Нечерн. полоса.				Черноз. полоса.				Юго-Восток и сев. Кавказ.				Сибирь и Степной Край.				Весь СССР.			
	1913 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1913 г.	1920 г.	1922 г.	1923 г.
Рожь озимая и яровая	41,7	43,7	47,7	44,3	33,5	35,8	40,2	41,2	12,5	12,7	16,7	22,0	13,8	8,2	13,2	17,4	26,9	27,4	33,8	34,4
Пшеница озимая	0,2	0,2	0,3	0,3	5,4	5,4	3,5	4,3	13,4	18,0	19,2	13,9	0,2	0,4	0,2	0,1	6,1	6,6	6,2	5,5
» яровая	7,7	10,6	3,8	5,2	14,6	11,6	4,8	6,8	36,1	25,4	12,0	17,3	52,0	55,5	43,5	40,3	23,6	21,6	10,2	12,5
Овес	27,4	26,7	21,6	22,7	19,5	15,4	13,1	14,1	5,2	4,7	3,4	3,6	22,3	26,2	16,2	16,6	17,2	17,0	13,4	13,8
Ячмень	5,4	3,8	5,4	5,1	6,0	6,4	5,1	6,2	22,8	22,3	8,4	16,9	3,4	4,2	3,4	3,8	10,9	9,6	5,8	8,6
Гречиха	2,1	2,5	2,8	4,0	4,1	6,0	6,2	5,8	0,1	0,7	0,6	0,2	0,4	0,4	1,2	2,6	2,0	2,9	3,4	3,5
Просо	0,7	2,7	4,9	2,8	5,5	10,4	14,6	11,8	3,1	4,8	9,8	5,6	4,0	2,5	13,6	13,1	3,4	5,7	10,6	7,6
Кукуруза . . .	0,0	—	—	—	0,4	0,7	2,0	1,0	2,7	4,4	13,4	6,9	0,0	—	0,1	—	0,9	1,4	4,0	2,2
Горох	0,8	0,6	—	0,0	1,6	0,6	—	—	0,2	—	0,0	—	0,3	0,1	—	—	0,8	0,4	—	—
Чечевица	0,5	0,3	—	—	0,7	0,5	—	—	0,2	0,2	0,0	—	0,0	—	—	—	0,4	0,3	—	—
Картофель . . .	6,1	3,8	5,9	7,1	3,3	2,4	2,1	2,7	1,4	1,6	1,0	0,9	1,6	0,6	0,9	1,0	3,2	2,5	2,8	2,2
Лен	4,2	2,9	3,5	3,4	0,4	0,4	0,6	2,8	0,4	0,3	0,5	6,9	1,3	0,7	2,4	3,3	1,4	1,0	1,5	4,2
Конопля	0,8	0,2	0,5		1,0	0,5	1,5		0,1	0,3	0,4		0,7	0,5	0,2		0,7	0,4	0,9	
Подсолнух . . .	—	—	—	—	1,1	1,0	2,2		1,8	3,1	7,9		0,0	0,5	1,4	—	0,8	1,2	2,9	
Прочие, (свекла, кормов. травы, табак, и т. д.).	2,4	2,0	3,3	5,1	2,9	2,9	4,1	3,9	—	1,5	6,7	5,8	—	0,2	3,4	1,8	1,7	2,0	4,5	4,5

с 1923 г. вновь возрастать и есть надежда, что с восстановлением рыночного оборота они в ближайшие годы легко смогут достигнуть довоенных размеров.

В 1923 г., под влиянием процесса общего восстановления народного и сельского хозяйства СССР, а также благодаря развитию рыночных отношений, начинается, видимо, усиленное возрождение не только интенсивных культур, но также пшеницы и ячменя, которые вытесняют на юге выроставшие до того времени культуры проса, кукурузы, подсолнуха.

5) В результате всех указанных изменений произошло весьма заметное перемещение в пропорции культур, характеризующихся следующими данными: (по основным областям РСФСР). (См. таблицу стр. 195).

Эта таблица, на ряду с характерными чертами упадка—падения пропорции интенсивных и рыночных культур и относительного роста за их счет натурально-продовольственных, дает предпосылку для характеристики того направления, в котором может пойти в будущем прогрессирующее земледелие. Падение интенсивных культур, несомненно, явление временное, зависевшее от выпадения рынка. С восстановлением и развитием рыночных отношений эти культуры (свекловицы, табака, бобовых, масличных и др.), а также травосеяние станут развиваться быстрее, чем в довоенную эпоху, в западных и центрально-черноземных районах. Возможно, что здесь в будущем сохранится относительно большее значение озимого клина (ржаного), ибо разрушенное в последние годы земледелие юго-востока еле будет в состоянии снабжать своей пшеницей городской центр и заграницу: нечерноземная же деревня должна будет питаться своим черным хлебом и отчасти снабжать им столичные низы долгое время.

На юго-востоке, надо надеяться, что некоторую часть пшенично-ячменных посевов займет кукуруза, а с увеличением воздействия агрикультуры на крестьянское хозяйство — и кормовые травы (люцерна); можно ожидать также некоторого увеличения пшеничного озимого клина, что наблюдалось, между прочим, во время мировой войны.

Посевы проса, по мере восстановления других продовольственных хлебов, должны относительно сократиться.

Подсолнух, в случае выгодной для него рыночной кон'юнктуры, закрепленной долговременным недостатком коровьего масла на внутреннем рынке, может сохранить завоеванную территорию. В западной части и в речных долинах восточной, где возможно поливное хозяйство, расширится интенсивное земледелие, огородничество и садоводство.

В общем итоге, надо ожидать повсюду у с л о ж н е н и я севооборота, т.-е. увеличения доли культур, недавно появившихся в крестьянском хозяйстве, в особенности, на юго-востоке.

ГЛАВА X.

Скотоводство.

§ 1. Общее движение скотоводства в России по видам и возрастам до войны.

Выше, в главе VIII, в общих чертах была уже очерчена эволюция скотоводства как в России, так и за границей. Мы знаем, что эта эволюция была гораздо слабее земледельческой, что земледелие и скотоводство, начиная со второй половины XIX века, находились в состоянии „антитезиса", что первое вытесняло последнее, и рост количества скота отставал от роста населения. К сожалению, вплоть до переписей 1916—17 гг. данные о количестве скота у нас весьма мало достоверны. Поэтому до этого периода мы считаем возможным в дальнейшем изложении опираться, главным образом, на земско-статистические материалы и данные военно-конских переписей, как наиболее точные.

В нашем труде „Закономерность аграрной эволюции т. 11 (см. страниц. 481—482) мы использовали специальное исследование государственных крестьян в 1850-х гг., сопоставив его результат с цифрами земской статистики в 1880-х гг. по 98 уездам 19 губ. При расчете на 1 двор это сопоставление дало повсюду относительную убыль.

	На 1 двор.		Мелкого.
	Лошадей.	Кр.рог.ск.	(овец, коз, свиней).
1850-е г.г.	2,5	2,9	8,3
1880-е г.г.	2,1	2,7	6,2
Сокращен. в %%. . .	—15	—6	—25

Б. государственные крестьяне более обеспечены землей и скотом, чем. б. помещичьи. У помещичьих относительная убыль скота была, конечно, значительнее, так как этот разряд гораздо малоземельнее государственных, а потому распашка земель и сокращение кормовых площадей еще более вытесняли скотоводство. Но несомненно, что и у помещичьих и у государственных крестьян сокращение отдельных видов скота происходило в одном и том же направлении: больше всего падало количество овец и коз, затем шли лошади, меньше всего убывал относительно крупно-рогатый скот. Абсолютное же число его должно было вырасти довольно заметно.

Те же самые тенденции в развитии скотоводства мы видим при сравнении между собой земских переписей 80-х и 900-х гг., которое можно было произвести по 52 уездам (см. Ibibem стр. 501).

Число уездов, в которых:

Средняя обеспеченность на двор:	Рабочих лошадей.	Коров.
повысилась.	6	22
понизилась до 10 %	13	18
на 10—20%.	23	9
» 20—30%.	8	2
Свыше 30%.	2	1

Повышение обеспеченности двора рабочими лошадьми мы наблюдаем лишь в 6 уездах, а коровами в 22 х. Повышение или слабое понижение обеспеченности молочным скотом имело место в $^3/_4$ уездов, а сильное понижение обеспеченности рабочими лошадьми в $^2/_3$ уездов. Таким образом, крестьяне, теряя, сравнительно, с ростом числа отдельных самостоятельных хозяйств, рабочих лошадей, или увеличивали или сохраняли на прежнем уровне свою обеспеченность молочным скотом.

Изменения в количестве лошадей по более точным цифрам военно-конских переписей в мирную эпоху XX века имели следующий характер (в абсолютных числах по Европейской России): (в пределах границ РСФСР.).

В тысячах голов.

	Рабоч. возр (4-х лет. и стар.)	Молодняка.	Жеребят.	Всего.
В период 1890-х год .	13536	1365	1089	15990
» 1901—1906 гг. .	15177	2028	1301	18506
» 1912 год.	15450	1977	1083	18510

С 1890-х до 1900 гг. число лошадей абсолютно увеличилось на $2^1/_2$ миллиона. Но этот прирост об'яснялся двумя исключительными моментами: 1) в результате неурожаев 1891—92 годов количество лошадей в пострадавших губерниях за период 1891—93 гг. уменьшилось на 17,1% *). В последующий период конца 1890-х и начала 1900-х гг., здесь происходило просто восстановление прежнего состава конской рабочей силы, поскольку оно было необходимо для земледелия. 2) В районах широкого распространения воловьей рабочей силы — именно на Украине и в Новороссии, благодаря переходу с деревянных сабанов на железные плуги и сокращению кормовых площадей, лошади стали вытеснять волов. В этих районах абсолютное количество лошадей продолжает увеличиваться и в период 1906—12 гг., но это вовсе не значило, что общее количество рабочего скота здесь возрастало. Так, например, по Полтавской губ. с 1900 по 1910 гг. количество рабочих лошадей увеличилось на 75 тыс., но число волов убавилось с 259 тыс. до 170 тыс., т.-е. на 89 тыс. Поэтому, если бы мы имели полные сведения о числе рабочих волов за указанные годы по всем губерниям, где применяется пахота на волах—еще большой вопрос—получилось ли бы в итоге даже абсолютное приращение рабочего скота.

Из предыдущих об'яснений уже a priori можно сделать тот вывод, что увеличение количества лошадей должно было падать преимущественно на черноземные и, в особенности, на Украинские районы. Так и произошло на самом деле.

Общее количество лошадей в тысячах.

	В 1890 гг.	1901—6 гг.	1912 г.
В нечерноземной полосе.	5229	5760	5090
В черноземной (без Украины). . . .	6259	7695	7543
На Украине (с Новороссией)	4502	052	5877
Всего в черн. полосе.	10761	12747	13420

*) См. П. А. Вихляева «Очерки из русской сельско-хозяйственной действительности, стр. 32».

В то время как в первый период в черноземной полосе количество лошадей увеличилось всего на 530 тыс., а в последующий упало на 670 тыс. и стало абсолютно меньше, чем в 1890-х гг., в черноземной без Украины оно, поднявшись на 1.4 милл. голов в первый период, во второй покатилось назад, хотя значительно слабее; на Украине, выросши в первый период на 550 тыс., во второй оно поднялось на 825 тыс. Следовательно, во второй период, приблизительно после революции 1905 года, количество лошадей продолжало расти в возрастающей прогрессии только на Украине; в остальной части черноземной полосы, восстановивши свои 17% убыли после голодных годов, местное коневодство остановилось на точке замерзания, а в нечерноземной полосе пошло даже на убыль.

Принято считать, что количество лошадей, как исключительно рабочего скота, зависит от размеров посевных площадей и колеблется параллельно с ними. Это положение, судя по нашим данным, оказывается неправильным.

На 100 дес. посева приходилось лошадей.

	В нечерн. полосе.	В черн. пол. (без Украины).
В 1901— 5 год.	37,4	20,9
В 1912—13 »	32.2	27,8

В нечерноземной полосе количество лошадей на 100 дес. посева убыло на 5,2 единицы, в черноземной без Украины (где все-таки на юго-востоке также шла замена волов лошадьми)—на 3,1 единицы. Ясно, что в XX веке соотношение между ростом посевов и количеством лошадей было нарушено каким-то новым привходящим фактором. Этот фактор, давно уже действовавший в странах европейской культуры, сокращая там конскую рабочую силу — *введение усовершенствованных орудий в земледелие.*

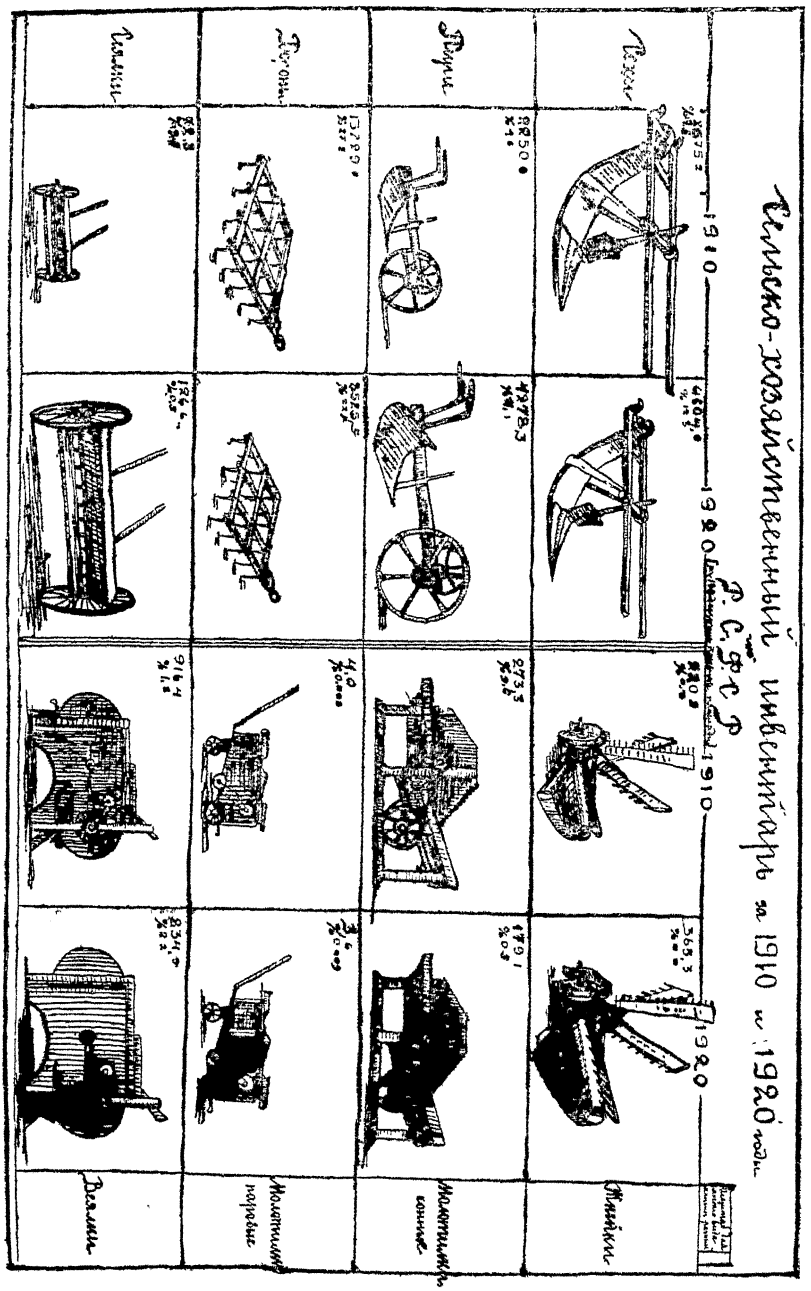
К сожалению, у нас нет подробных данных о введении усовершенствованных орудий в России до 1910 г., а после 1910 г. есть лишь цифры переписи 1920 г. Сравнивая оба эти периода, получаем (в тысяч.).

	По нечерноземн. полосе.		По черноозем. пол. (без Украины).	
	1910 г.	1920 г.	1910 г.	1920 г.
Орудий вспашки: сох, косуль, сабанов.	4278	2336	3555	2072
Железных плугов	361	1808	1289	1444
Сеялок	7	15	56	76
Уборочных машин	23	48	165	205
Молотилок конных.	104	57	118	73
Молотилок паровых	0,4	0,6	3,5	2,6

На 100 дес. посева приходилось:

	По нечерноземн. полосе.		По черноозем. пол. (без Украины.).	
	1910 г.	1920 г.	1910 г.	1920 г.
Орудий вспашки: сох, косуль, сабанов	28,1	24,6	14,0	11,7
Железных плугов	2,4	19,4	4,9	7,9
Сеялок	0,04	0,2	0,2	0,4
Уборочных машин.	0,11	0,3	0,4	0,9
Молотилок конных	0,7	0,6	0,5	0,4
» паровых.	0,02	0,01	0,01	0,01

Мировая и гражданская война отрезали Россию от Европы и Америки, откуда мы получали половину усовершенствованных орудий; другая половина производилась в России. Но еще к 1907 г. наше внутреннее *про-*



изводство с.-хоз. машин сократилось на 90%. Поэтому земледельцы в России с 1914 г. остались при тех орудиях, какие у них были приобретены до войны. И тем не менее мы видим, что за 1910—20 г. не только

относительное, но и абсолютное количество усовершенствованных орудий возросло, особенно железных плугов в нечерноземной полосе. Отсюда видно, как быстро развивалась „машинизация“ России в XX веке до войны. Она и явилась главной причиной сокращения конского запаса России.

О движении крупного рогатого скотоводства в Европейской России в XX веке мы можем судить только по земским переписям, сопоставленным по 152 уездам с переписью 1916 г. Это сопоставление в относительных величинах дало такие результаты:

Количество коров на 100 д. сельск. населения.	Число уездов по земским переписям 1896—1913 гг.	По переписям 1916 г.
От 9,6 до 15,0	49	20
» 15,1 » 19,8	29	50
» 20,2 » 25.0	29	22
» 25,4 » 29	15	12
» 29 и выше	30	27

Произошло, как констатировал П. А. Вихляев [1]), географическое выравнивание соотношений между количеством коров и населением. Особенно резко бросается в глаза выпадение крайней малоскотной группы, в состав которой преимущественно входили уезды Полтавской и Тульской губ. В наибольшей степени увеличилось число уездов со средней обеспеченностью коровами (от 15 до 20 голов коров на 100 д. населения), что соответствует средней норме потребительского скотоводства (1 корова на 5—6 душ, т.-е. на крестьянскую семью). При относительном увеличении количества коров в центральной черноземной полосе в северных и промышленных губерниях наблюдается относительное сокращение, особенно заметное по губерниям Владимирской, Ярославской и Костромской. Наблюдаемое сокращение произошло в результате крупного недорода кормов 1914 г. и исключительной дороговизны кормовых средств в 1915 г.

Таким образом, случаи сокращения относятся уже к моменту мировой войны. Если мы их исключим,—можно предполагать, что до войны происходило не только выравнивание, но и общее относительное возрастание числа коров. Еще более рельефно возрастание молодняка крупного рогатого скота.

Группы по % молодняка в круп. рогат скоте.	Число уезд. в 1893—1913 г.	1916 г.	Принимая 1896 г. за 100
От 5 до 20,4%	35	6	17
» 20,5 » 27 »	68	24	35
» 27,1 » 29,2 »	17	19	112
» 29,4 » 35,5 »	34	67	197
Свыше 35 5 » 41,6 »	17	56	329

Произошла огромная „подвижка вверх“ в перегруппировке уездов по количеству молодняка, которой выражается, по словам П. А. Вихляева, „запасливость крестьянского хозяйства“.

[1]) См. „Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г.“ Изд. земского союза. М. 1914 г. доклад Вихляева. „Изменения в количестве крупного рогатого и мелкого скота“,

Как мы видим из приведенных цифр, западно-европейское и заокеанское продуктивное скотоводство отличалось тем, что количество молодняка (вместе с нетелями и подтелками) в стаде крупного рогатого скота превышало почти повсюду число взрослых коров. В мирную эпоху XX века русские крестьяне также вступили на этот путь „запасливости", т.-е. сохранения в своих хозяйствах молодняка, тогда как раньше они, не будучи в состоянии содержать его за недостатком кормовых средств и денежных рессурсов, пускали под нож или отпускали на рынок. Во время мировой войны, когда, благодаря выгодной рыночной кон'юнктуре на сельско-хозяйск. продукты, крестьянство накопило большое количество денежных средств, эта „запасливость" достигла особенно широких пределов, и в 1916 г. по всей Р. С. Ф. С. Р. пропорция различных возрастов в стаде крупно-рогатого скота приблизилась к европейской.

На 100 голов общего количества крупного рогатого скота приходилось:

Волов и быков.	8,1
Коров	43.9
Молодняка	19.6
Телят.	28,1

Количество коров составляло меньше половины всего состава стада. „Если крестьянам, писал тогда проф. Вихляев, будет открыта возможность вырастить тот огромный запас молодняка, который им оставлен, то восстановление мясного капитала страны будет им облегчено".

Такое же о м о л о ж е н и е наблюдалось и в конском составе между 1912 и 1916 г.

К о л и ч е с т в о в т ы с. г о л о в (по Р. С. Ф. С. Р.).

	Рабочих лошадей.	Молодняка.	Жеребят.	Всего.
В 1912 году	21757	3093	1796	26649
» 1916 »	23890	3736	3396	31022
Прирост в %	10	21	89	16

Но этот процесс „омоложения" состава стад крупного скота, как увидим дальше, увы—оказался не долговечным. Гражданская война свела на нет это прогрессивное явление в нашем скотоводстве.

Итак, до мировой войны и во время нее мы наблюдали в эволюции русского крупного скотоводства два основных процесса: 1) относительный рост крупного рогатого скота и, наоборот, относительное сокращение лошадей.

2) „Омоложение" состава стад крупного скота (как рогатого, так и конского) развивается особенно во время мировой войны, благодаря повышению благосостояния крестьян и полученной, вследствие этого, возможности сохранять молодняк для выращивания в своих хозяйствах.

Переходим к м е л к о м у скоту. Как уже указывалось нами, насколько можно судить по официальным цифрам, в Европейской России, как и во всем мире, движение овцеводства и свиноводства шло в противоположных направлениях: количество овец сокращалось в Европе и Европейской России абсолютно, а в экстенсивных заокеанских странах и в Сибири его рост о т с т а в а л от роста населения. Так, в Америке (в Соед. Штатах и в Аргентине вместе) количество овец с 1891—1900 до 1910 гг.

увеличилось с 131 миллиона до 139 милл.—всего на 6% : в Сибири с 1897 до 1917 г. количество овец и коз увеличилось абсолютно с 13,6 милл. до 20,3 миллионов—на 50 %, но на 100 душ населения в первом периоде оказалось 166 голов, во втором—только 141.

Сокращение овцеводства в Европейской России в XX веке подтверждается и разработанными П. А. Вихляевым земскими материалами.

Число взрослых овец на 100 душ.	Число уездов, в 1896—13 г.	1916 г.
До 20 голов	13	30
20,2—26,9 »	27	18
27,1—30,6 »	14	9
30,9—43 »	26	30
43,1—51 »	13	15
51 и выше	39	30

Увеличилось особенно количество малоовечьих уездов (до 20 голов на 100 душ), а число многоовечьих уменьшилось.

Обратный процесс наблюдается в Европе, за океаном и отчасти в России по отношению к другому виду мелкого скота—свиньям.

За границей в мирную эпоху XX века свиноводство эволюционировало едва ли не быстрее (в процентном отношении), чем разведение крупно-рогатого скота: средний ежегодный прирост свиней достиг там 1,5%. В Европейской России по тем же материалам земской статистики свиноводство в общем, повидимому, так же росло, но несколько неровно, развиваясь только в тех районах, где оно и раньше получило широкое распространение.

Группы уездов по числу свиней на 100 душ населения.	Число уездов 1896—1913 г.	1913 г.
До 10 голов	43	33
10,1—19,3 «	43	41
Свыше 20 «	21	33

„Направление в развитии свиноводства, говорит проф. Вихляев, представляет тип территориальной дифференциации: в уездах со слабым развитием свиноводства относительное количество свиней сократилось, в уездах с сильным развитием свиноводства эта отрасль получила дальнейшее развитие". В общем, повидимому, произошло не только абсолютное, но и относительное повышение свиноводства. То же мы видим и в Сибири.

	Количество свиней в т.	На 100 душ населения.
В 1897 году	1133	13,8
» 1917 »	3368	23,3

Хотя сибирское свиноводство находится еще в зачаточном состоянии, быстрый рост его в XX веке связан с развитием сибирского маслоделия, благодаря которому на „обрате" (снятое молоко) крестьяне стали откармливать довольно большое количество свиней.

Итак, в XX веке до революции русское скотоводство эволюционировало, в общем, в том же направлении, как и за границей: в направле-

нии усиленного развития мясо-молочного скота крупно-рогатого и свиней, сокращения шерстного—овец и относительного умепьшения рабочего—лошадей. В то же время в составе стад крупного скота мы видим процесс омоложения. Однако, все эти, в общем, прогрессивные процессы развивались у нас еще сравнительно слабо, ибо на наше скотоводство давили гипертрофия экстенсивного зернового земледелия и аграрный кризис.

Отсталость нашего скотоводства сравнительно с заграничным характеризуется следующими отношениями между количеством скота и населения накануне войны, заимствованными из „сборника статист. сведений" м-ва земледелия (год IX).

На 100 жителей приходилось:

	Лошадей.	Круп. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
Россия (вся 1913 г.)	20,9	30,7	50,6	9,9
Германия (1914)	5,1	32,2	13,2	37,4
Великобритания (1914)	3,9	26,2	61,6	8,5
Бельгия (1913)	3,6	24,7	—	18,9
Дания (1914)	20,5	88,8	20,1	90,0
Франция (1915)	5,6	31,0	37,3	13,9
Аргентина (1912)	130,9	404,3	1319,7	40,3
Канада (1915)	37,1	75,1	35,3	38,5
Соед. Штаты (1915)	21,5	59,0	51,3	65,4
Австралия (1913)	51,1	235,7	1751,2	16,4

Разница между структурой русского и заграничного скотоводства на этой таблице выступает очень рельефно: у нас число крупного рогатого скота только в 1 ½ раза больше количества лошадей, а число свиней вдвое меньше. За границей повсюду как в европейских, так равно и в заокеанских странах крупный рогатый скот превосходит наличность лошадей в 4—10 раз (за исключением Канады, где имеется пропорция 2 : 1), а количество свиней было больше числа лошадей (кроме Аргентины и Австралии) в 3—7 раз. Следовательно, продуктивное скотоводство развито гораздо больше нашего.

Это первое, бросающееся в глаза отличие, особенно рельефное в европейских странах с интенсивным сельским хозяйством. Благодаря этому отличию, напр., крошечная Дания, имевшая всего 2½ миллиона голов крупного рогатого скота, вывезла в 1913 г. за границу 5,6 милл. пудов масла на 104,3 милл. рублей, а Россия с ее 52,4 миллионами голов (в 20 раз больше) экспортировала только 4,8 милл. пуд.

Второе отличие: экстенсивные заокеанские страны выгодно отличаются от России чрезвычайно широким размахом своего скотоводства, далеко оставляющим за собой не только Европейскую Россию, а и Сибирь.

В Сибири (с Киргизией) в 1917 г. на 100 душ населения было:

Лошадей	19.9 гол.
Круп. рог. скота	91,7 »
Овец и коз	140.7 »
Свиней	23,3 »

По количеству свиней на 100 душ населения все заокеанские страны превосходят Сибирь, а Австралия и Аргентина далеко оставляют ее за собой почти по всем видам скота (Австралия, кроме лошадей и свиней). Особенно заметно превосходство двух последних стран по отношению к овцеводству.

Таким образом, наше скотоводство, сохраняя слишком большие еще запасы рабочего скота, отстает от стран интенсивной культуры по видам продуктивного скотоводства, а от экстенсивных стран—преимущественно по овцеводству. Между тем, имея в своем распоряжении около полумиллиарда десятин пустынных пространств Киргизии, юго-востока и Туркестана, мы могли бы поставить свое овцеводство не хуже австралийского, а в Европейской России, по крайней мере, в нечерноземной полосе, у нас природные условия позволили бы поднять молочное скотоводство до уровня датского.

Но если до 1917 г. мы все же имели перед собой картину некоторой интенсификации скотоводства в России, то короткий период революции и гражданской войны подорвал в этом отношении наши надежды на долгий срок. Мы уже отмечали в VIII главе абсолютное падение нашего скотоводства в период 1916—22 гг. Но еще тяжелее факт истребления за этот последний период накопленных ранее запасов молодняка крупного скота.

Процент скота разных возрастов в составе.

	ЛОШАДЕЙ.			Крупного рогатого скота.			
	Рабочих.	Молодняк от 1 года.	Жеребят до 1 года.	Волов и быков.	Коров.	Молодняк от 1 года.	Телят.
1916 г.	76,9	12,1	11,0	8,4	43,9	19,6	28,1
1921 г.	77,3	13,7	9,0	7,8	51,9	15,4	24,9
1922 г.	83,9	9,9	7,2	7,9	55,1	13,3	23,7

К 1920 г. % молодняка быстро убывает, к 1921 г. он начинает восстанавливаться, но голод 1921 г. снова и гораздо сильнее, чем раньше, истребляет его запасы. Теперь для ремонта стад, собственно, есть одно средство — воспретить убой телят и молодняка, по крайней мере, на три года. Но хотя и можно было бы издать такой декрет, реально это средство неосуществимо, ибо многим крестьянам приходится убивать и продавать молодняк от недостатка кормов и средств на их покупку. В этом отношении, впрочем, переход к крестьянам больших количеств частновладельческих лугов и пастбищ, в особенности, в тех районах, в которых наблюдается их острый недостаток, облегчает крестьянам возможность выращивать скот у себя дома.

Общий состав скота за последнее 6-тилетие изменился в сторону увеличения значения лошадей и крупно-рогатого скота.

На 100 голов всего скота приходилось:

	Лошадей.	Круп. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
В 1916 г.	17,0	27,5	45,3	10,2
» 1920 г.	19,4	29,8	39,0	11,8
» 1921 г.	19,5	31,4	38,0	11,1
» 1922 г.	18,8	32,7	40,9	7,6

В 1922 г. число лошадей относительно упало, что об'ясняется влиянием голодовки. Но последние годы особенно пагубно отразились на свиноводстве. Вообще, весь состав стада после пережитых бедствий стал более экстенсивным, чем до начала мировой войны.

Чтобы закончить общую характеристику отдельных видов скота, приводим цифры количества скота на 100 душ населения:

На 100 душ сельских жителей приходится:

	Лошадей.	Круп. рог. скота.	Овец и коз.	Свиней.
В 1916 г.	30,1	51,7	80,7	18,1
» 1921 г.	23,0	37,1	45,0	13,0
» 1922 г.	19,7	34,3	43,0	8,0
Относительная убыль в %	—34,0	—34,0	—47	—56

Сравнительно с населением более всего сократилось число свиней, овец и коз, и меньше всех—крупный рогатый скот и лошади. Что касается свиней, то, повидимому, данные ЦСУ преуменьшены против действительности.

По только что появившимся в печати сведениям скотоводство в 1923 г. совершенно неожиданно для многих исследователей выявило заметные признаки возрождения, а именно:

	Количество в тыс. голов.		Прирост в % %.
	1922 г.	1923 г.	
Лошадей раб. . . .	15739	16456	+ 4,6
От 1 г. до 4 л . . .	1890	1942	+ 2,7
Жеребят до 1 г. . .	1360	1665	+22,4
Всего лошадей . .	18988	20063	+ 5,6
Крупный рог. скот.			
Волов.	2245	2310	+ 2,9
Быков	351	346	+ 1,5
Коров.	18214	20179	+10,6
Молодняка	4402	2397	+22,6
Телят.	7878	10137	+32,5
Всего.	33120	38869	+16,8
Овец: взрослых. . .	23595	30373	+28,7
ягнят	17061	24558	+43,9
Всего.	—	54931	+35,1
Коз.	854	1601	+87,4
Свиней: взрослых. .	2219	2229	+ 0,5
Подсвинков и поросят	5450	6895	+26,5
Всего.	7669	9124	+18,0

Отчасти такой большой прирост об'ясняется недоучетом скота в 1922 г., но весьма значительный прирост молодняка крупного рогатого скота, овец, коз и свиней является несомненным. Взрослый же скот, если и приростает, то на незначительную величину.

Выводы.

Вышеизложенная эволюция русского скотоводства показывает нам, что:

1. В мирную эпоху XX века русское скотоводство, как и за границей, двигалось по пути относительного развития продуктивного скотоводства (молочного и мясного), слабого развития рабочего скота, остановившегося накануне войны, и сокращения овцеводства.

2. Во время мировой войны и накануне ее к этим положительным фактам прибавилось омоложение состава стад крупного рогатого скота, т.-е. увеличение запасов сверхремонтного молодняка, что давало надежды на быстрое возрождение скотоводства в будущем.

3. Однако, революция и гражданская война уничтожили накопленные запасы молодняка и вновь поставили перед русским скотоводством основную задачу его возрождения и развития.

4. Такое печальное положение скотоводства в настоящий момент требует особенно бережного к нему отношения, ибо, как мы указали выше в VIII главе, восстановление нашего сельского хозяйства на устойчивой базе возможно лишь путем синтеза, т.-е. гармонического сочетания эволюции двух его основных отраслей—земледелия и скотоводства одновременно.

5. Поэтому, начавшийся с 1923 года процесс восстановления молодняка и мелкого скота необходимо поддерживать всеми возможными способами.

§ 2. Характеристика скотоводства в России по районам.

Переходим теперь к характеристике положения скотоводства в России по отдельным районам. Эту характеристику мы можем дать только по с.-х. переписям 1916 и 1920 г.г., т. к. полных и точных сведений по всем видам скота, как мы указывали, за предыдущий период у нас нет. Поэтому для установления нормальных типов скотоводства по районам нам придется воспользоваться переписью 1916 г., хотя и эта последняя, произведенная во время войны, представляет, как видно из предыдущего, известное отклонение от мирного периода.

Принимая общую сумму всего скота за 100, распределение отдельных видов скота по районам дает такую картину.

РАЙОНЫ.	Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы и козы.	Свиньи.
Нечерноземная полоса.				
Белорусский	14,6	22,8	39,3	23,3
Приозерный	15,4	39,8	38,4	6,4
Центр. промышлен . .	16,7	35,2	40,6	7,5
Северный	16,4	45,8	33,7	4,1
Приуральский.	15,6	30,5	42,2	11,7
Всего нечерн. п. . .	15,7	32.2	40,1	12,0

РАЙОНЫ	Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы и козы	Свиньи.
Черноземная полоса.				
Украина (вся).	19,9	31,5	31,8	16,8
Центр.-земледельческ.	9,1	19,8	55,8	15,3
Средне-волжский . . .	19,9	21,6	57,2	6,3
Нижне-волжский . . .	14,9	25,3	64,9	4,9
Всего черноз. п. . .	16,9	25,5	46,7	10,9
Итого Европ. России.	16,5	27,5	44,8	11,2
Азиатская Россия.				
Сев. Кавказ.	13,4	25,1	50,8	10,7
Сибирь.	21,5	33,6	32,7	12,2
Степной край	16,7	23,9	56,6	2,8
Всего Аз. России . .	17,8	27,8	46,4	8,0
Итого СССР. . .	17,0	27,5	45,3	10,2

Для более точного установления районных типов скотоводства возьмем еще другой признак—отношение количества скота разных видов к сельскому населению.

На 100 душ сельского населения приходилось в 1916 г.

РАЙОНЫ.	Лошадей.	Крупный рог. скот.	Овцы и козы.	Свиньи.	Всего скота в переводе на крупн. [1])
Нечерноземная полоса.					
Зап. (белорусский п.) .	18,3	28,7	49,4	29,4	62,5
Прпозерный	19,9	51,4	49,7	8,3	81,7
Центр.-промышл . . .	16 2	34.3	39.5	7 3	58.9
Всего центр. . . .	17,3	39,4	42,3	7.6	65,7
Северный	20,0	55,9	41,2	5,0	84,0
Приуральский . . .	26.0	50.8	70.5	19 6	93,5
Всего сев.-вост. . .	24.3	51.8	64 6	15,6	82 6
Всего нечерн. п. . .	19.9	40.7	51 1	13.2	72,9
Черноземная полоса.					
Украина (с Новоросс.).	42,4	67,1	67,7	35,8	129,7
Центр.-землед.	21,6	30,6	86,6	14,1	70,1
Средн.-волжск	24.3	35,1	92,9	10,2	77,4
Всего центр. . . .	34,0	52,5	89.6	12,3	14,7
Юго-вост. (Н.-волж.).	40 9	69.6	150 9	13 4	139.1
Всего черн. п. .	26 1	39 3	54.5	11 8	78,7
Итого Европ. России	24,1	39,9	65,2	16,3	79,0
Сев. Кавказ.	36,3	68.2	137,6	28,9	134,6
Сибирь	63,7	99,7	97,2	36,2	189,0
Степной край	67.9	96.9	229.9	11.3	205,9
Всего Аз. России.	57,9	90,5	149,4	26,2	184,5
Итого РСФСР. . .	30,1	51,7	80,7	18.1	99,8

[1]) Принимая количество лошадей и крупн. рог. скота за 1, овец за 1/6, свиней за 1/4.

Вторая таблица раз'ясняет и подкрепляет первую. Исходя из них обоих, мы можем наметить, в общих чертах, такие районные типы скотоводства.

1. *В нечерноземной полосе.* Западный (белорусский) район отличается сравнительно слабым общим развитием скотоводства, имея на 100 душ сельского населения только 62,5 единицы скота в переводе на крупный, против 100 единиц в среднем по всей Р.С.Ф.С.Р. Вероятно, однако, что мировая война, особенно сильно отразившаяся на Белоруссии, ставшей в 1916 г. ее ареной, сильно понизила в ней количество скота против мирного времени. Сверх того, по целому ряду местностей скот оказался не переписанным. Однако, и в таком, так сказать „искалеченном" виде, мы замечаем в белорусском скотоводстве одну черту, резко отличающую ее от других районов. Эта черта—относительное развитие свиноводства, особенно заметное на первой таблице, выделяет этот ныне западный пограничный район из всей остальной России и приближает его к польскому и германскому типу скотоводства. В этом отношении белорусский район является переходным от центральных областей России к Европе.

В следующих двух центральных районах нечерноземной полосы на первый план выдвигается крупный рогатый скот, хотя и эти районы нельзя причислить к многоскотным. В Приозерном районе скота по отношению к населению оказывается больше, чем в московско-промышленном, ибо луговые пространства распаханы меньше, да и население сидит не так густо. Коневодство здесь относительно более развито, чем в Белоруссии, но меньше, чем на северо-востоке. Вообще, количество лошадей по отношению к населению довольно правильно повышается по направлению с запада на восток, что, как мы уже указывали, свидетельствует о вытеснении рабочего скота продуктивным по мере интенсификации сельского хозяйства.

Северный район — еще более многокоровный: здесь дает себя знать Вологодская губ. с ее молочным скотоводством, но и количество лошадей здесь велико. По земским переписям до войны на 100 душ крестьянского населения в Вологодской губ. приходилось:

Лошадей.	Быков и коров.	Нетелей, бычков.
16,2	35,5	6,7

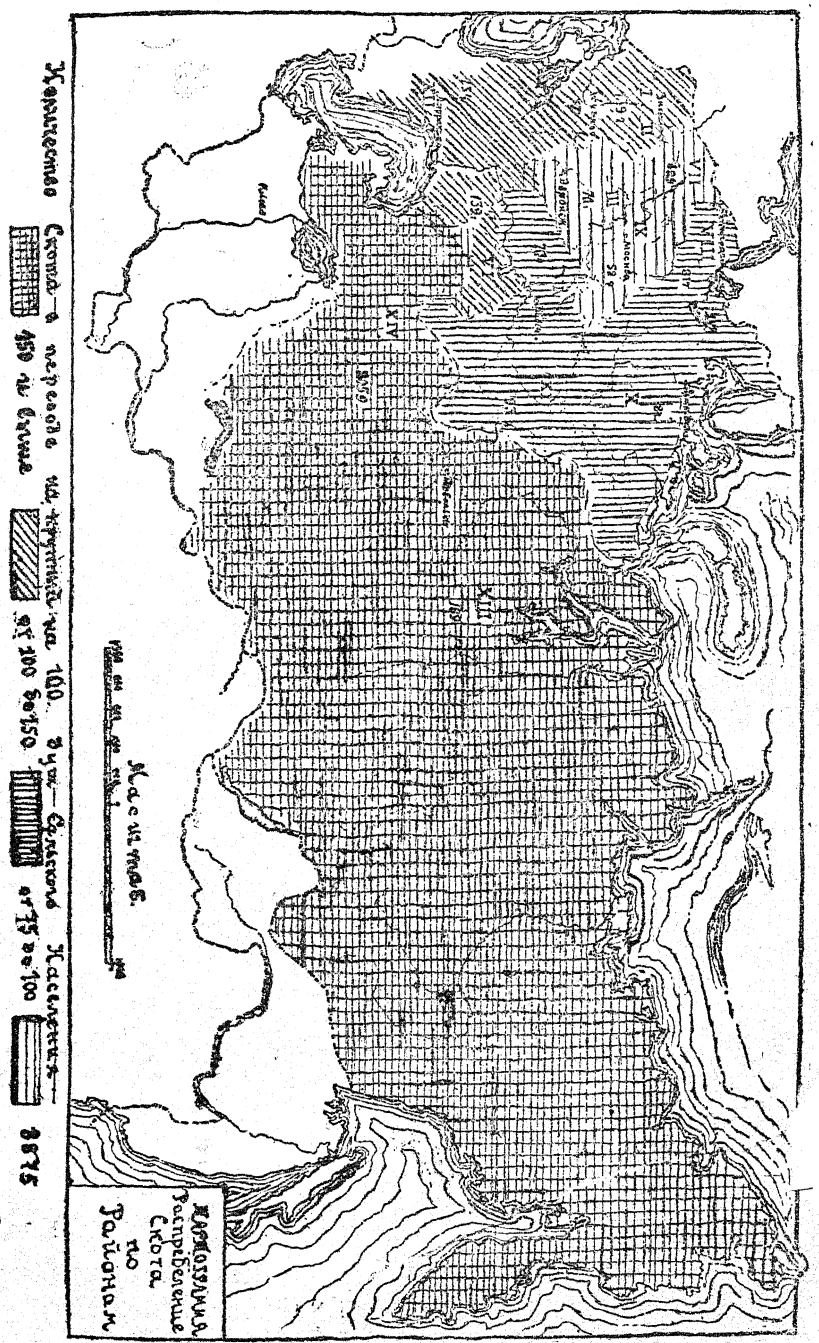
Здесь сказывается характерное отличие нечерноземного молочного скотоводства: незначительный процент молодняка крупно-рогатого скота.

На 100 голов всего крупно-рог. скота в 1916 г. приходилось:

Районы.	Волов и быков.	Коров.	Молодняка.	Телят.
Белорусский	0,7	60,8	14,4	24,1
Приозерный	0,8	59,3	11,0	28,9
Северный	1,3	58,5	12,7	27,5
Центр.-промышленный	0,8	53,9	11,1	34,9
Приуральский	2,4	47,3	26,0	24,3

Правильность относительного уменьшения процента коров в стаде и соответственного увеличения доли молодняка и телят по направлению с запада на восток вполне отчетливая.

Отсюда мы видим, что в западной и северной части нечерноземной полосы (в районах белорусском, приозерном, северном и центрально-про-



мышленном), где процент коров в стаде более 50%, крупно-рогатое скотоводство принадлежит к типу молочного, при котором, как говорит

проф. Челинцев, „мясное направление" подавлено [1]), что видно также из ничтожного процента волов. Только приуральский район отличается меньшим процентом коров и большим—молодняка. Увеличивается, хотя немного и процент волов.

По земским переписям на 100 душ крестьян приходилось:

	Быков и коров.	Нетелей, бычков и подтелков
В Пермской губ.	21,1	12,2
» Вятской »	26,0	10,3

Коров в 1½ раза меньше, а молодняка в 1½—2 раза больше, чем в Вологодской губ.

Итак, в белорусском районе мы наблюдаем развитие свиноводства, в центральных нечерноземных и северных районах—молочное скотоводство, в Приуралье — переход к мясному скотоводству и усиление коневодства.

Чтобы покончить с характеристикой скотоводства нечерноземной полосы, приведем еще оценку районов по трем признакам—показателям, данным проф. Челинцевым. Показатели эти следующие:

Районы.	% крупно-рогатого молодняка не старше 1-го года к коровам.	% свиней к крупн. рогат. скоту.	% овец к крупн. рог. скоту.
Ленинградский	12,8	14,5	59,4
Новгородско-псковский . .	15,9	14,4	86,2
Подмосковный . . . , . . .	24,4	37,2	185,0
Северный.	25,5	3,7	76,2
Вятско-пермский	95,5	28,2	152,9
Литовско-белорусский . . .	30,2	109,2	150,7

Районы, выведенные проф. Челинцевым, как мы указывали в начале очерков, близки к нашим, но все же не вполне совпадают с ними. Однако, и по этим районам получается тот же результат: резко выраженное молочное направление на западе, в центре и на севере нечерноземной полосы, мясное направление на северо-востоке и исключительное развитие свиноводства в Белоруссии.

В нечерноземной половине России распространена великорусская, мало мясистая порода крупно-рогатого скота, дающая, хотя не много, но густое жирное молоко. Культурное отродье этой породы—ярославский, дающий втрое больше молока. На Сев. Двине распространено отродье голландской породы—холмогорский скот. В общем, в нечерноземной полосе молочный скот качественно выше, чем в черноземной. Средний годичный удой здесь около 60 пудов.

В западных районах черноземной полосы, на ряду с крупным рогатым скотом, играют большую роль свиньи. Средняя плотность скота здесь выше, чем в нечерноземной полосе и в центральных районах черноземной. В скотоводческом отношении это—наиболее интенсивные районы. По земским переписям на 100 голов крупн. рог. скота приходилось:

---

[1]) См. его брошюру «Направление крупно-рогатого скотоводства в России».

Губернии.	Волов и быков.	Коров.	Молодняка.	Телят.
Киевская (1912 г.)	9,2	42,9	14.1	33,8
Волынская (1910 г.)	8,3	51,4	10,3	30,0
Харьковская (1913 г.)	19,8	36,4	18,3	25,5
Полтавская (1910 г.)	26,5	35,2	12,3	26,0

По признакам проф. Челинцева в двух украинских районах процент крупно-рогатого молодняка старше 1-го года к коровам—близок к проценту литовско-белорусского района, но % свиней ниже.

Районы.	% крупного рог. молод. к коровам.	% свиней к крупн. рог. скоту.	% овец к крупн. рог. скоту.
Юго-западный	30,2	60,9	63,9
Малороссийский	29,7	75,9	121,9

В восточной Украине овцеводство значительно более развито, чем в западной. Там же вдвое больше процент волов в стаде. Таким образом, восточная Украина отличается от западной большим распространением овцеводства и уклоном крупно-рогатого скотоводства в сторону мясной продукции, особенно заметной в Полтавской губ.

Еще более заметны эти отличия в экстенсивном новороссийском районе.

По земским обследованиям в Новороссии состав стада крупно-рогатого скота равнялся:

Губернии.	% волов и быков.	Коров.	Молодняк от 1 г.	Телят.
Екатеринославская.	19,3	36,5	22,2	22,0
Таврическая	20.4	37,6	23,0	19,0

Признаки проф. Челинцева еще ярче характеризуют мясное направление скотоводства в Новороссии.

% крупного рогатого молодняка к коровам . . .	60,7
% свиней к крупному рогатому скоту	50,1
% овец » » »	148,8

Процент свиней к крупно-рогатому скоту здесь меньше, а процент молодняка к коровам и процент овец гораздо больше.

Итак, все три украинских района характеризуются, прежде всего, как многоскотные. Но, при общем развитии скотоводства, каждый район вырабатывает свой тип. Ближе всего к типу молочного скотоводства юго-западный район, который одновременно является многосвинным; восточная Украина отличается также развитием свиноводства, но в крупно-рогатом стаде начинает превалировать мясное направление, которое берет окончательно верх в Новороссии, где на ряду с ним на первый план выдвигается овцеводство высокого качества. В Новороссии господствует цингайская и волошская породы овец. От цингайской получается до 7 фунтов хорошей, похожей на мериносовую, шерсти, которая высоко расценивается. Мяса у нее немного, но зато оно вкусно и легко нагуливается, а кожа идет на сафьян *). Волошская овца также

*) В. Кистяковский, Учебник экономической географии.

отличается своей шерстью. Крупно-рогатый скот на Украине—серый, особой породы: крупный, выносливый — он отличается рабочими качествами, но молочность его низка.

В центрально-земледельческом районе и средне-волжском плотность скотоводства ниже средней обще-русской. Беспредельная распашка полей при экстенсивном зерновом земледелии свела на-нет степное гулевое скотоводство, господствовавшее здесь в XVIII веке, и не дала взамен ничего. По земским переписям оказалось:

На 100 душ населения.

Губернии.	Лош. раб.	Волов.	Коров.	Молодн.	Овец взр.	Свиней.
Тульская	16,0	—	12,6	4,2	63,2	7,3
Тамбовская . . .	14,1	0,1	13,5	4,9	51,6	5,4
Орловская . . .	18,0	—	13,8	2,3	52,8	6,1
Симбирская . . .	15,5	—	14,9	4,0	49,1	7,8
Уфимская . . .	31,9	0,9	25,3	7,4	109,5	10,9

По Челинцеву северо-черноземный район в 1916 г. имел:

% крупного рогатого молодняка к коровам	23,9
% свиней к крупному рогатому скоту	36,9
% овец » » » »	291,8

И по земским переписям и по Челинцеву устанавливается бедность скотом этих районов, за исключением Уфимской губ., которая относится к Заволжью и должна принадлежать, по всем признакам, к другому району. При общей бедности скотом, относительно выдвигалось лишь овцеводство; в крупно-рогатом стаде скорее было, хотя слабо выраженное, молочное направление. Но здесь, как указывает В. Кистяковский в своем курсе, заморенный скот приспособился к хроническому голоданию, измельчал и при этом потерял все молочные и мясные свойства. В иных местах он так ослабевает за зиму, что весной нужно вытаскивать его на траву: это т. наз. „тасканки“ или „горемычки“.

Уфимскую губернию вместе с Оренбургской проф. Челинцев правильно относит в особый район, скотоводческие признаки которого таковы:

% крупного рогатого молодняка к коровам	48,6
% свиней к крупному рогатому скоту	33,0
% овец » » » »	191,2

Следовательно, этот район—мясной, многоовечий и малосвинный по терминологии проф. Челинцева. Вместе с тем коневодство, как и в других экстенсивных районах востока, здесь начинает выдвигаться на первый план.

В следующем районе—нижне-волжском, мясное направление становится еще более выпуклым.

% молодняка к коровам	76,5
% свиней к крупному рогатому скоту	37,2
% овец » » » »	185,0

Еще более развита мясо-шерстная продукция на Сев. Кавказе. Процент коров в стаде крупно-рогатого скота здесь падает до 33,3, процент волов и быков подымается до 16,7, молодняка и телят—до 50 %. На 100

душ населения приходится около 140 овец. Сюда из Новороссии во второй половине XIX века передвинулись „таврпчане“ овцеводы со своими мериносовыми стадами. Но в XX веке и их отсюда погнала в киргизские степи начавшаяся хищническая распашка целинных залежей.

В киргизских степях экстенсивное „гулевое“ скотоводство держится, главным образом, на туземном хозяйстве. Здесь следует различать два главных типа скотоводства, ясно вырисовывающихся по статистическим материалам (перепись 1917 г.).

На 100 душ населения приходится:

	Лошадей.	Крупн. рог. ск.	Овец и коз.	Свиней.	Вербл.
Северные степи .	82,8	122,6	193,9	14,2	2,8
Южные » .	114,3	109,1	499,4	4,5	6,8

В северных степях, где сосредоточены русские переселенцы и туземцы-киргизы, перешли к полуоседлому быту, количество коров и свиней на 100 душ населения больше, а лошадей, верблюдов и особенно овец значительно меньше. По материалам экспедиции по исследованию степных областей состав стад в Тургайской обл. варьировал в северных и южных уездах следующим образом:

На 100 голов всего скота (у киргиз).

	Лошади.	Крупн. рог. ск.	Вербл.	Овцы.	Козы.
Северный.					
Кустанайский уезд . .	31,2	23,0	1,2	35,8	8,7
Южный.					
Иргизский уезд	15,0	10,3	9,3	58,0	7,4

Ясно, что не только русские, а и киргизы в северной половине степей развивают стада крупно-рогатого скота, а в южной — овец и верблюдов.

В крупно-рогатом скотоводстве здесь повсюду господствует м я с н о е направление.

На 100 голов кр. рог. скота.

Волов и быков	14,6
Коров	34,6
Молодняка	21,5
Телят	29,3

Степной край — наиболее многоскотный район по всей России, где на 100 душ населения приходится 209 единиц скота — вдвое более среднего.

В Сибири овцеводство вдвое слабее, чем в степном крае, но количество коров и особенно свиней больше, а число лошадей одинаково со степным краем. Здесь, благодаря развитию маслоделия, в крупно-рогатом скотоводстве наблюдается тенденция к молочному направлению.

На 100 голов кр. рог. скота приходится:

Волов и быков	3,9
Коров	49,1
Молодняка	23,7
Телят	23,3

Таковы, в общих чертах, типы скотоводства по районам в нормальную эпоху. На основании приведенных данных мы можем сделать такие выводы.

1. В общем, по направлению с запада на восток и в нечерноземной и в черноземной полосах наблюдается переход от молочного направления и развития скороспелого мясного скота в виде свиней к чисто мясному и шерстному скотоводству, что характеризуется уменьшением процента коров в стаде кр. рогатого скота и возрастанием абсолютного и относительного количества овец.

2. Молочное направление в нечерноземной полосе и в Сибири выражено гораздо более сильно, чем в черноземной полосе и в Степном крае.

3. Наиболее оскуделыми, в скотоводческом отношении, являются районы земледельческого центра, где лишенные достаточных кормовых средств для содержания крупного скота крестьянские хозяйства пытались отыграться на овцах. Но как раз в этих районах к 1921 г. произошло максимальное падение овцеводства.

На 100 душ населения приходилось:

	Овец и коз.	
	1916 г.	1921 г.
В центральном районе	86,6	35,6
» Средне-волжском	92,9	39,7
Всего в земледельческом центре	89,6	37,6

т.-е. более чем в два раза, тогда как количество лошадей и коров убавилось здесь не более, чем на 25%. Теперь эти районы имеют меньше овец, чем даже нечерноземные.

4. По своей многоскотности выдаются два крайних географических полюса России: юго-западные (украинские) и юго-восточные (азиатские и сибирские). Как мы уже указывали в X главе, на разных районах России мы можем наблюдать живую историю смены трех фазисов аграрной эволюции: фазис тезиса гармонического сочетания экстенсивно-мясо-шерстного скотоводства и табунного коневодства с переложным земледелием, господствовавший на редко населенном востоке, сменяется вторым фазисом „антитезиса“ в центре, где экстенсивное зерновое трехполье вступило в борьбу со скотоводством и подорвало его, и третий фазис „синтеза“ на юго-западе, где переход к интенсивному земледелию одновременно воскресил в новых формах скотоводческое хозяйство.

С 1916 г. по 1920 г. положение скотоводства в отдельных районах сильно изменилось: количество скота убавилось всюду, но далеко не в одинаковой степени.

Убыль в % с 1916 по 1920 г.

	Лошадей.	Крупного рогатого скота.	Овец и коз.	Свиней.
НЕЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.				
Белоруссия	9,1	7,4	33,3	31,0
Приозерн.	5,4	16,4	26,1	29,5
Центральн.-пром	5,4	9,2	6,4	66,5
Северный	4,9	26,9	28,7	41,4
Приуральский	16.8	41,5	48,2	41,0
Итого нечерноземн. пол	10,0	22,0	30,7	39,9
ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.				
Украина (с Новоросс.)	35,8	22,5	21,6	+3,1
Центр.-земледел.	31,5	25,4	56,9	42,8
Средне-волжский	13,4	24,8	45,9	30,1
Нижне-волжский	28,4	44,5	53,2	28,6
Итого черноземн. полоса	29,2	26,3	44,0	12,7
Северный Кавказ	24,4	35,0	59,1	15,5
Сибирь	8,3	26,6	9,4	23,7
Степной край	31,0	32,7	51,9	18,2
Итого Азиатская Россия	19,6	30,4	41,7	30,6
Вся СССР	22,5	26,7	40.0	20,9

Сокращение скотоводства шло, в общем, в том же направлении, как и падение земледелия: усиливаясь по направлению от северо-запада на юго-восток. Наименее пострадали Белоруссия (по крупному скоту), приозерный край и промышленный центр; наиболее Новороссия (которую, к сожалению, в суммарных итогах нельзя выделить из Украины), земледельческий центр, нижнее Поволжье, Сев. Кавказ. и Киргизия. Впрочем, земледельческий центр, благодаря военным событиям, также потерял много скота. Сибирь, как и в земледелии, пострадала меньше других окраин; зато в последующий период ее падение было гораздо значительнее других районов.

Голод 1921 г. ударил по скотоводству юго-востока и востока еще сильнее, чем по земледелию этих районов в 1923 году. Принимая данные в количестве скота в 1920 г. за 100, получаем для 1922 г. такие цифры по крупным областям:

	Лошадей.		Крупн. рогатого скота.		Овец и коз.	Свиней.
	Всех.	В том ч. коров.	Всех.	В том ч. коров.		
Нечерноземная полоса.						
Запад	107	106	116	98	99	110
Центр	95	26	112	100,4	112	104
Северо-восток	63	67	71	75	66	35
По нечерноземн. пол	84	87	99	92	95	86
Черноземная полоса.						
Запад	104	104	100	106	126	63
Центр	66	72	93	89	69	18
Юго-восток	57	62	78	78	67	15
По черноземн. пол.	79	82	92	93	88	42
Сибирь	83	86	69	69	88	40
Киргизия	64	65	57	56	82	23
По СССР	80	83	88	86	89	52

Таким образом, после 1920 г. начинается возрождение скотоводства на западе и в обоих полосах. В центре и на востоке оно продолжает падать, при чем в голодавших районах юго-востока это падение достигает своего максимума. Между тем, мы указывали в предыдущей главе, что зерновое хозяйство юго-востока и Сибири должно проявить трансформацию от чисто зерновой продукции к смешанной скотоводческо-земледельческой.

В 1923 г., как и по другим отраслям сельского хозяйства, в животноводстве мы наблюдаем заметный под'ем, усиливающийся по направлению с запада на восток.

Движение количества скота по областям (Госплана) в тысячах голов.

ОБЛАСТИ.	Годы.	Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы и козы.	Свиньи.	Изменение в % с 1922—1923 г. Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы и козы.	Свиньи.
Нечерноземн. полоса.									
Запад [1]	1922	1465	2381	2740	180	+ 4,6	+ 4,4	+66,5	+ 2,2
	1923	1532	2490	4562	1841				
Центр	1922	2658	6101	7226	698	+15,9	+17,3	+54,0	+ 65,6
	1923	3081	7155	11130	1156				
Сев.-восток	1922	1689	2793	2869	357	+15,9	+26,1	+55,2	+ 48,2
	1923	1957	3522	4453	529				

*) Нечерноземный запад—без Белоруссии (6-ти уездов бывш. Минской губ.).

ОБЛАСТИ	Годы.	Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы и козы.	Свиньи.	Изменен. в % с 1922—1923 г. Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы и козы.	Свиньи.
Черноземная полоса.									
Запад	1922	2939	5208	6613	2368	—12,2	— 8,0	—11 7	— 14,4
	1923	2582	4790	5837	2029				
Центр	1922	2396	4225	5835	234	+22,7	+31,4	+65,6	+202,4
	1923	2941	5551	9661	859				
Юго-восток	1922	2542	6047	6704	553	+ 6,0	+32,9	+46,5	+107,8
	1923	2695	8040	9825	1149				
Сибирь и Киргизия.	1922	4992	5638	8551	988	— 6,6	+13,8	+18,0	+ 6,2
	1923	4662	6418	10090	1049				
По СССР	1922	18382	32354	40538	7048	+ 5,5	+17,3	+37,0	+ 22,2
	1923	19718	37965	55559	8612				

Мы видим, что только на западе черноземной полосы количество скота подверглось заметному сокращению [1]). В остальных областях проявилась та же закономерность, что и в росте посевных площадей, именно: возрождение скотоводства усиливается по направлению с запада на восток. Но эта закономерность относится, главным образом, к двум видам скота: крупно-рогатому и овцам. Свиньи растут в обратной пропорции, что вызывается, несомненно, тесной связью эволюции свиноводства с интенсификацией земледелия; лошади также восстанавливаются в меньшей пропорции в восточных районах, ибо в этих районах голод уничтожил почти начисто ремонтный молодняк, и для его восстановления понадобится не менее 3-х лет.

Выводы.

Таковы в общих чертах типы скотоводства по районам. На основании приведенных данных мы можем сделать такие выводы.

1. В общем, по направлению с запада на восток и в нечерноземной и в черноземной полосах наблюдается переход от молочного направления и развития скороспелого мясного скота, в виде свиней, к чисто мясному и шерстному скотоводству, что характеризуется уменьшением процента коров в стаде кр.-рогатого скота и возрастанием абсолютного и относительного количества овец.

2. Молочное направление в нечерноземной полосе и в Сибири выражено гораздо более сильно, чем в черноземной полосе и в степном крае.

---

[1]) Хотя показанные официальные цифры Украины—цифры сомнительные.

3. Наиболее оскуделыми, в скотоводческом отношении, являются районы земледельческого центра, где лишенные достаточных кормовых средств для содержания крупного рогатого скота, крестьянские хозяйства пытались отыграться на овцах. Но как раз в этих районах уже к 1921 г. произошло максимальное падение овцеводства.

На 100 душ населения приходилось:

	Овец и коз.	
	1916 г.	1921 г.
В Центральном районе	86,6	35,6
» Средне-волжском	92,9	39,7
Всего в земл. центре	89,6	37,6

т. е. более чем в два раза, тогда как количество лошадей и коров убавилось здесь не более чем на 25%. Теперь эти районы имеют меньше овец, чем даже нечерноземные.

4. По своей многоскотности выдаются два крайних географических полюса России: юго-западные (украинские) и юго-восточные—азиатские и сибирские. Как мы уже указывали в VII главе, в разных районах России мы можем наблюдать живую историю смены трех фазисов аграрной эволюции: фазис „тезиса"—гармонического сочетания экстенсивного мясо-шерстного скотоводства и табунного коневодства с переложным земледелием, господствовавший на редко населенном востоке, сменяется вторым фазисом „антитезиса" в центре, где экстенсивное зерновое трехполье вступило на борьбу со скотоводством и подорвало его и третий фазис „синтеза"—на юго-западе, где переход к интенсивному земледелию одновременно воскресил в новых формах скотоводческое хозяйство.

5. Голод 1921 года чрезвычайно подорвал скотоводство экстенсивных районов: но именно в этих районах с 1922—1923 г.г. мы наблюдаем максимальные тенденции к его возрождению, поскольку оно возможно при почти полном уничтожении ремонтного молодняка. На юге и юго-востоке особенно сильно реставрируется скотоводство мясо-шерстного направления: в более интенсивных—западных и северо-центральных районах—молочное скотоводство и свиноводство.

6. Задача ближайшего будущего—создать гармонию скотоводства и земледелия как при интенсивных, так равно и при экстенсивных системах сельского хозяйства, ибо пример Америки показывает, что при этих последних системах, борьба между земледелием и скотоводством вовсе не является непреложным „имманентным" законом аграрной истории, и может быть предотвращена разумной творческой работой человека.

ГЛАВА XI.

Второстепенные сельско-хозяйственные промыслы.

Рыболовство.

Россия — континентальная земледельческая страна. Тем не менее она обладает несколькими бассейнами вод, исключительными по рыбным богатствам, и потому, несмотря на плохую постановку эксплотации этих бассейнов, до войны она была второй страной в мире по количеству добываемой рыбы после Великобритании и первой в мире по ценности этой добычи.

В 1913 году было добыто рыбы:

		В миллион. рублей
В Великобритании	70	118
„ России	64	168
„ Соед. Штатах	55	146
„ Японии	45	60
„ Канаде	40	58

По другому подсчету Кевдина продукция русского рыболовства равнялась в 1913 г. 69,2 милл. пуд., а по самому тщательному подсчету проф. В. Н. Мейснера 73.269.000 пуд. Это только промысловый улов, шедший на рынок. Исчислить месячное натуральное потребление, которое на рынок не попадает—не представляется возможным, но вместе с ним, некоторые специалисты полагают, что весь фактический улов в России достигал не менее 100 мил. пуд. По отдельным бассейнам промышленный улов 1913 г. распределялся так:

Волго-Каспийский	38,5	мил. пуд.
Тихо-Океанский	9,1	» »
Балтийское море	7,9	» »
Внутренние озера и реки Европ. Рос.	8,0	» »
Азовско-черн. морей	2,6	» »
Аральский бассейн	2,2	» »
Ледовито-Беломорск.	1,6	» »
Реки и озера Сибири	1,5	» »
Всего	71,4	мил. пуд.

В бассейнах России водится много рыбы ценных пород — красной, лососевых и др. Однако, согласно данным работы Хрулева „Финансы России и ее промышленность“, мы ввозили из-за границы рыбных товаров на гораздо большую сумму, чем вывозили. В 1903 г. нами было вывезено (за границу) всякого рода рыбных продуктов на 7.124.000 рублей, а 1912 г. на 7.243.000 руб., но зато в 1903 г. было привезено (из-за границы) рыбы, устриц и прочих рыбных товаров на 24.004.000 р., а в 1912 г.—уже на 38.202.000 руб. Таким образом, в 1903 г. мы заплатили заграницe за рыбные товары 17 миллионов чистоганом, а в 1912 г.— 31 милл. Главная причина этого — плохая обработка нашего рыбного материала, который сушится и солится грубыми способами для приготовления впрок, между тем как за границей его приготовляют в виде консервов или замораживают, или, наконец, засаливают и вялят сложными способами, благодаря которым вкусовые свойства ценных пород сохраняются. Однако, из приведенных цифр улова и ввоза из-за границы, мы можем заключить, что внутреннее потребление рыбы и рыбных продуктов в России и в мирное время было велико, тем более, что в эти цифры не входили зачастую уловы и потребление на местах „для себя“, которые с трудом поддаются регистрации. Теперь, после огромного сокращения нашего скотоводства, единственный способ возместить недостаток белкового и жирового питания страны — это поднять наше рыболовство. В самом деле, по расчетам С. Н. Прокоповича (см. опыт исчисления народного дохода) только по 50 губ. Европейской России мясная продукция в 1913 г. равнялась 147 милл. пудов, в 1921 г. она упала (по всей РСФСР) до 57 милл. пудов.

Мясное питание населения сократилось более чем в $1^1/_2$ раза. Крестьяне воздерживаются от убоя молодняка, стараясь скорее вырастить скот.

Что касается рыбных запасов наших водных бассейнов, то здесь специалисты указывают, наоборот, на необходимость усиленной добычи рыбы, ибо за последние годы, в виду сокращения рыболовства и размножения рыбы, уже наблюдаются некоторые признаки перенаселения рыбных бассейнов, благодаря которому может нарушиться равновесие между наличием кормов и количеством рыбы в воде. Недоловы минувших лет привели к укрупнению вылавливаемых сейчас особей. Так, в Астраханском районе вобла в 1917 г. весила в среднем 10 пудов в 1000 штук, осенью 1920 г. вес ее доходил до 20 пудов в тысяче. Молодей сельди в устье Волги оказывалось в $2^1/_2$—3 раза больше, чем в прежние годы. Увеличилась также молодь осетровых. В кубанском районе сазан, весивший обычно 5 — 7 фунтов, сейчас дает средний вес в 7 — 10 фунтов и т. д. [1]) И последние сведения о начавшемся весеннем улове рыбы настоящего 1924 года дают картину неожиданного изобилия. Так, в низовом районе р. Дона наблюдается колоссальный небывалый напор рыбы, которой ежедневно ловится до 200.000 пудов. Во многих местах прорваны рыбацкие сети. Рыба преимущественно красная.

Отсюда можно надеяться, что то падение уловов, которое происходило за последние годы, сменится новым, небывалым доселе под'емом, если только на развитие рыболовства будет устремлено то внимание, которого заслуживает этот промысел по своему народно-хозяйственному значению. По имеющимся официальным данным улов рыбы в бассейнах территории СССР (за исключением Дальне-Восточных и некоторых других) равнялся:

в 1913 г.	43.149	тыс. пуд.
» 1920 »	10.407	» »
» 1921—22 гг.	16.817	» »
» 1922—23 »	14.350	» » (по плану).

Рассмотрим вкратце движение нашего рыболовства по отдельным бассейнам.

1. Каспийско-Волжский. Это — самый крупный бассейн по количеству добычи рыбы. По официальным сведениям улов равнялся (в тыс. пуд.):

	Во всем бассейне.	В т. ч. в приморских районах.
1913 г.	38.435	17.481
1915 »	45.465	19.194
1920 »	—	7.327
1921—22 гг.	—	12.680
1922—23 »	—	9.723

Главную роль по количеству улова играют породы черных рыб (вобла, судак, сазан) и селедка, добыча которых растет. Добыча красной рыбы, наоборот, падает. Уменьшение заловов красной рыбы, которая добывается преимущественно на Уральском участке в водах казачьего

[1]) М. И. Тихий. «Наша рыбопромышленность и ее нужды».

войска наблюдается уже со второй половины XIX столетия, при чем оно происходит, повидимому, не столько вследствие хищнических приемов лова, в общем у казаков довольно рациональных, сколько благодаря обмелению некоторых рукавов Урала.

Икры в 1913 г. было добыто 229 тыс. пуд., в том числе красной 65,5 тыс. пуд. Добыча рыбы и икры с каждым годом также падала, благодаря уменьшению размеров рыбы. В Волжском районе размножению рыбы весьма препятствовало загрязнение Волги нефтью, которая утекала с баржей при перевозках в огромном количестве—до 15 милл. пудов. Нефть образовывала в мелких заливах, где размножается рыба, непроницаемую пленку, от которой пропадали мальки. Хищнические способы лова, лов в запретное время, употребление частых сетей и т. д. также способствовало нерасчетливому истреблению рыбных богатств.

А между тем, по своим рыбным запасам Каспийский бассейн легко мог бы давать вдвое больше рыбы при рациональной постановке дела. Проф. Н. М. Книпович путем кратких предварительных исчислений в отношении Каспийского моря приходит к выводу, что „если принять за промысловый Каспий часть его, имеющую глубину менее 50 метров, то цифру, выражающую рыбо-промысловую производительность его (14,38 килограмм. на 1 гект. водной площади), придется удвоить (28,76 килог. на 1 гект.)“ Следовательно, без ущерба для основного рыбного запаса в воде Каспийский бассейн может давать 60—70 милл. пуд. ежегодно. Осенью 1923 г. в приморской части района добыто 2.600 тыс. пуд., весною 1924 г. предполагается добыть 8.750 тыс. пудов.

2. Второй по размерам добычи—Дальне-Восточный бассейн, который начал ускользать из-под русской власти уже вскоре после японской войны. Дальне-Восточный бассейн делится на несколько районов, из которых самые важные—Охотско-Камчатское побережье и Амурский лиман. После заключения рыболовной конвенции с японцами в 1907 г. последние получили одинаковое с русскими право ловить рыбу на море. Благодаря этому, в 1916 г. 84% всех рыбных промыслов на Тихоокеанском побережьи оказалось в японских руках. Сверх того японцам повезло: лососевые рыбы, которые раньше массами шли в Амурский лиман для нереста (икрометания), теперь поворотили в реки Охотско-Камчатского района.

	Улов рыбы в тыс. пуд.	
	В Амурском районе.	В Охотско-Камчатском.
1910 г.	4.300	2.700
1913 »	3.100	4.500
1916 »	2.000	6.800
Средн. 1918—22 гг.	1.500	7.000

Сильно увеличился лов сельди и на Сахалине (13 милл. штук в 1914 г. и 44 милл. в 1917 г.); Сахалин с 1918 г. также захвачен японцами. За 10 лет с 1907 до 1916 г. японцы выловили и обработали

в наших водах 43 милл. пуд., которые и увезли к себе. За последние воды на Дальнем Востоке вырабатывалось ежегодно:

Рыбных консервов	1.750 т. пуд.
Рыбы японского засола	7.650 » »
» русского »	500 » »
Икры по японскому засолу	250 » »
» » русскому способу	50 » »
Сельди свежей	1.000 » »
Раков, крабов, морск. капусты.	500 » »
Итого . .	11.500 т. пуд.

Нужно иметь в виду, что главный улов здесь—ценные породы кеты и горбуши. Следует еще отметить, что способ обработки рыб японцами („стоповой" засол на открытом воздухе на циновках, на горькой морской соли), гораздо хуже русского (нежный засол в чанах на хорошей соли), так что русские не могут есть той горько-соленой древесины, в которую японцы превращают нежную кету. Накануне войны в Амурский район приехали крупные рыбопромышленники из России, которые улучшили приемы обработки и стали доставлять на рынки Москвы и других городов свыше 1-го милл. пуд. кеты и около 150 тыс. пуд. кетовой икры. Предполагалось поставить холодильное и консервное дело, но мировая война все это приостановила. Рыбопромышленники стали уходить: их место довольно удачно заняла кооперация, но начавшаяся гражданская война оторвала Дальний Восток от Сибири.

3. Следующие по размерам добычи, но остающиеся далеко позади первых двух—морские бассейны—Черноморско-Азовский и Беломорско-Мурманский. Общее количество добытой рыбы в тыс. пудов составило:

	На Азовском море и в Дону.	На Черном море.	На Белом море и Мурмане.
1912 г.	620	232	1676
1913 »	991	462	1306
1914 »	1.173	360	744
1920 »	196	239	406
1921 »	525	225	648
1922 г. (1921—22 гг).	—	135	473
1923 г. (1922—23 гг).	—	196	400

На Мурмане средний ежегодный улов колеблется с 1880 г.г. по 1913 г. от 387 тыс. пуд. до 950 тыс. пуд., хотя норвежские и английские суда в тех же почти водах вылавливали по несколько миллионов пудов. В южных морях—Азовском, Черном и на Дону ловится понемногу красная рыба (около 30 тыс. пуд. всего), сельди—80—100 тыс. пуд., остальная—черная. В Беломорском районе и на Мурмане главные породы

ловимых рыб—треска и сельдь. Кроме Черного моря, в котором рыбы вообще мало, и по своей глубине оно неудобно для ловли, в остальных морях, несомненно, размеры улова могут быть еще повышены.

4. Бассейны Ледовитого океана. Но во много раз легче увеличить добычу в низовьях Сибирских рек, впадающих в Ледовитый океан—Оби, Енисея и Лены. В бассейне Оби насчитывается всего 42 вида рыб, из которых 12 относятся к лососевым, 3—к осетровым. Здесь есть ценные породы, водящиеся только в Сибири: нельма, таймень, харнус; сиговые—максун, сырок и др. Главное рыболовство, как и повсюду—в весеннюю путину (т. наз. „вонзь"). Входя для икрометания в Обскую губу и в дельту Оби, рыба расходится по бесчисленным притокам и озерам, разбросанным по тундрам, где она не ловится почти никем и зимой часто погибает, так как более мелкие озера промерзают до дна.

Большинство рыбных промыслов на Оби находится в пользовании местных инородцев, которые до революции сдавали их в аренду рыбопромышленникам. Обработка рыбы здесь гораздо хуже, чем в Приамурье,—„стоповым" способом, при котором нежное и вкусное мясо моксунов и нельмы превращаются в твердые „пласты", находящие себе сбыт только на Урале. Всего из Обского бассейна вывозится до 700—800 тыс. пуд., из которых в соленом виде около 400—500 тыс., остальные—зимой в замороженном состоянии. Общая добыча в Обском бассейне определяется, в среднем, до 1½ миллионов пудов. В Енисейском бассейне, где те же породы и те же способы лова и обработки, добывается около 400 тыс. пуд., а вывозится от 100 до 200 тыс. пуд. (в 1911 г.—175 тыс.). Наконец, на Лене промышленное рыболовство еще совсем в зачатке, и хотя вылавливается 250—300 тыс. пуд., но вывозилось не больше 25 тыс. по официальным сведениям в 1921—22 г.г. в Обь-Иртышском бассейне добыто 333 тыс. пуд., в 1922—23 г.—496 тыс. пуд.

По вычислению специалистов, только низовья Оби и Енисея могут дать, при самых небольших затратах, 4—5 милл. пудов добычи. Но для рациональной постановки рыбопромышленности, здесь требуется широкая постановка консервного и холодильного дела. Консервное производство начиналось и рыбопромышленниками и кооперацией, но, как и на Дальнем Востоке, революция и гражданская война его приостановили. Во всяком случае, необходимо иметь в виду, что наши Сибирские и Дальне-Восточные бассейны содержат в себе первые в мире запасы лососевых (вторые—в Соед. Штатах с вдвое меньшей добычей), и консервирование их для экспорта в Европу могло бы повысить народный доход России на десятки миллионов рублей.

6. Внутренние речные и озерные бассейны.

Кроме Волги и Дона, речные воды внутри Европейской России доставляют небольшие уловы в 400—500 тыс. пуд. малоценных рыб; некоторое значение имеет рыболовство на Ладожском озере (50—70 тыс. пуд.)—сигов и лососей, в псковских озерах (снетки), но в общем внутреннее рыболовство в Европейской России имеет только местное значение. В Азиатской России крупную роль играет, прежде всего, Аральское рыболовство. Добыча рыбы за 6 лет—с 1905 до 1910 г. здесь поднялась с 285 тыс. пуд. до 2004 тыс.; в 1915 г. здесь было выловлено 1586 тыс.; 1920 г.—180 тыс., 1921 г.—270 тыс. За Аральским наиболее заметный улов дает рыболовство на озерах Зайсане—(свыше 100 тыс. пуд.) и Балхаше (тоже). Величайшее пресноводное озеро Сибири—Байкальское—

рыбой очень бедно. Много рыбы (до 400 тыс. пуд. в течение года) вывозилось из Барабинско-Чановской группы озер; но рыба эта малоценных пород—щуки, язи, окуни и т. д. Что касается речных вод Сибири, то их рыбные богатства довольно велики: но промысловая эксплоатация почти отсутствует.

Итак, несомненно, что рыболовные запасы водных бассейнов России, если включить в их число и Дальне-Восточный, могли бы в ближайшие годы доставить для питания населения и для вывоза за границу свыше 100 миллионов пудов, из которых 15—20% ценнейших осетровых, лососевых, белорыбицы, сиговых, обработанных в виде консервов или свежие в реффрижираторах, доставили бы нам немногим меньший доход при экспорте, чем мы получали до сих пор от вывоза масла или яиц.

Пушной промысел.

Еще большее значение для нашего экспорта мог бы иметь другой промысел наших окраин—охота на зверя пушного и морского. В средние века охота играла заметную роль даже в центральных районах Европейской России: по мере истребления зверей, она все больше отодвигалась на север и восток и сейчас надо предполагать, что около 80—90% всей добычи пушнины в России падает на Сибирь, а в самой Сибири—большая часть на север Тобольской, Томской, Енисейской губ. и Якутской обл. Однако, и в самой Сибири в течение XX века заметно падение добычи пушнины как по количеству, так и по ценности. Самый ценный пушной зверь древности—бобер, исчез из Сибири, так же, как ранее из Европейской России. Добыча соболя, которого еще в XVII столетии сибирские инородцы доставляли Москве в виде „ясака“ (дани) в количестве 200 000 штук упала к концу XIX века до 40—50 тыс., а в XX веке до 10—20 тыс. Все-же еще в XX веке Сибирь является первой страной в мире по добыче пушнины, как показала всемирная охотничья выставка в Вене в 1910 г. Согласно таблице, демонстрировавшейся на выставке, из 126 миллионов добычи пушнины во всем мире (в рублях) 55 милл. падает на Сибирь.

В 1913 г. в России добыто пушнины *).

	Тыс. штук.	На сумму тыс. руб.	По немецким данным **) 1908—13 гг. тыс шт.
Белки	12 000	6 720	15 000
Горностая	420	1.786	700
Лисицы . . .	76	1 672	—
Песцов	139	2.196	—
Соболя.	22	1 760	70
Куницы	24	552	20

*) По данным сборника Внешторга Экспортные возможности России в 1922 г.

**) По данным, приведенным в ст. Поделя Пушное дело (см. «Жизнь Сибири» 1923 г., № 4).

	Тыс штук	На сумму ты руб	Понемецким данным 1908—13 гг тыс шт.
Хорька	1 050	1 050	150 (бел го
Зайца	2 350	750	5 000
Колонка	500	600	200
Медведя	3,5	70	—
Волка	25,5	246	—
Барсука	25	33	—
Сурка	1 500	1 650	—
Россомахи	2	60	—
Рыси	3	63	—
Выдры	3	57	—
Бурундука	50	—	—
Оленьих шкур	45	100	—
Всего.	47 145	19 975	—

По русским ценам сбор пушнины в одной Сибири оценивался до войны в 18—20 милл. руб., по мировым—в 55 милл. руб.

К этому надо прибавить, что инородцы севера для своих нужд употребляют несколько миллионов штук зверя, что, минуя русские рынки, через границу в Китай уходят: кроме беличьих и заячьих шкур, десятки тысяч маральих рогов, шкур косули, джейрана, оленя и лося, струи кабарговой, наконец, из устьев Оби, Енисея и Лены, бесконтрольно уходит в Америку неизвестное, но несомненно значительное количество пушнины. Но в XX веке охотничий промысел в Сибири значительно сократился. Так, судя по цифрам привоза на Ирбитскую ярмарку, количество добычи белки за 1901—10 г.г. убыло на 40% песца с 64 тыс до 40 тыс., лисицы с 263 тыс. до 132 тыс. и т. д. Во время войны и революции охотничий промысел упал здесь еще более за прекращением экспорта за границу и запрещением продажи огнестрельных припасов. Так вывоз пушнины из 4-х губерний: Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской, равный в 1913 г. 10 тыс пудов, упал к 1916 году до $1^1/_2$ тыс. пудов—более, чем в шесть раз.

Но еще до того времени, как пушной промысел стал заметно падать, можно было подметить то же явление, как и в русском рыболовстве. Хотя Сибирь была первой страной в мире по добыче пушнины, хотя большая часть добытой пушнины экспортировалась за границу,—однако, ценность нашего вывоза была ниже стоимости импорта: за 1903—10 годы нами было вывезено пушных товаров на 41.585 тыс. рублей, а ввезено на 59.024 тыс. руб. на 17½ милл. руб. более. *) Этот факт, чрезвычайно

*) По официальным данным. По мировым ценам экспорт русской пушнины (без каракуля) достигал 17—18 мил. руб.

ярко характеризует все неустройство нашей народно-хозяйственной жизни еще до войны и является следствием двух главных причин: во 1-х, качественного и количественного падения промысла в XX веке, во 2-х, неправильной и вредной для народного хозяйства постановки внешней торговли пушниной. Главными добытчиками пушнины являются инородческие племена русского севера. За последние годы охотники стали истреблять не только взрослых зверей, а и молодняк, иначе говоря, уничтожать основной капитал природы. Молодой песец, например, выросши, произвел бы на свет детенышей, дал бы, так сказать, проценты на тот капитал, который представляет его шкура. Убивать недорослого зверя—все равно, что убивать курицу, несущую золотые яйца. Это убийство не только сильно сокращает число зверей, оно обесценивает и самые меха, потому что шкура недорослого зверя оценивается в половину и четверть обычной цены. По приблизительному подсчету сами охотники в 1918 г. потеряли, благодаря истреблению молодняка, на рынке 15 милл.

Главная причина этого избиения лежит в закабаленности инородца, не вылезающего из долговой петли, которую накинули на него торговцы кулаки—русские и более богатые его родичи. Торговцы применяют к охотникам, так называемую заборную систему. Они раздают им в кредит „в забор" то, что нужно инородцу: хлеб, чай, сахар, мануфактуру, охотничьи принадлежности и, конечно, плохую, разведенную и смешанную с махоркой водку и табак. За этот товар, который расценивался, при заборе, торгвцами в несколько раз дороже, чем он стоил на ближнем рынке, охотники обязывались отдавать торговцу всю пушнину, какую он добудет. А по каким ценам он отдается—видно из следующих цифр:

В середине 1917—18 г.г. пушнина сбывалась по ценам:

	На местах инородцами.	Стоявшая тогда цена на рынках Сибири	Во сколько раз рыночная цена выше местных.
Песец . . .	23 р. 56 к	85 р — к.	3,6
Белка	— 15	2 50	5,6
Горностай. . .	2 62	9 —	3,1
Лисица.	19 98	60 —	3,0
Сохатина	8 05	55 —	6,8
Колонок	1 92	7 —	3,6

Один исследователь севера Т. Тугаринов подсчитал, что 210 тунгузских хозяйств, получивших за свою пушнину 23.594 руб., должны были бы выручить, если бы продали ее на самых близких рынках—75.791 руб., т.-е. втрое больше. Таким образом, на заборе и на пушнине торговец „зарабатывал" 600—800% чистого барыша. При этом он старался так опутать инородца-охотника, чтобы тот, отдавши торговцу всю свою пушнину, остался бы у него все-таки в долгу за забранный товар.

Тот же Тугарипов даст такой расчет денежных доходов и долгов 329 семей инородцев при расчете с ними торговцев.

		На 1 хозяйство.
Выручено всего за пушнину.	46.729 р.	142 р
Осталось неоплаченных долгов торговцами . .	42 334	129
Сколько выручили бы охотники, продав пушнину на рынке.	156 793	477
За покрытием долгов у них должно было бы остаться чистого барыша	114 461	348

Таким образом, сбывая всю пушнину через посредников торговцев, вместо того, чтобы иметь чистого барыша по 348 руб. на хозяйство охотники оказались задолженными, в среднем по 120 руб.

Вот эта самая долговая петля, из которой инородец старался выпутаться, во чтобы то ни стало и заставляла его не щадить ни взрослых зверей, ни звериный молодняк, раз он ему попадается на ружье или самострел Дело в том, что главное достояние инородцев—не в пушнине, а в оленьих стадах. Потерявший свое оленье стадо инородец погибает без пищи, одежды, жилища, или обращается в последнего нищего, или бездомного батрака. А когда инородец залезает в неоплатные долги—торговец отбирает у него стадо, которое перепродает богатому родичу охотника, обделывающему вместе с торговцами разные темные делишки. Вот по какой причине инородцы не только убивали без разбора зверей всякого возраста, истребляя звериное богатство, но и сами вырождались, нищали и вымирали.

Второй причиной дефицита нашего пушного баланса являлась система торговли пушниной.

От мелкого торговца-скупщика, собирающего пушнину на месте в полярной тундре, пушнина переходила к более крупному оптовику, живущему в центральных рынках Сибири. Оптовик, собрав и рассортировав пушнину, отправлял ее на главные российские ярмарки—Ирбитскую и Нижегородскую, где ее покупали агенты заграничных, особенно германских, капиталистов, которые до войны отправляли большую часть скупленной пушнины в Германию, в Лейпциг. Там на скорняжных заведениях ее перерабатывали в меха для шуб, на дамские муфты, накидки, боа. Эти боа и накидки шли опять в Россию и за них то наши дамы приплачивали чистым русским золотом Так была протянута между инородцем охотником и мировым потребителем целая цепь посредников-капиталистов, которые одни наживали огромные барыши на этом товарообмене, сами же производители этих больших ценностей—инородцы нищали, голодали и вымирали.

Для того, чтобы улучшить их положение и тем самым избавить их от необходимости истреблять без разбора звериный молодняк, надобно, во-первых, избавить их от кабалы местных торговцев „тунгусников", во-вторых,—выбросить в мировом товарообмене цепь торговых посредников, забиравших в свои карманы всю долю народного дохода от этого весьма прибыльного промысла.

Бороться с истреблением молодняка какими бы то ни было запретами—бесполезно. Царское правительство запрещало бить соболей и неросльх песцов,—но из этих запретов толка не выходило, потому что

уследить за выполнением закона в безбрежных тундрах нет никакой возможности.

Надобно самих инородцев поставить так, чтобы они не нуждались в безудержном истреблении зверей, и тогда через короткое время количество пушной добычи опять станет возрастать.

С тех пор, как в Сибири широко розрослась и укрепилась кооперация—северные кооперативные союзы делали попытку вырвать инородца из торговой кабалы, а затем через кооперативные центры наладить самим отправку пушнины за границу.

Так в 1918 г., когда началась гражданская война, и торговцы бежали с севера, оставив его на голодную смерть, кооперативный союз „Закупсбыт" двинул на Тобольский север 360 тыс. пудов муки, 800 тыс. арш. мануфактуры, мыла, чаю, сахару, масла и т. д. всего товаров на 7 милл. руб. Другой союз—Енисейский поставил дело еще шире: он не только двинул товаров на 2 милл. по цене в 5–10 раз дешевле рыночной, но еще распределил между населением 4000 пудов пороху, 800 пудов дроби, сберегая на огнестрельных припасах населению $5^1/_2$ милл. Союз устроил за полярным кругом фактории—род гостиниц, куда заезжают инородцы, где их кормят и где они сбывают пушнину и получают товары. Пушнину инородцы сбывают на комиссию. Северные союзы в 1917—18 г.г. собрали 2100 тыс. шкур белки на $6^1/_2$ милл. и прочей пушнины на 3 милл. Белку они отправили в Америку; где она была продана по цене 5 рублей; тогда как на рынке стояла цена 3 руб. 50 коп. Таким способом, кооперативы выручили для населения около миллиона. В 1919 г. второй оборот с пушниной в Америке был еще выгоднее для населения, так как белка поднялась в цене на Нью-Йоркском рынке за год почти в четыре раза. Успех кооперативных продаж за границей отчасти об'ясняется тем, что кооператоры постарались установить „стандарт", т.-е. посылали товар односортный, не испорченный подмесью плохих шкурок. Русские же торговцы всегда старались в партию хорошего товара подсунуть плохие, бракованные экземпляры, чем иностранцы были очень недовольны. Поэтому и цены за русскую пушнину давали очень низкую.

Возрождение пушного дела началось с 1921—22 г. В 1919–20 г.г., вместо довоенных 18—20 мил. шкур, добыто всего 6,6 мил., в 1920—21 г.г. только 3,6 мил. В 1921—22 г.г. положение быстро меняется к лучшему. В конце 1921 г., на нашем заграничном рынке впервые появилась крупная партия нашей пушнины из запасов Сибпромбюро. Эта партия включала:

Белки . . .	828	тыс шт
Лисицы . . .	2	» »
Горностая . . .	12,5	»
Песцов. . .	2,2	» »

После длительного соревнования она была продана американцам за 2.032 тыс. руб., по весьма высоким ценам. За первый партией последовали вторая и третья, реализованные на сумму 4.025 тыс. руб., а всего следовательно—в 1921—22 г. на 6.057 тыс. руб.

В сезон 1922—23 г.г. на рынке конкурируют много государственных, кооперативных и частных поставщиков, закупивших круглым

Белки .	10 мил штук
Песца	35 тыс
Соболя .	15
Лисицы	50
Горностая	1 мил
Колонка .	500 тыс.
Волка .	30
Хорька	300

Цифры—близкие уже к довоенным. Весьма высокие цены за границей дали возможность направить на экспорт около 7 мил. шкур за 31.134 тыс. руб., из которых уже реализовано 5,1 мил. шкур на сумму 21.917 тыс руб. В сезон 1923—24 г.г. ожидается экспорт 15 мил. шкур на сумму 30 мил. руб. но последнее время цены на пушнину за границей несколько падают, тогда как внутри России неуклонно растут Это может сильно сократить наши экспортные операции.

Оленеводство.

В тех же самых окраинных северных районах на ряду с двумя основными промыслами местного населения—рыболовством и охотой на первый план выдвигается оленеводство. Для жителей полярной тундры олень—главная основа его существования. Дикие звери являются для него только средством товарообмена: их ценные шкуры он выменивает на разные нужные ему товары. А олень его кормит, поит, одевает, обувает, из оленьих шкур он даже устраивает себе жилище. Жирное, напоминающее сливки, молоко оленя служит прекрасным питьем и идет на изготовление очень вкусного сыра. Мясо, костный жир и мозг идут в пищу; даже из мягких молодых рогов делается студень. Из костей и твердых рогов выделываются всевозможные домашние орудия: ножи, вилки, ложки, иглы. Копыта заменяют стаканы и чашки. Жилы употребляются, как нитки. Кишки идут на приготовление кровяных колбас из крови того же оленя. Из сала делают свечи. Наконец, олень—прекрасное вьючное и ездовое животное. Словом, ни одно домашнее животное Сибири не приносит такой пользы своему хозяину, как олень. Он бегает 10—12 часов подряд, делая по 100 верст. И главное - его не надо прикармливать: он питается жалким мхом северных пастбищ—ягелем.

По отдельным губерниям северные олени распределяются, приблизительно, в таком числе:

	(В тыс. голов)
В Тобольской губ.	515.000
Енисейской . .	95 000
Якутской . . .	287.000
На Камчатке и Чукотском носу	176 000
В прочих губерниях . .	6 200

На севере Европейской России оленей по позднейшим сведениям около 700—800 тысяч; главный район их распространения—низовья Печоры. За последние годы оленеводство стало падать, благодаря эпизоотиям и вымиранию самих инородцев. Гражданская война и на севере произвела большие опустошения.

У северного оленя есть родич - благородный олень, встречающийся в диком виде в нагорных лесах Сибири. От Алтая до Байкала распространена одна его разновидность - марал. У марала самой ценной его принадлежностью считаются рога, ради которых их разводят в особых загородках, называемых маральниками, так как эти рога „панты" продаются за высокую цену в Китае, где из них приготовляют укрепляющее лекарство.

Мараловодством занимаются не только на Алтае и в соседних с ним районах Семипалатинской области, но и на юге Енисейской и Иркутской губерний и в Забайкалье, где вместо маралов разводится другой вид оленя—изюбров. А в Приморской области выводится третий вид оленя—„аксис" (пятнистый олень), панты которого ценятся очень высоко.

Маралов ловят при помощи вырытых ям—западней, вырываемых на тех тропниках, по которым они ходят. Затем в маральниках самки дают приплод. Маральники огораживаются с расчетом, чтобы на каждое животное приходилось по 1 десятине пастбища. На зиму им приготовляют сено. Панты спиливаются раз в году. Когда маралы стареют, и панты их становятся слишком твердыми и негодными на вывоз, их убивают. За границу — почти исключительно в Монголию и Китай, в 1916—18 г.г. вывозилось пантов на сумму свыше 900 тыс. рублей.

Садоводство, огородничество, бахчеводство и проч. мелкие культуры.

Три перечисленных сейчас промысла—рыболовство, охота, оленеводство являются главными в тех районах, где сельское хозяйство по природным условиям невозможно, или отодвигается на второй план, но в общей народной экономии их значение было до сих пор второстепенным. Однако, в ближайшем будущем, как уже указывалось, эти промыслы должны приобрести гораздо больший удельный вес, как в силу сокращения некоторых основных элементов сельского хозяйства, в частности скотоводства, так и вследствие того обстоятельства, что для получения необходимых товаров и средств производства из-за границы, нам потребуется оплатить их усиленным сбытом своих продуктов: а т. к. сбыт земледельческих и скотоводческих продуктов, благодаря потрясению сельского хозяйства, в прежних размерах будет возможен еще не скоро, то отсюда становится необходимым усиление сбыта и переработки продуктов рыболовства, охоты и северного оленеводства. Первые два промысла имеют, главным образом, товарный характер: большая часть их продуктов отчуждается на сбыт. Эта самая особенность сближает их со многими побочными сельско-хозяйственными промыслами, продукты которых также в значительной степени предназначаются для рынка, а не для непосредственного потребления самих производителей. Из этих промыслов, садоводство очень мало распространено в северной части России, а в Сибири его совсем не существует, за крайне редкими исключениями. Главные центры его распространения: среднее и нижнее Поволжье, Крым, Кавказ и Туркестан. Здесь оно приобретает торговопромышленное значение, а в остальных районах если и существует, то имеет преимущественно потребительский характер. В среднем и нижнем Поволжьи садов около 65 тыс. дес. На первом месте здесь стоят яблоки, на втором груши. На южных окраинах - в Крыму, на Кавказе и в Туркестане, где площадь под садами достигает, веро-

ятно, сотен тысяч десятин (к сожалению, ни одна перепись их не учла), плодовые культуры чрезвычайно разнообразны: на ряду с яблоками и грушами, употребляемыми в свежем виде, большое значение получают персики и абрикосы (свежие, сушеные и в консервах), сливы, сушеные на чернослив, а на крайнем юге—в Батумской обл.—японские мандарины. Мандариновая культура началась очень недавно, но успела широко распространиться только на „Русской Ривьере"—в окрестностях Батума. В 1907 г. здесь было только 26 тыс. деревьев, в 1913 г. уже 240 тыс. На ряду с мандаринами здесь стало развиваться чайное дело. Центр производства—бывшее удельное имение на ст. Чаква в 10 вер. от Батума. Отсюда чайная культура стала перебрасываться не только на усадьбы соседних дачевладельцев, но даже и на крестьянские участки. В 1912 г. в Батумском округе под чаем было 714 десятин, из них у удельного ведомства 450 дес.. у фирмы К. и С. Поповы—105 дес., у остальных плантаторов числом 112—159 дес., в том числе у крестьян—50 дес. По мнению специалистов, размеры чайных плантаций могут быть расширены здесь до 33.000 дес., и производство чая доведено до 27 миллионов фунтов, т.-е. до $^1/_4$ нормального довоенного потребления чая в России.

Вся площадь под садами в СССР в настоящее время достигает 700 тыс. десятин. За довоенное время имеется цифра лишь 1887 г. — 406,6 тыс. десятин. Таким образом, за 35 лет площадь под садами выросла почти на 300 тыс. дес. или на 75%. Из общего количества садов по Союзу республик в 700 тыс. дес., в главной республике РСФСР находится 332,9 тыс. дес., в том числе:

Районы (Госплана).	Площадь в десятин.	% к общей площади садов.
Сев.-восточный	1.440	0,4
Сев.-западный	17.830	5,9
Западный	25.234	7,6
Центрально-Промышленный	59.437	18,0
Вятско-Ветлужский	1.620	0,5
Урал	2.061	0,6
Центр.-Земледельческий	97.345	29,2
Средне-Волжский	37.160	11,2
Нижне-Волжский	44.285	12,3
Сев. Кавказ	46.476	13,9
Всего	332.888	100

Средняя урожайность с десятины сада достигает 245 пудов, что дает с 700 тыс. дес. до 171,5 мил. пудов. На рынки до войны поступало 75—80 мил. пудов по цене 1—2 рубля за пуд. По данным о же-

лезнодорожных перевозках, грузооборот фруктов и ягод до войны заметно возрастал.

	Грузооборот в мил. пуд.	Увеличение в % прин. 1901—3 гг. за 100.
1901—3 гг.	14,8	100
1907—9 »	19,1	128
1912—14 гг.	27,7	188

В общем грузообороте первое месте занимают яблоки (52%), затем орехи (9,5%), апельсины и лимоны (14,4%) и друг.

Огородничество.

Огородничество в СССР более развито, чем садоводство. До войны площадь под огородами (включая в нее весь усадебный посев) составляла около 2 милл. дес., в настоящее время она выше (1923 г.—до 2,4 милл. дес.). По переписи 1920 г. на территории РСФСР под огородами находилось:

В потребляющей полосе. . .	240,7	тыс. дес.
В производящей »	746,6	» »
На Юго-Востоке	76,1	» »
В Сибири и Киргизии . . .	103,4	» »
Всего по РСФСР.	1168,2	» »

На Украине переписи в 1920 г. не было; но в 1923 г. огородная площадь оказалась в 700 тыс. дес.; наконец, в Туркестане и Закавказьи, а таже на дальнем Востоке, где огородничество очень сильно развито, площадь под ним должна быть не менее 200—300 тыс. дес., а всего по СССР она достигала в 1920 г. около 2,1 милл. дес. К 1923 г. она повысилась не менее, чем на 20%, а скорее более, ибо в настоящее время под одним усадебным картофелем мы имеем 925 тыс. дес. против 500 тыс. довоенных. Грузооборот овощей также возростает, удвоившись за десятилетие 1904—6—13—14 г.г. В 1913 г. он достиг 20 мил. пудов, из которых 39,2% приходилось на капусту, 27% на лук и 18% на огурцы; это—не считая усадебного картофеля, конопли, табака и проч., которые давали на рынок также не менее 20—30 мил. пудов.

К усадебному огородничеству следует добавить полевое—бахчеводство, распространенное почти исключительно в черноземной полосе. По переписи 1916 года под бахчевыми и огородными растениями в поле находилось:

В Центр.-земледельческом районе	30,2	тыс. дес.
» Средне-Волжском.	13,4	» »
» Нижне-Волжском	48,2	» »
» Новороссийском	276,2	» »
» Юго-западном.	3,5	» »
» Малороссийском	46,8	» »
Всего в Европейской России	444,8	тыс. дес.

В Сибири и Степном крае по переписи 1917 года бахчей было 26 тыс. дес., а по переписи 1916 года (вместе с Дальним Востоком) — 44 тыс. дес. Предполагая, что на Северном Кавказе и в Туркестане бахчеводство развито так же, как и в Новороссии, можно допустить, что общая площадь под огородами и бахчами по всей территории СССР приближалась в 1916—20 гг. к 3 милл. десятин. При этом, в противоположность общему падению сельского хозяйства, садоводство и огородничество за время революции в некоторых районах (в особенности в пригородных в нечерноземной полосе) не только не сократилось, а даже расширилось.

По переписи 1920 г. главными районами развития огородничества являются в нечерноземной полосе — западный, в черноземной, надо предполагать, Украина, а за ней земледельческий центр и Поволжье. Последняя область обращает на себя в этом отношении, усиленное внимание исследователей, ибо возрождение юго-востока связывается с развитием мелиоративного дела, которое является рентабельным только при широком распространении садово-огородных культур. Известные основания для этих надежд дает быстрое распространение этих культур в XX веке в Новороссии и в Низовом Поволжье, где, по данным проф. Рыбникова с 1880-х гг. их площадь расширилась в 3—6 раз. Впрочем, большая часть огородных культур, главные из которых — картофель и капуста, на далекое расстояние не перевозятся. По данным переписи 1920 г. из всей зарегистрированной площади под огородами на территории РСФСР было:

	В % %
Под картофелем	58,3
» льном	2,7
» коноплей	31,0
» капустой	7,3
» табаком	0,7

Следовательно, картофель, конопля и капуста — три основных огородных культуры, из которых конопляная сосредоточена в центрально-земледельческом районе. Главный продукт бахчеводства — арбуз приобрел широкое значение на рынке.

Табачное хозяйство развивалось довольно широко не на одном только юго-востоке. До войны общая площадь под табаком и валовой сбор в пудах по областям характеризовались следующими цифрами:

	Посев (в дес.).		Сбор (в тыс. пуд.).	
	1901—10 гг.	1913 г.	1901—10 гг.	1913 г.
Великороссия	9 966	12 894	1.131	1 910
Украина (с Крымом)	23 631	18 788	2 615	2.863
Кавказ	8 422	13 239	569	780
Кубань	12.647	7 678	871	534
Сибирь	769	464	66	73
Туркестан	63	75	5	5
По СССР	58 897	55 793	5 403	6 355

По отдельным районам наблюдаются колебания по годам, но в общем по СССР до войны вся посевная площадь варьировала между 55 и 60 тыс. дес., а сбор между 5,5 и 6,5 милл. пудов. По доходности табачных плантаций следует резко различать районы Европейской России и Сибири, в которых выращиваются грубые, низшие, сорта табака, главным образом, махорка, и Кавказ, Крым и Туркестан, где господствуют желтые высшие сорта, т. наз., турецкие. Если мы выделим на приведенной табличке районы с высшими сортами, то окажется, что посевная площадь их достигает кругло 20 тыс., приблизительно $^1/_3$ всей, а сбор — 1,4—1,3 милл. пуд. — всего $^1/_4$ общего сбора; следовательно, урожайность табака высших сортов несколько ниже, чем простой махорки. Россия была до войны первой страной в Европе по табачному производству: но за океаном ее опережали Соед. Штаты (20 милл. пудов), Британская Индия (12 милл. пуд.). В Европе после России шла Венгрия (4 милл. пуд.), Германия (2 милл. пуд.) и Турция (с Азиатской — 2 милл. пуд.).

Во время мировой войны табаководство не падало, как остальные интенсивные культуры в России, благодаря большому спросу на табак со стороны армии. В 1916 году площадь под табаком достигла 64077 дес., в 1917 г. — 60972 дес. Падение, и притом необыкновенно сильное, ощущается с начала революции. Перепись 1920 г. (без Украины и Кавказа) дает всего 5152 дес. — вчетверо менее довоенной цифры, а в 1921 г. и эта площадь сокращается до 2520 дес. при сборе в 207 тыс. пудов. Надо думать, впрочем, что последние цифры сильно преуменьшены, так как одного огородного табака по переписи 1920 г. оказалось 5,9 тыс. дес. Но все же несомненно, что посевы и сборы табака за время революции упали в несколько раз.

Табачное производство до войны представляло довольно крупную отрасль народного дохода. Один акциз на табак давал казне 50 миллионов рублей.

Посев и сбор желтых табаков равнялся:

	Посев (тыс. дес.).	Сбор (тыс. пуд.).
1922 „ . . .	1,8	365,0
1923 „ . . .	15,5	750

Таким образом, посев 1923 года уже почти достиг площади 1913 г., но сбор оказался менее довоенного на 636 тыс. пудов, т.-е. почти в два раза. Между тем, табачная индустрия в 1922—23 гг. поглотила не более 500—600 тыс. пуд. В 1923—24 г.г. программа выработки еще более сокращена; отсюда возникает тенденция к вывозу избытков сырья за границу. В 1922—23 гг. табака желтого и низших сортов вывезено всего 308 тыс. пуд. на сумму 2,7 милл. руб., в 1923—24 г.г. предположено к вывозу только желтых—100 тыс. пуд. на сумму 1,5 милл. р.

МАХОРКА.

	Площадь (тыс. дес.).	Сбор (тыс. пуд.).
1913 г. . . .	31,7	4744
1921 „ . .	0,7	65
1922 „ .	4,3	500
1923 „ . .	20,0	3000

Посевы и сборы махорки указывают тоже на значительный их рост в 1923 году, когда они достигают $^2/_3$ довоенных, увеличившись сразу, сравнительно с 1922 г. в 5—6 раз. Наибольшее увеличение падает на Украину.

Культура хмеля, сконцентрированная на Украине, занимала до войны в одной Волыни до 8 тыс. дес., с которых собиралось в 1915 г. около 180 тыс. пудов. Кроме того, хмель культивировался в Подолии—(сбор 30 тыс. пудов) и в Костромской губ., где при посеве в 503 дес. сбор достигал 15 тыс. пудов.

Во время мировой и гражданской войны, хмелеводство упало совсем и возрождается лишь в 1922 г., когда площадь под хмелем достигла на Волыни 200 десятин.

Под горчицей, по предположительным данным, в 1923 году оказывается площадь в 40 тыс. десятин.

Важное значение для южных районов России имела специальная культура виноградарства. В пределах прежней Империи (вместе с Бессарабией) насчитывалось до 250 тыс. дес. виноградников с производством около 50 милл. пуд. винограда и 30 милл. ведер вина. Сравнительно с другими странами, производящими вино, эта цифра оказывается весьма незначительной. По Кистяковскому накануне войны в важнейших винодельческих странах было:

	Виноградников тыс. дес.	Вина милл. ведер.
Во Франции . . .	1.500	500
„ Италии . .	3.500	350
„ Испании .	1.200	150
„ Австро-Венгрии . . .	450	75
„ Португалии .	300	35
„ Германии. . . .	100	25

Таким образом, наше виноградарство и виноделие стояло ниже, чем в маленькой Португалии и лишь немного превышало германское.

Наиболее развито было (свыше 10 тыс. десятин) виноградарство в губерниях:

Таврической, . .	10 308 дес.
Донской обл. .	15.543 „
Терской	10.850 „
Бакинской . .	10 850 „
Елисаветпольской .	16.486 „
Кутаисской . . .	28.212 „
Тифлисской .	58.570 „
Эриванской .	11 252 „
Самаркандской . . .	20 011 „

Таким образом, центром виноградного производства являлось Закавказье и, главным образом, Грузия, из которой, впрочем, вывоз вина был сравнительно незначителен. Производство на сбыт внутрь России концентрировался в Крыму и Бессарабии.

За время войны и революции виноградарство сильно пострадало. Многие тысячи десятин заброшены или раскорчеваны, или погибли от вредителей. В общем по СССР сокращение достигло 35%. Убыль эта продолжается. В Грузии 40% площади гибнут от филоксеры. В итоге с 50 милл. пудов винограда до войны сбор упал в 1922 году до 18 милл. пуд. В 1923 г. виноградарство начинает оправляться и сбор повышается, на 20%, доходя, кругло, до 22 милл. пудов.

Птицеводство. Пчеловодство. Шелководство.

Из второстепенных промыслов, относящихся к животноводственной отрасли, на первое место следует поставить птицеводство. Русское птицеводство до сих пор, к сожалению, не обратило на себя большого внимания и базировалось на крестьянском хозяйстве, создавшем мелкий (не более 4 фунтов весом) маломясистый тип кур, несущих 50—60 яиц в год, также весьма небольшого калибра. Но зато эти куры не требуют ни особого корма, ни тщательного ухода.

До войны число одних кур достигло 150—180 милл. штук, с продукцией до 9 миллиардов шт. яиц.

В 1920—21 гг. по переписи значилось всего (без 3 окраин) только 85,4 милл. штук птицы, из которых кур было 74,5 милл., гусей 7,1 милл., уток 3,4 милл. В 1922 году после голода осталось только 52,5 милл., в том числе кур—46,7 милл. До войны главные районы птицеводства—Украина, Землед.-Центральн., Средн. Поволжье. После 1921 г. число птиц на Украине сократилось вдвое, в остальных районах в 4—6 раз. Но с 1923 г. птицеводство вновь начинает возрождаться: в нечерноземных губерниях оно повышается сразу на 30—50%, в земледельческом центре (Орловск. г.) даже на 120%. Вообще птицеводство подвергается сильным колебаниям вверх и вниз, и при возобновлении экспорта яиц за границу, может в ближайшие годы достигнуть довоенного уровня.

Главный недостаток нашего птицеводства — его низкопородность. Требуется создание племенных рассадников. Эта отрасль хозяйства при правильной постановке даже в нашей крестьянской среде могла бы дать еще более высокий доход, чем напр., рыболовство, так как довоенный экспорт яиц за границу приносил около 100 милл. руб. дохода. Но до сих пор она находилась в забросе.

Следующая за птицеводством отрасль, также вполне доступная крестьянскому хозяйству—пчеловодство. По данным 1910 г. на территории СССР было:

	Пасек (тысяч).	Ульев (в тыс.).			Продано со всех ульев.	
		Колодки.	Рамочн.	Всего.	Меда (тыс. п.).	Воска (тыс. п.).
Нечерноземн. полоса . .	76,5	609,3	201,1	810,4	262,0	39,4
Черноземн. полоса . . .	146,3	3049,2	553,4	3602,6	1287,0	138,3
Всего Евр. Рос .	222,8	3658,5	751,5	4413,0	1549,0	177,7
Азиат. Рос.	36,3	990,1	192,5	1182,6	227,4	26,2
Итого СССР . .	259,1	4648,6	947,0	5595,6	1776,4	203,9

5½ милл. ульев—весьма незначительная величина, если принять в расчет простор лугов и лесов России. Особенно слабо поставлено пчеловодство в Азиатской России, где его возможность гораздо шире, чем в Европейской, в которой луга, в большинстве случаев, распаханы.

В 1910 г. только 18% ульев было рамочных. В силу этого, как видно из приведенных цифр, средняя производительность одного улья едва достигла 14 фунтов меда и менее 2-х фунтов воска, что давало всего около 3-х руб. дохода на улей, а, следовательно, по всей России—около 17 милл., между тем, в Соед. Штатах, где пчеловодство гораздо менее распространено, доход от него достигает 50 милл. Самыми пчеловодными губерниями (свыше 300 тыс. ульев) в 1910 г. являлись: Полтавская (305 тыс.), Воронежская (350 т.), Уфимская (321 т.), Кубанская обл. (325 т.) и Томская (собственно Алтай, 524 т.). Перепись 1920 г. обнаруживает в этих губерниях резкий упадок—Уфимская (до 116 т.), Алтайская (182 т.). При сильной количественной убыли которая, надо полагать, приходится, главным образом, на последние годы, перепись 1920 года выявляет технический прогресс в пчеловодстве, ибо число рамочных ульев почти повсюду доходит до ⅓ и половины, а кое-где даже сравнялось с числом колодок. Крестьяне-пчеловоды охотно совсем бы перешли на рамочное пчеловодство, тем более, что отсутствие сахара на рынке делает его выгодным, но вся беда—в отсутствии сейчас нужных материалов и центробежных машинок.

С 1922 года пчеловодство начинает снова возрождаться. Напр., на Кубани в 1922 г.—350 тыс. ульев, в 1923 г.—400 тыс. В Гомельской губ. в 1921 г.—79 тыс. ульев, в 1923 г.—88 тыс. и т. д. При этом число рамочных ульев сильно возросло и доходит до 40%.

Рыночный доход от пчеловодства в 1910 г. по СССР составлял 1.200 тыс. пудов меда на сумму 8,9 милл. руб. и 136 тыс. пуд. воска на 2,2 милл. руб. а всего на сумму 11,1 милл. руб. В настоящее время количество меда приблизительно составит 1,5 милл. пуд., а воска—12,5 тыс. пуд. Общая ценность—14,5 милл. руб.

Относительно последней отрасли—шелководства наши сведения весьма неполны. Главные шелководные районы—Закавказье и Туркестан. Существовало шелководство и в Европейской России, вплоть до Московской губ.

В 1913 г. было в Европейской России:

Оживлено грены .	21.523 золотн
Собрано коконов .	6 565 пудов.

В 1910 г. на Кавказе:

Оживлено грены .	37 500 кор
Собрано коконов .	529.000 пуд

В Туркестане в 1910 г. сбор сырых коконов достигал 250.000 пуд. при 200 тыс. коробок оживленной грены. Всего, следовательно, сбор кокона-сырца доходил по СССР до войны 802 тыс. пудов. В настоящее время (1923 г.) в Закавказьи оживлено 120 тыс. коробок и сбор составил 140 тыс. пуд. (сухих—46,8 тыс. пуд.). В Туркестане оживлено 80 тыс. коробок и сбор достиг 120 тыс. пудов. В Европейской России шелководство почти замерло совсем. Таким образом, в 1923 г. который, как и по другим специальным отраслям, является первым годом подъема, общий сбор в двух главных шелководных областях—Закавказье и Туркестане, составлял 260 тыс. пуд. коконов сырца, т.-е. втрое менее довоенного.

ГЛАВА XII.

Лес и лесное хозяйство.

§ 1) Мировое лесное хозяйство и роль в нем России.

В составе естественных богатств России леса занимают далеко не последнее место. Площадь наших лесов—первая в мире и по своим размерам доходит до половины мировой площади.

Мировая лесная площадь

	По вычислениям Фааса в милл дес. 1913 г. Абс.	%		По вычисл. Америк. стат Зака 1919 г в милл. акров[1]) Абс	%
Россия с Финляндией	502,6	47	Россия без Финляндии	1125,0	40
Канада	296,5	27	Канада	889,0	32
Соединенные Штаты	221,5	20	Соединенные Штаты	603,0	22
Швеция с Норвегией	21,2	2,2	Швеция с Норвегией	65,0	2,1
Австро-Венгрия	19,6	1,8	Австро-Венгрия	63,0	2,0
			Финляндия	50,0	1,6
ВСЕГО	1067,2	100	ВСЕГО	2795,0	100

Цифры Зака и Фааса довольно близки друг к другу. По по данным проф М. Орлова в б. Российской империи лесная площадь занимала еще большее пространство—752.049 тыс. дес., а по цифрам французского ученого M. Madelin a (Production orestiére dans les divers pays du globe 1913 г.). мировая площадь во всех странах достигала 1 528.935.000 дес. Таким образом, и по этим последним цифрам, в которых приняты в учет леса всех стран земного шара, а не только тех, которые перечислены на приведенной сейчас таблице, лесная площадь России равняется 49% мировой. С отторжением западных областей от России, от нее ушло 17 милл. дес. леса. Однако, новейший учет всей площади СССР еще повышает цифру проф. Орлова до 824.175 тыс. дес., в том числе удобной (т.-е. пригодной для эксплоатации)—538,3 милл. дес. Разница с цифрами Фааса и Зака об'ясняется тем, что эти авторы не принимали в расчет лесов Сибирского востока и северо-востока (Якутии, Камчатки и пр.). Но вообще данные о лесных площадях не только России, а и многих стран мира (в особенности, в Азии, Африке и Ю. Америке) надо считать весьма приблизительными. Если мы посмотрим подробнее, как распределялась мировая лесная площадь по странам, мы увидим, в этом отношении, чрезвычайно большую неравномерность: в перечисленных в таблице странах, являющихся поставщиками лесных материалов на мировой рынок, числилось по Фаасу 584 милл. дес. (с Финляндией): к ним следует прибавить английские колонии в Индии, Австралии и Африке с 313 милл. дес. Тогда оказывается, что в странах, играющих более или менее крупную роль в лесном мировом хозяйстве, (кроме России) сосредоточено 897 милл. дес., из которых:

В Европе с Финляндией	63 милл дес
Сев. Америке	521 милл. дес
Азии, Африке и Австралии	313 милл. дес.

[1]) Акр—2,7 дес.

Во всех же остальных странах мира, по которым известна лесная площадь, имеется всего:

В Азии. . .	14 милл дес.
В Европе (12 стран) .	. 39 милл. дес

Такие большие индустриальные страны, в которых спрос на лесной материал громаден, как Англия, обладает площадью в 1,1 милл. дес., Германия—12,6 милл. дес., Франция—8,5 милл. дес., Италия—3,7 милл. дес., Бельгия—0,5 милл. дес., Дания—0,2 милл. дес., Голландия—0,2 милл. дес. Очевидно, что в этих странах нужда в привозе лесных материалов из стран с избытком лесных площадей должна быть весьма велика, хотя эксплоатация лесов достигла в них высокой степени продуктивности.

Так, напр., в Германии с 1 дес. в начале XX века получалось от 145 до 225 кубических футов древесины, во Франции—108 к. ф., в Англии—162 кубо-фута, Италии—101.

Иначе говоря, в культурных странах Европы, ощущающих недостаток лесного материала, использование лесов дает от 101 до 225 кубо-футов с десятины, что указывает на высшую ступень интенсивности лесного хозяйства.

В странах, обладающих избытками лесных материалов, эксплоатация лесов менее интенсивна. Так, с десятины добывается кубо-футов древесины:

В Канаде	32
С.-Американских Соед. Штатах. . .	40
Швеции	54
Норвегии	55
Финляндии	19

Впрочем, данные эти, взятые из книги А. А. Радцига (Лес и лесное хозяйство в разных государствах) и относящиеся к концу XIX века, значительно устарели. Как увидим дальше, эксплоатация лесов в этих странах значительно поднялась в XX веке. Но и эти цифры значительно опережают ту необычайно низкую ступень эксплоатации лесных богатств, на которой находилась до войны Россия. Так, с 335,2 милл. дес., казенных лесов, в которых удобной лесной площади было 190 милл. дес., получалось всего древесины:

В 1904—8 гг. по 5,6	милл куб. саж ежегодно.
В 1909—13 гг. по 6,5	

Что составляло с одной десятины всей площади в пятилетие 1909—13 гг. только 7 кубо-футов, а если принять в расчет только удобную лесную территорию—11,7 футов.

Отсюда видно, что эксплоатация наших казенных лесов была в 5—7 раз ниже, чем в Канаде и Соединенных Штатах. Чистый доход с 1 дес. в 1913 г. составлял в копейках:

В Европейской России	55 коп.
На Кавказе	6 коп
В Сибири.	0,2 коп.
ВСЕГО.	20 коп.

Вследствие неравномерности в распределении лесных площадей по различным странам и особенно недостатка их в крупнейших промышленных и аграрно-индустриальных странах Западной Европы,

между странами с избытком и недостатком лесов происходит в мировом хозяйстве весьма оживленный и быстро растущий товарообмен лесными материалами. В 1890 г. вывоз из главнейших лесоэкспортных стран (вместе с Россией) составлял сумму в 247 милл. руб., к 1900 г. он достиг 363 милл. руб. или около 180 милл. долларов. За это время особенно усилились вывозы Австро-Венгрии (с 40 милл. руб. до 90 милл.) и Соед. Штатов (с 10 мил. до 40 милл.). Ввоз вырос до 474 милл. р. (с 280 милл. в 1885 г.); главные страны привоза были: Англия (на 188 милл. р.) Германия (97,5 милл. руб.), Франция (38,5 милл. руб.) и Бельгия (32,7 милл.). В 1913 г. вывоз леса из главных экспортных стран (кроме древесной массы) достиг 347 милл. долларов, т.-е. кругло 690 милл. руб, увеличившись сравнительно с 1899 г. на 93% т.-е. почти удвоившись.

Главнейшими странами экспорта в 1913 г. вывезено:

	На сумму в милл. долл.	В % к итогу суммы.
Россия	84,3	24,1
Швеция	57,6	16,7
Соед. Штаты . . .	111,0	31.9
Канада	43,3	12,3
Финляндия	42,0	12.1
Норвегия . . .	8,6	2.5
ВСЕГО	346,8	100

Цифра суммы экспорта в 1913 г. для Соед. Штатов являлась рекордной: ни до, ни после этого года такого вывоза из этой страны не было. Средний вывоз за пятилетие 1909—13 гг. из Соед. Штатов достигал 85 милл. долларов, т.-е. он равнялся почти вывозу из России в 1913 г. Следует, однако, отметить гигантский рост американского вывоза до 1913 г.: этот вывоз учетверился за последнее 10-тилетие XIX в., и снова учетверился с 1900 г. до 1909—13 гг., т.-е. вырос за 20 лет в 17 раз; но на этом, как увидим дальше, рост американского лесного экспорта и остановился.

В дальнейшем во время и, особенно, после мировой войны следовало ожидать громадного повышения спроса на лесной материал в Европе. Тысячи кораблей, погибших на море, 7 департаментов Франции, постройки которых были сплошь сравнены с землей, вся почти Бельгия, 30 тысяч сожженных сел и деревень в Польше и многие другие опустошения, произведенные войной, должны были значительно поднять потребность Европы в лесном материале. Только во Францию, Бельгию и Англию привоз древесного материала, по расчетам Парижской экономической конференции и иным, должен был усилиться с 1934 тыс. куб. саженей до 2723 тыс., т.-е., больше, чем на 40%. Так, с большим вероятием рассчитывали специалисты. Но не так вышло на деле.

Естественные запасы древесины к началу войны были уже значительно истощены во многих лесных странах, где вырубка стала превосходить годичный прирост и правильность лесного хозяйства была нарушена. Правильное лесное хозяйство составляет основную задачу лесоустройства, которое заключается, прежде всего, в лесной таксации, т.-е. в учете природного запаса и годичного прироста лесных насаждений. На основании данных таксации, устанавливаются размеры правильной лесорубки, т.-е. вырубаемой лесной площади, которую можно расходовать без опасения, что площади лесов станут

сокращаться. Установление нормальных размеров использования лесов имеет такое же значение, как задача лесоохранения, устанавливающего меры, направленные к предупреждению всякого рода повреждений деревьев и лесоуправления, обеспечивающего лесную дачу надлежащим техническим персоналом.

Кроме такой организации, рационально поставленное лесное хозяйство создало две самостоятельные отрасли лесной техники: лесовозвращение, занимающееся улучшением состояния и роста насаждений и лесоиспользование, стремящееся поставить надлежащим образом разработку срубленного леса и доставку на рынки, или на места потребления выработанных из него сортиментов. Таким образом, систематизированное лесное хозяйство требует, с одной стороны, сохранения и улучшения того естественного блага, которое заключает в себе выращенная природой и полезная для хозяйственной деятельности человека древесина, с другой, организации наилучшего экономического использования этой древесины.

Однако, даже в самых культурных странах с избытками лесов население относится зачастую хищнически к этому даровому природному благу и не всегда сохраняет его. Так, в Соединенных Штатах Америки еще четверть века тому назад лесная площадь достигала 800 милл. акров, но последние 10-тилетия, отличавшиеся лихорадочным железнодорожным строительством, большим домостроением и увеличением потребления бумаги, привели к тому, что в 1920 г. по официальным данным в республике всего 550 милл. акров, а по вычислениям Зака—603 миллиона. Из этой площади эксплоатации подвергается всего 153 милл. акров лесов, в которых лесорубка значительно превысила ежегодный естественный прирост и которые поэтому быстро тают.

Насколько в самих Соединенных Штатах выросло потребление леса видно из того, что в 1900 г. оно составляло 10 миллиардов кубофутов, а в 1922 г. оно выросло до 22 миллиардов. Кроме того, из Соед. Штатов все время происходил значительный экспорт древесины, который дал в период 1905—13 гг. 324 миллиона долларов. Отсюда во время мировой войны и после нее вывоз лесных материалов из Соединенных Штатов, хотя и возрастал иногда по стоимости, но значительно сократился по количеству вывезенной древесины. Так, например, экспорт пиленого леса составил:

В 1913 г	3204 тыс M. feet [1])
» 1919 »	1520
» 1920 »	1223 (9 месяцев).

В 1913 г. вывоз пиленого леса из Соединенных Штатов составлял по ценности 66 милл. долларов, тогда как весь национальный доход от леса равнялся 586 милл. долларов; иначе говоря, стоимость экспорта составляла 11% всего дохода от лесного хозяйства.

В другой главной стране лесного экспорта — Канаде, наоборот, ценность экспорта в 1913 г. достигла 43,2 милл. долларов, при 71 милл. общей суммы производства. С 1913 г. экспорт леса из Канады имеет тенденцию к сокращению, а вывоз древесной массы, наоборот, возрастает.

---

[1]) Один M. feet равняется 1000 линейных футов, имеющих 1 ф. длины, 1 ф. ширины и 1 дюйм толщины.

Вывоз лесных материалов из Канады:

	1913 г.	1916 г.	1918 г.	1920 г.	1921 г. (9 месяцев).
Леса всякого (тыс. М).	1802	2131	1236	1520	811
Древесной массы (миллионы англ. фунтов).	606	1118	1163	1617	501

Поэтому нельзя сказать, чтобы экспорт лесных материалов из Канады отличался устойчивостью своей эволюции, но все же он пока не идет еще на понижение по стоимости, где он определенно увеличивается (с 43,2 милл. долларов в 1913 г. до 94,3 милл. долларов в 1920 г.).

Вывоз из европейских лесных стран—Швеции и Норвегии, начал падать еще до войны. В 1900 г. из Норвегии было вывезено 2 милл. кубич. метров, в 1913 г.—всего 1 миллион. За время войны это падение, в общем, продолжается.

Вывоз в тыс. кубич. метров.

	1913 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	% к 1913 г.
Из Финляндии	8448	2481	5181	4060	48
» Швеции	6763	4499	5748	3091	46
» Норвегии	1014	713	938	505	51

В 1921 г. размеры экспорта из этих стран сокращаются вдвое сравнительно с 1913 г. Отсюда видно, что предложение лесных товаров на мировом и европейском рынках было, несомненно, пониженное в 1919—21 г.г., хотя спрос на них чрезвычайно повысился в связи с ликвидацией последствий мировой войны. Отсюда весьма большой под'ем цен на лесные материалы, которые, по индексу Соедин. Штатов, выросли в $2^1/_2$ раза, против довоенных.

Что касается Австро-Венгрии, то в ней, так же, как и в западных губерниях России, леса сильно поредели благодаря войне.

За 1922 г. лесной рынок несколько оживился, но, во всяком случае, экспорт из перечисленных стран и в этом году, примерно, на 35—40% отставал от довоенного.

Переходим к России: изложенная выше характеристика состояния мирового лесного хозяйства показывает, что Россия еще в довоенную эпоху могла рассчитывать на широкий сбыт своей древесины за границу. И действительно, вот цифры, дающие довольно яркую картину поступательного хода развития нашей внешней торговли лесом за последнее столетие до войны.

Вывоз лесных материалов из России*):

Годы.	На сумму в милл. руб.	В % к общей сумме вывоза из России.
1800— 5	1,3	1,7
1861— 63	6,9	3,5
1871— 75	25,5	4,8
1881— 85	32,9	5,1
1891— 95	42,5	6,1
1896—900	54,2	7,1
1901— 5	65,9	7,0
1906— 10	116,4	9,6
1910	138,2	9,5
1911	142,4	9,0
1912	153,4	10,1
1913	164,9	10,8

*) Таблица заимствована из книги Г. Касперовича: «Лесное дело, лесная торговля и лесопромышленность России в связи с пересмотром торговых договоров».

Почти непрерывное абсолютное и относительное (сравнительно с общей суммой русского экспорта) возрастание стоимости вывоза лесных товаров указывает на систематически растущую роль России на мировом лесном рынке. За период 1800—1913 г.г. общая ценность нашего экспорта выросла в 21 раз, а ценность лесного экспорта увеличилась в 126 раз. По весу в 1901—5 г.г. лесных материалов было вывезено 242,4 милл. пуд. (т.-е. столько же кубо-футов), а в 1913 г. 460 милл. пуд. (2325 тыс. стандартов)*) — за 10 лет получилось почти удвоение экспортируемой массы древесины. И если по остальным видам товаров прочие производящие страны зачастую обгоняли Россию, то по лесным материалам, наоборот, мы весьма энергично обгоняли сами другие лесоэкспортирующие страны. Участие России в мировом вывозе леса за предвоенное 10-тилетие (1904—13 г.г.) поднялось с 28,3% до 40,7%, т.-е. накануне войны Россия захватила уже $^2/_5$ мирового лесного рынка.

Мировая война сократила, но не уничтожила совсем наш лесной экспорт.

Вывезено (в милл. пудов).

в 1914 г.	225,2
» 1915 »	47,9
» 1916 »	55,2
» 1917 »	30,6

К концу войны экспортируемая из России древесная масса сократилась в 15 раз сравнительно с 1913 годом.

Вслед за тем, наши сношения с мировым рынком прекращаются, благодаря блокаде и возобновляются лишь в 1920 г., когда Советское Правительство впервые отправляет за границу 200 стандартов, т.-е. 33 тыс. пудов. В первую половину 1921 г. положение нашего экспорта почти не меняется—в Англию и Германию отправляется всего 1360 стандартов, и только, по возобновлении официально торговых сношений с Англией, мы отправляем туда в конце 1921 г. 36500 стандартов из 100000 готового лесного товара, оставшегося неизрасходованным с начала революции. В общем, в 1921 г. было отправлено 9,6 милл. пудов на сумму 3,9 милл. руб., что составило, впрочем, около 19% всего тогдашнего экспорта. В 1922—23 операционном году лесных материалов экспортируется уже 56, 5 милл. пуд. на сумму 22,1 милл. руб.**). При общей сумме экспорта этого года в 133 милл. довоенных руб. стоимость лесных материалов достигает 16%. Наконец, по последним сведениям на 1923—24 г. имеется заявок к вывозу 152 милл. пудов на сумму 93,7 милл. руб., но плановые предположения суживают эту цифру до 100 милл. пудов на 59 милл. руб. Впрочем, и эта последняя цифра доходит до 14—15% всей проектируемой суммы экспорта в 1923—24 г. (448 милл. руб.).

Отсюда видно, что в послереволюционную эпоху в нашем экспорте лесное хозяйство начинает играть гораздо более существенную роль, чем до войны. Анализ этого хозяйства

*) Стандарт равен 165 кубо-футам пиленого леса, 150 кубо-футам тесаного и 120 кубо-футам круглого (бревен).

**) Это по сведениям таможенной статистики; по данным лесоэкспортных организаций—вывезено 63,1 милл. пудов на сумму 41,9 милл. руб.

по районам покажет нам, — является ли этот факт временным или мы можем рассчитывать, в виду сложившейся благоприятно для наших лесных богатств мировой кон'юнктуры, на господствующее положение в мировом лесном хозяйстве на долгий срок.

§ 2. Леса и лесное хозяйство России по районам.

Прежде чем приступить к порайонному описанию нашего лесного хозяйства, надо оговориться, что и в России мировая гражданская война произвела большие опустошения в лесах, в особенности, в районах, лежащих вблизи дорог и водных путей, наиболее доступных. Расстройство транспорта, прекращение подвоза каменного угля из-за границы, разрыв связей промышленного центра с Донбассом—все это заставило нашу промышленность и транспорт перейти с минерального на древесное топливо. В начале войны был разрешен отпуск трехгодичных лесосек, а затем 10-тигодичных в частновладельческих. В отдельных случаях было вырублено до 20 и 30 годичных лесосек вперед. Во время гражданской войны, когда жители городов стали замерзать, а лесной надзор в сельских местностях фактически упразднился, повсюду началась беспорядочная рубка леса и в настоящее время во многих центральных губерниях истреблены лесные запасы на 20—30 лет вперед. К этому следует добавить еще лесные пожары, принявшие в 1919—20 г. характер настоящей эпидемии.

Истребление лесов произошло, преимущественно, на западе и в центре России, а также в черноземной полосе, где крестьяне основательно похозяйничали за эти годы в бывших помещичьих угодьях. С другой стороны и госуд. лесозаготовки приняли хищнические размеры.

Даже законом были разрешены в 1919—20 г. годичные лесосеки, а в 1920—21 г. снова 5-тигодичные дровяные и 2-хгодичные лесосеки строевого леса. Под давлением создавшихся тяжелых условий, рубка леса приняла хаотический характер: лесосеки вырубались большими сплошными площадями, что препятствовало естественному их возобновлению. Места рубок сдвигались к линиям железных дорог и сплавным рекам (сперва в 10-верстной, а потом в 15-верстной полосах), чем нарушалось чередование рубки насаждений и леса приходили в полное разрушение благодаря ветровалу. В 1919—21 г. разрешили сплошную рубку полосой в 2 версты по линиям жел. дор., а для снабжения Москвы и Ленинграда рубились почти сплошь все дровяные насаждения — для Москвы в 30-верстном, а для Ленинграда в 60-верстном радиусе.

В общем, не только вокруг городов, а и по путям сообщения в пределах 15 верстной полосы произошло сильнейшее истребление леса, которое охватило свыше 90% лесных площадей средней и нижней частей Европейской России. Сохранились, главным образом, северные лесные районы, где был избыток лесов, а в районах, в которых ощущался и до войны недостаток в древесном материале, леса подверглись наибольшему истреблению. Иначе говоря, война и революция усилили непропорциональность распределения лесных богатств по районам России и тем самым расширили емкость внутреннего рынка лесных материалов. Следовательно, мы стоим сейчас перед возможностью весьма сильного расширения и внешнего и внутреннего рынков лесных товаров. Но спрашивается, в состоянии ли мы реализовать эту возможность, прежде всего по условиям транспорта. Лесные товары громоздки и не выдерживают дороговизны перевозок на далекие расстоя-

ния по железным дорогам, тем более по гужевым трактам. Поэтому самый распространенный способ отправки наиболее громоздкого вида лесных товаров—а именно бревен—это сплав по рекам плотами или на баржах. Разработка лесных массивов обычно начинается вблизи сплавных и судоходных рек, устья которых (при экспорте за границу), должны впадать в море вблизи от торговых портов. По мере удаления вглубь района—проводятся перпендикулярно к рекам железнодорожные под'ездные пути, по которым лесные товары подвозятся к речным пристаням. Отсюда следует, что если лесные массивы не пронизаны сетью сплавных рек и речек, являющихся естественными под'ездными путями—приходится затрачивать большие капиталы на проведение железных дорог.

Второе условие для того, чтобы лесной район был доступен эксплоатации—достаточная наличность рабочих рук, ибо лесное дело требует большого числа работников. В Германии, где общая площадь лесов всего 12,6 милл. дес.—в 1914 г. в лесопильном и лесообделочном производстве работало до 1 миллиона человек, не считая сотен тысяч, занятых в лесной торговле и транспорте. Впрочем, они перерабатывали и отправляли не только германский лес, а и тот, который получался из России и других стран; в особенности, из России шло лесное сырье сплавом по Неману, которое обрабатывалось на германских лесопилках. Отсюда в Германии на крупных лесопилках и средних и крупных фабриках, перерабатывающих лесные материалы, было занято более 300 тыс. рабочих (а вместе с мелкой промышленностью—600 тыс.), а в России только 35 тысяч.

Третье условие вытекает из приведенных выше цифр: в силу громоздкости и дешевизны (сравнительно с об'емом и весом) лесного товара, наиболее целесообразно выбрасывать его из лесных районов в виде обработанного товара (досок, фанер, клепок, паркета и проч.), а для этого требуется вложение крупного капитала в лесопромышленность на местах.

Итак, дешевый и удобный транспорт, наличие рабочих рук и значительных капиталов—вот условия, которые делают возможной и доходной эксплоатацию природных лесных богатств данного района, или целой страны.

Заранее можно предвидеть, что во многих лесных районах эти условия отсутствовали, или имелись в минимальных размерах до войны, теперь же эти районы еще более оскудели.

Специалисты делят Россию по составу и размерам лесов на 15 районов. Более важным являются: Северный (Беломорский), Приозерный (Балтийский) и Западный. Эти три района имеют, преимущественно, экспортное значение. К ним можно прибавить еще Кавказский (Закавказье) и Дальне-Восточный.

Вторая группа районов обслуживает внутренние рынки. К ним принадлежат: Центральный, Вятско-Ветлужский и Уральский. Прочие районы Европейской России—Центрально-Земледельческий, Средне-Волжский, Юго-Восточный, Украинский, а также Туркестанский — малолесные и имеют, преимущественно, местное значение. Наконец, особо следует поставить районы западной и восточной Сибири, которые обладают самыми крупными лесными массивами, но эксплоатация их пока мало доступна.

Размеры лесных площадей и удобной лесной почвы, количество населения в каждом районе Европейской России видны из следующих данных:

Районы.	Общая площадь лесов тыс. дес.	В том числе удобной лесной почвы.	Дес. леса на 1 число в милл. жит.
А. Экспортные:			
Беломорский	65301	51133	23,8
Приозерный	19667	13121	2,8
Западный	4433	4032	0,6
Б. Внутренние рынки:			
Центральный	12443	10678	0,7
Вятско-Ветлужский	8330	6994	2,1
Уральский.	28098	24070	3,4
В. Малолесные:			
Средне-Волжский	3496	3243	0,44
Центрально-Земледельческ. .	1326	1233	0,12
Юго-Восток	1315	1110	0,16
Сев. Кавказ.	3007	2313	0,47

Приведем более подробные сведения, *) относящиеся к важнейшим лесным районам.

I. Северный (Беломорский) включает в себя площадь лесов в 65301 тыс. дес., из которых удобных—свыше 51 милл. дес. На 1 человека населения приходится 23,8 дес. леса Район делится на 3 области: восточная (таежно-речная), западная (илисто-озерная) и северная окраина (скалисто-тундровая Лапландия). В восточной части 60% ели, около 30—35% сосны. Сосна б. ч. „пиловочная", т.-е. товарная. Всего товарных насаждений—54%. В западной обл.—80% сосны, а товарной поднимается до 70%. Леса—старые, не менее 180—до 200 лет; товарный лес эксплоатируется в возрасте 100—120 лет. Очень много „мертвого" леса, т.-е. сухостоя и зараженного древесной гнилью, лишаями, паразитами (15—20%). Громадная часть района — свыше 60 милл. дес. тяготеет к портам Белого моря и Мурману. До сих пор эксплоатировалась одна сосна; ель считалась „сорной" породой; в будущем ельники должны пойти на писчебумажное и целлюлозное производство.

Вес район может дать до 1941 тыс. куб. саженей или свыше 400 миллионов кубо-футов древесины. Местное население поглощает 1301 тыс. куб. саженей. На вывоз может поступить до 180 миллионов кубо-футов (900 тыс. куб. саженей); разрабатывается же промышленностью только третья часть. Вся задача в том, чтобы увеличить пути сообщения. В западной части еще имеется несколько жел. дор. (Мурманская, Ярославль-Вологда-Архангельск и т. д,), в восточной лишь одна—Пермь-Котласская. Проектируется сквозная Обь-Беломорская магистраль, но до ее осуществления—далеко. Существующие линии могут обслужить всего до 5 милл. дес. Обь-Беломорская дорога могла бы обслуживать 14 милл. дес.

*) Данные заимствованы из проекта перспективного плана по лесному хозяйству ЦУЛ. НКЗ РСФСР, любезно предоставленного Зам. Нач. ЦУЛ М. Г. Здориком.

Приозерно-Балтийский район отличается довольно развитой лесопромышленностью. Леса—хвойные—сосновые и еловые, дающие до 2076 тыс. таксационных саженей *). Для нужд местного населения требуется всего 1179 тыс. куб. саженей, но 104 завода и другие виды госпромышленности требуют свыше 2 милл. такс. саж.

Поэтому сейчас не хватает материалов для 88 лесных заводов, ибо в предыдущем периоде леса района были сильно истощены.

Западный район также страдает недостатком древесины. При запасе в 1620 тыс. такс. саженей, потребность населения в 1347 тыс. к с и промышленности в 1319 тыс., не хватает 1046 тыс. к. саженей и 55% лесопилок стоят без дела. Район экспортировал лес за границу—в Ригу, Данциг, Мемель и на внутренние рынки. Из остальных районов избыточным сейчас является только Вятско-Ветлужский, дающий 2235 тыс к. саженей., из которых потребляется 1380 тыс., а свободный излишек в 855 тыс. вывозился по рекам Ветлуге и Вятке в Каму и Волгу и Уральский, имеющий запас древесины 6430 тыс. куб. саженей, из которых избыточными являются 4289 тыс. куб. саженей. Рынки сбыта те же, что и в предыдущем районе—по Волге и Каме. Все остальные районы страдают недостатком лесных материалов.

В общем итоге всю Европейскую Россию можно разбить на 3 полосы: Северную, Среднюю и Южную. Северная—с избытками лесов может дать до 17,1 миллионов таксационных саженей, а при улучшении хозяйства до 20 милл., которые оцениваются в 200 милл. руб. Потребляется же здесь (не считая лесной промышленности, работающей на вывоз)—всего 4 милл. такс. саженей.

В Средней полосе возможный годичный прирост древесины 12 милл. такс. саженей. потребление 11 милл.; в Южной—прирост 5 милл. саженей, потребление—7 милл. Таким образом, леса Европейской России могут давать 34 милл куб. саженей; фактически же извлекалось всего—26 милл. саженей, из которых 22 милл. потреблялось в России, и 4 милл. вывозилось за границу. В настоящее время, как видно из порайонного описания, положение ухудшилось, ибо такие районы, как западный и северо-западный по оставшимся запасам в сущности не могут экспортировать свой лес за границу. Поэтому главная задача теперь—расширить эксплоатацию северных и сибирских лесов **).

Сибирские леса делятся на три основных массива: Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальне-Восточный.

---

*) Таксацион. сажень равна 220 кубо-футов.

**) Приведенные данные основаны на исчислениях проф. М. Орлова, по новейшим расчетам М. Г. Здорика и специалистов ЦУЛА в виду истощения лесов, годичный прирост значительно меньше, а именно.

	по М. Г Здорику	по ЦУЛУ.
Сев. полоса	12,7 мл. т. с.	19,8 мл.
Средняя	6,7 „ „	6,2 „
Южная . . . . , . . .	1,7 „ „	1,2 „
Итого . .	21,1 мл. т. с.	27,2 мл

Западно-Сибирский лесной массив.

Ближе всех других областей к Европе и Европейской России лежит Западная Сибирь. Западная Сибирь по количеству лесов может быть разделена на две части: северную, богатую лесами, площадью в 128 милл. дес. и южную—лесостепь и степь. Здесь лесов теперь не хватает и на местные потребности, так как прежние рощи „колки" сильно вырублены. Так, например, в Томском переселенческом районе выяснилось, что на участках, отведенных в надел переселенцам, леса уменьшились в северных степях в 15 раз, а в лесостепи в 8 раз. В северных степях и лесостепи на площади в 26 милл. дес. с трехмиллионным населением имеется лишь всего 1151 тыс. дес., что дает 215 тыс. куб. саженей лесного материала ежегодно или по 1 куб сажени на 15 душ. Между тем, в среднем, на 1 душу полагается по $^1/_2$ куб. сажени. Ясно, что здесь нечего думать о вывозе леса, а скорее приходится озаботиться его подвозом сюда.

Лесной пояс Тобольской, Томской и Алтайской губ. составляется из 7-ми лесных пород: двух лиственных—березы и осины и пяти хвойных—сосны, кедра, лиственницы, ели и пихты. Он делится на две неравные части: северную—пространством около 90 милл. дес., тянется от Урала до границ Енисейской губ. и южную—с площадью в 38 милл. дес., охватывающую Алтайскую горную область и прилегающие лесостепи. Эта часть лесного пояса, известная под именем Причулымского края, заселялась выходцами из России в течение двух веков и крестьяне-земледельцы стремились всячески уничтожить топором и огнем лесные поросли, так что теперь от сплошного лесного массива остались отдельные разрозненные части общей площадью в 8—6 милл. дес.

Главная часть западно-сибирских лесов — северная, расположенная на огромной болотистой низменности.

Леса здесь тянутся полосами и островами на заболоченной площади по речным увалам, окаймляющим долины, где почва более сухая и твердая. Ширина этого твердого увала — от 2 до 5 верст; затем начинается спуск в болото, которое опять перемежевается лесными полосами, растущими на более возвышенных местах, так что весь Обско-Нарымский край, захватывающий главную часть Тобольского и Томского севера, представляет как бы тонкую узорчатую сеть лесных полос, более или менее узких, разобщенных между собой болотами и сливающихся в сплошной лес только на речных увалах. Благодаря такому расположению разработка лесов возможна, преимущественно, лишь вблизи рек. При этом следует отметить, что сплав северного леса на юг Сибири, в степные безлесные места затруднен тем, что все большие западно-европейские реки текут на север в Ледовитый океан, так что подвозить лес к югу можно лишь на барках, буксируемых пароходами против течения. На север же по Оби и Енисею вывозить лес можно бы было лишь в том случае, если северный морской путь наладится настолько, что дорога через Карское море и Ледовитый океан станет доступной большим морским судам, не боящимся ледяных гор. А пока делаются только первые попытки наладить пароходное сообщение с заграницей через устье Оби, попытки не всегда удачные, которые показывают, что теперь можно рассчитывать на вывоз только наиболее ценных грузов — масла, кож, шерсти, пушнины, выдерживающих дороговизну этого рискованного и длинного пути. В 1921 г. проектировалось отправить 800 тыс. пуд. хлеба и 500 тыс. разного сырья, что было в значительной степени осуществлено, но все же о вывозе леса, пока не будут построены удобные гавании

не проведены каналы через отмели и бары в устье Оби, и морской проход через Карские ворота не станет безопасным — нечего думать в больших размерах, в особенности, о вывозе неотделанных бревен. Обработанный лес в виде досок, клепки, фанеры, паркета и т. д., быть может, легко нашел бы себе доступ за границу через Ледовитый океан, но наладить лесную промышленность в этих пустынных местах, где бродят лишь вымирающие инородческие племена, — весьма нелегкое дело, требующее многих лет и огромных капиталов.

Пока же нет ни оборудованного морского пути, ни железных дорог, ежегодный прирост леса с десятком миллионов десятин погибает бесплодно или благодаря естественному отмиранию более старых деревьев, падающих на-земь и гниющих, заражая своим гниением и паразитами, грибками соседние здоровые стволы или вследствие огромных лесных пожаров, уничтожающих сразу тысячи десятин часто ценных пород. Из тобольских лесов можно бы было ежегодно отпускать 896 милл. куб. футов лесного материала. В действительности до войны отпускалось только 40 милл., из томских лесов возможен отпуск 437 милл. куб. фут., а в действительности отпускалось 17 милл., наконец, из алтайских лесов отпускалось 55 милл. куб. фут. против возможного отпуска в 455 милл. Всего, следовательно, из лесов этих 3-х губерний отпускалось 112 милл., кубо-футов, против 1788 милл. возможного отпуска или не более 6%.

Восточно-Сибирский лесной массив используется еще меньше: он может давать 1953 милл. кубо-футов, дает же на самом деле только 38 милл., или 2%. 98% лесного материала здесь погибает бесплодно. Транспорт лесных материалов Восточной Сибири был бы возможен за границу по реке Енисею и далее северным морским путем, но только из лесов Енисейской губ. Иркутские же, Забайкальские и Якутские леса не будут иметь никакого выхода еще долгие десятилетия.

Дальне-Восточный лесной массив.

В лучших условиях находятся Дальне-Восточные леса. Водная система реки Амура, текущего в удобный для морского сообщения Тихий океан, дает возможность дешевого вывоза из лесных массивов Дальнего Востока и части Нерчинского округа, в соседние страны — Китай, Японию и даже в обработанном виде в Европу. Соединенные Штаты покрывают нужды в лесе своими запасами и Канадским материалом. До войны из Дальне-Восточных портов вывозилось ежегодно лесных грузов в виде досок, фанеры, кедровых брусьев на 15—20 судах до 6 милл. куб. футов (вес кубо-фута около пуда). Из ближайших соседних государств самым крупным потребителем мог бы явиться Китай, имеющий очень мало собственного лесного материала. Но благодаря слабой разработке приамурских и приморских лесов, потребность Китая в лесе покрывалась до сих пор Японским и Американским привозом.

Наиболее богата товарным лесом Приморская область. Из всех лесных пород этой области — нетоварных 52%, товарных 48%, в том числе: ели 27%, кедра—10%, лиственницы 4%, пихты—1%, прочих пород 6%. Ель здесь принадлежит к разновидности, так называемой, саянской породы, лучшего качества. Среди кедровых очень распространен Манчжурский кедр, отличающийся хорошим ростом и высоким качеством древесины: лиственница также крепкая и годная для всяких поделок даурской породы. Кроме хвойных в Приамурьи и Приморской области много лиственных лесов, близких по составу к Японским и Корейским;

две разновидности дуба, ясень, орех, диморфант, липа и другие. Хвойные леса чаще встречаются на севере, лиственные на юге.

Весь Дальне-Восточный отпуск древесины возможен в количестве 2400 милл. куб. футов; в том числе за границу не менее 300 милл. Отпускалось же до сих пор только 54 миллиона, из которых 6 миллионов вывозилось за границу, так что вывоз за границу может быть свободно увеличен в 50 раз.

Но за последние годы, как и в Европейской России, много лесов вблизи железных дорог были истреблены начисто. Так, вдоль Манчжурской жел. дороги вырублено около 400 тыс. дес. наилучшего леса на 40 верст влево и вправо от полотна дороги: такая же сплошная вырубка происходила вдоль Амурской и др. Дальне-Восточных дорог. Теперь для того, чтобы добраться до нетронутых площадей леса необходимо выстроить под'ездные пути, протяжением от 50 до 100 верст, которые позволят разрабатывать лесные богатства Приамурья вплотную...

Итак, наше краткое описание сибирских лесов и их использования показывают, что для того, чтобы мы могли воспользоваться нашими лесными богатствами, требуется прежде всего проведение ряда новых жел. дорог и оборудования северного морского пути через Ледовитый океан. Пока же этот путь не устроен, из 6000 милл. кубо-футов весьма ценной сибирской древесины, которая с избытком покрыла бы возросшие нужды в лесном материале Европы, используется сейчас всего лишь 200 милл., т.-е. $^1/_{30}$ часть. Но для отпуска 4 миллиардов кубо-футов древесины, которые можно бы было вывозить за границу, кроме путей сообщения, необходимо поставить на широком и прочном основании крупную лесопромышленность в Сибири. Но пока она будет организовываться — пройдут десятки лет, а до тех пор нам остается одна забота — как бы не потерять это колоссальное народное достояние, которое сибирское население истребляет часто без всякой пользы для себя. Лесные пожары не могут быть предупреждены стражей, которой на всю Сибирь числилось 3273 человека — по одному чел. на 100 тыс. дес. Поэтому лесные пожары охватывают зачастую десятки тысяч десятин. На погорелом месте вырастает кустарник, травы и мох, совершенно заглушающие всходы ценных хвойных деревьев. В пламени пожаров погибают ценные звери и птицы. Главная причина их—„палы", которые зажигает население, чтобы истребить прошлогоднюю высохшую траву. Гибнут леса от вырубки их населением, особенно, переселенцами; погибают деревья и от множества болезней, заразительных грибков и всякой гнили, от древоточцев, т. к. за лесами никто не ухаживает, никто не прореживает и не расчищает их, и все гниющие лесные отбросы остаются на месте, пока не превратятся в землю.

ГЛАВА XIII.

Краткая экономическая география окраин: 1) Туркестана, 2) Закавказья и 3) Дальневосточной Области.

В виду того, что до последнего времени мы не имели почти никаких современных статистических данных о трех перечисленных в заголовке окраинах, которые, по мере возрождения народного хозяйства России, приобретают в нем все большее значение—мы даем в конце первой

части нашего труда краткий очерк экономической и физической географии каждой из этих окраин в отдельности, чем и восполняем указанный выше пробел.

§ 1. Туркестан. Территория. Физико-географические особенности.

Туркестан, лежащий в центре материка Евразии, получил свое название от населяющих его тюркских народов Как и все азиатские области он громаден: вместе с пустынной Закаспийской областью он составляет территорию размером в 1480 тыс. кв. в. или 154 милл. дес. Три четверти Туркестана заняты низменными маловодными и безводными пустынями, соединяющимися на севере и северо-западе с пустынями киргизской степи. С юга и востока тянутся высокие горные хребты, достигающие высоты 10—12 тыс. фут. и более, постепенно понижающиеся по направлению к северу и западу, переходя в полосу холмистых предгорий. По сведениям, приведенным в XIX томе известного географического сборника „Россия“ *), в равнинной части вместе с предгорьями Туркестана пески занимают 50% всей площади, 35% составляют пустынные степи с каменистой, глинистой или лесовой, нередко солончаковой почвой, и едва 15% занято культурными оазисами, которые, подобно зеленой, почти непрерывной, ленте, окаймляют подошвы хребтов, или по течению более крупных рек выбегают далеко в степь. Только в местностях этого типа встречаются настоящие деревья и только в орошенных оазисах глаз отдыхает на зелени возделанных полей и садов. Здесь группируются сельские поселения и города, и сосредоточено наиболее густое и культурное оседлое население страны. Занятые оседлым туземным населением, искусственно орошенные территории сконцентрированы в предгорьях юго-востока и на юге в бассейне Сыр-Дарьи и ее притоков, в пределах Ферганской, Самаркандской и юга Сыр-Дарьинской областей.

Вообще, если во многих густонаселенных районах Европейской России центральным вопросом для земледельческой массы в начале XX века был земельный вопрос—здесь издавна такое же центральное место занимал водный вопрос и водяной голод—здесь явление не менее тяжелое, чем бывший до революции земельный голод в центрально-земледельческих районах Европейской России. Причиной водного голода в Туркестане являются прежде всего его крайне засушливый климат, а затем связанный с ним недостаток и почвенной влаги. Значительная удаленность Туркестана от морей и океанов создает все те же черты, которые присущи резко континентальному климату с жарким летом (ибо Туркестан лежит в субтропической зоне 36—44° сев. широты), относительно суровой зимой и минимальным количеством осадков. Температура и наличие осадков характеризуются следующими данными **):

---

*) „Россия. Полное географическое описание нашего отечества“. Под общим руководством П. П. Семенова Тянь-Шанского т. XIX Туркестанский край

**) Эти и некоторые другие данные заимствованы из следующих источников 1) Отчет о деятельности Совнаркома и Экосо Туркестана на 1-ое октября 1922 г., 2) Хозяйственный план Туркреспублики на 1923—24 г., 3) «Азиатская Россия», изд. переселенч. управл., 4) статья А. Рыбникова в справочнике «Вся Россия», 5) Работы Космачевского, Федорова, Демидова. Главхлопкома и др. по хлопководству, 6) «Россия т XIX под ред. Семенова Тянь-Шанского и др., 7) Н. П. Огановский «Закономерность аграрной эволюции» т. III, вып. I. Население и переселенческий вопрос.

Температура и осадки

	Высота в футах.	Температура.			Разница в %	Осадки сред. годовые в милим
		Средн годич.	Июля.	Января.		
Казалинск	235	7,1	25,1	—11,5	36,6	120
Верный . . .	2700	7,9	23,5	— 8,4	31,9	592
Петро Александровск. .	367	12,5	28,3	— 4,7	33,0	97
Ташкент	1500	13.7	27.7	— 1,3	29,0	355
Скобелев	1880	8,4	27,6	— 2,6	30,2	166
Красноводск .	71	15,6	28,2	+ 1,5	29,7	109
Самарканд . . .	2380	13,1	25,5	— 0,7	26,2	345
Мерв	754	16,0	29,6	— 1,3	30,9	127
Термез	1150	17,6	31,8	+ 1,6	33,4	115

Только в предгорьях Туркестана имеются местности со сравнительно значительным количеством осадков (Верный на высоте 2700 фут.—592 милим.). Разница между температурой июля и января колеблется в пределах от 26 до 36°, что доказывает сугубую континентальность климата. Летние жары в Мерве почти не уступают тем, которые наблюдаются в Египте (Каир), а январь там же почти на $1\frac{1}{2}$ градуса холоднее, чем в Бергене (в Норвегии), лежащем на 23° широты севернее.

Реки Туркестана, хотя и отличаются величиной, но крайне немногочисленны: главные из них — Аму-Дарья, Сыр-Дарья и их притоки—Зеравшан, Кенджаб и Мургаб, Талас, Или—вот и все более или менее крупные реки, служащие основными источниками для искусственного орошения пустынной страны. О них подробнее мы скажем, когда будем характеризовать систему ирригации Туркестана.

Озера—пресные немногочисленны и расположены, главным образом, либо в горах и предгорьях, либо в низовьях рек, где они вместе с этими последними служат для орошения. Зато здесь имеются громадные соленые озера—собственно внутренние моря—остатки великого Арало-Каспийско-Черноморского океана, существовавшего в древнейшие периоды истории земли. Самое важное внутреннее озеро—море Аральское с площадью в 68 тыс. кв. килом., в которое впадают две главных реки края—Аму и Сыр-Дарья, оно мелко (глубина не свыше 67 м.), и горько-солено. Второе—озеро Балхаш—18,4 тыс. кв. килом., в него впадает река Или. Это озеро длиной в 600 верст составляет границу между Киргизией и Туркестаном. Третье — Иссык-куль, лежащее в нагорной восточной части на высоте 5300 ф., значительно меньше Арала и Балхаша, с водой, непригодной для питья ни людей, ни скота. Озеро очень глубоко, поверхность—4,7 тысяч кв. в.

Почвы Туркестана в долинных местностях состоят из лесса, глины песку, солонцов и новейших речных наносов. Главная почва здесь—лесс. Лесс—беден гумусом, имеет светлую окраску, но во влажном состоянии легко разрыхляется, хотя требует сильного удобрения, в виду бедности азотом и фосфорно-кислыми солями. При наличии влаги и удобрения в здешнем солнечном климате эта почва способна дать богатейшие урожаи.

Еще более распространенные пески и солонцы, по большей части совершенно непригодны для земледелия за исключением одной разновидности солонцов, т. наз., такыров, гладких и плотных площадей со слабой солонцоватостью.

В общем, если бы в Туркестане хватило влаги—по состоянию почв современную земледельческую площадь края возможно было бы увеличить во много раз.

Население. Если взять площадь Туркестана без внутренних вод — она достигает 1310 тыс. кв. в.; на этой площади живет всего 5222 тыс. человек (по переписи 1920 года), т.-е. по 4 человека на кв. в. Но распределение населения по территории крайне неравномерно: в Ферганской и Самаркандской областях оно достигает 11—13 человек на кв. в., при чем в отдельных уездах (Кокандском, Андижанском, Ферганском, Самаркандском и др.) оно доходит до 25—32 человек на кв. в. В Сыр-Дарьинской области, несмотря на то, что в Ташкентском уезде плотность—24,3 человека—средняя по всей области только 3,8 человек; в Джетысуйской области—2,7 человек, в Аму-Дарьинской—1,6, в Туркменской—1,1. В 1897 году в Туркестане было всего 4483 тыс. жителей, в 1916 г.—5191 тыс. Следовательно, в общем, прирост населения Туркестана был довольно слаб—значительно меньше, чем в соседней с ним с севера Западной Сибири. Переселенцев из России туркестанские пески и совершенно чуждая русским крестьянам система туземного культурного земледелия, не привлекали. Поэтому, несмотря на все старания самодержавной власти, стремившейся к руссификации края, за 1907—12 гг. максимального переселенческого движения, в Туркестан направилось всего 37 тыс. душ, осевших почти исключительно на богарных (доступных земледелию без орошения) землях Семиречья, где они сильно стеснили туземцев-киргиз, отняв у них лучшие угодья. Отсюда еще перед революцией с 1916 г. начинается ряд туземных восстаний и взаимная резня, продолжавшаяся до последних лет.

Характерная особенность Туркестана—как и лежащей к югу от него Персии,—относительно большое количество городского населения. По всей республике в 1920 г. было 20% жителей в городах; в некоторых уездах (Ташкентском) процент горожан доходил до 40. При натурально-хозяйственном укладе это могло бы показаться странным, если не принять в соображение, что тамошние города—это скорее скопления жмущихся к рекам и к оросительным каналам земледельцев и садоводов. Большая часть 946 тыс. городских жителей Туркестана живут не только и не столько специфическими городскими промыслами, т.-е. индустрией и торговлей, сколько садоводством, огородничеством и земледелием. Поэтому, в Туркестане, как и в Персии, города часто напоминают огромные сады.

С 1920 г. городское и сельское население Туркестана сократилось, согласно данным выборочной 10% переписи 1923 г.—на 15%.

Деление по национальностям отчасти соответствует делению по профессиям. Народы тюркского происхождения составляют основную массу населения (более 80%), а именно:

	тыс. чел.	%
Узбеки и сарты	2051	39,3
Киргизы	1092	20,8
Кара-киргизы	522	10,0
Таджики	400	7,7
Туркмены	267	5,1
Прочие тюрки (курама, таранча, кипчаки)	203	3,9
Всего тюрков		86,8
Евреи—туземцы	155	0,3
Русские	537	10,3
Персы	57	1,1
Армяне	20	0,4
Прочие	57	1,1
ВСЕГО	5222	100

Две пятых населения—сарты и узбеки—коренные землеробы, сидящие на орошаемых землях. В XX веке до войны они сумели чрезвычайно быстро развить у себя культуру хлопководства, которая в общем плохо прививается у русских переселенцев. Они заселяют сплошными массами Ферганскую и Самаркандскую области.

Вторая по численности, народность—киргизы, как и в самой Киргизии—ведут полукочевой образ жизни, сосредоточиваясь в Сыр-Дарьинской и Джетысуйской областях. Кара-киргизы уже почти совсем осели. Русские переселенцы осели в том же месте, где киргизы (в бывшем Семиречьи) и ведут, преимущественно, экстенсивное зерновое земледелие на богатых пашнях в предгорьях. Довольно много их в городах.

Сельское хозяйство. А) Земледелие играет крупную роль в двух областях: в бывшем Семиречьи (ныне Джетысуйской области), где оно производится без полива (богарное) и в долинах больших рек, где оно связано с искусственным орошением. Система орошения в Туркестане насчитывает более, чем 2000-летнюю давность; еще за 126 лет до рождества хр. здесь было 700 городов, жители которых сеяли пшеницу, рис, знаменитую туркестанскую люцерну и т. д.

Современная орошаемая площадь до войны и в настоящее время по разным источникам исчислялась различно, а именно:

А) До войны		
(Данные Масальского)	2808	тыс. дес.
» Водхоза 1915 г.	2853	» »
Упр. Водного х-ва ежегодно орошаемые	2410	» »
пар и перелог	1611	»
Б) 1921 г. орошаемые	2030	» »

Больше всего с 1915 до 1921 г. площадь орошения сократилась в Фергане (с 1032 тыс. дес. до 544 тыс.), в остальных сокращение значительно меньше. Земли, находящиеся под перелогом, паром—это те, которые нельзя ежегодно эксплоатировать по недостатку воды. В общем, как видно из приведенных цифр, за последние годы количество орошаемых земель сократилось на 800 тыс. дес. или 28%; по другим источникам (см. А. Предтеченский „План возрождения хлопководства") они упали даже до 1180 тыс. дес., т.-е. до 42% довоенного размера. Однако, последняя цифра по новейшим данным оказалась явно преуменьшенной. Во всяком случае, факт значительного падения орошаемой площади очевиден. Между тем, и до войны наличного фонда орошаемых земель в Туркестане не хватало.

В 1909—10 гг. в Фергане группировка землевладения оседлых туземцев имела следующий вид:

	% хозяйств с наделом:
От 0 до 1 дес.	32,6
» 1 » 3 »	38,11
» 3 » 5 »	13,93
» 5 » 10 »	10,62
Свыше 10	4,92

Характерно сильное расслоение, наблюдаемое на этой отдаленной окраине при густом населении Ферганы: до 3-х дес. имеют почти $^3/_4$ хозяйств (71%), середняков от 3-х до 5-ти дес., очень мало—14%, а крупные по тамошнему масштабу хозяйства, свыше 5—10 дес. охватывают $16^1/_2$% хозяйств.

В Хиве и Бухаре орошенных земель было 1850 тыс. дес., так что вся орошаемая площадь трех республик достигала до войны 4,3—4,6 мил. дес. В 1920 г. регулярно орошалось только 1,7 милл. (во всех трех республиках).

Переходя к общим размерам посевных площадей мы прежде всего должны указать, что кроме поливных посевов в Туркестане имеется довольно много б о г а р н ы х (в Джетысуйской и Самаркандской областях), т.-е. производящихся без полива, а именно:

Посевы в тыс. дес.

	На поливных землях.	На богарных.	В с е г о.
1917 г.	1810,2	774,9	2585,1
1920 г.	1291.0	386,7	1677,7
1922 г.	1270,1	508,6	1778,7

В 1923 г. снова обнаружилось снижение посевов и общая их площадь упала до 1503,6 тыс. дес. До войны в 1913 г. общая площадь посевов доходила до 3660 тыс. дес. Таким образом, в 1923 г. мы находим здесь лишь 40% довоенной площади.

Пропорция культур в посевах весьма своеобразна:

Площадь и % культур в посеве.

КУЛЬТУРЫ	1913 год		1923 год	
	Площадь в тыс дес	% %	Площадь в тыс дес.	% %
Рожь	111	3.1		
Пшеница озимая	662	18.1		
Пшеница яровая	1051	28.7	Все	
Ячмень	416	11.4	зерновые	78.9
Овес	154	4,2	1160	
Просо	186	5,1		
Рис	160	4 1		
Кукуруза. бобовые	155	4.2	—	—
Хлопок	403	11.0	152	10,3
Лен	36	1,0	7	0,5
Подсолнух	7	0,2	4	0,3
Картофель	11	0 3	4	0,3
Бахчи и огороды	(не ук	азано)	41	2,8
Кормовые травы	289	7,9	82	5,6
Свекла	16	0,4	—	0,0
ВСЕГО	3660	100	1450	100

Огромное разнообразие посевных культур указывает на интенсивные системы тамошнего земледелия. Правда, зерновые культуры и до войны, и теперь занимают свыше $^2/_3$ всего посева, но большая часть их приходится на богарные земли; на поливных же зерновые культуры занимают не более половины посевной площади. Такой степени интенсивности мы не наблюдаем больше нигде в СССР.

Главнейшая из интенсивных и наиболее доходная сырьевая культуры области—хлопок. Даже сейчас, при вчетверо пониженном сборе, сравнительно с довоенным, все же доход от хлопководства в 1923 г. достиг 23% всей суммы с.-х. дохода, равного 161 милл. руб. золотом. В этом году 153 тыс. дес. дес. хлопка дали 60% дохода, полученного с 1160 тыс. дес. зерновых хлебов (59 милл.), ибо даже при сильно пониженном современном урожае хлопчатника и при высоких ценах на хлеб в Туркестане, доход с десятины хлопка в 4 раза превосходит доход с десятины зерновых посевов, а до войны—в 5 и 6 раз.

Посевы хлопка достигли своего максимума в 1916 году, когда Россия, отрезанная войной, почти перестала получать его из Америки; тогда внутреннее производство хлопка поднялось в обоих областях рус-

ского хлопководства (в Туркестане с Бухарой и Закавказье) с 12 милл. пуд. до 17—18 милл. пуд чистого волокна. С тех пор и до 1923 г. они непрерывно падали:

Посевы хлопка в тыс. дес. в Туркестане.

1916 г.	533,8
1917	339,4
1918 »	80,0
1919	70
1920 »	60
1921	58
1923	51,1

Сверх того резко понизилась и урожайность, и сборы чистого волокна упали с 11—14 милл. пуд. в 1915—16 г., до 400 тысяч пудов в 1921 г. В только-что истекшем 1923 г. сборы поднялись до 3 милл. пуд. В дальнейшем ожидается сильное увеличение: в 1924 г. предположено расширить посевы хлопка до 300 тыс. десятин, благодаря чему урожай волокна должен вырасти до 4,9 милл. пуд, а к 1928 г. предположено довести сбор волокна до довоенного уровня 11—12 милл. пуд. При этом орошаемая площадь не должна особенно увеличиваться: достаточно лишь постепенно восстанавливать старую ирригационную сеть с тем, чтобы в 1928 г. площадь орошаемых земель слегка превысила *) довоенную цифру, дойдя до 3105 тыс. дес. Надо полагать, что при современном сокращении сборов хлопка в Америке и при вытекающей отсюда твердой конъюнктуре хлопка на мировом рынке—это восстановление хлопководства вполне возможно; притом оно обойдется втечение всего пятилетия только в 92 милл. червонных рублей.

Зерновое, главным образом, пшеничное хозяйство до сих пор развито недостаточно, и до войны жителям Туркестана не хватало 12—18 милл. пуд. зерна, которые ввозились из степных областей юго-востока. В прошлом году, когда цены на пшеницу поднялись в Туркестане до 2 р. 30 к., стали усиленно ввозить пшеницу и при фактическом ввозе 6 милл. пуд., цены упали до нормального уровня—1р. 20 к.—1 р. 30 к. Несомненно, что в последующие годы, при вытеснении пшеницы хлопком потребуется ввозить зерна к концу пятилетия не менее довоенной цифры.

Итак, в нормальном состоянии Туркестан должен являться областью, ввозящей дешевое зерно как по Оренбургско-Ташкентской дороге и морем с юго-востока, так после постройки дороги Семипалатинск—Верный, соединяющей Сибирь с Туркестаном—из Киргизии и Западной Сибири.

Другие культуры имеют, большей частью, местное значение; из них более важны кормовые травы, садоводство и виноградарство, а также огородничество и бахчеводство. Кормовая трава — исключительно известная Туркестанская люцерна, выращенная тысячелетним применением в очень стойкую урожайную высококачественную культуру, которую желательно распространить и у нас на юго-востоке. В жарком

*) При чем оборудовать орошением новые земли предполагается лишь на площади в 232 тыс. дес.

климате Туркестана выращиваются очень ароматные сладкие крупные фрукты, виноград и дыни, которые, при лучшем устройстве холодильного транспорта, могли бы найти себе сбыт за границу.

Скотоводство в Туркестане, благодаря наличию громадных степных и пустынных пространств, развито не менее, если не более земледелия. Число туземных кочевых хозяйств достигает $^1/_3$ всех, при чем на одно полукочевое хозяйство до войны приходилось в среднем 13—15 единиц скота в переводе на крупный, а на чисто-кочевое (Джизакский, Перовский у.у.) даже 24—32 единицы.

Количество скота по данным переписи составляло:

(в тыс. голов)

	1917 г	1920 г.	1923 г
Лошадей	1695	1614	557
Круп. рог. скота. . . .	2233	2241	1076
Овец и коз	14143	13576	4540

Главное сокращение произошло за период 1920—23 г.

Роль животноводства в экстенсивной Семиреченской обл. до войны видна из вывода, к которому пришел 2-й с'езд сельских хозяев области в 1914 году. „Если к стоимости всего урожая хлебов прибавить урожай садоводства, виноградарства, огородничества, рыболовства и проч., то весь валовой доход составит сумму 33,9 милл. руб.; скота же и его продуктов было вывезено в 1915 году более 1 милл. пуд кожи, 1,3 милл. пуд. шерсти и продано скота на сумму 40 милл. Если прибавить местный оборот продуктов скотоводства, то рыночная доля его продукции до войны может быть оценена в 100 милл. руб.“

Резкое падение овцеводства и коневодства и менее сильное крупного рогатаго скота до 1920 г. вызвано как общими условиями пережитой эпохи, так и специально великим „джутом,“ падежем скота в 1917 г. Но несомненно также, что перепись 1920 г. дала преуменьшение против действительного количества скота тем более, что здесь, как и в восточной Киргизии, киргизы в критические моменты угоняли свой скот в пределы Монголии и Китая.

Из прочих с.-х. промыслов довольно существенное значение имело шелководство. В 1910 г. урожай коконов достигал 350 тыс. пуд., экспорт 300 тыс. пуд. В 1920 г. коконов собрано всего 45 тыс. пуд., в 1923 г. уже 150 тыс пуд., из которых вывезено 62,5 тыс. пуд.

Наконец, рыболовство, концентрированное в Аральском бассейне, дало максимум в 1915 г. 1,6 милл. пудов.

Леса Туркестана насчитывают 29,6 милл. дес., но более или менее устроены и эксплоатируется только 8,5 милл. дес., из которых под ценным саксаулом 4745 тыс. дес.

Промышленность: а) крупная до войны была довольна развита

	Число заведений.	Число рабочих в тыс.	Сумма производства в милл. руб.
1908 г.	387	12,0	78,5
1914 „ . . .	702	20,9	133,9

Цифры свидетельствуют о быстром росте крупной индустрии в крае. Центральное место в ней занимала первичная обработка хлопка, которая возростала параллельно с увеличением хлопководства. В 1908 г. стоимость производства на хлопковых заводах достигла 66,2 милл. руб. По другим данным („Хозяйственный план Туркреспублики на 1923—24 г.") производительность хлопковой индустрии на 200 заводах оценивалась в 130 милл. руб. Далее шло мукомолие (17,5 милл.—1914 г.), а все остальные отрасли крупной индустрии давали продукцию на сумму от 700 тыс. до 3,3 милл. руб.

Кустарные промыслы края и мелкая промышленность очень сильно развиты. Накануне войны насчитывалось до 15 тысяч мелких промышленных предприятий, с производительностью около 50 милл. руб. В 1923 г. функционировало до 8-ми тыс. с производительностью в 15 милл. руб., кустарей 1923 г.—75,4 тыс., сумма кустарного производства оценивалась в 18 милл. руб. (товарных).

Торговля: а) внешняя в 1913 г. оценивалась в 63,2 милл. руб., в том числе ввоз—в 32,1 милл. руб. Главные страны, торгующие с Туркестаном—Персия и Западный Китай. В 1922—23 г. внешний товарооборот понизился до 1,5 милл. руб.

Внутренняя торговля сократилась в гораздо большей степени и в 1923 г. составляла сумму в 106 милл. товарных руб.

Выводы В общем итоге, Туркестан—несомненно, край с большой экономической будущностью. При 5—6 милл. населения он давал до войны стране и за границу хлопка, сушеных фруктов и продуктов животноводства на сотни милл. руб. При расчете на душу стоимость экспорта продуктов народного хозяйства Туркреспублики превышала таковую же в русских областях. Большая рыночность края обусловлена структурой его сельского хозяйства, в котором выдающееся место занимают специальные рыночные культуры. После периода жестокого упадка, обусловленного в значительной степени разрывом рыночных связей, возрождение главной монокультуры—хлопководства пошло таким быстрым темпом, что в ближайшие же 4—5 лет можно рассчитывать на полную реставрацию и даже повышение над довоенным уровнем. Ценное скотоводство края, дающее на вывоз, главным образом, шерсть, кожи и мерлушки, т.-е. товары, выгодная конъюнктура которых на рынке русском и мировом обеспечена на долгие годы, в силу своего степного характера отличается скороспелостью и способностью быстро восстанавливаться. Вот почему можно определенно сказать, что Туркестан, при нормальных условиях, восстановит свое хозяйство быстрее, чем многие другие области России и займет, в ближайшем будущем, более выдающееся положение в общем народном хозяйстве нашей страны, чем до войны.

§ 2. Закавказье.

В виду громадного разнообразия физико-географических, этнографических и экономических черт отдельных районов Закавказья, нашу характеристику целесообразнее давать не по всей стране в целом, а, по крайней мере, по отдельным республикам, входящим в Закавказский союз—именно, Грузии, Армении и Азербейджана

А. Грузия.

Физико-географические особенности.

Грузинская Республика в современных границах занимает западную и центральную часть Закавказья к югу от главного Кавказского хребта.

Три пятых ее территории расположены в полосе гор и плоскогорий на высоте не менее 4000 фут. По оро-и гидро-графическим условиям Грузия делится на районы: 1) Восточный. (бывшая Тифлисская губ.), 2) западный (Кутаисская губ.), 3) южный (Батумская обл.).

Западная часть Закавказья отличается от восточной гораздо более ровной температурой (амплитуда минимума и максимума 18°, тогда как в восточной 33°). Самый теплый, ровный климат — в Батуме (средняя годовая — 15°: лето — 22°, зима — 7°). Обилие дождей достигает своего максимума на юге, где размеры годовых осадков достигают 3000 миллим. На востоке осадки резко убывают: Гори — 535 миллим., Тифлис — 489 миллим.

Разнообразие рельефа достигает своего максимума: особенно изрезана горами западная часть, наполненная отрогами главного Кавказского хребта, от которого отделяется цепь Сурамских гор, пролегающая с северо-востока на юго-запад, примыкая к вершине Кавказского хребта — Зикари (12560 фут.). Вся система гор и предгорий западной части носит название Малого Кавказа. Низменности занимают обширные пространства по рекам Риону 5500 кв. в.). и Куре. Низменность реки Куры идет к востоку за пределы Грузии вплоть до Персидской границы. Общие ее размеры—35 тыс. кв. верст.

Почвы также весьма разнообразны: здесь встречаются наносные плистые почвы в долинах рек, черноземы, глинистые и песчаные формации в восточных склонах, краснозем на субтропическом юге, каменистые и известковые почвы в винодельческой Кахетии и т. д.

С запада Грузия омывается Черным морем. Берега Черного моря севернее Сухума круты и обрывисты, южнее — низменны. На юге две гавани — Батум и Поти, куда выходят линии Закавказских железных дорог, а в Батум керосинопровод из Баку.

Большая часть рек принадлежит к бассейнам Риона и Куры. Бассейн Риона отделяет Кавказский хребет от Малого Кавказа. Низовые реки судоходны. Кура через Боржомское ущелье протекает мимо Гори и Тифлиса к Гандже (Елисаветполю), где Кура покидает горы. В пределах Грузии Кура только сплавная река.

Растительный и животный мир Закавказья также разнообразен. Из числа 4000 видов растительного царства большинство неизвестно Европейской России. В западном Закавказьи теплый климат и обилие осадков создают роскошную растительность. Первобытные леса, окутанные лианами, содержат много вечно-зеленых пород: лавры, лавро-вишни, рододендроны, азалии, фикусы, самшит (Кавказская пальма). На юге культурные насаждения бамбуков, мандаринов, чая, бананов, эвкалиптов, драцен и других пальм.

По другую сторону Сурамского хребта незначительность осадков и жара значительно сокращают богатство растений: дуб, грецкий орех, фисташки; на высоких горах — сосны, ниже буки, чинары, грабы. Животные: кабаны, медведь, гиена, барс, на юге — тигр. О месторождениях ископаемых скажем ниже.

Территория, административное деление, население.

Площадь современной Грузии занимает 50976 кв. в. и населена густо, если принять в расчет обилие недоступных заселению горных высот—до 40 человек на кв. версту. Всех жителей в 1914 г.—2372,4 тыс., из них в городах 687,6 тыс., сельского населения 1684,8 тыс. В состав Грузии в качестве самостоятельных (автономных) республик входят Абхазия и Аджария и автономная область—Южная Осетия. Административный центр Грузии - Тифлис, Абхазии—Сухум, Аджарии—Батум. Грузинская ССР делится на 17 уездов.

В этнографическом отношении в Грузии большое разнообразие. Основу населения составляет, так наз., картвельская группа, к которой принадлежат: 1) собственно грузины, 2) аджарцы, 3) ингилойцы, 4) хевсуры, 5) пшавы, 6) тушины, 7) имеретины. 8) гурийцы, 9) лазы, 10) мингрельцы, 11) сванеты. К ним примыкают абхазцы. В городах—русские, армяне, азарбейджанские татары. Торговля и промышленность сосредоточены большей частью и руках армян и русских, кроме имеретии, где в Кутаисе господствуют грузины. По последним данным 1922 года городское населенне Грузии доходит до 499 тыс., сельское 1959 тыс. (81,5%), а всего 2458 тыс. чел. Подавляющее большинство сельских жителей—грузины (73%), в городах грузин—46,5%, армян—27,2%, русских—12%.

Сельское хозяйство составляет главное занятие грузинского населения. Средняя ежегодная посевная площадь в пятилетие 1909—13 гг. составляет 711,5 тыс. дес., при среднем сборе в 35,6 милл. пуд., поливных земель всего 64 тыс. дес. За год войны посевная площадь Грузии значительно сократилась и в 1916 г. (без Батумской обл.) по главным хлебам занимала лишь 375,5 тыс. дес. С 1917 г. она начинает снова возрастать и к 1920 г. достигает 615 тыс. дес. при сборе в 33,8 милл. пуд.; вследствие отрыва от России и необходимости питаться собственным хлебом, которого до сих пор не хватало. (в Грузию ввозилось из России 10—12 милл. пуд.), в 1921 г. наблюдается новое падение до 479,4 тыс. дес., которое вызвало потребность в значительном ввозе зерна из-за-границы. В 1923 г.—новый под'ем до 630 тыс. дес.

В общем, полеводство, хотя и является в Грузии господствующей отраслью сельского хозяйства и занимает 3/4 культурных земель, но оно носит исключительно потребительский характер и не удовлетворяет даже внутренних потребностей страны. Главная зерновая культура в стране кукуруза (242 тыс. дес.), пшеничные посевы распространены в восточной части (234 тыс дес.). В нагорьях сеют ячмень (98 тыс. дес.), в низовых долинах-сорго (сорочинское пшено).

Культурные земли сельско-хозяйственного назначения составляют 19,7% общей территории страны; пастбища и выгоны 25,7%, леса—34,1% и неудобные земли 25%. В составе культурных земель, кроме зерновых хлебов около 12% заняты специальными культурами, но продукция этих культур является главной товарной частью дохода населения, доставляющей ему необходимые денежные средства.

Из специальных культур первое место занимает виноградарство. Площадь под виноградниками в 1913 г. достигала 80 тыс. дес., сбор—18307 тыс. пуд., и производство вина—12150 тыс. ведер. Много вина (2854 тыс. ведер) вывозилось за границу. Кроме того, производилось винного спирта—около 7 милл. град., очищенного 5900 тыс. град. и коньяку—545 тыс. град. Под влиянием последних событий и временного

запрещения продажи вин, а также филоксеры, площадь под виноградниками к 1922 г. сократилась до 31 тыс. дес. и производство вина — до 4700 тыс. ведер.

Вторая по размерам культура—табаководство. Наибольшего развития табаководство достигло в 1910—14 гг., когда площадь посевов табаку составляла 15769 дес., а сбор достигал 800 тыс. пуд. Почти вся эта площадь (13 тыс. дес.) сосредоточивалась в Абхазии. В Россию вывозилось 500 тыс. пуд За границу экспортировалось около 35—40 тыс. пуд., главным образом, в Египет, где перерабатывалось и поступало на европейские рынки под названием „Египетского". В 1920 г. площадь под табаком сократилась в Абхазии до 2 тыс. дес., давших не больше 100 тыс. пуд. табаку, в Аджарии сбор упал до 15 тыс. пуд., в Лагодехском районе—до 10 тыс. пуд. Причиной падения табаководства, как и виноделия, явилось прекращение вывоза и в силу этого резкое снижение цен. До войны пуд табака стоил 15—20 руб., т.-е. во столько же раз дороже хлеба. В 1920—21 г. цена табака упала почти до цены хлеба, так что разводить табак стало менее выгодно, чем сеять пшеницу или кукурузу. Теперь посевы табака снова возросли.

Под хлопком в 1914 г. было 12 тыс. дес. и сбор достигал 151,1 тыс. пуд. В 1916 г. осталось $2^1/_2$ тыс. дес., причины падения те же.

Садоводство в Грузии составляет весьма развитой промысел. По жел. дорогам отправлялось (в тыс. пуд.):

	Внутрен. перевозки.	За границу
Яблоки	132,7	283,1
Груши	31,6	59,1
Апельсины и лимоны	15,0	27,0
Абрикосы и персики	81,4	52,9
Виноград	18,3	1,2
Орехи	20,9	115,0
ИТОГО	302,9	538,8

В Батумской области особенно замечательна культура японских мандарин. Количество корней поднялось до 300 тыс. и производство их могло покрыть 75% потребления мандарин в России (до 100 милл. штук). Там же находится около 700 дес. чая. Чайная культура современем может занять в районе до 30 тыс. дес. красноземов, непригодных для культуры кукурузы. Чайные плантации сохранились, и в 1922 г., сбор достиг 400 тыс. фунтов. Но недостаток рабочих рук требует перехода от крупных плантаций к мелкокрестьянским. Бамбуковое производство особенно развилось с появлением мебельных мастерских.

Переходя к животноводству—необходимо отметить в Грузии распространение крупно-рогатого скота и овец. Всего крупно-рогатого скота в 1912 г. было 1273 тыс. голов и овец—1967,3 тыс.: на 100 жителей это составляло—первых 46 голов, вторых 56. Крупно-рогатый скот, вследствие горного характера местности и недостатка кормов (травы в Грузии плохи), отличается небольшим весом—до 8—12 пудов. Рабочий скот—не только лошади (93,1 тыс.), а и буйволы (151,6 тыс.), ослы и мулы (18,3 тыс.). Молочное хозяйство поставлено плохо: масла вырабатывается немного и оно дурного качества. Лучше удается сыроварение. К концу 1911 г. было 73 сыроваренных завода с производительностью

в 75 тыс. пуд. швейцарского сыра, отправляющегося в Россию. Местные сыры до 100 тыс. пуд. приготовляются как из коровьего, так и из овечьего молока (брынза).

Овцеводство давало довольно значительное количество шерсти на вывоз: в 1914 г. вывезено 130 тыс. пуд.; с тех пор экспорт шерсти почти прекратился.

Свиноводство также довольно распространено: по переписи 1914 г. в Грузии было 290 тыс. свиней.

Крупную отрасль рыночного значения составляло шелководство. Производство сырых коконов доходило до 120 тыс. пуд. (40 тыс. пуд сухих) на $2^1/_2$ милл. руб. золотом, из общего количества производимого на Кавказе шелка 300—350 тыс. пуд. сырого кокона. Коконы целиком вывозились во Францию и Италию, т. к. ни на месте, ни в России не было шелкомотальных фабрик. Грена получалась из за границы. В 1912 г.—845 тыс. коробок. В 1916 г. привоз упал до 147 тыс. и вместе с тем собственное производство грены поднялось до 180 тыс. коробок. В 1919 г. производство коконов упало до 20 тыс. пуд. (сырых), в 1921 г. оно поднялось до 85 тыс. пуд.

Лес и лесное хозяйство. Леса в Грузии занимают очень большое пространство, до 1700 тыс. дес. В западной части это непроходимые дебри лиственных ценных пород—дуба, клена, ольхи и т. д. Но влажный климат не дает стойкой древесины и низинные леса идут, главным образом, на дрова. В следующей полосе—выше 2-х тыс. футов распространены буки, каштаны и липы; еще выше находятся хвойные—пихта, ель и сосна. В восточной части, в низинах лесов мало—на горах преобладают хвойные породы. В общем, по породам леса распределяются, приблизительно, так:

Буковых насаждений	300 *) тыс. дес.
Ольховых	327 »
Еловых и пихтовых насаждений	298 »
Каштановых	25 »
Орехи	до 20 »
. . . . .	10 »
ВСЕГО лиственных	1000 »
хвойных	около 600 »

Вследствие острого малоземелья и необходимости расширить пахотные угодья, грузинские крестьяне беспощадно истребляли свои леса, но большинство лесных площадей принадлежало помещикам. Поэтому в период аграрной революции 1917—21 гг. население бросилось рубить леса, нарушая все планы лесного хозяйства. Особенно пострадали равнинные леса.

Наиболее ценными породами леса являются: бук, необходимый для изготовления бочарной клепки, гнутой мебели; ель и пихта—материал для досок, каштан на балки и косяки дверей и окон (не гниющее дерево) Самые дорогие—ореховый наплыв и Кавказская пальма (самшит), с необыкновенно крепкой древесиной.

*) По другим источникам 218,7 тыс. дес.

Вывоз лесных материалов шел за границу. До войны он доходил до 1 мил. пуд. В 1920 г. вывезено (главным образом, в Англию):

Самшита	6,2 тыс. пуд	(до войны 85 тыс. пуд.)
Орехового наплыва .	8,1	
Фанеры . . .	3,0	
Клепки буковой	8,0	

В 1921 г. из 80 лесопильных заводов работало около 10.

Промышленность.

а) Добывающая. Нефть—в Грузии открыта во многих местах, но в небольших количествах. Только в Ширакской степи она добывалась примитивными способами до развития Бакинских промыслов, когда добыча ее стала невыгодной (средняя добыча до 1908 г.—1418 тыс. пуд.).

Добыча марганца—главная отрасль горного дела в Грузии. До 1907 г. марганцевые руды Грузии считались первыми в мире. С 1907 г. на первое место в этом отношении выдвинулась Ост-Индия. В 1913 г. из 127 милл. марганцевых руд мировой добычи в России добыто 76,6 милл., в других странах—50,5 милл.

Богатейшие месторождения—в Чиатурах Шаропанского уезда. Они простираются здесь на 126 кв. в. и запас их исчисляется до 15 миллиардов пуд, с содержанием марганца не ниже 50%. До войны в Чиатурах добывалось до 50 милл. пуд, которые отправлялись, главным образом, в Германию на заводы Круппа, где шли на приготовление знаменитых крупповских пушек.

Максимум вывоза 1914 г.—65 милл. пуд. С началом войны и с закрытием Дарданелл добыча марганца падает; в 1916—17 г. она доходит до 12—16 милл. пуд., в 1918 г.—1,6 милл., в 1919 г.—3,3 милл. С 1920 г. добыча прекращается совершенно и возобновляется лишь в 1922 г.

Каменный уголь находится в двух главных районах: Тквибульском и Ткварчельском. Но до сих пор не решен вопрос, можно ли из этого угля вырабатывать кокс, необходимый для получения ферромангана, т.-е. сплава марганца с чугуном, для производства литой стали.

Разработка угля велась пока лишь в Тквибульском районе, залежи которого достигают 5700 милл. пуд. Максимум добычи до революции—1915 г.—4491 тыс. пуд. В 1919 г. было добыто 2,2 милл. пуд., в 1920 г.—4,8 мил., в 1921 г.—4,6 милл. Таким образом, довоенная норма добычи восстанавливается. В Ткварчелах мощность месторождений равна 9000 милл. пуд.

Залежи железа имеются в Чатахском районе с запасами до 30 милл. пуд. чугуна. В Чатахе имеется старинный хорошо сохранившийся завод, сейчас не работающий.

Из прочих ископаемых следует упомянуть: цемент, медь, серебро, свинец; месторождений последних металлов довольно много, но промышленной выработки в крупных размерах не производилось.

б) Обрабатывающая промышленность при наличии в крае марганцевых и железных руд для металлургии, лесов для лесной промышленности, хлопка для текстильной, нефти, как топлива, могла бы широко развиться. Но недостаток капитала являлся в этом отношении тормозом и в настоящее время здесь существуют только второсте-

ценные отрасли—винокурение, табачная пром., выработка грубых сукон, тканье ковров и прочие кустарные промыслы. Винокурение в Грузии в 1913 г. дало около 11,3 милл. град. спирта. Табачная промышленность сконцентрирована в 24 более крупных фабриках. За 1921 г. произведено 14842 пуд табаку и 363 милл. папирос — всего на сумму 1,6 милл руб. Лесная промышленность, по последнему обследованию, сосредоточена на 44 заводах, могущих переработать 9 милл. кубо-футов древесины. Но фактическая работа их значительно ниже, (не более 2 милл. кубо-футов в 1921 г.). Кирпичных и известковых заводов работало в 1921 г.—9, сумма производства их—380 тыс. руб. золотом. Мыловаренное и маслобойное дело — на 140 тыс. руб. кожевенное — на 159 тыс. руб. Общее количество заводских предприятий и число рабочих в них характеризуется следующими цифрами: (за 1913 г.):

Крупные предприятия по числу рабочих.	Число заведений		Число рабочих	
	Абс.	%	Абс.	%
До 10 человек . .	66	32.1	189	6,2
11— 20 » . . .	50	24,4	756	9,5
21— 30 » .	26	62,7	689	8.7
31— 50 » . .	29	14,2	1129	14,2
51—100 .	18	8.8	1368	17,2
101—200 .	8	3,9	1128	14,2
Свыше 200	8	3.9	2381	30,2
Всего	205	100	7940	100

Отсюда видно, что в обследованных предприятиях фабричного типа большинство рабочих сосредоточивалось в сравнительно крупных заведениях с 50 и более рабочих.

Торговля Грузии была довольно широко развита как с Россией, так и с заграницей. Внешняя торговля по всему Закавказью в 1913 г. достигла (в тыс. руб.):

Вывоз	82748
Ввоз	40045
Оборот	122793
Баланс	+42703

Закавказье служило транзитным путем для торговли России с Турцией и Персией, куда вывозились, главным образом, ткани и сахар (4 милл. пуд.) Главный предмет вывоза в Европу—нефть и ее продукты, преимущественно, керосин, (всего 37 милл. пуд.), марганец (от 40 до 60 милл. пуд.), солодковый корень—1 милл. пуд., лесных материалов—1 милл. пуд. В последние годы расцвет торговли упал на 1921—22 г. За апрель — декабрь 1921 г. по Черноморским портам было вывезено 3,1 милл. пуд. на 6 милл. руб., а ввезено 4,5 милл. пуд. на 32,9 милл. руб. Ввоз превышал вывоз по ценности в 5 раз. В этот период Батумский порт являлся главным „окном“ из Европы в Россию. С тех пор с открытием Северо-Черноморских портов и прекращением свободной торговли, значение Батумского порта слегка упало. Однако, в 1922—23 г. вывоз достиг суммы 20,8 милл. руб., ввоз—28,1 милл.

Внутренняя торговля шла как с Россией, так и с соседними республиками. В Россию вывозился хлопок, фрукты сушеные (1,6 милл

пуд.) вино, спирт, шерсть, ковры, скот и т. д. Из России получался, главным образом, хлеб (до 20 милл. пуд.), текстильные товары, сахар и проч.

Торговая связь между отдельными республиками Закавказья выражается, главным образом, в обмене продуктов сельского хозяйства. Азербейджан вывозил из Грузии овощи, фрукты, спиртные напитки, минеральные воды, дрова, каменный уголь. Грузия получала из Азербейджана шерсть и ее продукты, спирт, кожу и т. п. Армения вывозит в Грузию сено, ячмень, скот, яйца, коньяк, соль, серный колчедан и получает нефть, овощи, рыбу, дрова, строительные материалы. Отсюда видно, что торговый обмен между республиками происходит во 1) благодаря тому, что в той или иной хозяйственной отрасли отдельные республики монопольны, во 2) преимущественно, более громоздкими и дешевыми товарами.

Торговля Грузии сохранилась довольно хорошо до настоящего времени. В 1921 г. числилось 17720 торговых предприятий. Оборот их в большинстве мелкий, но в совокупности составляет ценность вероятно, в несколько десятков миллионов рублей.

Выводы. Грузия — страна субтропических культур и громадных залежей многих полезных ископаемых. Она имеет довольно обширную береговую линию, а через Черное море дешевый морской путь в Европу.

Все это показывает, что в будущем Грузию ожидает двустороннее развитие ее народного хозяйства: одновременно-промышленное (преимущественно горнозаводской индустрии) и с.-хозяйственное — (последнее, главным образом, в области специальных культур, садоводства и виноградарства).

Армения.

Физико-географические особенности.

Территория современной Армении, достигающая 34288 кв. в., представляет чрезвычайное разнообразие физико-географических черт по рельефу и климату, начиная от низменных равнин и кончая вечно-снежными вершинами гор. Исследователи Армении насчитывают 5 климатических зон:

1. Нижняя зона долин и предгорий до 500 метров высоты. Средняя годовая температура в этой зоне +11,5°. Осадков 300 миллим., но летом только 50 миллим. Климат сухой и жаркий.

2. Полоса горных склонов от 500 до 1000 метров. Средняя годовая температура +10°, осадков 350 миллим., в 3 летних месяца 100.

3. Армянское плоскогорье. Высота 1000—2000 метров. Средняя годовая температура +5°. Осадков 450 миллим., летом—120. Климат континентальный, степной.

4. Альпийская зона—2000—3000 метров. Годовая температура —4°, осадков 500 миллим., летом 150 миллим.

5. Зона холодных снежных вершин—выше 3000 метров, температура ниже 0°. Осадков 400 миллим.

Сообразно этим зонам складываются типы сельского хозяйства.

В нижней долинной зоне господствует поливное земледелие субтропического типа, садоводство и виноградарство; последнее переходит и во вторую зону—горных склонов, где климат также теплый, но где земледелие затрудняется пересеченным рельефом.

В 3-й зоне—на плоскогорье—развивается, частью на поливе, частью под дождь зерновое земледельческое хозяйство, преимущественно посевы пшеницы и ячменя. На северных склонах гор—леса и рощи.

В 4-й зоне оседлого населения мало. Преобладают луга и пастбища. Главная отрасль—скотоводство.

Наконец, холодная зона, используемая лишь как летние пастбища для скота.

В связи с зональным расположением территории, земельные угодья распределяются таким образом:

Культурные земли.	500	тыс. дес.	21%
Из них под посевы	290	»	12%
Пастбища всего.	950	»	40%
Из них летних.	500	»	
зимних	450	»	
Лесов	121	»	5%
Неудобных	840	»	34%
Всего	2111	тыс дес	100%

Население Армении в 1916 г. равнялось 1214,4 тыс. душ, в том числе сельского 1081,4 тыс., городского 132,9 тыс. За время мировой и гражданской войн в нем произошли большие перемены: с одной стороны значительное количество жителей погибло в борьбе с грузинами и татарами, с другой—сюда прихлынуло свыше 500—600 тыс. беженцев из пределов Турецкой Армении. По данным армянской делегации в Париже, в 1919 г. население Армянской Республики составляло:

Армян	1293	тыс.	60,9%
Татар	588	»	27,2%
Турок, курдов	82	»	3,8%
Езидов	50	»	2,3%
Русских, греков и грузин.	123	»	5,8%
Всего	2136	тыс	100%

Но в это количество включены ныне отошедшие от Армении части б. Елисаветпольской губ. и Карсской обл.

Сельское хозяйство. Как видно из предыдущего, системы сельского хозяйства варьируют по естественно-историческим зонам: в нижней зоне господствует промышленное полевое хозяйство с развитием хлопка; в предгорьях и на плоскогорье—зерновое; в верхних зонах—скотоводческое. В низинах севооборот таков (в нормальное время). хлопок—до 50%, рис—около 25%, люцерна—15%, пшеница—10%. Этот севооборот аналогичен до известной степени туркестанскому и представляет характерный тип севооборота в засушливых районах субтропических монокультур. Посевы и сборы хлопка изменялись по годам таким образом:

	Площадь под посевом (тыс. дес.)	Сбор чистого волокна (тыс. пуд.)
1908 г.	18,3	239,4
1909 »	29,0	520,0
1910 »	35,5	600,0
1911 »	40,4	670,0
1912 »	36,2	601,3
1913 »	38,4	613,5
1914 »	40,0	710,0
1915 »	35,7	382 0
1916 »	30,3	450,0
1917 »	18,0	270,0

Отсюда ясно, что в общем, хлопководство Армении развивалось быстро до начала мировой войны, во время которой оно сразу упало до исходного пункта—площади 1908 г.; в последующие же годы—годы гражданской войны, за полным прекращением сбыта и приостановкой подвоза хлеба из России, оно прекратилось совсем и лишь в 1922 г. начало возрождаться. В 1923 г. под хлопком в Армении насчитывалось 5 тыс. дес. в 1924 г.– около 14 тыс.

Качество армянского хлопка среднее, ниже туркестанского. Жмыхи в прежнее время вывозились в Германию. Задача сейчас—довести урожай хлопка до 700 тыс. пуд.

Культура риса падала, вытесняемая хлопком. В пятилетие 1909—13 г.г. посевы и сборы риса составляли:

	Посевы тыс. дес.	Сбор тыс. дес.	С 1 дес.
1909 г.	5,7	678.9	120
1910 »	4,2	608,3	143
1911 »	4.3	548,0	128
1912 »	3,5	591,2	169
1913 »	3,7	558,4	151
Среднее за 5 лет	4.3	596,9	142

В низинах и на ближних склонах гор развивалось виноградарство. В 1913 г. под виноградом было 10235 дес., в 1905 г.—10800 дес. К 1921 г. площадь виноградников сократилась до 6961 дес. В довоенное время Армения производила до 1 милл. ведер вина, до 7 милл. градусов коньяка и $7^1/_2$ милл. градусов спирта. Это количество в среднем за период 1900—10 г.г. составляло свыше 70% всего производимого закавказского коньяка и спирта.

Сокращение производства и вывоза во время войны видно из следующих данных перевозок по жел. дор.:

	Перевезено по жел. дорогам из пределов Армении. В тысячах пудов			
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Вина	721,2	487,2	285,3	187,4
Коньяка и спирта	70,0	66,7	8,6	8,6

К 1916 г. вывоз вина сократился в 4 раза, а спирта и коньяка в 8 раз сравнительно с довоенным. Производство коньяка возродилось с 1921 г. и развивается быстро.

На ряду с виноградарством садоводство занимает до 2000 дес.: преобладающие фрукты—персики и черешни, которые перерабатываются в консервы на эриванских заводах. Вывоз до войны—100 тыс. пудов.

Огородничество в Армении развито слабо, своих овощей не хватало: в 1909—13 гг в Эриванскую губ. ввозилось 442 тыс. пудов (из Азербейджана), а вывозилось 184 тыс. пудов.

Зерновое полеводство сосредоточено, главным образом, в 3-й зоне—на армянском плоскогорье В 1914 г. было всего под посевом 290 тыс. дес., из них (в %):

Под озимой пшеницей .	30,3%
» яровой » .	37,0%
» ячменем	31,0%
Прочими зерновыми . .	1,7%

Урожай на поливных и богарных землях (неполивных) весьма различен.

Средний урожай перед войной с десятины

	Поливные земли.			Неполивные (богара).		
	Пшеница		Ячмень	Пшеница		Ячмень.
	Озимая.	Яровая.		Озимая	Яровая	
Эриванская губ. . . .	79,9	57,7	71,8	40,3	39,6	49,4
Елисаветпольская. . .	55,1	55 3	68,4	47,6	45.4	56,3
Карсская обл	82,4	70.9	72,2	47,5	52,2	66.4

В 1914 г., с 290 тыс. дес. было собрано всего 13751 тыс. пуд., что на душу населения составило только 9,5 пуда. Своего хлеба нехватало, и недостаток его, определявшийся в 5—5½ милл. пуд., покрывался ввозом, частью по жел. дор. и морем, около 3 милл. пудов, частью гужем, по шоссейным дорогам и вьюками по горным тропам. Влияние мировой и гражданской войн отразилось резким упадком земледелия: посевная площадь с 290 тыс. дес. упала до 198 тыс., а сбор хлебов сократился в еще большей прогрессии.

Скотоводство Армении носит еще в значительной степени кочевой характер. Оно сильно затруднено тем, что эйлаги (летние высокогорные пастбища) подвергаются постоянным захватам со стороны курдов. Хотя площадь пастбищ—до 1 милл. дес.—была бы вполне достаточна для развитого скотоводства, но в общем оно было не так велико.

В 1913 г. количество скота в Армении равнялось (в 2 губ.—Эриванской и Карсской обл.).

Лошадей	59,4 тыс	гол.
Крупного рогатого скота	896,6	
Овец и коз. . . .	1549,5	
Свиней	10,0	(доклад парижской делегации)

По другому источнику, крупного рогатого скота было перед войной 1240 тыс., овец и коз—1860 тыс., лошадей—107 тыс., ослов и мулов—43 тыс.

На 100 жителей приходилось:

Овец и коз.	Крупн. рог. скота.	Лошадей
86,0	57,5	1.9

Отсюда видно, что главные отрасли скотоводства—разведение крупного рогатого скота и овец. До войны особенно возростал крупный рогатый скот. В 2-х уездах Эриванской губ. (Александропольском и Новобаязетском) в 1890 г. было 56,7 тыс. голов, в 1913 г.—82,5 тыс., в то время как овцеводство падало, т.-е. скотоводство постепенно интенсифицировалось.

Торговый баланс сельского хозяйства рисуется цифрами железнодорожных перевозок в таких размерах.

	Ввоз	Вывоз	Баланс
	(В тыс пуд. 1913 г.)		
Хлопок	80,2	633,5	+553,3
Семена хлопковые .	2,1	81.3	+ 79,2
Вина виноградные . .	92.9	546,3	+ 453,4
Спирт	28,9	49,6	+ 20,7
Крупн рог. скот (тыс. гол.).	5.4	9,7	+ 4.3
Овцы и бараны . .	18,9	33,6	+ 14,7
Шерсть	5.7	29,3	+ 23.6

Отсюда видно, что главнейшими статьями сельского хозяйства, доставлявшими наибольший денежный доход, были хлопководство и виноградарство. Зерновое хозяйство в рыночном отношении не имело большого значения; что касается скотоводства, то о нем по жел.-дор. перевозкам судить нельзя, ибо главная масса скота—до 60—80 тыс. гол. крупного рогатого и до 120—150 тыс. баранов—шла из Армении гоном по горным дорогам. Ежегодное производство шерсти достигало 150 тыс п., при чем здесь было развито суконное и ковровое производство, дававшее на вывоз 58.3 тыс. пуд.

Лесное хозяйство мало развито. При 120 тыс. дес. леса (по другим источникам 233 тыс. дес.) вывозилось 3830 тыс. пуд., но, главным образом, дров (2205 тыс.), угля 316 тыс. пуд., досок—830 тыс. пуд., клепки—30 тыс.

Промышленность. А). Добывающая. В недрах гор Армении заключается много минералов и металлов: серебро, свинец, хромистое железо, цинк, сера, каменная соль и, главным образом, медь. Из 8524 тонн меди, выплавленной в 1914 г. 4718 тонн около 300 тыс. п. приходилось на долю современной Армении. Наиболее значительные месторождения меди лежат на юге б. Елисаветпольской г. в Зангезуре, но из них разрабатывается незначительная часть. Вторая группа—в Борчалинском уезде. К 1916 г. вывоз меди падает в 30 раз. В настоящее время медноплавильные заводы либо бездействуют, либо как Алавертский, производят карбид, серный колчедан, железный и медный купорос и серную кислоту. Месторождения хромистого железняка расположены вокруг озера Гокча. На соляных промыслах добывалось в среднем за предыдущее пятилетие 1389 тыс. пуд.

Б). Обрабатывающая промышленность - крупная почти совсем не развита. В связи с соответствующими отраслями сельского хозяйства, на 328 небольших заводах очищается хлопок в количестве 600—700 т. п. Крупное производство существует в коньячном деле. Главный завод в Эривани. До войны было 11 крупных и 691 мелких коньячных и винокуренных заведений, вырабатывавших до 13 милл. градусов. В Эривани же сосредоточено производство фруктовых консервов.

Мукомольное производство, главным образом, мелкое сосредоточено в 2482 мельницах и крупорушках, перемалывавших около 20 м. п. пшеницы и ячменя. Одна мельница в среднем перерабатывала всего 8.4 тыс. пуд. Заводов для очистки риса было 16.

Кожевенная промышленность—исключительно мелкая. Из прочих отраслей кустарной промышленности, как мы сказали, имела место ковровая, составлявшая крупный предмет вывоза.

Экономическое значение Армении. Благодаря разнообразию природы и отраслей сельского хозяйства, теплому климату и богатству недр, Армения давала России и заграница довольно значительное количество сырья и товаров. В довоенной оценке вывоз составлял:

Хлопка на	11 2 милл руб.
Вина	1 9 »
Коньяка и спирта	2.0 »
Фруктовых консерв и	1.1 »
Меди	3.6 »
Соли	0,2 »
Серной руды	0,25 »
Скота	1.2 »
Шерсти	0.2 »
Ковров	10,0 »
Всего	34 65 милл руб.

На 1 сельского жителя это составляло около 34 рублей.

В) Азербейджан.

Физико-географические черты Азербейджана, частью приближают его к восточной Грузии, но с еще более резко выраженной континентальностью. Амплитуда колебаний температуры между январем и июлем достигает 25—28°; июльские жары доходят в Ширванской степи до температуры закаспийских пустынь, а в январе в Акстафе наблюдаются довольно сильные морозы. Разнообразие рельефа вносит в климат более или менее резкие изменения температуры, но количество осадков далеко не так сильно связано с высотой над уровнем моря, как в других районах. Так, например, в Ганже (бывш. Елисаветполе). несмотря на высоту в 445 м. количество осадков всего 255 мм., а в Астаре. лежащей ниже уровня моря—1278. Горы окаймляют территорию Азербейджана со всех 4-х сторон, а внутри их в виде громадной котловины лежит низкая равнина по реке Куре, поднимающаяся по направлению к северо-западу (Ширванская степь). Горы питают своими снегами довольно многочисленные реки и речки и, благодаря этому, здесь, как и в Туркестане, в степях развито поливное земледелие, садоводство, виноградарство. Равнинная часть отличается бедностью осадков: самые центральные, наиболее заселенные районы Баку и Ганджи имеют всего 247—257 миллиметров годовых осадков. Почвы сравнительно мало плодородны, но при наличии тепла и влаги, они как в Туркестане, дают богатые урожаи.

Крайне интересные сведения о распределении населения и характере сельского хозяйства, в зависимости от высоты над уровнем моря, мы находим в №№ 4—6 „Изв. Азербейдж. Ц.С.У." за 1922 г. в статье „Основы районирования в АССР". В этой статье автор т. Резников группирует все указанные данные по таким зонам или поясам: до 250 метров над уровнем моря, от 250 до 1000 и свыше 1000 метров. Результаты этой группировки таковы:

Зоны (по высоте над уровнем моря)	Национальный состав населения в %%: Турки	Армяне.	Прочие (русские, немцы и др.)	Искусственное орошение в %%: Поливных земель	Неполивн.
До 250 м	89,2	1.9	8 3	50,9	49,1
От 250 до 1000 м.	72,2	14,6	8 2	37 6	62,4
Свыше 1000 м.	57,7	36.0	6,1	16,5	83,5

Зоны	На 1 хозяйство удобной земли.	В том числе поливной	Лошадей.	Крупного рогатого скота.
До 250 м.	8,1	4,6	0,4	2,3
От 250 до 1000 м.	4,8	3,3	0,5	3,0
Свыше 1000 м.	4,4	2,1	0,4	3,5

Долинные хозяйства в большинстве принадлежат тюркам; они многоземельнее, у них % поливных земель доходит до половины, и только крупно-рогатым скотом более богаты горные жители—армяне, во всех остальных отношениях уступающие тюркам.

По всей территории Азербейджана, к долинной зоне относится 46,7% всех земель, к средней—до 1000 м.—30% и к горной (свыше 1000 м.)—23,3%.

Население Азербейджана в 1897 г. равнялось 1743,5 тыс. жителей, из которых городского было 243 тыс. или 14%, в 1916 г.—2097 тыс., в том числе горожан—454 тыс.—22%. В 1920 г. горожан оказалось 397 тыс., в том числе в главном городе—Баку—было 201 тыс. жителей, в 1923 г.—244 тысячи.

По данным 1921 г. в Азербейджане было всего 2861 тыс. населения (на площади в 85 тыс. кв. верст), из них мусульман-тюрков—1952 тыс.,

армян — 622 тыс., русских — 211 тыс., прочих — 59 тыс., плотность — 33 человека на кв. в Рост населения Баку за последние три года — результат возрождения центральной промышленности края — нефтяной. Интересные данные о движении населения за 62 года мы имеем по одному из округов—Закатальскому:

	Число хозяйств.	Население обоего пола	На 1 хозяйство душ обоего пола.
1859 г.	9,8	51,0	5,22
1871 »	12 6	56,8	4.6
1886 »	14,2	73,2	5,1
1897 »	13.8	81,4	5,9
1921 »	16,5	68 8	4.2

Эпоха гражданской войны отразилась здесь убылью населения, но увеличением числа хозяйств. Хозяйства раздробились, откуда можно заключить, что революция привела к крушению патриархального быта туземцев.

Сельское хозяйство. Территория Азербейджана охватывает площадь в 75.700 кв. верст, или 7880 тыс. дес., из которых около 800 тыс. дес. культурных земель, 2260 тыс. дес. пастбищ, (715,7 тыс. летних и 1550 тыс. зимних), 1324 тыс. дес. лесов. В среднем культурные земли составляют лишь 9%, леса 18%, пастбища 28% и неудобные земли 45% всей территории Азербейджана. Посевная площадь Азербейджана по данным 1914 г. составляла для продовольственных хлебов около 564 тыс. дес., а средний сбор продовольственных хлебов 16.361.900 пудов, т.-е. в среднем лишь по 6,2 пуда на душу населения, чего очевидно, не могло хватать и продовольственный баланс страны восстанавливался за счет кормовых хлебов, которых производилось в среднем до 7500 тыс. пудов и привозного хлеба, обмениваемого на хлопок и нефть, которые являлись главными отраслями народного хозяйства Азербейджана. К 1916 г. посевная площадь Азербейджана сократилась до 291 тыс. дес., к 1921 г. возросла до 474,2 тыс. дес. В 1922 г. она дошла до 650 тыс. дес., превзойдя, таким образом, довоенную. В отличие от Грузии главным занятием населения здесь является скотоводство. В области полеводства, хотя зерновые культуры и занимают большую часть посевной площади, при чем в ряде продовольственных хлебов главнейшее место принадлежит пшенице, а среди кормовых—ячменю, т.-е. зерновым культурам, все же значительный процент площади, занятой посевом хлопка, кладет на сельское хозяйство страны особый отпечаток.

Главнейший район хлопководства в Азербейджане—Джеватский уезд Бакинской губ. (Муганская степь на правом берегу реки Куры).

Посевы хлопка в десятинах и сбор хлопкового волокна в тыс. пудов с 1909 по 1917 гг. представлены в следующей таблице:

Годы	Площадь посева (тыс. дес).	Сбор (тыс. пуд.).
1909	19,8	289.1
1910	38,8	712.0
1911	76,9	1052,0
1912	68,1	965,8
1913	81,7	1078,1
1914	88,0	930,0
1915	60,0	—
1916	—	869,0
1917	35.0	—

Предварительные итоги с.-х. переписи 1916 г. дают сведения о площади занятой посевами хлопка в Бакинской губ. в 32,2 тыс. и в Ганжинской—20,2 тыс. десятин.

В 1921 г. площадь под хлопком упала до 2761 тыс. дес., в 1923 г. увеличилась вновь до 20.2 тыс. дес. В 1924 г. она поднимается вновь до 80 тыс. дес., т.-е. до нормы довоенного времени.

Нижеследующая таблица дает представление о вывозе хлопка-сырца по железным дорогам за 1913—16 гг. (в пудах):

Губернии.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бакинская	878.960	716 400	406 432	155.517
Ганжинская	1.310 074	1 159,419	641 270	317 141
Всего по Азербейджану	2.189.034	1 875 899	1.047.702	472.652

Необходимо хотя бы вкратце упомянуть о специфической культуре Азербейджана—рисе, имеющем в продовольствии края крупное значение. Несмотря на разруху и упадок сельского хозяйства Закавказья, который прежде всего отразился на ценных специальных культурах, посевная площадь под рисом к концу 1921 года составляла 26.750 десятин, тогда как по данным сельско-хозяйственной переписи 1916 г. она равнялась лишь 9.600 десятин. Это об'ясняется тем, что население вследствие продовольственного кризиса вынуждено было заботиться о производстве продовольственных растений, вследствие чего рис вытеснял культуру хлопка. В 1922 г. под рисом было уже 33,5 тыс. дес.

О размерах производства риса можно судить по данным жел.-дор. перевозок (в тыс. пуд.):

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Отправлено риса	1330,1	1505,1	2091,1	1774 4

Крупное значение в сельском хозяйстве Азербейджана имеет виноградарство. Высшего предела своего развития виноградарство достигло, как и в Грузии, перед войной, когда площадь, занимаемая виноградниками достигала 23,9 тыс. дес.. К 1921 г. площадь эта значительно сократилась и по данным НКЗ Азербейджана в 1922 г. составляла 19,5 тыс. дес., при чем значительно отстала и урожайность с единицы площади.

Вывоз вина и спирта упал еще до последних лет:

Перевозки	1913 г	1914 г	1915 г	1916 г.
Виноградн. вина.	2363,0	1769,2	1211.6	524,4
Спирта	109,5	32,1	6.7	3.6

Довольно крупное значение для сельского хозяйства страны представляет садоводство. Яблоки и орехи составляют издавна одну из статей вывоза, и станции Ляки и Евлах до начала войны являлись главнейшими пунктами отправления фруктов. В 1914 г. лишь из этих двух пунктов было отправлено 72,7 тыс. пудов яблок и 314,6 тыс. пуд. орехов, из которых 192 тыс. были вывезены за пределы Закавказья.

Скотоводство. По количеству скота в довоенное время Азербейджан занимал в Закавказьи первое место. Основными отраслями животноводства Азербейджана являются крупный рогатый скот и овцеводство. Вследствие необеспеченности заготовленными кормами туземное скотоводство тесно связано с использованием зимних и летних пастбищ, почему скотоводство Азербейджана носит кочевой и полукочевой характер. Зимние пастбища простираются на уровне 1800—2000 футов над морем и занимают площадь, примерно, в 1550 тыс. дес. (из общего для всего Закавказья 2400 тыс. дес.). Летние пастбища простираются в пределах от 4000 до 12000 футов над уровнем моря и расположены, главным образом, на склонах малого Кавказского хребта. В пределах Азербейджана летние пастбища охватывают территорию лишь в 665 тыс. дес. (из общего количества в 3365 тыс.) и, таким образом, Азербейджан обеспечен зимними пастбищами, но испытывает острый недостаток в летних пастбищах, хотя Елисаветпольская губ. сравнительно и богата ими (Карабах и Зангезур). Обстоятельства эти вызывают передвижение скотоводческого населения из Елисаветпольского и Казахского уездов даже за пределы Азербейджана в Армению. Еще в 1916 г. в пределах Азербейджана насчитывалось 23 кочевых общества в составе 24600 человек обоего пола. Но помимо чисто кочевого населения, вследствие необеспеченности кормами, и население, имеющее оседлость и ведущее зерновое хозяйство, даже при наличии покосов, использует зимние и летние пастбища для полукочевого скотоводства. Со средины весны, когда зимние пастбища начинают высыхать, население со своим скарбом и скотом, веками установленным кочевым путем начинает передвигаться на летние кочевья. Перегоны сопровождаются потравами, столкновениями—нередко кровавыми—с оседлым населением, для которого кочевой сезон

является периодом напряженных забот об охране его полей и садов, периодом борьбы за свое существование.

По данным, относящимся к 1913 г., скот распределяется следующим образом:

Лошади	151,6 тыс. голов.
Крупный рогатый скот	1135,8 »
Мелкий рогатый скот	3364,3 »
Свиньи	41,1

Обеспеченность скотоводства пастбищами (летними и зимними) характеризуется следующими цифрами:

На 100 дес. пастбищ.	Летних.	Зимних.
Скота в переводе на крупный	344,0	111,5

По данным переписей 1921—23 гг. количество скота составляло (в тысячах):

	Лошадей.	Крупно-рог. скота.	Мелко-рог скота	Свиней.
1921 г	95	619	923	19
1923 г.	122	918	1038	—

Таким образом, сократившись к 1921 г., в настоящее время скотоводство начинает вновь возрождаться.

Шелководство. Шелководство в Азербейджане особенно сильно было развито в Ганжинском районе, давая около $^2/_3$ всего сбора коконов.

Движение продуктов шелководства.

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г	1921 г	1922 г	1923 г.
Оживлен грены (тыс. кор.) . . .	180	150	70	1,0	0,5	6 5	0,4	4,0	20,0	50,0
Коконов тыс пуд	190	175	80	290	1,0	1,0	0,7	6 0	23,5	60

Рыболовство. В прилегающем к Азербейджану районе Каспийского моря и в устьях Куры ловилось до 300 тыс. штук севрюги, до 700 тыс. штук судака, от 1000—2000 тыс. штук сазанов, такое же количество жериха, до 7000 тыс. штук воблы и до 180 милл. штук сельдей. Кроме того, здесь добывалось до 17 тыс. пудов икры красной рыбы и до 7 тыс. пудов икры частиковой рыбы.

Улов рыбы 1922 г. следующий:

Красной рыбы	127,4	тыс. пуд.
Частиковой	564,2	» »
Лососевой	11,9	» »
Сельдей	507,2	» »
Всего . .	1210,6	тыс. пуд

Кроме того, было добыто 11,5 тыс. пуд. икры паюсной и 3,4 тыс. пудов икры частиковой.

Лесная площадь Азербейджана достигает 1233 тыс. дес. Но этой площади при громадных требованиях на лесной материал со стороны нефтяной промышленности не хватает, и Азербейджан, как и Армения, вывозит лес из Грузии. Сверх того, большинство лесов находится в горах, что сильно затрудняет их эксплоатацию. Состав древесных пород очень ценен (бук, дуб, чинар, каштан и пр.).

Промышленность. Громадное, почти исключительное значение в Азербейджане имеет среди прочих отраслей нефтяная промышленность.

Крупная промышленность Азербейджана в 1908 г.

	Бакинская.			Елисаветпольская			Закатальская.		
	Число заводов	Число рабочих.	Сумма производ. (тыс. руб.)	Число заводов.	Число рабочих.	Сумма производ.	Число заводов	Число рабочих.	Сумма производ.
Обработка хлопка. .	1	1115	2075	15	215	828	—	—	—
» шелка. .	—	—	—	87	3733	2450	1	50	41
» металлов .	96	5195	8903	—	—	—	—	—	—
Горно-заводск. обработка металлов.	—	—	—	5	2553	1697	—	—	—
Обработка питательных продуктов, необложенных акцизом	9	42	12011	8	92	89	—	—	—
Обработка питательных продуктов, обложенных акцизом .	5	51	1539	9	165	1023	—	—	—
Нефтяные промыслы.	280	39723	188831	—	—	—	—	—	—
Прочие	39	1375	516	3	93	492	—	—	—

Почти 90% всей суммы производства падает на нефтяные промыслы. Некоторое развитие получили в крае переработка хлопка, шелка, имеющихся на местах, обработка железа для нужд Каспийского флота и той же нефтяной промышленности и пр. Развитие нефтяной промышленности Азербейджана шло чрезвычайно быстро и в 1901 г. достигло рекордной цифры в 671 милл. пудов. Европейская война отразилась на нефтяной промышленности крайне неблагоприятно. Недостаток в железе, цементе и лесных материалах сократил буровые работы, а прекращение сообщений по Черному морю вызвало прекращение вывоза нефти за границу, следствием чего явилось сокращение добычи, определившееся уже в первый год войны. Дальнейшие события еще более сузили рынок сбыта,—отрезав Баку от главного потребителя нефти России, а блокада и политические события на Кавказе не давали возможности восстановить правильный экспорт.

Сокращение добычи нефти на Апшеронском полуострове характеризуется следующими данными:

Годы.	Добыча в милл пуд.
1913	475,0
1914	429,1
1915	453,9
1916	479,9
1917	372,8
1818	181,0
1919	225,0
1921	183,7
1922—23	217,3

Общая добыча нефти в России в 1913, 1920—21 и 1921—22 г. определяется следующими цифрами (в милл. пудов) *):

Районы	1913 г.		1920—21 г.		1921—22 г.	
	Милл. пуд.	%	Милл пуд	%	Милл. пуд.	%
Бакинский	475,0	81	150,1	64,3	177,8	64,4
Грозненский	73,7	13,7	75 8	32	86,0	31,3
Урало-Эмбинский	6,0	1,1	3,1	1,7	8,1	2,9
Губано-Черноморский	4 8	0,9	2,8	1,4	2 8	1,0
Ферганский	2 0	0 3	1 0	0 6	1,0	0,4
Всего	561,5	100	232,8	100	275,7	100

*) По другому источнику (см. «народное хозяйство Союза ССР в цифрах») за 1920—23 г.г., добыча нефти равнялась (в милл. пудов):

Годы.	Всего по СССР.	В т. ч. в районе Баку.
1920	233,2	175,6
1921	246,2	156,0
1922	246,4	192,8
1923	330,0	230,3

В 1913 г. количество рабочих, занятых в нефтяной промышленности Азербейджана составляло 42400 человек, к 1 октября 1920 г. оно пало до 23 тыс. человек, а к 1 июля 1922 г. вновь повысилось до 32300 человек.

В заключение приведем данные о вывозе нефти и нефтяных продуктов из Азербейджана и о запасах его в Баку (в милл. пуд.):

Годы.	Всего вывезено.	В том числе:			
		По З.-Кавк. жел. дор.	По В.-Кавк. жел. дор.	По керосинопр	Морем.
1913 . .	370.8	42,7	9,2	Свед нет.	310,9
1914 . . .	322,2	19,2	4,9	10,0	287,4
1915 . . .	385,4	3,6	6,8	0,107	397,8
1916	408,3	5 3	6.2	0,572	—
1920—21. .	175,7	—	7,1	—	168,6
1921—22 . .	175,2	8 7	0.693	10,7	155

Таблица эта характеризует систематическое падение вывоза нефтяных продуктов, главным образом смазочных масел и керосина по Закавказской железной дороге к Черному морю, в т. ч. экспорт нефтепродуктов за границу. Движение нефтяных грузов усиливается лишь в 1921—22 г., когда оно уже несколько превышает отправки в этом направлении 1916 года.

Кроме нефти, в Азербейджане в 60 верстах от Ганжи разрабатывались медные рудники, дававшие до 120 тыс. пудов меди. Наконец, также в Ганжинской губернии находится Дашнесопское месторождение с залежами магнитного железняка, достаточными для выплавки 480 тыс. пудов чугуна. Это месторождение разработано только для получения кобальта, который вывозился в Саксонию, железные же руды игнорировались.

Торговля Азербейджана, как и всего Закавказья шла по трем направлениям: с коренной Россией—через Владикавказскую железную дорогу и Каспийским морем (Баку-Астрахань); с заграницей—через Черноморские порты и с соседними Закавказскими республиками—по железной дороге. Торговля Азербейджана отчасти охарактеризована выше, в описании товарооборота Грузии, где даны цифры по всему Закавказью. Как велик был товарооборот собственно Азербейджана—видно из количества отправленных грузов с главных станций и пристаней (по железной дороге) за 1913 г.—всего из 9 станций 128,5 тыс. пуд.

Главными товарными отправлениями были, кроме нефтепродуктов—зерно и мука, (которые, впрочем, получались из России в большом количестве), хлопок, вина виноградные, фрукты, рис, дерево. Из России прибывали продовольственные припасы (хлеб) и разные фабричные товары. Нельзя сомневаться в том, что в ближайшие годы восстановится

такой же оживленный товарооборот Азербейджана и Закавказья с Россией, какой был до войны, ибо взаимная потребность в нем по мере развития народного хозяйства станет возрастать в геометрической прогрессии.

Выводы. Азербейджан, как впрочем и все Закавказье, тесными экономическими узами связан с Россией. Это остро ощутило население, особенно, Азербейджана, когда он оказался отрезанным. Почти вся хозяйственная жизнь его замерла. Теперь возрождение Азербейджана идет быстрыми шагами вперед и главнейшие отрасли его народного хозяйства нефтяное дело, хлопководство, скотоводство, имеющее очень большое значение для России, быстро восстанавливаются. В этом отношении Азербейджан поставлен в лучшие условия, чем остальное Закавказье, где требуется крупное вложение новых капиталов во многие отрасли. Здесь потребные капиталы были вложены раньше; теперь требуется лишь некоторая реставрация сооружений и их оборудования.

И, несмотря на то, что разработка позднее открытых месторождений нефти на побережьи Каспийского моря может дать современем крупные результаты—потребность в нефти—мировая и русская столь быстро расширяется, что роль Азербейджана в этом отношении—никогда не умалится. Также устойчиво рентабельны и другие отрасли народного хозяйства Азербейджана.

§ 3. Дальне-Восточная область.

Общая характеристика. Значение колонизационной политики.

Д.В.О. — самая отдаленная из наших окраин, со своеобразным климатом, почвой, населением и бытом, в своем нынешнем составе включает в себя: автономную Монголо-Бурятскую Республику и губернии — Забайкальскую, Амурскую, Приамурскую и Камчато-Сахалинскую. Общая площадь Д.В.О.—2135,6 тыс. кв. верст, или до 220 миллионов десятин. Площадь — даже при всей громадности нашего СССР, весьма солидная, составляющая до 12% общей территории СССР, примыкает к берегам Тихого океана, который начинает играть все большую роль в мировой истории XX века, обладает огромными природными богатствами, но весьма редким населением и крайне скудными средствами для разработки естественных богатств края. С Д.В.О. соседит крупная, быстро развивающаяся экономически, империалистическая Япония, в которой во-первых, в противоположность Д.В.О. население крайне скучено и испытывает острую земельную нужду, выростающую с каждым годом, во-вторых, в Японии почти нет залежей основных ископаемых—каменного угля и железа, а без них крупное, стремящееся играть активную роль в мировой экономике государство, в настоящее время существовать не может. Между тем, в Д.В.О. имеются налицо богатые, легко доступные обработке залежи этих ископаемых, так же как и много других. Отсюда возникает стремление японцев прибрать к своим рукам нашу слабо заселенную, с трудом могущую сопротивляться, богатую окраину, отсюда многолетние попытки интервенции и долгая упорная борьба, которую вели японцы в последние годы за овладение нашим Дальним Во-

стоком и которая кончилась недавно нашей победой. Но эта борьба в любой, удобный для японцев момент, может еще возобновиться и нам надо особенно напрягать усилия, чтобы подготовиться к ней и суметь защитить этот край, которому, благодаря наступающей тихоокеанской эре развития мирового хозяйства — суждено, в будущем, сыграть крупную роль в народном хозяйстве СССР и в мировом.

С этой точки зрения, прежде всего, было бы важно заселение Д.В.О. колонистами из России. Так смотрела и старая власть, употреблявшая все усилия, чтобы расширить, прежде всего, переселенческое движение в Д.В.О. После русско японской войны, в 1907 году сюда было двинуто сразу 85 тыс. переселенцев, а в последующие годы—вплоть до 1912 г.— еще 132 тыс. Однако, стремительно начатое, это движение очень быстро стало падать и к 1911—13 гг., несмотря на льготы, даваемые переселенцам, спустилось до 13,5 тыс. Массы переселенцев, не найдя того „зеленого клина", о котором мечтали, повернули обратно и поток „обратников" достиг к 1910 г. 26%. Основная причина этому — прежде всего—климатические особенности области.

Вот как рекомендует само переселенческое ведомство крестьянам климат Амурской обл. „Климат Амурской области совершенно не похож не только на климат Европейской России, но даже и на сибирский. Зима очень холодная (морозы до 40° по Ц.), но малоснежная, продолжается около полугодья—с начала ноября до половины апреля. Весна начинается в конце апреля, скот выгоняется в поле не раньше 15—20 мая. В июне дождей мало и к концу июня становится очень жарко (35° Ц. в тени). Вместе с тем начинают лить дожди в июле и в первой половине августа, беспрерывно по целым суткам подряд. Со второй половины июля дожди настолько сильны, что Амур и его притоки выступают из берегов и часто производят разорительные наводнения: уносится сено, затопляются еще не скошенные луга, а иногда огороды и даже самые усадьбы. Ко второй половине августа дожди уменьшаются, но уже в конце этого месяца и в начале сентября появляются утренние морозцы, все усиливающиеся, листья спадают с деревьев и ощущается первое дыхание зимы".

В Приморской обл. климат не такой суровый, но еще более влажный. Вообще в обоих областях климат поражает невероятными контрастами температуры и влажности между летом и зимой; тогда как средняя температура января ниже, чем на севере Архангельской губ., средняя температура июля соответствует Кавказу и Крыму.

Переселенец Приамурья, не двигаясь с места, переносится из климатических условий крайнего юга России прямо на крйний север. Контраст влажности еще больше: за два летних месяца из 400 мм. годового количества осадков, выпадает 270 мм., а в зимние месяцы осадков почти не бывает: лишенная снежного покрова земля промерзает, при жестоких морозах, на такую глубину, что в значительной части области оттаивает за лето лишь на поверхности, а внизу остается слой „вечной мерзлоты". Причина резких контрастов климата—направление ветров, дующих зимой с холодного северо-западного континента, летом — приносящие огромное количество испарений Великого океана. Благодаря обильным летним дождям, происходят частые наводнения. Реки обрамлены по берегам крутыми валами и, после наводнения, вода, переливавшаяся через валы, не спадает обратно, а остается в речных долинах, усиливая повсеместную заболоченность края, поддерживаемую густой растительностью, так поражающею взоры неопытных переселенцев.

Заболоченность едва-ли не самое главное препятствие для нашей русской колонизации. С климатом наш переселенец, вообще говоря, весьма выносливый и стойкий элемент колонизации, еще может свыкнуться, и в течение нескольких лет научится приспособлять к нему свое земледельческое хозяйство: но сладить с заболоченностью — ему не под силу. Осушительные мелиорации в необходимых размерах доступны только государственным или крупным общественным организациям. „Широкое и скорое использование болот“ говорит Рубинский (труды Амурской экспедиции, вып. IV): „потребует крупных осушительных работ, непосильных населению и возможных только, если это дело возьмет на себя государство“. Насколько распространена заболоченность в крае — видно из того, что даже классификацию угодий, принятую землеотводными партиями, пришлось заметно изменить и кроме двух категорий — удобных и неудобных земель, вставить промежуточные звенья — малоудобные сырые и „мокрые“ степи. „Сырые степи по качеству почвы делятся еще на классы—первого и второго класса. После того, как более удобный фонд в пределах южной части области был использован под заселение, % неудобных, заболоченных и покрытых сырым, дремучим лесом земель увеличивается с каждым новым отводом участков, подвигающимся с юга на север. Процент заболоченных земель:

	Амурская область.	Приморская область
Отвод 1901 г. . .	17	18
» 1902 » . .	21	22
» 1903 » . . .	27	16
» 1906 » . . .	49	23
» 1907 » . . .	10	29
» 1908 .	38	38
» 1909 . .	41	30

За последнее время процент „неудобий“ в переселенческих участках удвоился и дошел до $^1/_3$—$^1/_2$ всей площади. Да и среди включенных в разряд удобных находится много „сырых“, „мокрых“ степей в Амурской обл., из $2^1/_{22}$ милл. дес. переселенческого фонда „удобных“ земель 765 тыс. десятин. Если в заснятом и отведенном фонде так резко увеличивается процент неудобий, то надо думать, что в оставшейся свободной территории их гораздо больше. Г. Рубинский полагает, что „из миллионов десятин Нижне-Амурской низменности, годными для сельского хозяйства, и то лишь в слабой степени, оказываются десятки и немногие сотни тысяч десятин; все же остальное пространство засчитано в неудобные земли“ (Труды Амурск. экспедиц. вып. IV, стр. 31). „По отношению к Уссурийскому краю, можно сказать, что земледельческая колонизация продвинулась до крайних пределов и дальнейшее завоевание его природы едва ли возможно“ (Шликевич).

Но кроме наводнений, неблагоприятного климата и заболоченности, в области для земледелия представляется один неустранимый в данных хозяйственных условиях дефект—дурное качество почвы.

„По своим почвам Амурская область“—говорится в справочной книжке для переселенцев, „напоминает более всего северные губернии Европейской России — Ленинградскую, Московскую и Новгородскую. Богатых тучных черноземов, какие встречаются в южных губерниях (Екатеринославской, Полтавской, Харьковской и т. п.) здесь нет, также точно, как нет здесь и настоящих степей. Почвы Амурской и При-

морской области покрыты луговой и болотной растительностью, а чаще лесом, благодаря чрезмерно сырому и холодному климату, болотные и полуболотные, подзолистые, то более сухие и легкие (супеси), то более сырые и тяжелые (суглинки) и глинистые почвы" (стр. 8). Лучшие и наиболее значительные площади давно уже заняты населением (Зейско-Буреинская низменность, ханканская равнина, долины рек Амура, Уссури, Зеи, нижнее течение Имана и т. д.). Оставшиеся незанятыми равнины заболочены, покрыты мхами. К северу местность становится гористее, почва более каменистой, удобных долин все меньше, климат суровее, почвы одеты дремучей тайгой. Поэтому в Амурской области „заселение", начавшееся уже давно, завоевало лишь Зейско-Буреинскую низменность, рассыпалось по долинам рек, но вглубь страны ушли одни приски"*).

„Сплошные леса, гнус, глинистая почва легко разжижающаяся от дождей, суровость климата, полного контрастов, обилие летних атмосферных осадков, густые травяные заросли, с сохраняющейся в них чрезмерной сыростью, отсутствие надежных источников воды — вот что предстоит в тайге русскому колонисту". Автор г. Клягин полагает, что из 36 милл. десятин Амурской области (ниже 60-й параллели) заболочено 15 милл. десятин. Отсюда он делает вывод: „Для нас ясно, что осушение земель могло иметь значение в Амурском крае только для обработанных и жилых площадей, как средство по улучшению сельского хозяйства и условий жизни. Но в тайге, в смысле увеличения колонизационного фонда, осушение не может играть заметной роли, во-первых потому, что достижение сколько-нибудь видных результатов потребует таких колоссальных затрат, на которые в настоящее время нет нужды решаться. К тому же за те же деньги можно превратить в культурное состояние гораздо скорее и относительно дешевле громадные площади в самой Европейской России, а следовательно получится экономия в тех суммах, которые тратят теперь переселенцы на переезд, водворение и обзаведение в новом для них крае". („Вопр. колониз.". № 6, стр. 216).

В самом деле, простой здравый смысл подсказывает, что если почвы Приамурья не лучше Новгородских и Ленинградских, а климат гораздо хуже, то и прямой вывод отсюда: и для народа и для государства бесконечно выгоднее мелиорировать новгородские, псковские, ленинградские и даже олонецкие леса и болота, лежащие в подстоличном районе, куда даже волынским, киевским и полтавским ходакам, идущим сейчас в Приамурье, рукой подать со своей родины; близость столицы Европы даст им не меньшие, а большие заработки, чем близость (весьма относительная) Благовещенска и Владивостока.

Вот причины, по которым все исследователи последнего времени приходят единогласно к пессимистическим выводам относительно размеров и качества колонизационного фонда Приамурья. Несмотря на то, что в обоих областях часть территории, доступная по географической широте с.-х. культуре, содержит огромное пространство в 94 милл. десятин, из которых старожилам, казакам и переселенцам отведено только 19 милл., официальные исследователи определили колонизационную емкость остающихся 75 милл. дес. всего в 400 тыс. душевых долей, т.-е. не более 6 милл. дес.

*) Инж. Клягин «К вопросу об осушке заболоченных земель Амурского края» («Воп. колониз.», № 6).

В общем произведенный опыт усиленной колонизации Дальнего Востока русскими переселенцами, показал: во-первых, что для земледельческой колонизации русскими крестьянами, не имеющими достаточно средств для заведения крупных хозяйств, снабженных усовершенствованными уборочными машинами и другими орудиями, край мало пригоден. В нем устроились сравнительно прочно лишь казаки и старожилы-стодесятинники (получившие надел по 100 десятин на душу), но и то хозяйство их развивается и крепнет лишь при наличии дешевого наемного труда корейцев и китайцев; во-вторых, что в тамошних климатических и почвенных условиях гораздо более подходящей оказывается система земледелия, практикуемая туземцами.

Корейцев и китайцев на Дальнем Востоке было очень много: в Приморской области по данным 1906 г. 125 тыс., в Амурской (1905 г.— 12 тыс., кроме того, в деревнях живут около 17 тыс. русско-подданных корейцев. Эти цифры, надо полагать меньше действительных, так как китайцы и корейцы доставляли главный контингент рабочих для казенных и частных предприятий; в их руках сосредоточивалась почти вся торговля; наконец, они массами арендовали землю у старожилов и у казаков. „Коренными и более приспособленными к местным условиям земледельцами, говорит гр. Казанский, следует безусловно считать корейцев. Фактически, в их пользовании несравненно больше пашенных угодий, чем у русских. Последним они подготовляют целину, у последних арендуют и земли".

Корейское и китайское население не знает „неудобных земель": значившиеся по описаниям переселенческих агентов „непроходимые дебри", „сплошная тайга" охотно занимались желтыми земледельцами, уходящими оттуда только под напором насилия. Так как они работают почти исключительно собственными руками, без применения рабочего скота и громоздких орудий, то свободно взбираются на кручи и разделывают кирками и мотыгой удобные полянки под углом в 45°. Система полеводства представляет полный контраст с распространенным у русских экстенсивным перелогом; она близка к плодосмену. Авторы Приамурья даже называют ее „вольной", т.-е. высшей в ряду существующих систем. Ни залежи, ни пара не полагается. Вся земля под посевами, а восстановление плодородия почвы достигается удобрением, тщательной и своеобразной обработкой, напоминающую огородную, и плодосменом (стр. 402). Уссурийский край представляет из себя редкий пример совместного существования двух диаметрально-противоположных хозяйственных систем, из которых русская—является почти начальной формой земледелия, а другая—китайская—высшей ступенью сельско-хозяйственной культуры.

Старое правительство употребляло все усилия, чтобы изгнать этих полезных тружеников земли из Д. В. О. Советская власть поступает как-раз наоборот, оказывая посильное содействие и поддержку в устройстве как русским переселенцам, так равно корейцам и китайцам. Это—наиболее целесообразная политика как с политической, так и с экономической точки зрения, сплачивающая трудовое население Дальнего Востока, без различия национальностей, в одну компактную массу, способную оказать самое серьезное противодействие нападению извне.

Физико-географические особенности края.

Уже из предыдущего изложения видно, что по природным условиям Дальний Восток значительно отличается как от остальной России, так и от других сибирских областей. Россия и Сибирь удалены от морей и океанов; Дальний Восток примыкает к крупнейшему из океанов земного шара.

Великий океан в северо-восточной своей части, прилегающей к Дальне-Восточной области, образует ряд морей и заливов, отделенных от него лишь узкими цепями островов. К таким морям относятся Берингово, Охотское и Японское. Охотское и Берингово моря отделены друг от друга вытянутым полуостровом Камчаткой и цепью Киргизских гор. Холодное Охотское море имеет большую береговую линию на Дальнем Востоке, что сильно отражается на климате. В юго-западной части Охотского моря расположен остров Сахалин, отделенный от материка узким Татарским проливом, с юга его отделяет остров Иезо (японской группы) пролив Лаперуза. Этими двумя проливами Охотское море соединится с теплым Японским морем, согреваемым экваториальным течением Курасиво. Японское море омывает береговую линию лишь Приморской губернии. На юге оно образует залив Петра Великого, в глубине которого расположен порт Владивосток, являющийся нашим окном на восток. В общем, береговая линия Д. В О. составляет в длину до 8000 верст.

Рельеф района характеризируется громадным количеством горных хребтов, главный из которых Яблоновый, тянется от восточной границы Амурской области к с.-в., подходя почти вплотную к берегу Охотского моря. Приморская область наполнена хребтом Сихоте-Алин, представляющим собою параллельные складки, высшие точки которого доходят до 1200 метров. Полуостров Камчатка наполнен Камчатскими горами, заполняющими почти весь полуостров, оставляя прибрежную равнину на востоке и небольшую равнину реки Камчатки Камчатка составляет конец северной дуги западной части вулканического кольца, окружающего Тихий океан. Огнедышащие горы Камчатки (сопки) имеют вид сахарных голов с снежными вершинами и находятся на востоке от центра Камчатского хребта. Всех огнедышащих гор 38, из них 12 действующих. Самый большой вулкан—Ключевская сопка (16 т. ф.), вторая Коряцкая (11 т. ф.).

На юге района важны две больших низменности—одна в Амурской области, к северу от реки Амура между его притоками Зеей и Буреей—Зее-Буреанская низменность, на севере бесконечные тундры сливаются с тайгой. Равнинный характер имеют равнины Амура и Уссури в Приморской области. Остров Сахалин также горист, переходя, однако, к северу в равнинный характер.

На юге из рек края громадную роль играет система Амура, значительность коей видна хотя бы из того, что из 183.000 верст протяжения сплавных рек по всей России на долю системы Амура приходится 23 т. в. или $^1/_8$ часть. Бассейн Амура занимает 1.7 милл. кв. вер., длина Амура, протекающего после соединения Шилки и Аргуни целиком по территории района, равна 2600 вер. Его левые притоки Зея (100 вер.), Бурея (900 в.), главный судоходный приток Уссури—Амгунь (350 в) и др. На севере впадает Анадырь (1000 в.) в Охотское море, Уда (700 в.), Охота (450 в.) и, наконец, река Камчатка (свыше 500 в.). Характер рек, стекающих с горных хребтов (Приморская область), отли-

чается быстрым течением и вообще горным характером. Амур, как и большинство рек, текущих в почве вечной мерзлоты, разливается не столько весной, сколько при оттаивании грунтов летом, особенно, в июле и августе когда Амур поднимается на 6 или 7 саж. выше обычного уровня. Из озер следует упомянуть: оз. Ханка, недалеко от Владивостока (3330 кв. в.), лежащее у устья Амура, Удыль, Кадо, Кизи, к западу озеро Чакчагирское.

Климат характеризуется крайней суровостью, за исключением Приморской области и, особенно, ее южной части. Средние температуры: годовая от—5° (Охотск) до+4,4 (Владивосток); летняя—Охотск+11,5, Благовещенск+19,3, зимняя—Охотск—22,7, Владивосток—12.

Количество осадков в Амурской области очень скудно и крайне неблагоприятно распределено по году. То же в отношении восточной части Приморской области.

	В миллиметрах.		
	За год.	Вегетац. период.	Зима.
Благовещенск	516	455	4
Хабаровск	600	481	25

Прибрежная полоса к востоку от Сихоте-Алин имеет наибольшее количество осадков в июле и августе в тетение летних и осенних муссонов с океана.

Вообще по климату весь район можно разбить на три больших области: Амурскую по континентальности климата, бесснежной зиме, средней годовой—3,7, схожую с Забайкальем; южную Приморскую область с большим числом осадков, с снежной зимой в северной половине, занимающей своеобразное место по всему побережью, и наконец, третью бывшую Камчатскую область, включающую в себя и тундровую полосу к северу от 60 северной широты на Камчатке и побережье Пенженской губы на материке, представляющей собою тундру, доходящую до Ледовитого океана. От вечной мерзлоты свободна только южная, приморская область.

Почвы представляют собою в Амурской области супеси, в низинах более илистую и даже перегнойную, но болотного типа. Преобладающая почва долин—суглинок. Лучшие почвы Амурской области в Зее-Буреинской низменности, на пространстве 3 т. кв. вер., где на песчанистых глинах залегает темная, перегнойная почва, толщиною до 6—8 вершков, а в низинах до $1^1/_2$ арш. То же самое и в Приморской области, где удобные для земледелия почвы лежат по речным долинам и преимущественно у озера Ханки, а также на Китайской и Корейской границе.

Так же, как климат, разнообразна и растительность области. Здесь можно различить следующие ботанические зоны:

1. Тундровую—до 60° северной широты, обычного типа, постепенно переходящую к югу в тайгу.

2. Таежную, начинающуюся от побережья Охотского моря и тянущуюся по всему Приамурью и Забайкалью. В Дальне-Восточной тайге мы встречаем незнакомые Сибири древесные породы: саянскую ель, даурскую лиственницу, березу Эрмана и целый ряд других, из которых некоторые разновидности стоят ближе к северо-американским породам.

К югу тайга сменяется прекрасными дубово-кедровыми лесами, при чем кедр опять-таки представляет разновидность, отличную от западно-сибирского кедра (манчжурский кедр).

Особо следует отметить лесостепные и степные пространства Забайкалья. Эти пространства разбросаны в его южной части и не представляют сплошной полосы, как это имеет место в Западной Сибири. Лесостепь располагается по долинам р.р. Шилки и Селенги с почвами деградированного чернозема и лесных суглинков и доходит до Читы. Ковыльные степи, тоже на черноземе, располагаются отдельными пятнами близ Сретенска и Нерчинска, близ реки Аргуни, а также вокруг Троицкосавска. Полынные степи занимают узкую полосу в крайнем юго-восточном углу Забайкалья.

Животный мир Дальнего Востока крайне богат. Песец, белый медведь и северный олень являются коренными обитателями тундры. Прилегающая к ней тайга не менее богата пушным зверем: белка, колонок, куница, соболь, горностай, лисица, бурый и черный медведь, бобр, барсук, выдра, россомаха, волк, лось, наконец, заяц встречаются почти на всем протяжении Д. В. О. В приведенный перечень включены лишь те виды животных, которые имеют промышленное значение.

Несколько особо стоит животный мир Приморья. Здесь мы встречаем тигра, пантеру, рысь, енотовидную собаку, пятнистого оленя, дикую козулю, амурского кабана, и ряд других.

Таким образом, на территории Д. В. О. на ряду с типичными представителями животного мира крайнего севера, мы встречаем и представителей от тропических стран.

Но помимо обилия и разнообразия наземных животных Д. В. не менее богат и обитателями, прилегающих к нему водных пространств, двух океанов. Кроме рыб, о которых будет сказано дальше, необходимо однако, указать на животных, имеющих крупное значение в морских зверобойных промыслах. Тюлень, морской котик, кит, морж, сивуч и норка—вот главнейшие их представители, скопляющиеся в отдельные годы в значительном количестве у берегов Дальнего Востока.

Ископаемые богатства. А. Каменный уголь. Б. Нефть и т. д.

На Дальнем Востоке найдены все типы ископаемых углей: бурые, каменные различных сортов и антрациты.

В Забайкалье известен целый ряд месторождений с большими запасами бурого угля, запасы же углей более высокого качества, значительно менее мощны и определяются, примерно, в 8000 милл. пудов. Общее количество месторождений ископаемых углей в бывш. Амурской обл. определяется в 33, из них 16 месторождений бурых углей. Главное место среди последних занимает Буреинско-Завитинский буроугольный район, занимающий около 500 кв. верст западнее реки Буреи*).

В Приморской обл. каменные угли встречаются в 69 месторождениях. Главное место занимает Сучанский район с запасом в 2400 милл. пудов, затем следуют Мангучайский рудник, Никольско-Уссурийский, близ раз'езда Кипарисово, копи Линдгольма и др. Главный угленосный район острова Сахалина находится на западном берегу на протяжении 200 верст при ширине в 10—15 верст. Следующий угленосный район тянется по левым притокам реки Пороная (почти не исследован). Значительно беднее углями восточный берег и крайний север Сахалина. Общие запасы каменных углей русской части острова Сахалина могут

*) Из них на площади 200 кв верст проведены детальные исследования и запас этой части месторождения определен в 2г500.

быть определены в 120 миллиардов пуд. В итоге, приблизительные запасы углей на Дальнем Востоке исчисляются (в милл. пуд.**).

	Забайкальская область	Амурская область.	Приморская область	Сахалин.	Камчатка.
Бурый уголь .	Значительный	24000	3000	120	весьма значит.
Каменный . .	8000	300	4200	120000	значительный.

Эти цифры далеко не исчерпывают всех запасов известных месторождений.

Нефть. Среди полезных ископаемых Д. В. О. немаловажное значение имеет нефть. Выходы нефти известны на острове Сахалине и на Камчатке. На Сахалине в настоящее время известно 16 месторождений, по преимуществу, на восточном берегу, 2 выхода открыто на западном берегу. Заявки на нефть сделаны к 1919 г. на площадь в 2300 кв. в. Геологи не имеют никаких данных о запасах сахалинской нефти, в виду слабой исследованности этого вопроса. Качество нефти тоже не вполне определилось, но ясно, что с глубиной процент керосина увеличивается, достигая 44% Нефть обнаруживает слабое присутствие парафина, не свыше 0,1%. Камчатские нефтяные залежи вовсе не исследованы.

Железо. Железные руды на Дальнем Востоке известны в Забайкалье—главнейшим является Балегинское месторождение, близ Петровского завода.

Это месторождение состоит из плотного магнитного железняка и частью кварцита с содержанием металла в 54,3 %. По последним подсчетам запасы этого месторождения исчисляются в 24120 тыс. пуд.

Николаевское: находится в непосредственной близи к городу Николаевску на Амуре. Руда—бурый железняк с содержанием около 40—43% металла. Запасы определяются в 50 милл. пуд. Месторождение допускает открытую разработку.

Ольгинские: расположены в районе бухты св. Ольги в сторону к бухте Владимира. Среднее содержание трех, более обследованных месторождений поднимается до 40%. Общие запасы этих месторождений определяются в 113 милл. пуд.

Общие выясненные запасы железных руд по данным П. И. Полевого по Д. В. О. без Забайкалья равняются:

Магнитные руды. . . .	2,10 милл. тонн.	128,1 милл. пуд.
Бурый железняк . . .	1,034 » »	63,1 » »
Гематит.	2,6 » »	158,6 » »
Рудные пески. . . .	1 11 » »	67,7 » »
Всего.	6,814 милл тонн	415,5 милл пуд.

Общее количество содержащегося в этих запасах металла около 2,74 милл. тонн, или 169,1 милл. пуд. Необходимо, однако, оговорить, что приведенные данные относятся только к 9-ти месторождениям, в то время как по Д. В О. (включая и Забайкалье) зарегистрировано 137 месторождений железа.

---

[14]) „Полезные ископаемые Д Востока“ П. И. Полевой Материалы геологического комитета Д В под редакцией П. И Полевого. Владивосток 1923 г.

Медь. Из 65 месторождений этого металла зарегистрированных на Дальнем Востоке более или менее полно исследовано лишь 2:1) между бухтами Озерной и Пластун и 2) по реке Яудзухе, впадающей в большой Пластун. Как в первом, так и во втором залегают халькопирит, окислые медные руды и борит с мощностью от 0,8 до 1,7 метра и содержащего меди в образцах от 5-ти % до 8% и даже до 11%.

В Забайкалье известны месторождения с самостоятельными выходами медных руд. Наиболее богаты из них Агинские рудники, на которых в XIX веке работал медно-плавильный завод Руда, добывающаяся на этом заводе, содержала на пуд—меди 1 ф. 85 зол., серебра—40,5 долей и свинца—1 ф. 20 зол.

Главное число других месторождений находится в Приморской губ. (18) и на Камчатке (9).

Золото. Одним из крупнейших богатств Дальне-Восточной области являются золотосодержащие россыпи. Общее количество золотых приисков на Дальнем Востоке определилось в 1913 г. цифрой 1915, с площадью 201674 дес.

Главная масса этих приисков сосредоточивалась в Амурском горном округе (565), затем следовал Западно-Забайкальский (413), Восточно-Забайкальский (257), и Приморский (230).

Кроме этих старых районов, в которых к 1916 г. насчитывалось работающих в приисках свыше 600, за последние годы наметились новые районы: Хара Буреинский, Удымский (в восточной части Нижне-Амурского района) Удской (13 золотоносных речек), Охотский (82 речки), Пенжинский (реки Гижигинской и Пенжинской губы.

Новые открытия не прекращаются, равно как и открытие новых россыпей в старых районах.

Исходя из данных общеземской организации по определению золотых запасов Д. В. и внося поправки согласно расчетам геологов Э. Э. Амерт и П. И. Полевого, общие запасы золота в Дальне-Восточной Обл. определяются в 370 тыс. пуд., т.-е. 60% общих запасов России.

Серебро—свинцово-цинковые руды.

Главные месторождения этих руд—Нерчинский горный округ, где они сосредоточиваются в юго-восточной части Забайкалья между реками Шилкой и Аргунью и Урулюнгуем.

Запасы серебра и свинца определены только в Акатуевской группе месторождений (11400 пуд. серебра и 21500 пуд. свинца), и Казаинской (3500 пуд. серебра).

Другим крупным месторождением серебро-свинцово-цинковых руд является южная часть хребта Сихота-Алина в районе реки Тетю-хе. Общие запасы этого месторождения исчисляются в 2 милл. тонн.

Запасы промышленных руд по данным П. И. Полевого исчислены в 1765 тыс. тонн руды со средним содержанием свинца 12 %, цинка 17% и серебра 280 грамм на тонну.

Марганцевые руды: их месторождение известно в бассейне бухты св. Ольги. В виду слабой исследованности, запасы этого месторождения не выяснены. Содержание марганца в сплошной руде—59%.

Вольфрам. Этот металл в виде шелита открыт в большом количестве в золотых россыпях по реке Харге, притоку Селемжи. Шелит содержит 78,7% окиси вольфрама.

Но значительно богаче вольфрамом восточное Забайкалье Букунинское месторождение, Харанорское, Белухинское и ряд др. *).

На других минеральных богатствах области мы не будем останавливаться. Достаточно этой краткой характеристики, чтобы установить такие общие положения: в богатой полезными ископаемыми Сибири—Дальний Восток является самой богатейшей областью. Для разработки этих богатств не хватает одного—влития соответствующего капитала в страну. Но в свое время капитал, который на другом берегу Тихого океана, в Северной Америке уже использовал и истощает естественные богатства—придет сюда неизбежно, ибо наши природные богатства понадобятся мировому хозяйству, как хлеб голодному. Вся задача в том, чтобы путем влития этих капиталов в Дальне-Восточную обл. умножить народное достояние, укрепить и расширить народное хозяйство СССР, а не один иностранный капитал. Поэтому, при разрешении концессионной проблемы на Дальнем Востоке сугубая осторожность, свойственная нашей правящей власти в этом вопросе, является вполне уместной, несмотря на всю остроту потребности в иностранном капитале.

Население края также разнообразно, как и его природа. Коренные аборигены края, палеазиатские народы, сейчас оттиснуты на север—на Камчатку, Охотский район, Сахалин и в тундры побережья Ледовитого океана. Общее количество их 30 тыс Самая крупная народность—чукчи (13 тыс.), затем коряки—около 8 тыс., гиляки—4,3 тыс., камчадалы—2,2 тыс., эскимосы—1,4 тыс. Следующая туземная группа—Урало-алтайцы—гораздо многочисленнее; выдающееся положение здесь занимают тунгусы (56,4 тыс.—данные 1911 г.) и монголо-буряты—205 тыс. Последние, кроме Д. В. О. живут в Иркутской губ. в количестве 128 тыс. В южной части области находится много представителей желтой расы: корейцев, китайцев, японцев, общее число которых по данным 1911 г. доходило до 163,5 тыс., из них китайцев 101 тыс., корейцев 26,2 тыс., японцев только 3,5 тыс.

Остальную массу населения составляют русские, процент которых, благодаря притоку переселенцев, вырос с 64,4% в 1897 г. до 80,2% в 1911 г. Общая численность всего населения (городского и сельского) составила:

В 1897 г	441,7 тыс.
» 1914 »	1604,9 »
» 1916 »	1853,3 »

Быстрота прироста об'ясняется притоком населения как с запада (русских переселенцев), так и с востока (корейцев и китайцев). За 20 лет население удвоилось (ежегодный прирост +5,2%). С 1917 г., однако, переселенческое движение почти прекратилось; последние годы—годы беспрерывной войны не только гражданской, как в России, а осложненной еще борьбой с японским засильем, отразились, в виде общего сокращения, как городского, так и сельского населения. Городское население, которое до 1916 г. росло, как и всюду быстрее сельского, убыло за последние 7-милетие на 5%, сократилось и сельское.

*) Изложение составлено по неопубликованной пока работе Г. И. Михайлова (Дальне-Восточная область)

Число городского и сельского населения в тыс. (на современной территории с Забайкальем).

	Городское.	Сельское	Все население
1897 г. . .	130,3	895,1	1025,4
1916 » . . .	401,1	1308,3	1709,4
1923 .	426,4	1170,1	1596,5

Увеличение городского населения, которое дается в приведенных цифрах—не соответствует действительности, ибо за последние годы некоторые крупные сельские поселения переименованы в города. Общая убыль населения за 1916—23 гг. составляет по приведенным данным, около 7—8%.

Сельское хозяйство. А. Полеводство развивалось до войны очень быстро:

Движение посевов (с Забайкальем) в тыс. дес.

1897 г . . .	432
1911 »	971
1917 »	1231

В границах нового административного деления за последние годы эволюция посевов такова:

1914 г.	1081,4 тыс. дес.
1917 » . . .	1218,9 » »
1922 »	717,3 »
1923 »	845,4 » »

Несмотря на пережитые события, падение посевов за 1917—22 гг. здесь оказалось меньше, чем в коренной Сибири, и как только жизнь вошла в нормальную колею, то сразу происходит заметная реставрация. О пропорции культур в посевах самые полные сведения мы имеем за 1917 г. (по прежним областям Д. В. О. в %).

Посевная площадь 1917 года.

КУЛЬТУРЫ.	Забайкальская область	Амурская область	Приморская область	Итого
	В	п р о ц е н т а	х.	
Рожь озимая .	1 0	—	0,6	0,5
» яровая.	47,7	1,3	1,4	18,1
Пшеница озимая .	0,1	—	0,0	—
» яровая	17,4	52.3	30,5	34,6
Овес.	19,3	39,3	31,7	30,3
Ячмень	3.5	0,3	1,0	1,7
Просо.	0,0	0,6	0,9	0,5
Гречиха.	6,9	1,0	11.8	5.6
Итого по главнейшим зерновым хлебам.	95,9	94 8	77.9	91,3

КУЛЬТУРЫ.	Забайкальская область	Амурская область	Приморская область	Итого
	В процентах.			
Горох	—	0,0	0,2	—
Бобы	—	0.0	2,7	0,6
Кукуруза	—	0,0	2,1	0,5
Картофель	1,7	1,4	4,2	2,2
Подсолнух	—	0,7	0,2	0,3
Лен	—	0,2	4,8	1,2
Конопля	0,2	0,1	0,7	0,3
Сеяные травы	2,2	2.3	0.0	1,7
Табак	—	—	0,0	—
Чумиза и пайдза	—	—	3,7	0,9
Прочие	0,2	0,5	3,5	1.0
Итого	100	100	100	100

Процент посева под главнейшими зерновыми культурами постепенно сокращается с запада на восток: в Забайкальской обл. он составляет 95,9%, в Амурской—94,8%, в Приморской же области % зерновых резко падает до 77,9%. Но помимо сокращения зернового клина с запада на восток, мы наблюдаем и различное соотношение культур в этом клину. В то время, как в Забайкалье яровая рожь (ярица) занимает 47,7% всей посевной площади, в Амурской и Приморской губ. она занимает всего лишь 1,4—1.3%. Обратное явление мы наблюдаем в отношении яровой пшеницы, которая в Амурской губ. составляет 52,3%, а в Забайкальской—17,4%. Располагая отдельные культуры по %% в общей посевной площади в нисходящей степени, мы должны характеризовать Забайкальскую область, как ржано-овсяно-пшеничную, Амурскую, как пшенично-овсяную и Приморскую, как овсяно-пшенично-гречаную. Среди незерновых культур главное место занимают в Забайкалье и Амурской области сеяные травы и картофель.

В Приморской области мы наблюдаем большое разнообразие культур и роль их в общем посеве довольно значительна. На первое место здесь выступает лен (4,8%), затем следуют картофель, чумиза и пайдза, бобы и кукуруза. Особо следует отметить прочие, составляющие 3,5% общей площади посева; среди них главное место занимают рис и мак (из которого выделывается опиум).

С 1917 по 1923 г. в посевах Д. В. О. произошли заметные перемещения, которые характеризуются следующей таблицей:

Годы.	В %%: Пшеница.	Рожь и яров.	Овес	Ячмень.	Гречиха.	Картофель.	Посевн. травы	Лен и конопл.	Рис.	Огородная культура.	Бобы.	Кукуруза.	Просо.	Подсолнух.	Китайские и корейск. раст.	Итого.
1917	39,1	11,2	32,8	1,5	6,9	2,2	—	1,5	—	0,9	0,7	0,6	0,6	0,5	1,5	100
1922	34,9	10.9	29,5	1,8	10,5	4,0	—	2.1	—	0,3	1,6	1,3	0,7	0,2	2,2	100
1923	35,0	16,2	26,9	1,6	8,9	2,4	1.2	1,9	0.6	1,3	0,0	0 6	0.6	0.6	1,4	100

Перемещения эти сводятся в общем, следовательно, к относительному сокращению зерновых культур и относительному увеличению интенсивных и технических растений, которые раньше здесь были более распространены, чем не только в Сибири, но даже и во многих областях Европейской России. Влияние старейшей в мире земледельческой культуры, китайской, здесь сказалось с очевидностью, в особенности на приморской области, где интенсивные культуры занимали 22,3% всей площади.

Кроме привычных русских культур, там имеется много иных китайско-японского типа: просяные (гаолян и чумиза), бобовые, а за последние годы, как видно из последней таблички, на юге появился даже рис, площадь которого в 1924 году предполагается довести до 10 000 десятин. Расширение более интенсивных культур указывает на усиливающееся влияние земледелия туземного, так как русские крестьяне и казаки придерживаются по большей части экстенсивной зерновой системы полеводства.

Скотоводство, поскольку можно судить по данным одной Амурской области с конца XIX века, развивалось до 1917 года еще быстрее земледелия. По этой области в 1897 году было 48.000 единиц скота в переводе на крупный и в 1917 г.—314.000—увеличение в $6^1/_2$ раз. главным образом, лошадей и крупного рогатого скота. Так как туземцы к скотоводству не тяготеют, то, очевидно, такое быстрое развитие—дело русских переселенцев и старожилов. В Забайкалье же, наоборот, количество скота осталось за этот период без перемен, а крупного—даже сократилось: кочевое монголо-бурятское хозяйство за этот период пошатнулось. В период 1917—1922 г.г. количество скота упало и по Амурской области:

	Лошади	Крупный рогатый скот.	Овцы.	Козы.	Свиньи.	Всего скота.
В 1922 г (в тыс. гол.) . .	113,9	116,7	49,2	1,7	28,7	320,2
% изменения против 1917 г.	— 23,7	— 10,9	+ 97,6	+ 94,7	— 69,2	— 25,8
На одно хозяйство было:						
В 1917 г.	4,2	3,7	0,7	—	3,3	12,1
„ 1922 „	2,9	3,0	1,2	—	1,0	8,1

Таблица показывает, что наибольшему сокращению к 1922 году подверглось свиноводство, упавшее на 69%, затем коневодство—на 24%, менее сократился крупный рогатый скот—11%. Количество же овец и коз увеличилось почти вдвое против 1917 года. Отсутствие данных за промежуток с 1917 по 1922 год не дает возможности выяснить причины этого явления. В общем же мы видим сокращение скота на 26% и падение обеспеченности на одно хозяйство с 12 до 8. Эти данные не позволяют сделать каких-либо заключений о состоянии животноводства в ДВО: они говорят лишь о том, что обеспеченность хозяйства скотом и, главным образом, продуктивным и рабочим, сильно упала. О том же явлении говорят и данные земельного отдела Дальревкома по Прибайкальской и Забайкальской губ., где общая численность скота с 1917 к 1922 году сократилась, в первой—на 43,1%, во второй - на 49,4%. Эти цифры указывают на то, что животноводство очевидно, сильнее пострадало именно в тех губерниях, где оно занимало наиболее крупное место. Надо думать, что начавшееся в 1923 году восстановление посевных площадей в ближайшем же году вызовет аналогичный процесс и в области животноводства.

Рыболовство и охота. Дальневосточный бассейн замечателен тем, что во всем мире рыба лососевых пород—кета, горбуша, красная, чавича и др., отличающиеся своим вкусом во всем мире, ловятся только здесь и на противоположном—тихоокеанском побережьи Америки. Наше побережье дает 9—13 миллионов продуктов, а на американском берегу добывается 6—8 миллионов пудов сырых лососевых, дающих 4½—6 миллионов продуктов.

Дальневосточный бассейн делится на несколько районов по местам входа лососевых для нереста (метание икры) Юго-западный: залив Петра Великого, остров Сахалин, Николаевский (река Амур, низовье и притоки его), Охотский (по берегу Охотского моря), западно-Камчатский и восточно-Камчатский. Из этих районов самые важные: Николаевский на Амуре, Охотский и западно-Камчатский

За последние годы, улов рыбы в первом районе неуклонно падал, во втором повышался.

Улов рыбы в пудах.

	В Амурском районе.	В Охотско-Камчатском.
В 1910 г.	4 300 000	2 700.000
» 1911 »	3.800 000	4 500.000
» 1912 »	3 000 000	3 050.000
» 1913 »	3.100.000	4.500 000
» 1914 »	2.150 000	5.900 000
» 1917 »	2.000.000	6.800 000

За последние годы также увеличился улов сельди у берегов Приморской области и на о. Сахалине (13 милл. штук в 1914 г и 44 милл. 30 тыс. штук в 1917 г.) Отчего зависят такие изменения улова,—сказать трудно. Ясно одно, что раньше кета и другие лососевые охотнее шли для нереста из моря в Амурский лиман, а теперь поворотили в реки Охотско-Камчатского побережья. Но для нас—русских, это очень печально потому, что рыбалки Охотско-Камчатского побережья находятся почти целиком в руках японских промышленников, а амурские в большинстве

случаев, остались за русскими. Вот почему в 1914 году из 7.916.087 пудов лососевых, приготовленных впрок, 5.291.120 пудов было получено на японских промыслах и заготовлено японским способом засола и только 2.624.9 7 пуд. поступило на рынки Европейской и Азиатской России.

Японские ловцы и промышленники стали проникать на русское побережье еще 40 лет тому назад. Работая исключительно японскими руками, потребляя японские продукты, вывозя всю заготовленную рыбу на японский рынок, японские промышленники являлись чужеядными растениями на русской почве, так как ни русскому населению, ни русскому государству никаких доходов от рыбы, выловленной в русских водах, они не оставляли. С 1889 года запрещено ловить рыбу иностранцам в реке Амуре и Амурском лимане, русским промышленникам воспрещено брать иностранных рабочих.

На некоторое время это помогло, как можно видеть из цифр вывоза рыбы на русские и японские рынки из Сибири.

Вывезено рыбы (в тысячах пудов).

	На русские рынки.	На японские рынки.
В 1903 г. . . .	419	2.450
» 1907 » . . .	1.080	2.175
» 1912 » . . .	2.527	3.660

Но японцы вывозили много рыбы без регистрации, так что цифры японского вывоза менее действительных. В 1907 году после русско-японской войны была заключена русским правительством конвенция с японским на 12 лет, по которой ловить рыбу на море могли на равных правах русские и японцы. Русский консул в Японии в Хокодате сообщал, что за десять лет, со времени введения в действие этой конвенции, японцы выловили в наших водах 43 миллиона пудов рыбы, которую всю вывезли к себе в Японию; при чем вывоз постоянно повышался и дошел в 1917 году до 5,6 милл. пудов.

Во время войны и революции японский улов особенно вырос: японцы стали забираться и в Амурский лиман, приобретая промыслы через подставных лиц. А вывоз рыбы из Дальнего Востока внутрь России упал с 1 милл. пудов в 1916 году до 90 тысяч пудов в 1918 году. В последние годы на всем Тихоокеанском побережье 84% всех рыбных промыслов находилось в японских руках и только 16% в руках.

Следует еще отметить, что японский способ засола кеты гораздо хуже русского. Японцы взрезанную и очищенную от внутренностей рыбу пересыпают солью внутри, натирают снаружи и складывают в штабеля в сараях на покрытые густым слоем соли цыновки; каждый ряд рыбы обильно засыпается солью, после чего кладется следующий ряд. В таком виде рыба лежит на открытом воздухе под навесами. Ни промывки рыбы, ни ледников, ни чанов и бочек при этом способе не применяется. Засолка производится на дешевой морской соли, привозимой из Японии. От этого кета теряет свой нежный вкус, волокна ее тела становятся хрупкими, горько солеными на вкус, так что русские люди не могут ее есть. Русский способ засола—сложнее и дороже, но дает продукт гораздо более высокого качества, который нашел себе широкий сбыт в центрах России—Москве и Ленинграде—и мог бы пойти и заграницу. Рыба разрезывается на пласты, которые, после очистки, укладываются в чаны или бочки, пересыпаясь солью хорошего качества.

Через 5—8 дней рыба просолена и поступает в уборку, тщательно промывается в вареном растворе соли, затем окончательно укладывается в бочки, в которых и отправляется по железной дороге в Россию. Даже война не особенно задержала вывоз рыбы из Дальнего Востока на русские центральные рынки. По одной Омской дороге, по которой идут рыбные грузы из Дальнего Востока было вывезено:

В 1913 году. . .	1018,4	тыс. пуд.
» 1914 » . . .	865 6	» »
» 1915 » . . .	832,7	» »
» 1916 » . .	1010,6	»

А по всем сибирским дорогам вывезено в Европейскую Россию 1915—16 гг.—1454,4 тыс. пуд. Кроме рыбы вывозится большое количество кетовой икры: в одном 1910 году из Николаевска 132 000 пудов. В Николаевском районе было не мало хорошо оборудованных промыслов, начиналась стройка ледников. выстроили 2 холодильника и два консервных завода. С войной все это оборудование остановилось. Крупные русские промышленники, понаехавшие сюда, стали уезжать в Россию, и рыбопромышленность опять начала приобретать мелкий кустарный характер Так шло дело до тех пор, пока на Дальнем Востоке не образовались крупные кооперативные союзы, из которых Усть-Амурский занялся организацией артелей ловцов и рыбопромышленников-крестьян. В начале 1918 года таких артелей было 18, а в середине 1919 года уже 80, которые при хорошем „урожае“ рыбы, могли бы наловить до 1,5 милл. пудов.

За организацию промышленности и вывоз готового продукта взялся Закупсбыт, который вывез:

В 1916 году .	100.000	пудов.
» 1917 »	403.500	»
» 1918 »	479.300	»

В 1919 году было подготовлено к вывозу до 900.000 пудов, но в виду полного расстройства транспорта и гражданской войны, пришлось эту рыбу пересолить японским способом и отправить в Японию.

Лесное хозяйство. На ряду с другими естественными богатствами на Дальнем Востоке располагаются колоссальные лесные богатства. Разнообразие и высокая ценность лесов края выделяет их на одно из первых мест в народном хозяйстве этой окраины СССР.

Общая площадь лесов Дальнего Востока определена приблизительно (так как они не обследованы даже рекогносцировочно) в 216 милл. десятин. Леса ДВО как по составу древесных пород, так и по их качеству не являются однородными.

Различие в составе древесных пород сильно разнообразит ценность лесов отдельных частей ДВО: но кроме этого, крупное значение, как для всего народного хозяйства ДВО, так и для его лесопромышленности имеет то обстоятельство, насколько доступны эксплоатации леса той или другой ее части. Крайняя бедность ДВО хорошими путями сообщения и удаленность отдельных частей ее от водных артерий, имеющих выход в доступные моря, делает главную массу его лесных богатств совершенно недоступной эксплоатации. К таким лесам, недопускающим

по современным экономическим условиям широкой постановки их эксплоатации, относятся прежде всего леса Забайкалья.

Леса, расположенные вблизи от железных дорог и водных сплавных путей или близко к восточным границам, допускают широкую их эксплоатацию, и здесь возможна постановка крупных лесопромышленных предприятий. В этом отношении в наиболее благоприятных условиях находятся лесные массивы, расположенные в бассейне Амура, который имеет свыше 10 тысяч верст сплавных путей. Притоки Амура глубоко проникают в самый центр лесных массивов ДВО. Изучение лесов этого района, как и вообще лесов ДВО, произведено лишь в незначительной части. Управление государственных имуществ исчисляло ежегодный возможный отпуск без истощения лесных дач для бывшей Амурской и Приморской губ. в 10 милл. куб. саж. древесной массы, фактический же отпуск из казенных лесов составил в 1910 году для Амурской Области 45 тысяч куб. саж. для Приморской—100.000 куб. саж. Таким образом, леса ДВО не использовались и в $^1/_{50}$ части их возможной эксплоатации без ущерба для их сохранности.

Более широкая эксплоатация лесов началась здесь всего 15 лет назад, т.-е. приблизительно с 1909 года. До этого же времени предметы лесного хозяйства имели лишь местный крайне ограниченный сбыт. Первые попытки к экспорту леса на Дальнем Востоке начались в 1906 г., но до 1909 года они ограничивались посылкой образцов на заграничные рынки и лишь с 1909 года приобретают массовый характер.

Вывоз из России лесных материалов через Тихоокеанские порты и Китайские порты в пределах ДВО характеризуется следующей таблицей:

Годы.	Количество.
1911	2559,1 тыс. куб. фут.
1912 . . .	807,1 » » »
1913 . . .	1455,8 » » »
1914	1040,6 » » »
1915	585,2 » » »
1916	1896,6 » » »
1917	1922,8 » » »
1918	3243,7 » »
1919	3038,3 » » »
1920 . . .	504,5 » » »

Из таблицы мы видим резкие колебания экспорта леса в первые годы рассматриваемого периода, вызываемые тем обстоятельством что наш дальне-восточный лес только что выступил на иностранном рынке и не успел еще завоевать себе определенного места. Начиная же с 1916 года экспорт леса растет неуклонно до 1919 года, когда достигает своего максимального развития. Данные 1920 года показывают резкое падение экспорта, что находится, конечно, в теснейшей связи с политическими событиями на Дальнем Востоке.

Главная заготовка леса находилась в руках местного крестьянского населения. По данным обследования 1912 года в Приморской области в лесном промысле участвовали 11.130 старожильческих хозяйств (68% от общего числа) со средним доходом на одно хозяйство от лесных промыслов 966,5 рублей, и 778 хозяйств новоселов (12,8% от общего числа) с доходом в 200 рублей на хозяйство.

Лесопромышленность Дальнего Востока еще очень молодая и не успела к началу войны окрепнуть. В 1912 году числилось всего 68 заводов со 105 рамами. Теперь большая часть этих заводов без движения.

Обширными рынками для дальне-восточной лесопромышленности, которая начинает оживать с 1923 года, является Япония, особенно остро чувствующая потребность в лесе после землетрясения, почти безлесный Китай и Австралия. Наконец, и Америка предъявит спрос на древесную массу, как только наша лесопромышленность сумеет ее вырабатывать.

Промышленность.

а) Добывающая. Разработка горных богатств Дальнего Востока едва коснулась тех богатств, о которых упомянуто выше. По отчету Горного Управления на Дальнем Востоке было добыто золота в пудах:

	По шнуровым книгам.	По отчетам лаборатории.
1911 г.	492	1065
1112 »	442	1029
1913 »	405,5	1002,5
1914 »	464	1227
1915 »	308	977,5 »

Разница цифр указывает на утайку золота в процессе добычи его и использования лабораторий для получения чистого золота из шлихового. Велика также утечка золота в Китай и отправка для сплава в иные лаборатории, даже иностранные, почему общая годовая добыча принимается местными специалистами в 1500 пудов ежегодно. Как велик интерес к золоту в последние годы, и как мало прилагалось личной предприимчивости в технической его эксплоатации, показывает тот факт, что в 1915 году имелось заявок 5742, отводов — 1353, а работало из них всего 441.

Серебро-свинцовые руды и свинцово-цинковые разрабатывались мало. Только на Тетюхе, благодаря большому содержанию цинка (45%), а также свинца (до 65%), руды экспортировались в Европу (Лондон, Англия и Голландия), где и производилась выплавка металла. Добыча руд равнялась в 1911 году—1,7 милл. пудов, в 1915—3,5 милл., в 1917—почти 6 миллионов, в 1919—1,1 милл. пудов.

О богатстве руды дают представление следующие цифры: на 100 пуд. породы приходится 60 зол. серебра, 5,6 пудов свинца, столько же цинка. Рудоносность породы по имеющимся данным увеличивается с глубиной. Общие запасы на Тетюхе определяются в 500 тонн серебра, 211 тысяч тонн свинца и 350 тыс. тонн цинка. Несмотря на богатство медных руд, медная промышленность отсутствует.

Железная руда добывалась в Ольгинском районе и Сергиевском. Добыча не велика: она колебалась около 100.000 пудов ежегодно.

Ископаемые угли. В Амурской губ. разрабатывается 8 рудников; лучшие угли на Дальнем Востоке это—сахалинские и сучанские, которым принадлежит большое будущее, но благодаря условиям транспорта, труда и снабжения, производительность крайне мала. Бурые угли добываются в Амурской области, на Кивзинских копях; общий запас Буро-Завитинского района определен свыше 22 млрд. пуд. Добыча угля за последние годы в тыс. пуд.

Годы	Каменный уголь		Бурый уголь	
	Уссур. окр	Сахалин	Уссур. окр	Амурск. окр.
1915 . .	16562	1743	11374,5	240
1917	23673	795	13198,6	80
1920. . .	10473,4	—	17684,2	—
1922 . .	13260,7	2000	20821,3	—

Потребность внутреннего рынка оценивается в 50—70 милл. пудов в год в нынешних условиях В виду потребности в каменном угле на Тихоокеанском побережьи (Китай, Америка) сбыт дальне-восточного угля при первоклассных качествах сучанских и сахалинских углей вполне обеспечен.

б) Обрабатывающая промышленность развита слабо. Наиболее развиты производства мукомольное, винокуренное и пивоваренное. В 1907 году общее число промышленных заведений, включая ветряные мельницы, кузницы, бани и прочие кустарные ремесленные заведения определилось в 940, при общем числе рабочих 6,2 тысяч человек и в сумме производства менее 10 миллионов рублей. Из этого числа на паровые мельницы приходилось 700 с лишним рабочих с производством свыше 2,2 миллионов рублей. На винокуренные и пивоваренные заводы—20 заведений, свыше 600 рабочих, производством 2,2 милл. рублей. Лесопильные заводы 21—заведение с 700 рабочих и производством свыше 1,5 милл. руб. Особые условия работы в тайге вынудили сохранить государственную выкурку спирта на 3-х (из семи) винокуренных заводов. В настоящее время существует два механических завода: один в Благовещенске и один в Хабаровске. Судостроительный во Владивостоке, спичечная и табачная фабрики во Владивостоке, маслобойные и мыловаренные заводы в Никольск-Уссурийске. Из общего количества, фабрично-заводских предприятий Дальнего Востока, которых числится 478, включая мелкие ремесленные заведения, работает около половины. Особенно развито мукомольное дело. Кустарные промыслы развиты очень слабо и целиком идут на удовлетворение местных нужд или ближайших поселков и городов. Более развиты извозный, вязальный и веревочный, тележный и колесный, лесопильный, бондарный, плотничий, столярный, кузнечный, по обработке кожи, кирпичный, малярный, лодочный, выжигание извести, обработка шерсти, смолокуренный и др.

Внешняя торговля.

Внешняя торговля всей Сибири происходила почти исключительно через дальне-восточные порты Как это ни странно, но баланс сибирской внешней торговли, несмотря на обилие природных богатств и сельскохозяйственного сырья, и до войны был пассивным, при чем пассивность эта росла с каждым пятилетием.

В среднем за пятилетие (в миллионах рублей).

	Вывоз.	Привоз.	Итого.	Перевес привоза над вывозом.
В 1901—5 г . . .	19,2	37,1	56,3	17,9
» 1905—10 г . .	32,1	104,2	136,3	72,1

В 1-е пятилетие XX века привоз из-за границы вдвое превышал вывоз, а во 2-е пятилетие уже в 3½ раза. Во время войны внешняя торговля в Сибири стала очень быстро расти, так как у России тогда осталось в сущности только два свободных морских порта—Архангельский и Владивостокский.

	Вывоз из Сибири.	Привоз.	Итого.	Перевес привоза над вывозом.
	(В миллионах рублей).			
1913 г. . . .	99,2	153,5	252,7	54,3
1914 »	94,0	158,8	212,2	74,8
1915 »	71,3	374,1	445,3	302,8

На ряду с увеличением оборота растет пассивность сибирского торгового баланса, и в 1915 году привоз уже более чем в четыре раза превышал вывоз. Но это был привоз не столько для самой Сибири, сколько для Европейской России, которая получала заграничные товары через владивостокское окно.

Однако, в самое последнее время, когда Сибирь была отрезана от Европейской России, и ее внешний товарообмен служил нуждам исключительно сибирского населения, пассивность ее торгового баланса возросла до необычайных размеров. В 1918 году вывоз товаров из Сибири составлял кругло 82 милл. руб., а привоз 531 мил., т.-е. был в 6½ раз более вывоза. В 1919 году дело пошло еще хуже.

	Ценность привоза.	Ценность вывоза.
	(В миллионах рублей *).	
Январь	96,5	3,8
Февраль . .	99,2	5,3
Март	128,9	17,2
Апрель . . .	139,1	10,8
Всего. . .	463,7	37,1

Привоз превышал вывоз в 12½ раз, при чем он рос неуклонно с каждым месяцем, а вывоз, поднявшись в марте, в апреле снова резко упал.

Таково было общее положение сибирской внешней торговли в различные периоды XX века. Эта торговля происходит по двум главным границам: Приморской, преимущественно с Америкой и Японией, и очень длинной сухопутной с Китаем и Монголией. Торговля с каждым из этих государств представляет свои особенности, поэтому рассмотрим их отдельно.

Торговля с Америкой. До войны торговля России и Сибири с Америкой была развита сравнительно слабо: с начала войны он очень

*) Тогдашних сибирских денег.

быстро растет, но только в одну сторону—сторону привоза товаров из Америки.

	Вывоз из России в Америку. (В миллионах долларов).			Привоз из Америки. (В миллионах долларов).		
	Евр Рос.	Аз. Рос.	Всего.	Евр Рос	Аз Рос.	Всего
1913 г	22	2	24	26	1	27
1914 »	13	2	15	22	6	28
1915 » . . .	2	1	3	126	44	170
1916 » . .	5	4	9	309	159	469
1917 »	12	2	14	315	109	424

Как видно из таблицы, доля привоза через Азиатскую Россию росла очень быстро: если в 1913 году в Азиатскую Россию ввозилось только 4 проц. всего американского вывоза, то в 1916—1917 гг. от $^1/_4$ до $^1/_3$. Из этого количества впрочем почти половина приходилась на взрывчатые вещества. Из „мирных“ средств производства и товаров ввозилось на сумму:

	1915 г	1916 г	1917 г.
	(В тысячах долларов).		
Сел.-хоз. машин и шпагата. . .	1517	2846	1145
Автомобилей, вагонов, паровозов	16120	15163	3670
Рельсов и проч. метал.	6702	8926	5858
Станки для обработки	230	3076	1799
Предметы одежды и обуви . . .	311	5531	235
Прочих предметов	9899	30193	15283

За годы войны привоз наиболее важного для сибирского населения груза—сельско-хозяйственных машин и шпагата—был очень невелик - всего 2 5 миллионов руб. В 1918—19 гг. сельско-хозяйственных машин привозили из Америки только 28 тысяч пудов в месяц, тогда как до войны—120 тыс. пудов. Но и Сибирь давала Америке очень немного.

Вывоз из Азиатской России в Америку (в тыс. руб.).

	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Шерсть, кожи, пушнина . .	84	218	428
Солодковый корень	—	1476	185
Кишки	11	802	936
Семена	39	1393	380
Прочие	519	252	177
Всего	653	4140	2164

Во время войны был запрещен вывоз кожи и шерсти, поэтому по первому пункту цифры очень незначительны. Но, не нуждаясь в нашем хлебе, Америка предъявляет к Сибири большой спрос на продукты скотоводства и в 1919 году собиралась получить от нас масла до 2-х миллионов пудов, кожи 1 миллион, шерсти 400 тыс пудов, мехов—250 тыс. пудов, но почти ничего не получила Пока Сибирь более или менее удовлетворяла Америку только пушниной, которой было вывезено кооперативами и продано в Нью-Йорке за 1916–19 гг. свыше 2 миллионов беличьих шкурок, не считая прочей пушнины.

Америка многое может дать Сибири и для постройки ее железных дорог, и для развития промышленности, и для сельского хозяйства. Первая в мире страна по количеству железных дорог и их оборудованию, она может дать Сибири паровозы, вагоны и разные предметы оборудования пути и станций; вдоль линий железных дорог при ее помощи можно выстроить элеваторы для хранения и сортировки хлеба; машиностроительные заводы, заводы сельско-хозяйственных машин, холодильники, фабрики бумажные, кожевенно-обувные, добыча железа, стали, каменного угля, консервирование мяса и рыбы—словом, широкая и правильная постановка транспорта и промышленности возможна лишь при помощи технических средств, и сил, которыми может снабдить нас эта наиболее сейчас богатая промышленная страна в мире, если это будет отвечать ее интересам.

Торговля с Японией. Торговые сношения Сибири с Японией до войны были еще более слабыми, чем с Америкой.

Торговый оборот Азиатской России и Японии.

	Вывоз из Азиатской России в Японию	Вывоз из Японии в Азиатскую Россию.
В 1901 г	4515	2290
» 1906	1407	10294
» 1910	763	2503
» 1913 »	750	4271
» 1914 »	1026	10413

Таким образом, торговый оборот Японии и Сибири до войны не подымался выше 14 миллионов иен, или, что то же, рублей по старому курсу. При этом в начале XX века мы вывозили к японцам больше, чем ввозили, но уже перед войной и в начале войны привоз к нам в 6 10 раз превышал наш вывоз.

В 1915 году привоз к нам товаров из Японии подскочил до $89^1/_2$ миллионов иен, а вывоз увеличился только до 4 миллионов. В 1916 году привоз достиг уже нескольких сотен миллионов, ибо таможенный доход по Владивостокскому порту достиг 145 миллионов рублей. Но во время войны с Японией в привозе товаров и военных грузов к нам соперничала Америка. С 1917 года, втянутая в Европейскую войну, занятая снабжением Европы Америка отходит от Сибири и Япония становится полным хозяином на дальне-восточном рынке, в особенности при власти Колчака. Вместе с тем меняется и состав привозимых грузов: в то время, как до войны мы получали из Японии, главным образом, фрукты, разные овощи, орехи, рис и прочие второстепенные для нас продовольственные припасы, во время войны на первое место выступают мануфактура, галантерея, обувь и прочие фабрикаты, не считая предметов военного снаряжения. Развившаяся за время войны,

хотя далеко еще не стойкая и плохо поставленная на дешевом кабальном труде женщин и детей японская промышленность спешит завоевать новые рынки и, пользуясь оторванностью Сибири от России, начинает за последнее время сбывать сюда самый плохой товар, который японский торговцы не рискуют вывозить в Китай, где их ожидает свободная конкуренция американских товаров. С 1918 года в Китае начинается, все усиливаясь, бойкот японских товаров, который подрывает японскую торговлю, переживающую вообще по окончании мировой войны сильнейшие потрясения Японская промышленность, помимо того, что она еще плохо оборудована машинами и техническими силами, страдает одним главным недостатком: у японцев почти нет собственного металла, а без металла промышленность не будет стоять на прочном фундаменте.

Торговля с Монголией. По сухопутной границе наибольший интерес представляет наша торговля с Монголией, которая хотя и считалась официальной частью Китая, но в действительности жила самостоятельной государственной жизнью.

За последние годы перед войной старое русское правительство и наша крупная буржуазия, в особенности московские мануфактурные фабриканты и торговцы, обратили усиленное внимание на Монголию и даже снарядили туда несколько экспедиций: томских профессоров Боголепова и Соболева известного московского миллионера Рябушинского и др. Участники экспедиций и другие исследователи выпустили ряд книг о Монголии, в которых выяснилось, почему и здесь русская торговля стала в XX веке терять завоеванные ранее позиции. Баланс русско-монгольской торговли России с японцами и американцами, с каждым годом становился все более и более пассивным.

Так, в среднем за год (в тыс. рубл.)

	Вывезено из России в Монголию.	Вывезено из Монголии в Россию.	Итого.	Разница ввоза и вывоза + или —
В 1901— 5 г. . . .	2394	2805	5699	+ 89
» 1906—10 » . . .	3315	6023	9338	—2708

В первое пятилетие XX века мы вывозили в Монголию еще на 89 тысяч, больше чем ввозили, но во 2-е пятилетие наш привоз уже вдвое превысил вывоз, а если мы возьмем последний 1910 год, то окажется, что монголы продавали своих продуктов на втрое большую сумму, чем русские им своих товаров.

Нечего говорить, что за время войны и революции баланс русско-монгольской торговли становится все пассивнее и пассивнее и в 1918 году привозили в Сибирь через монгольские таможни на 39,5 милл. рублей ее продуктов, а ввозили туда всего на 5,3 милл. в семь раз меньше. Наконец, первые три месяца 1919 года, когда на Дальнем Востоке образовалась транспортная пробка и грузы оттуда почти не подавались— многие иностранные товары стали приходить к нам монгольскими трактами, и только за 4 месяца 1919 года было привезено к нам на 143,7 милл. рублей (по тогдашнему курсу), а вывозить нам в Монголию было нечего, и наш вывоз за это время не достиг и миллиона. Эти цифры показывают, что на протяжении XX века монгольский рынок, как и другие иностранные рынки, постепенно утрачивается Россией. Главная причина этого—все растущее соперничество американских, японских и английских торговцев, которые привозят свою мануфактуру и прочие товары дешевым морским путем, а русские торговцы везут из Москвы несколько

тысяч верст по железной дороге, а затем сухопутным по горным тропам и пустыням также многие сотни и тысячи верст. Виноваты, как показало обследование, и русские торговцы, которые сбывали зачастую брак и плохие сорта. Кроме того, и китайские и русские торговцы установили здесь такую же заборную систему, как и на сибирском севере, посредством которой закабаляли местное население и подрывали его экономическое благосостояние. Монголы забирают у торговцев товары почти исключительно в кредит понемногу в течение целого года. Рассчитываются же за покупки они своим сырьем—шерстью, кожами, скотом, звериными шкурами, которые собираются в определенное время года сразу. Русские купцы, как говорят в Монголии, „задают" товар под сырье. Проценты по таким задачам колеблются от 100 до 400%, а иногда за кирпич чая, цена которому обычно 80 коп., через два года монгол отдает двухгодовалого быка, потому что если должник не отдал долга в срок, на него снова начисляется сто и более процентов. За долги каждого монгола отвечает вся его община — волость, „хошун", круговой порукой.

В ближайшем будущем возрождающаяся внешняя торговля Сибири, вероятно, раздвоится; Западная Сибирь соединяется с Европой не только возобновляющимися железнодорожным сообщением, но и *новым* северным морским путем через Ледовитый океан. Дальне-восточные порты смогут обслуживать преимущественно лишь внешнюю торговлю восточной части Сибири. Последняя может дать на экспорт в будущем не столько сельско-хозяйственные продукты, сколько продукты *промышленности*, преимущественно *горной* и *лесной*, требующие для эксплоатации крупных капиталов. Как мы уже указывали, вопрос привлечения иностранных капиталов, связан с проблемой и концессионирования, которое должно совершаться осторожно и постепенно.

Пути сообщения и грузооборот Несмотря на большое протяжение водных путей ДВО, главную роль здесь играют железные дороги, связующие далекую окраину со всей Сибирью, Манчжурией и центром России. Общее протяжение железных дорог составляет свыше 2984 верст, давая в Приморской области на 1000 квадратных верст 1.5 в. пути, а в Амурской 5,9 в. На 10.000 жителей приходится в Амурской области 6 верст ж. д., Приморской—1,3 в. Наибольшее значение среди перевозимых грузов имеют хлебные, главным образом, в качестве предмета экспорта через Владивостокский порт. В 1915 году через Владивостокский порт экспорт достиг 30 милл. пудов. К октябрю 1921 года после перерыва движения, он вновь достиг 20 милл. пудов. Значительную роль играла также перевозка лесных материалов, которая в 1914 году на Уссурийской дороге достигла 13 милл. пудов. В настоящее время конкурентом Владивостока становится японский порт Дайрен (быв. Дальний), к которому стягиваются грузы, не только южной, но и северной Манчжурии, с которой предполагается соединить его рельсовым путем (линия Харбин—Сахалин). Длина водных путей—Амура и важнейших притоков выражается цифрой 30.000 верст,, из них судоходных 17,2 тыс. верст, присоединяя сплавные—22,7 тыс. верст. Для целей каботажного плавания русский флот располагал к 1917 году 29 пароходами с тоннажем 65 тысяч тонн, моторной шхуной с тоннажем в 2000 тонн.

В 1917 году (год максимального развития перевозок) было перевезено 110.000 пассажиров и 4 миллиона пудов грузов.

В 1920—22 гг. общие итоги товарооборота Дальнего Востока складывались из вывоза в Японию—$^3/_4$ ценности всего экспорта, в Китай—15%, в Англию—10% всего экспорта. Зато Китай играл главную роль в смысле ввоза—свыше половины

Выводы. Одна из самых богатых, по наличию природных благ, наших окраин—Дальний Восток. Но так как заселение ее стало происходить в более или менее крупном масштабе лишь после русско-японской войны и продолжалось только до 1912—13 гг., то до сих пор Дальне-Восточная область заселена весьма слабо. Да она и мало пригодна по своим природным качествам для русских переселенцев-земледельцев Ее соседи—китайцы и корейцы, гораздо более приспособлены к такому специфическому типу земледельческой культуры, который соответствует климатическим и почвенным особенностям края. Русские скорее могли бы заняться здесь скотоводческим хозяйством, но для этого требуются довольно крупные средства.

Однако, в будущем более важное значение, чем земледелие, приобретет здесь разработка горных богатств и лесов. Эти отрасли ожидают приливов только крупных капиталов, который здесь еще нужнее, чем на ранее рассмотренных окраинах В общем, быстрота темпа развития народного хозяйства Дальнего Востока зависит от темпа и широты его индустриализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Заканчивая на этом первую часть настоящих очерков, позволяем себе высказать в заключение несколько соображений общего характера по вопросу о роли и значении экономической географии, как не только научной, но отчасти и практической дисциплины.

Как уже было сказано во введении, экономическая география должна ставить себе задачей изучение структуры мирового и народного хозяйства. Мировое и народное хозяйство складываются под влиянием двоякого рода факторов: мало изменяющихся во времени—естественно-исторических и постоянно меняющихся факторов воздействия человека на природу с целью хозяйственного использования природных благ. Хозяйственная деятельность человека слагается либо в результате влияния стихийных процессов: возрастания плотности населения и образования рынка, из которых первый фактор влияет главным образом на сельское хозяйство, либо в зависимости от организованных попыток воли и разума тех или иных руководящих организаций и групп населения перестроить стихийный ход народно-хозяйственной эволюции по тому плану, какой представляется им наиболее целесообразным. Три вида организаций—государственные, муниципальные и общественные воздействуют на мировое и народное хозяйство: но детальный анализ их деятельности входит в круг ведения другой дисциплины—именно экономической политики; экономическая же география затрагивает их лишь постольку, поскольку результаты сознательной человеческой воли уже успели сказаться на той или иной отрасли народного хозяйства.

Итак, экономическая география изучает структуру мирового и народно-хозяйственного организмов, как они слагаются под влиянием физико-географических факторов и хозяйственной деятельности человека, обусловленной отчасти стихийными процессами нарастания и перемещения населения и средств производства из деревень в города, из густо населенных стран в редко населенные,—отчасти сознательной волей человеческих организаций. Так как эти стихийные факторы воздействия человека на природу изменчивы—для выяснения их результатов недостаточно изучить современную структуру мирового и народного хоз-ва, необходимо выяснить, под влиянием каких исторических условий она слагалась, ибо только тогда мы поймем причины, по которым народно-хозяйственный организм складывался так или иначе, а также установим степень устойчивости того или иного народно-хозяйственного явления. Вот почему мы в настоящих очерках повсюду применяли метод историко-географического анализа.

Мировая война, а в России и революция, произвели огромные сдвиги в структуре народно-хозяйственных организмов всего мира; хотя

эти сдвиги соответствуют до известной степени тем эволюционным тенденциям, которые намечались в развитии народного хозяйства и поскольку они им соответствуют—надо думать, они и закрепятся в дальнейшей эволюции—однако, во 1-х, это соответствие существует далеко не во всех наблюдаемых сейчас явлениях народно-хозяйственной жизни, во 2-х, вообще, как всегда бывает, политические факторы, игравшие первенствующую роль за истекшее семилетие, слишком резко повернули колесо хозяйственной истории и, более медленная по темпу, экономическая эволюция начинает его поворачивать назад. Так, наприм., мировая война слишком сильно передвинула центр тяжести мирового хоз-ва из старой Европы в Соед. Штаты Америки. В сборнике „Междун. проблемы", в статье Я. М. Букшпана приводится такой итог экономической роли Соед. Штатов сейчас: „В общей сумме Соед. Штаты производят теперь 25% мирового производства с.-х. продуктов, 40% минералов, 34% промышленных изделий. При этом население С. Шт. составляет только 5% населения земного шара". Конечно, экономическая роль остальных 95% населения земного шара еще далеко не сыграна и, по мере восстановления нормальных хозяйственных отношений, она снова станет усиливаться, а значение С. Шт. соответственно уменьшится.

В частности должно возрасти экономическое значение России в мировом хоз-ве. Ибо наличие и природных благ и количество трудоспособного населения у нас достаточно велики, чтобы при прошедшем, благодаря войне, истреблении массы накопленных культурным человечеством хозяйственных благ, втуне лежащие богатства России остались неиспользованными. Вовлечение России в мировое хоз-во, можно надеяться, пойдет быстрее, чем раньше, и это—одна из основных причин, долженствующая выдвинуть у нас в ближайшем будущем на первый план роль рыночных отношений в той отрасли народного хоз-ва, которой посвящена первая часть наших очерков—в сельском хозяйстве.

Совершенно правильно проф. П. Э. Ден в своей работе „Положение России в мировом хозяйстве" указывает на натурально-хозяйственный уклад русской экономической жизни, как на одно из главных препятствий к вовлечению России в мировое хоз-во: „Вытекая из глубоких основ нашей народной жизни, из географического положения страны и ее исторических судеб, эти натурально-хозяйственные элементы до сих пор тяготеют над нашим хозяйственным развитием, выражаясь в малой плотности населения, в слабом оборудовании страны путями сообщения и в общей хозяйственной отсталости. Они являются причиной слабого развития нашей горной, горнозаводской и обрабатывающей промышленности, а равно и господствующей у нас низкой производительности труда, характеризующей все сферы нашего народного хозяйства и особенно резко выступающей в низкой урожайности земли. Натуральное хоз-во, в силу присущих ему основных особенностей, всегда бывает связано с низкой производительностью народного труда, слабым развитием потребностей и общей хозяйственной косностью".

В одном отношении изложенный сейчас вывод проф. Дена определенно неправилен в том, что, по его мнению, плотность населения у нас была слишком мала до сих пор. Наш предыдущий анализ показал, наоборот, что плотность сельского населения к удобной земле во многих центральных и западных районах была слишком велика—она-то и служила основной причиной наступившего в конце XIX века в Европейской России аграрного кризиса со всеми его последствиями, вплоть до революции. Она была слишком велика при отсутствии рынка, ибо

только образование серьезного внешнего и внутреннего рынка дает возможность земледельцам перейти на интенсивное хозяйство, гармонически увеличивающее производительность земли одновременно с под'емом производительности человеческого труда и тем самым освобождающее земледельцев от аграрного кризиса, в который вовлекло их экстенсивное зерновое трехполье. С другой стороны, на экстенсивном юго-востоке, где рыночное земледельческое хоз-во было гораздо более развито, чем в остальной России, в силу именно относительной р е д к о с т и населения и наличия большого числа крупных крестьянских хозяйств, быстрое уплотнение, посредством, напр., перемещения сюда с р а з у нескольких миллионов переселенцев, уничтожив рыночные крестьянские хоз-ва, вовлекло бы и эти районы в состояние длительного аграрного кризиса. Поэтому, относительно большая плотность населения далеко не всегда и не везде является стимулом к развитию рыночных отношений. Наприм., в Австралии, где большая часть европейских насельщиков сосредоточились в городах, крайняя редкость сельского населения не препятствует развитию рыночности экстенстивного сельского хоз-ва.

Во всем остальном проф. Ден безусловно прав: и для наступающей сейчас эры реорганизации народного и, в особенности, сельского хозяйства России развитие рынка не только внешнего, а еще более, пожалуй, в н у т р е н н е г о является непременным постулатом для дальнейшего сельско-хозяйственного прогресса, ибо огромность территории нашей страны и разнообразие естественно-исторических и экономических условий в отдельных районах, сами по себе, при наличности хороших путей сообщения должны вызвать весьма большой внутренний товарообмен. Уже до войны, С. Н. Прокопович определял размеры нашей внутренней торговли в 7,9 миллиардов рублей по одной Европейской России, тогда как внешний торговый оборот в 1913 г. (по б империи) расценивался в 2,8 миллиардов, т.-е, втрое меньше. Рассеяние черезчур сконцентрированной при самодержавии индустрии и городского населения от нечерноземных центров к южным и восточным окраинам должно стимулировать развитие внутреннего рынка.

Из наших очерков мы видим, что сползание населения на юг и восток—процесс, который начался в России с конца XVI века и который особенно усилился в пореформенную эпоху. Этот естественный процесс приводит к тому, что в XX веке наш юго-восток становится житницей Европы и России. Вслед за передвижением людей, как и во всем мировом хозяйстве в собственном народном хозяйстве России начинается развиваться передвижение „вещей"—внутренний товарообмен. Отсюда можно полагать, что мы стоим на пороге третьего фазиса—передвижения к а п и т а л о в, столь необходимых на наших окраинах, богатых природными благами, для широкого развития горнозаводского дела, индустрии и, как результат, взаимодействия индустрии и сельского хозяйства—для эволюции рыночного земледелия, а особенно—скотоводства. Отсюда основной вывод: д е ц е н т р а л и з а ц и я торговли и индустрии особенно сельско-хозяйственной—вот один из важнейших рычагов для под'ема сельско-хозяйственных производительных сил в России.

Только такая децентрализация и, как ее следствие—двухстороннее развитие на окраинах одновременно сельского хозяйства и индустрии, спасет наши редко населенные окраины от аграрного кризиса, уже пережитого центральными районами. Этот кризис вызывался односторонней гипертрофией экстенсивного зернового земледелия, вытесняющего пастбищное скотоводство, что и приводило к периодическим, все учащающимся

неурожаям и голодовкам, вроде только что пережитой нами на юго-востоке. Отсюда вывод—что и сельское хозяйство окраин должно в будущем стремиться к двустороннему характеру эволюции—одновременному развитию земледелия и скотоводства, благодаря применению которого близко подходящая по своим природным условиям к нашим окраинам молодая заокеанская республика — Соед. Штаты сумела перескочить через стадию аграрного кризиса, который уже начал надвигаться на нее в конце XIX столетия.

Таковы главные выводы индуктивного экономико-географического анализа, произведенного в настоящих очерках, которые имеют большое значение для построения рациональных систем экономической политики. До революции фокусом, на котором сосредоточивалось общественное внимание являлись земельные отношения. Для последующей эры XX века основной осью экономической политики должно стать развитие рыночных отношений, как внешних, так особенно внутренних, достигаемое в значительной степени, посредством децентрализации индустрии и городской жизни, приближающей промышленность к источникам топлива и сырья и рыночных потребителей к массивам с.-х. продукции. „Органический“ процесс такой децентрализации происходил в России, как и во всем мире, на протяжении многих десятилетий последней эпохи—эпохи мирового экономического прогресса. Но старая политика—политика централизации экономической власти препятствовала до революции развернуться этому процессу во всю ширь. Теперь этого препятствия нет, и чем шире он развернется, тем быстрее будут залечены раны, нанесенные народному хозяйству России событиями последних лет и тем скорее Россия займет в мировом хозяйстве подобающее ей место.

Анализ отраслей народного хозяйства, не вошедших в настоящую книгу—промышленности, торговли и транспорта—будет дан во второй части, которая выйдет в свет осенью настоящего года (см. оглавление).

Библиография.

Помещая в конце книги краткий библиографический указатель, мы имеем в виду при его составлении, главным образом, читателей из состава ВУЗ'ов, которым трудно достать пособия на иностранных языках Поэтому мы даем в указателе, во 1-х,—только литературу, вышедшую на русском языке, во 2-х,—главным образом новейшую, изданную в 1917—24 г. За предыдущий период мы даем перечень лишь самых необходимых пособий.

Перечень литературы приводится по главам:

ВВЕДЕНИЕ.

Предметы и методы экономической географии.

Общие пособия по экономической географии (главным образом России):

Анциферов, В. П. Экономическая география России. Издание 2-е. М., 1917 г.

Борисов, И. Г. Экономическая география России новейшего времени. Изд. 3-е, 1924 г., Иваново-Вознесенск.

Денисюк. Экономическая география. 1917 г.

Деп, В. Очерки по экономической географии. Часть I-я. Сельское Хозяйство, Лепинград, 1908 г.

Кистяковский, Б. Учебник экономической географии. Киев, 1914 г.

Коган-Бернштейн, С. В., проф. Очерки экономической географии. Ч. I-я. Изд. 2-е, 1924 г. М.

Огиновский, Н. П., проф. Экономическая география СССР в сравнении с мировым хозяйством. Часть I-я, изд. 2-е, 1924 г. М.

Синицкий, Л. Д., проф. Учебник экономической географии СССР. М., 1924 г.

Тимофеев, П. Г., проф. Экономическая география России в сравнении с важнейшими странами. Изд. 2-е, 1924 г. М.

Чаянов, А. П., проф. (Специально о предмете и методе экономической географии) „Номографические элементы экономической географии" труды высшего семинария с.-х. экономии и политики Тимирязевской С.-Х. Академии. Выпуск I-й.

Швиттау. Экономическая география в общей системе экономических наук. Ленингр., 1916 г., (оттиск из журнала мин. народного просвещения).

ГЛАВА I-я.

Мировое хозяйство.

А) Общие сочинения.

Исаев, А. А., проф. Мировое хозяйство. Ленинград, 1910 г.

Мировое хозяйство за время с 1913—1921 гг. Статистический сборник под редакцией Громана.

Фалькнер, С. А. Строение и конъюнктура мирового хозяйства. Изд. ВСНХ, Москва, 1920 г., стр. 61.

Его-же. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. М., 1922 г.

Варга, Е. Кризис мирового капиталистического хозяйства. Перевод с 2-го издания, Госиздат, Москва, 1923 г.—Ленинград.

Иванов, И. Соединенные штаты и Европа в мировом хозяйстве. Москва, 1924 г.

Боголепов, М. И. Европа во власти кризиса 1920—1922 гг. Ленингр., 1923 г.

Боголепов, М. И. Европа после войны. 1921 г., Ленинград.

[redacted]

Водовозов, В. Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. II., 1922 г.

Вальтер-Фогель. Новая Европа. Том I—II, 1924 г. М.

Пульце. Развал мирового хозяйства. Перевод с немецкого Ш. Двойлацкого. М., 1923 г.

Б. Гарме, проф. Кризис мирового хозяйства. Перевод под редакцией и с предисловием Наумова. 1923 г. М.

[redacted]

Кулишер, И. М., проф. Обзор мирового хозяйства за время войны и после войны и состояние его к началу 1923 г. Л., 1923 г.

Деманжон, А. Экономический упадок Европы. М., 1922 г.

А. Фин-Енотаевский. Современное положение мирового хозяйства. М, 1920 г.

Сборник *Международные проблемы.* М., 1922 г.

Кейнс. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922 г.

Кейнс. Пересмотр мирного договора. М., 1922 г.

Его же. Версальский мир и экономический хаос в Европе. Л., 1922 г.

Ф. Нитти. Вырождение Европы. М., 1923 г.

Его же. Европа без мира.

Всемирный экономический, финансовый и политический справочник. М., 1922 г. (под ред. проф. П. Н. Деревенко и И. Н. Блинова).

Вольф и Мебус. Статистический справочник по Экономической географии СССР и других стран Ленинград, 1924 г. (под редакцией проф. В. Дена).

Мировое производство в сравнительных цифрах и диаграммах. М., 1924 г. (под ред. проф. М. Н. Смит).

Б) Экономическая география отдельных иностранных государств.

Карл Тышка. Мирохозяйственная проблема современных индустриальных государств, 1924 г. (Англия и Германия).

Герман Леви. Основы экономического имущества Соединенных Штатов в Америке. М., 1923 г.

Рой, М. Н. Новая Индия. М., 1923 г.

Блих, М. Е. и *Шрак, Н. И.* Экономика современной Польши и торговые перспективы Советской Федерации. Варшава, 1923 г.

Герман Леви. Английское народное хозяйство. Перевод с немецкого. С предисловием проф. В. В. Святловского. Москва, 1924 г.

Сухов, А. А. Курс экономической географии. Выпуск 4-й. Соединенные Штаты. Краткий очерк. Одесса, 1921 г.

Сухов, А. А. Курс экономической географии. Выпуск 3-й. Германия.

То же. Выпуск 1-й. Англия. Одесса, 1922 г.

То же. Выпуск 2-й Франция. Одесса, 1922 г.

Д-р Унгери-Штернберг. Экономическое состояние Франции. Перевод Р. А. Розенталь. Под ред. Г. Наумова. Изд. „Книга". М. и П., 1923 г.

В. Ингельстром. Очерки современной Финляндии. Госизд. М. и Л., 1920 г.

С. Зак. Румыния. Статист. экономич. очерк. Выпуск 1-й. Одесса. 1921 г.

С. Гальперин. Современная Бельгия. Изд. «Кр. Новь». М., 1923 г., стр. 65.

[redacted]

Ивин, А. Современный Китай.

Павлович, Н. Советская Россия и капиталистическая Япония. М., 1923 г.

[redacted]

Гальперин. Современная Бельгия. М., 1924 г.

ГЛАВА II и III.

Народное хозяйство России и физико-географические обл.

Проблема районирования; экономическая география отдельных районов и областей.

Фин-Енотаевский. Современное хозяйство России (1890—1910 гг.). Ленинград, 1911 г.

Сухов, А. А. Экономическая география Украины. Изд. 2-е. 1923 г.

Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 гг. Изд. ЦСУ М., 1924 г.

Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1924 г.

Огановский, Н. П., проф. Народное хозяйство Сибири. 1921 г.

Народное хозяйство России за 1921—1922 г. (Сборники издательства „Эконом. Жизнь").

Статистико-Экономический Ежегодник за 1921—22 г. Редакция газеты „Эконом. Жизнь". Москва, 1923 г.

То же за 1922—23 г. М., 1924 г.

Народное и государственное хозяйство Союза Советских и Социалистических Республик в 1922—23 г. „Нар. Комис. Финансов". М., 1923 г.

Русская промышленность 1921, 1922, 1923 г. 3 тома, изд. ВСНХ.

Книпович, Б. Н. К методологии районирования. М., 1921 г

Сборник „*На новых путях*" (Промышленность, торговля, финансы, сельское хозяйство). Т. I—V М., 1923 г. Изд. СТО.

Подтягин, М. Е., проф Народное хозяйство СССР. Его достижения и состояние в 1924 г М., 1924 г.

Вся Россия, Издание ВСНХ. Статистическое и экономико-географическое описание районов России (по Госплану). М., 1924 г. (печат.)

Хозяйственные итоги и перспективы 1922—23 г. М, 1924 г.

Прокопович, С. Н. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900—13 гг., Москва, 1918 г.

Экономическое районирование России. (Сборник). Работа И. Г. Александрова, С. В. Бернштейна, Б. Н. Книповича. М., 1921 г.

Труды Госплана. Районы России. Часть I. Кн. II. Москва, 1923 г.

Арский, Р. Донецкий бассейн. М., 1918 г.

Он же. Урал. М., 1920 г.

Он же. Кавказ и его значение для Советской России. Л., 1921 г.

Материалы для районирования Сев.-Восточной области Европейской России. Вологда, 1923 г.

Никитин, Н. Сельско-хозяйственное районирование Московской г. М., 1921 г.

Раша, С. Экономические районы Севера. (Ленинградско-Мурманский район. П., 1921 г.

Рындин. Наш край (Воронежская губ.) 1921 г.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества.

Том II. Средне-русская черноземная область.
Том III. Озерная область.
Том IV. Среднее и Нижнее Поволжье.
Том VII. Малороссия.
Том IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия.
Том XIV. Новороссия и Крым.
Том XVI. Западная Сибирь.
Том XVIII. Киргизский край.
Том XIX. Туркестан.

Азиатская Россия. Том I—II. Изд. Переселенческого. Упр—ния. 1913—14 г.

ГЛАВА IV.

Население.

Вестник Статистики. Статьи в № 1.—4 стр. 223, № 5—8 стр. 180, № 9—12 стр. 192.

Вестник статистики. 1921 г. № 1—4 стр. 306, 1922 г. № 1—4 стр. 242 и т. д.

Труды Госплана. Вып. 1. Население.

Проф. Ден, В. Новая Европа.

Деринг. Великая война и естественное движение населения.

Майо-Смит. Статистика народонаселения.

Майр, І. Статистика и обществоведение.

Ряд изданий ЦСУ. Главнейшие статистич. ежегодники 1913—17 гг. 1918—20 г. Юбилейный сборник. 1918—23 гг. и др.

Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств.

Природа и хозяйство России. Вып. II. Население. Проф. Нерсесов М., 1923 г.

ГЛАВА V.

Колонизация.

„*О Земле*". Вып. III. Сборник статей об использовании в народно-хозяйственном обороте свободных земель. Москва, 1922 г.

Овчинников. Н. Я. Очередные колонизационные задачи на севере Европейской России. Ленинград, 1922 г.

„Вопросы колонизации" Периодическ. Сборники Изд. Переселен. Управления.

Кауфман, А. А. Переселение и колонизация. Ленинград, 1905 г.

Ленин, Н. Империализм, как новейший этап капитализма. Изд. 3-е М., 1923 г.

Огановский Н. П. Обновление земледельческой России и аграрная политик. Вып. I-й. Население и переселенческий вопрос. Саратов, 1914 г.

Павлович, М. Империализм и борьба за внешние железнодорожные и морские пути будущего. Ч. I—III. Изд. 3-е.

Розенталь П. А. Борьба за колонии и мировые пути. М., 1923 г.

Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев., 1912 г.

ГЛАВА VI.

Аграрный вопрос (землевладение и землепользование).

Брушлис, Б. Аграрный вопрос и аграрная политика В. I-й.

Булгаков. Капитализм и земледелие. Т. I.—II. 1903 г.

[redacted]

Вл. Ильин (Ленин). Развитие капитализма в России. Изд. 3-е. М., 1923 г.

Вл. Ильин (Ленин) Новые данные о развитии капитализма в земледелии. Вып. I. Капитализм и земледелие в Соединен. Штатах Америки. П., 1918 г.

Ляшенко, П. Очерки аграрной эволюции в России. Изд. 2-е. М., 1923 г.

Карышев, Н. Н. Из литературы вопроса о крупном и мелком с. х., М., 1900 г.

Суханов, Н. Н. К эволюции сельского хозяйства. Изд. 2-е.

Маслов, П. Аграрный вопрос. Т. I—II. (Изд. 4-е).

Огановский, Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. I—II. Саратов. 1909—11 гг.

Сборник „О Земле" Вып 1-й Изд. „Нов Деревня". 1922 г.
Кауфман, А. А. Аграрный вопрос в России. Изд. 2-е. Кн I—II. П., 1919 г.
Маньков, Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. I. М., 1920 г.
Черненков, Н. Н. К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. 1. Изд. 2-е. М, 1915 г.
Хрящева, А. П. Крестьянство в войне и революции. М. 1921 г.
Она же. Группы и классы в крестьянстве. М, 1924 г.
Ландо, В. М. Свеклосахарная промышленность Украины и аграрный вопрос. Киев, 1920 г.

ГЛАВА VII

Землеустройство.

Брунгуз, Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. П., 1922
Вениаминов. Крестьянская община. Ленинград, 1903 г.
„Земельное дело". Сборник статей по вопросам земельной и с.-х. политики, экономики, техники и организации земельного дела, колонизации и переселения и земельного дела за границей. Под редакцией А. А. Андреева и М. М. Шульгина, 1923 г.
Кацнеленбаум, З. С. Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России. 4 перераб. изд. М., 1922 г.
Качоровский, К. Р. Народное право. 1920 г.
Качинский, В. Очерки аграрной революции на Украине. Вып. 2-й. Обобществление сельского хозяйства, Харьков. 1923 г.
Его же. Очерки аграрной революции на Украине. Вып. 1-й. Уравнительный раздел земли. Харьков, 1922 г.
Кириллов, П. А. Очерки землеустройства за три года революции 1918, 1919, 1920 гг. Ленинград, 1922 г.
Кауфман, А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. Москва, 1908 г.
Качоровский, К. Р. Русская община. М., 1903 г.
Кофод, А. А. Русское землеустройство. Изд. 2-е. 1914 г.
Лященко, П. И. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Ч. II .Регулирование крестьянского землевладения. Томск, 1917 г.
Новое землеустройство По материалам Всероссийского Съезда Землеустроителей и мелиораторов. Москва, 1922 г.
Огиновский, Н. П. Революция наоборот (Разрушение общины). М, 1917 г.
„О Земле" Вып. 2-й. Сборник статей о коренных улучшениях земель (с.-хоз. мелиорация). Москва, 1922 г.
Первые итоги аграрной реформы В. Келлер и И. Романенко. Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского у. Воронежской губ. Под редакцией и со вступительной ст. П. Н. Першина.
Першин, П. Н., проф Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие (1907 — 1916 гг.) и судьбы их во время революции (1917—1920 гг. Москва, 1922 г
Першин, П. Н., проф. Землеустройство и агрономия. Москва, 1923 г.

ГЛАВА VIII.

Сельское хозяйство, общий ход с.-х. эволюции за границей и в России.

Брукус, Б. Д. Экономия сельского хозяйства. Ленинград, 1924 г.

Даниэль Зольм. Современное сельское хозяйство. Перевод с франц. Г. П. Гуревича, 1919 г.

Дубровский, С. М. „Очерки русской революции". Вып. 1-й. Сельское хозяйство. Изд. 2-е. Москва, 1923 г.

Литошенко, Л. Н. Эволюция и прогресс сельского хозяйства Москва, 1923 г.

Мировое сельское хозяйство. Статистический сборник М. 1922 г.

Общие статистические пособия указаны выше.

Рыбников, А. А. Сельское хозяйство Соедин. Штатов Америки. (Сельское и лесное хозяйство 1923 г.).

„Сельское хозяйство России в XX веке". Статистический сборник под редакцией проф. Н. П. Огановского. Москва, 1923 г.

Студенский Г. А. Очерки по теории крестьянского хозяйства. Москва. 1923 г.

Фортунатов, А. Ф. Несколько страниц из экономики и статистики сельского хозяйства. Изд. 5-е. Москва, 1922 г

Тулайков, Н. М. Современное положение сельского хозяйства в Соед. Штатах Америки.

„Мировое сельское хозяйство". Статистический сборник под ред проф. Н. Д. Кондратьева. М. 1922 г.

ГЛАВА IX—X.

Земледелие и скотоводство в России.

Кауфман, А. А. Сельско-хозяйственный промысел в России 1887 — 1911 гг.

С.-Хоз. промысел в России. Статистический атлас. 1887—1912 г.

Перспективы развития сельского хозяйства. Кондратьев, Н. Д. и Огановский, Н. П. Москва, 1924 г. Изд. Земплана.

Книпович, Б. Н. Главные черты с.-хоз. эволюции Европейской России в 1916—21 гг.

Логицкий, А. Е. Урожай в 1917 г.

Он же. Современное состояние скотоводства в России.

Вишневский, Н. М. Статистика и с.-х. действительность.

Никитин, Н. П. и Мальская, З. Д. Природа и хозяйство России. Вып. III. Крупное и мелкое производство с.-х. продуктов. М., 1923 г.

Хрящева, А. И. Статистика посевов и степень ее точности. М., 1919 г.

Челинцев, А. Н., проф. Состояние и развитие русского сельского хозяйства. Харьков, 1918 г.

Попов, П. И. Сельское хозяйство Союза ССР. М., 1924 г.

Челинцев, А. Н, проф. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-

агрономической помощи на примере Тамбовской губ. Харьков, 1919 г.
Челинцев, А. Н., проф. Теоретические основания организации крестьянского сельского хозяйства. Харьков, 1919 г.

ГЛАВА XI—XII.

Второстепенные промыслы. Лесное хозяйство.

Ткаченко, М. Е. „Задачи лесной политики на севере". Доклад совещанию по изучению севера при Российской Академии Наук в мае 1920 г. Ленинград, 1923 г.
Ткаченко, М. Е. Богатства России. Леса Росии. Ленинград, 1922 г.
Каперович, Г. Лесное дело, лесная торговля и лесопромышленность России в связи с пересмотром торговых договоров. П., 1916 г.
„Наша рыбопромышленность и ее нужды". Под общей редакцией председателя Главрыбы А. И. Потяева и нач. Главрыбы В. И. Мейспера. 1921 г.
Вестник рыбопромышленности.
Лесной экспорт. М. 1924 г.
Экспортные возможности России. Сборник. (Лесное дело, пушнина). Москва, 1923 г.

ГЛАВА XIII.

Окраины России.
(Туркестан, Закавказье, ДВО).

I. Туркестан.

Отчет о деятельности Совнаркома и Экосо Туркестана на 1-е октября 1922 г.
Хозяйственный план Туркреспублики на 1923—24 гг.
Работы Космачевского, Федорова, Демидова, Главхлопкома и др по хлопководству.
Азиатская Россия. Изд. Переселенческ. Управления
Статья Рыбникова в справочнике „Вся Россия".
„Россия". Т. XIX. Под редакц. Семенова-Таньшанского и др.

II. Дальне-Восточная область.

Огановский, Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1.—Население и переселенческий вопрос.
Сведения о лесах Приамурья и условия местной лесопромышленности. Хабаровск, 1913 г.
Дальне-Восточное обозрение. (Периодическое издание).
Казанский. Статистический очерк Южно-Уссурийского края.
Материалы по изучению Приамурского края. Вып. I—IX. Хабаровск, 1913 г.
Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. Вып. I—II. Ленинград, 1912 г. Изд. К-та по заселению Дальнего Востока.

Приамурье. Факты, цифры и наблюдения. М., 1909 г.
Первый с'езд земельных работников Дальнего Востока. 1924 г.
Полнер, Т. И. Общеземская организация на Дальнем Востоке. Том I—II. Ленинград, 1910 г.
Лежнин, П. Д. Дальний Восток. Чита, 1922 г
Сельское хозяйство ДВО на 1-е октября 1923 г.

Азербейджан.

Итоги Азербейджанской с.-х. переписи 1921 г.
Известия Азербейджанского ЦСУ. 1921—22 г.

Армения.

Мариетта Шагинян. Очерки Советской Армении.
Пиралов. Экономическая география Армении (неизд. сочинение).
В. Адамская. Сельское хозяйство в Армении, журн. „Сельское и Лесное Хоз.-во". Изд. „Новая Деревня". Книга XIV.

Грузия.

Гехтман. Экономическая география Грузии. Тифлис, 1923 г.
Материалы по отчету ВСНХ Грузии за 1922 г. Статистико-экономический сборник. Тиф. 1923 г.
Налоговые ресурсы Грузии. Тиф., 1920 г. Под редакц. Козловского.
Статистический сборник 1909—22 гг. Издание ЦСУ Грузия Т., 1923 г.
Грузия в 1921—22 г. Статистич. сборник. Тифлис., 1923 г.
Поуездные итоги с.-хоз. и поземельной переписи 1917 г. Изд. ЦСУ. Тифл., 1922 г.
Труды Эконом. Совещания. В. 1 и 2. Тифл.. 1923 г. Издание Закрайкома.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ 1-я.

Стр.

ВВЕДЕНИЕ.

Предмет и задачи экономической географии. Сторонники номографического и гидрографического воззрений на нашу дисциплину. Метод историко-географического анализа 3

ГЛАВА I.

Мировое хозяйство. Общий рост мирового хозяйства. Разделение народно-хозяйственного труда между странами. Экономическая борьба главных стран до мировой войны. Перемены в мировом хозяйстве за время и после войны 9

ГЛАВА II.

Народное хозяйство России. Проблема районирования. Эволюция народного хозяйства России в целом; хозяйственная дифференциация полос и районов. Краткая история районирования. Эволюция методов. Районирование Семенова-Тяньшанского и Челинцева. Современное районирование Госплана 28

ГЛАВА III.

Физико-географические области. Значение природных факторов. Деление земного шара на естественно-исторические зоны. Азональные факторы (географические: длина береговой линии, рельеф, гидрография, наличие ископаемых). Происхождение почвенно-ботанических зон России. Характеристика зон (тундровая, таежно-болотистая, смешанных лесов, лесо-степная, северных черноземных степей, южно-степная, горно-лесные области) 44

ГЛАВА IV.

Население. Влияние плотности населения и рынка на сельское хозяйство. Соотношение различных категорий населения за границей и в России до мировой войны. Рост и уплотнение населения России по районам. Движение населения за границей во время и после мировой войны. Изменение количества и состава населения в России за 1897—1910—1923 гг. 56

ГЛАВА V.

Колонизация. Факторы колонизации. Мировая колонизация и колонии важнейших стран до и после войны. Переселенческое движение в России до войны. Результаты переселенческого движения в Сибирь. Современная постановка проблемы колонизации в России 74

ГЛАВА VI.

Формы хозяйства. Землевладение и землепользование. Общая тенденция аграрной эволюции. Роль политических факторов в земельных отношениях. Краткая история земельных отношений России. Распределение земли после революции 93

ГЛАВА VII.

Землеустройство. Эволюция и разложение общинной формы землепользования. Главные недостатки крестьянского землепользования. Землеустройство до революции. Хуторская и отрубная системы. Землеустройство во время и после революции. Анализ эволюции основных форм современного землеустройства по областям; хуторской, коммасации, расселения на выселки, уничтожения однопланности селений 117

ГЛАВА VIII.

Сельское хозяйство. Общий ход с.-х. эволюции за границей и в России. Основные тенденции с.-х. эволюции. С.-х. эволюция за границей и в России до мировой войны. Мировое и русское сельское хозяйство в 1914—1922 гг. 137

ГЛАВА IX.

Земледелие в России. Эволюция земледелия в России по областям и районам. Пропорция культур. Динамика посевов, урожаев и сборов до войны. Эпоха 1914—23 гг. Общее движение посевов по областям и районам за 4 периода последнего десятилетия. Движение посевов и сборов зерновых хлебов и интенсивных культур. Трансформация пропорции культур в последние годы 157

ГЛАВА X.

Скотоводство. Общее движение скотоводства. Характеристика скотоводства в 1916 г. по районам. Пропорция видов и возрастов скота. Районные изменения скотоводства за последние годы 197

ГЛАВА XI.

Второстепенные с.-х. промыслы. Рыболовство. Пушной промысел. Оленеводство. Садоводство, виноградарство, огородничество, бахчеводство и прочие мелкие культуры. Птицеводство, пчеловодство и шелководство 219

ГЛАВА XII.

Лес и лесное хозяйство. Мировое лесное хозяйство и роль в нем России. Леса и лесное хозяйство России по районам 239

ГЛАВА XIII.

Экономическая география 3-х окраин СССР (пропущенных в предыдущих главах): Закавказья (Грузии, Азербейджана, Армении), Туркестана и Дальне-Восточной области 251

Заключение 307

Библиография 311

ЧАСТЬ II-я.

(Готовится к печати).